

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ОН СМОТРЕЛ НА СЦЕНУ, РАЗВОРАЧИВАЮЩУЮСЯ

ВЫСШАЯ

ПЕРЕД НИМ. ЭПИЗОД ИЗ ФИЛЬМА УЖАСОВ.

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

«ХВАТИТ, ДОСТАТОЧНО. ПОСМОТРИ НА МЕНЯ. ОН МЕРТВ».

ПРИМАНКА ДЛЯ МОЕГО УБИЙЦЫ

«ЭТО ИСТОРИЯ
САРЫ БЕЙКЕР —
ЕДИНСТВЕННОЙ ВЫЖИВШЕЙ
ИЗ ЖЕРТВ
БЕЗЖАЛОСТНОГО
УБИЙЦЫ
С УОЛТ-ЛЕЙК».

Annotation

Это история Сары Бейкер – единственной выжившей из жертв безжалостного убийцы с Уолт-Лейк. Сара провела в плену у Себастьяна не один месяц, прежде чем ей удалось сбежать. Однако ни новое имя, ни переезд на отдаленное ранчо не помогли ей скрыться от преследователя. Спустя несколько лет она получает от него недвусмысленное, весьма кровавое предупреждение. Себастьян одержим Сарой, и он совсем близко. Постояльцев ранчо – по пальцам пересчитать. Кто-то из них в сговоре с убийцей? Этого не может быть. Но Сара никак не может избавиться от мысли, что, по официальным данным, Себастьян погиб в тюрьме. Неужели кто-то другой объявил охоту на его любимую жертву?

- [Лорет Энн Уайт](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Слова благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Лорет Энн Уайт

Приманка для моего убийцы

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Посвящается
Тому и Дженнифер
Коул.*

*Благодарю вас
за то, что вы
щедро поделились с
нами кусочком рая.*

Глава 1

Среда.

Пять дней до Дня благодарения.

В библиотеке стояла тишина. Только четыре часа пополудни, а на улице уже стемнело. Низкие облака и мелкий дождь с северо-запада Тихого океана окутали город, поток машин как будто расплывался за залитыми дождем окнами.

Он пересек границу с Канадой в пункте пропуска Пис-Арч около полудня, воспользовавшись картой NEXUS^[1].

И вот теперь он сидел у компьютера в глубине длинного зала, низко надвинув на лоб козырек бейсболки. Его одежда была намеренно неброской: джинсовый костюм, рабочие ботинки. Он выбрал Ист-Энд, потому что это было место синих воротничков и безработных бродяг, людей с улиц, бездомных, тех, кто провалился в трещины общества. С таким пейзажем он мог слиться без всяких усилий, как самец оленя сливается с сухими зарослями.

Он открыл свою страницу в социальной сети и поискал новые посты.

Ничего свежего. Или, по крайней мере, того, что интересовало его.

Он кликнул на другую страницу, потом еще на одну. Ответов на посты, которые он оставил два дня назад в Портленде, по-прежнему не было. Перед выходом с каждой страницы он набирал вот такое сообщение:

«Ищу биологических родителей. Мне одиннадцать лет. Я родилась 17 июля в Уотт-Лейк, Британская Колумбия...»

Для своего профиля в соцсетях он загрузил фотографию темноволосой девочки, которую скопировал в «Фейсбуке» какой-то мамы. Найденный снимок он использовал для всех сайтов, на которых приемные дети искали своих биологических родителей. Месяцем раньше его выпустили из тюрьмы в Аризоне, и весь месяц он постоянно посещал эти сайты.

Он освоил компьютер, пока отбывал наказание за непреднамеренное убийство. От сокамерника он узнал, насколько

распространенными стали и такой поиск, и страницы воссоединения в соцсетях. В заключении у него не было доступа в Интернет, но сразу после выхода на свободу он немедленно начал искать во Всемирной паутине Сару Бейкер. За последние восемь лет он не обнаружил ни одного упоминания о ней. Да, были женщины с таким именем и фамилией, но ни следа той Сары, которая была нужна ему. Бесконечные газетные статьи, репортажи о ней – все как будто резко прекратилось восемь лет назад, как будто ее стерли с грифельной доски.

Как будто Сара Бейкер просто перестала существовать.

Или она изменила имя и внешность, пытаясь спрятаться.

И вот тогда он начал проверять сайты усыновления.

На этих страницах со свободным доступом приемные дети всех возрастов и родители детей, отданных на усыновление, искали и находили биологических родственников. Он прочел комментарии экспертов, которые утверждали, что, хотя этот новый феномен делал семьи более прозрачными, он же породил новые проблемы. Появились ловушки, с которыми уполномоченные структуры пока еще не научились справляться.

Для него это был сладкий сон охотника.

При каждом удобном случае по дороге к границе он заходил в библиотеки и интернет-кафе. Оставлял посты. Расставлял приманки, словно хрупких сухих мух на поверхности киберпрудов и водоворотов, где его добыча могла скрываться в тени, держась против течения. Он пребывал в ожидании.

В поисках... Он застыл. Строчка привлекла его внимание.

«Мать ищет одиннадцатилетнюю дочь».

Он мгновенно кликнул на эту строчку. Не то... Другая дата рождения. Другая внешность. Он потерял усы: краска для волос вызвала раздражение на коже. Все это было игрой наугад. Возможно, она уже воссоединилась с ребенком. Или ничего не хотела знать о нем. Может быть, она замужем и счастлива, научилась жить дальше. Или умерла.

Но охотник, хороший охотник умеет ждать. Он верил своему чутью и всегда знал привычки добычи, понимал ее. Этаким двусторонний психологический профайлинг. И еще он знал Сару Бейкер.

Он владел Сарой Бейкер.

Он девять месяцев изучал ее перед тем, как поймать в ловушку.

Еще пять с половиной месяцев она полностью принадлежала ему. Пока он из-за своего высокомерия не рискнул. Глупейшая ошибка.

Неожиданно в его мозгу, словно дым, всплыли слова из детства:

«Если ты решил выстрелить при угасающем свете, то ты должен быть уверен в том, что наверняка убьешь. Иначе тебе придется преследовать раненое животное в темноте. Одному. Ты закончишь эту работу, несмотря ни на что, несмотря на то количество дней или ночей, которые для этого потребуются, и не важно, насколько ты голоден или устал. Ты понял меня, парень?»

Той весной он слишком растянул удовольствие от охоты. Он дождался, когда совсем стемнеет, и только тогда выстрелил. Он промахнулся. Она выстрелила в ответ и ранила его. А потом скрылась в темном лесу.

Но он спинным мозгом чувствовал, что, зализав раны, Сара Бейкер начнет поиски. Если уже не начала. Материнство – мощная приманка. А сострадание, любопытство, открытость – это все слабости Сары. Они-то и привели ее тогда в его западню.

Он открыл другую страницу. Еще больше сообщений. Разных. Матери, отцы, тети, братья, кузены, дети – все искали своих потерянных родственников. Кто-то вел поиски от лица других людей. Кто-то искал сам. Его по-настоящему ошеломило это глубоко заложенное в людях желание обрести семью, принадлежать клану, идентифицировать себя. Корни. Дом. Чтобы быть нужными, желанными, чтобы понять, почему другой человек предпочел избавиться от них, когда они были детьми.

Он уже собрался было закрыть последнюю страницу, когда вдруг пришел ответ на его последний пост.

У него замерло сердце.

«Родила дочь в городской больнице Уотт-Лейк. Следующим летом ей должно исполниться двенадцать. Темные волосы, зеленые глаза. На ноге, под левым коленом, – маленькая родинка в форме сердца. Может быть, это ты?»

Ответ пришел от пользователя под ником FisherGirl. Он быстро просмотрел профиль FisherGirl. Фото не было. Только изображение форели, бьющейся на крючке. Брызги сверкают на солнце. Никакого открытого доступа к ее ленте новостей или другой информации. Но

она была онлайн, живая. Он почувствовал, как натянулась его леска, кто-то схватил крючок.

«Черт поберу...»

Это похоже. Это точно похоже. Он впервые увидел Сару Бейкер за прилавком магазина спортивных товаров в Уотт-Лейк. Магазин принадлежал семье ее мужа. Сара была опытным рыболовом и охотником, способным преследовать и животное, и человека. Именно ее умение выживать в дикой природе по-настоящему возбудило его. После всех остальных он хотел встретиться с достойным соперником. Хотел повысить ставку, усилить возбуждение. Он получил желаемое и кое-что еще.

«Gamos»^[2], – прошептал он про себя. Мать однажды сказала ему, что древние греки использовали это слово, которое обозначало не только игру, но и совокупление охотника и добычи. И да, именно этого он и хотел во время охоты – отношений, эмоциональной связи со своей добычей. Неразделимый союз.

«И это игра только в том случае, когда обе стороны знают, что они играют...»

Всплеск адреналина разогрел кровь, его член ожил, уперся в ширинку, отозвался легкой пульсирующей болью.

«Успокойся. Дыши. Не дергай леску. Не торопись. Это не дикий, прыгающий лосось. Это форель. Изящная, ускользящая бойцовая рыбка из холодных вод. Она питается рыбой, настоящая хищница, но ты же хочешь, чтобы она уплыла, глубоко нырнула, думая, что все еще свободна...»

Он почти почувствовал виртуальную леску спиннинга, мокрую, скользкую в его пальцах, услышал жужжание катушки. Связь была установлена. Начался диалог между ним и чем-то диким. Это что-то могло стать его, если он верно сыграет.

Он напечатал:

«Да! У меня темные волосы, и зеленые глаза, и маленькая родинка под левым коленом...»

Он ждал. Тишина в библиотеке как будто разбухла и закрыла ему уши. Какой-то мужчина кашлянул. Где-то в заливе Беррард, заданном туманом, простонала сирена.

И вдруг:

*«Могла бы ты написать мне на почту **FisherGirl@gmail.com?**»*

У него пересохло во рту. Он быстро открыл свой анонимный почтовый ящик и выстрелил сообщением:

«Как я узнаю, что ты моя мать? Можешь прислать мне фото? Ты по-прежнему живешь в Уотт-Лейк? Как тебя зовут? Почему ты отдала ребенка? Кто был отцом? Мне так хочется все узнать».

Ответ пришел практически мгновенно:

«По не зависящим от меня обстоятельствам, мне пришлось отдать дочку на закрытое, тайное удочерение, устроенное через агента. Я не знаю, в какую семью попала моя дочь, и мне хотелось бы узнать, как она живет. Теперь меня зовут Оливия Уэст. Я работаю управляющим и инструктором по рыбалке на ранчо Броукен-Бар в Карибу. Ниже ссылка на сайт ранчо. В разделе «Персонал» ты найдешь мое фото. А твои приемные родители знают, что ты ищешь своих биологических родителей?»

Он торопливо кликнул на ссылку, указанную в письме.

Главная страница сайта ранчо Броукен-Бар заполнила экран. Он открыл раздел «О нас». Появились фото служащих.

Он быстро прокрутил их, остановился на одном снимке. Увеличил его. Сердце гулко билось. Перехватило дыхание.

«*Это она*».

Ни малейших сомнений.

Проклятье. У него закружилась голова, он почти ослеп от сумасшедшего выброса чистого, сладостного, горячего адреналина. Попытался сглотнуть. Да, она изменилась. Повзрослела. Черты лица стали тоньше, подбородок слегка заострился, во взгляде появилось больше холода, из него почти исчезло прежнее простодушие. Но он безошибочно узнал ее густые каштановые волосы, овальное лицо. Пухлые губы. Широко расставленные глаза цвета лесного мха. Кожу начало покалывать от жара.

Он легко коснулся пальцами экрана. Сара Бейкер. Его раненая олениха. Теперь она называет себя Оливией Уэст. Он мысленно опробовал это имя на языке. *Оливия...*

– Прошу прощения!

Он едва не выскочил из штанов. Взгляд метнулся к помехе. Молодая женщина. Большие голубые глаза.

– Вы еще долго будете работать за этим компьютером? – спросила она. – Я его заранее резервировала.

Он не отвел взгляд. Его сердце колотилось словно безумное. Он медленно изогнул губы в улыбке.

– Я только закрою программу, и все, договорились?

Легкий румянец залил шею женщины, поднялся к щекам. И в эту секунду он понял: хотя он тоже изменился и тюрьма состарила его, иссушила, избородила его лицо морщинами, это осталось при нем. Обволакивающий голос. Способность очаровывать, зажигать приманку соблазна в глазах.

– Не беспокойтесь, – ответила женщина. – Спасибо. Я... я там подожду.

Она села в кресло недалеко от него. Он ощущал ее присутствие, чувствовал возможности. Но теперь у него была цель. План уже формировался.

Повернув плечо так, чтобы молодая женщина не видела экран, он открыл страницу с адресом и расписанием, потом записал на листке бумаги маршрут. Ранчо находилось в пяти-шести часах езды к северу, на самом верху внутреннего плато. Если верить указанным данным, ранчо Броукен-Бар заканчивало работу после канадского Дня благодарения и закрывалось на зиму. Времени у него оставалось немного. Уже совсем скоро в Карибу придут первые снегопады и морозы, и он не знал, останется ли Оливия Уэст на ранчо.

Он вдруг осознал иронию, наивысшее совершенство выбранного момента. Как будто знак. Именно в это время года, почти день в день, он забрал ее двенадцать лет назад. Это было воскресенье перед Днем благодарения, вторая половина дня, как раз перед первым снегопадом. Как медведь, которому не терпится залечь в спячку, он всегда предчувствовал первый снегопад. Он слышал его приближение в шепоте деревьев, видел в том, как рассеивается свет, ощущал его металлический привкус в порывах ветра. И знал, как знали это медведи, отправлявшиеся в берлогу, что если он тронется в путь накануне первой снежной бури, то выпавший снег, словно одеяло, скроет его следы. Остаток зимы он будет в безопасности, никто не сможет проследить путь до его убежища.

Он перечитал письмо Оливии, начал печатать ответ, потом замешкался, глядя на мигающий курсор. Продолжать дальше? Нет. Он получил то, что искал. Незачем вызывать у нее подозрения. Пусть она думает, что «ребенок» испугался и не стал отвечать.

Он закрыл свои аккаунты и страницы сайтов, очистил кэш и оставил компьютер ожидающей женщине. Засунув листок бумаги с адресом ранчо во внутренний карман, он поднял воротник джинсовой куртки, распахнул дверь библиотеки и вышел в холодную туманную морось на Гастингс-стрит. Нагнув голову, сунув руки в карманы, он слился с толпой жителей, вышедших из зданий после рабочего дня и спешащих попасть домой.

Свежая цель сделала его походку быстрой, он шел до своего грузовика и дома-прицепа, припаркованных в двух кварталах от библиотеки. Пора ехать домой. Прodelать весь этот путь и закончить наконец охоту. После стольких лет в крошечной тюремной камере он снова ощущал на языке дикий вкус свободы. Впереди его ждали горы и леса, прохладный чистый воздух.

Неожиданно в мозгу всплыло воспоминание, уводя его в прошлое.

Ему одиннадцать лет, он вымотан после охоты и сидит на коленях у матери. Она гладит его по волосам, длинным и непокорным. Ее окружают вездесущие книги. Отец сидит по другую сторону от потрескивающего огня, курит трубку и смотрит на них обоим тяжелым взглядом сузившихся глаз. Голос матери всплывает в его сознание...

«Человек отличается от животных, милый мой Юджин. Для человека охота – это не всегда вопрос выживания. Зачастую это чистый восторг от погони, для большинства это приманка. Все дело в ощущении – уникальном сочетании предвкушения, внимания и физического напряжения...» Рука матери медленно опускается по его телу до бедра, голос падает до теплого шепота-дыхания возле уха... *«Охота может быть опьяняющей. Восхитительной...»* Ее пальцы поглаживают внутреннюю поверхность его бедра, и маленький пенис Юджина начинает оживать.

Отец фыркает, вскакивает с кресла и тычет трубкой в сторону жены. *«Прекрати нести этот бред, а? Он упустил долбаное животное. И в этом нет ничего возбуждающего!»* Свиристый взгляд отца упирается в сына...

«Это твой долг, парень, твой проклятый долг – найти раненого в брюхо оленя. И ты не должен останавливаться, слышишь... Ты, черт побери, не прекращаешь преследование, пока не убьешь добычу, которую ты ранил. Ты делаешь ее своей. Ты становишься ее владельцем. И ты больше никогда не упустишь добычу, слышишь?»

Если не можешь попасть в цель, ты не нажимаешь в сумерках на спусковой крючок».

Взревела сирена, снова вернув мысли Юджина в настоящее. Туман, поднимавшийся от серых вод залива Беррард, закручивался в толстые, рваные полосы и полз вдоль кирпичных и мощеных улиц старого квартала. Юджин плотнее закутался в куртку.

«Твой проклятый долг, слышишь...»

Добить жертву.

* * *

Кровь зашумела в ушах Гейджа Бертона, смотревшего на экран компьютера в ожидании ответа.

Неужели это правда? После всех этих лет он попал в цель?

Проходили секунды, секунды складывались в минуты.

Больше ничего.

Но он почувствовал это. Леску дернули, а потом добыча сорвалась. Больше ни одного ответа на его письмо.

Он снова напечатал трясущимися руками:

«Если тебе интересно дальнейшее общение, пожалуйста, напиши мне на электронную почту. Никаких обязательств. Мне нужно только знать, что мой ребенок нашел теплый и любящий дом».

Он кликнул на «Отправить». Подождал. Снова шли минуты.

Ничего.

Над верхней губой выступил пот, и Гейдж провел ладонью по лысеющей голове. Он посмотрел на бумаги, разбросанные на письменном столе: вырезки из разных номеров газеты «Уотт-Лейк Газетт» со статьями о событиях двенадцатилетней давности. Старые снимки с места преступления с изображением эксгумированных останков и оскверненных тел. Гниющие черепа. Отсутствующие языки. Пустые глазницы. Были там и снимки стальных крюков для мяса, на которые убийца из Уотт-Лейк подвешивал тела, потрошил их, сдирал кожу со своих жертв и выпускал из них кровь, словно это были убитые олени. Фотографии этой кладовой, где он свеживал женщин, и холодильника, работавшего от генератора, внушали непередаваемый ужас. Были там и фото хибары рядом с сараем, где он держал своих

жертв привязанными, насиловал их и кормил в течение всей зимы, чтобы весной выпустить и устроить на них охоту.

Гейдж придвинул ближе фотографию последней жертвы убийцы из Уотт-Лейк.

Сара Джейн Бейкер.

В то время ей было двадцать пять лет. Молодая жена Этана Бейкера, дочь известного в городе пастора Джима Ванлорна. Сару Бейкер похитили, как и всех остальных, перед первой снежной бурей. Как и все остальные, она просидела зиму на цепи в хибаре. А потом, когда прилетели гуси, маньяк дал ей оружие и выпустил в лес.

«Потому что ни одна охота не сравнится с охотой на вооруженного человека...»

Эти слова, как позже во время бесед в полиции рассказала Сара, убийца шептал ей на ухо. Он цитировал ей слова из романов Торо, Хемингуэя, Блэквуда.

Начитанный парень.

В отличие от Себастьяна Джорджа, которого поймали, обвинили и осудили за все эти убийства.

Несмотря на все улики, Гейдж не мог поверить, что они закрыли того самого парня. И с тех пор в свободное время, по ночам, он охотился на убийцу из Уотт-Лейк. Тайная одержимость. Потому что он поклялся много лет назад. Поклялся осуществить правосудие.

С тех пор он собирал сведения о Саре Бейкер. Гейдж верил в то, что настоящий убийца из Уотт-Лейк однажды вернется за ней.

Он с шумом выдохнул воздух. Ответа на его письмо по-прежнему не было. Гейдж открыл еще несколько аккаунтов, которые создал, и проверил, нет ли реакции на его свежие посты.

Пусто.

Он прижал руку к губам, сомнения и страх переплетались с мрачным возбуждением. Гейдж *чувствовал* его там, с другой стороны компьютера. Убийца слушал и ждал.

Дверь неожиданно распахнулась.

– Папа?

Он вздрогнул. Адреналин зашкаливал. Гейдж выругался, вскочил и начал торопливо сгребать вырезки из газет, снимки с места преступления, записи.

– Черт побери, Тори. Стучаться надо! Сколько раз я тебе говорил?

Взгляд его дочери метнулся к бумагам, которые он крепко держал в руках, потом к компьютеру и наконец остановился на лице Гейджа.

– Чем ты занят?

– Что тебе нужно, Тори?

Она свирепо посмотрела на него и ответила после паузы:

– Тетя Луиза звонит. Ты разве не слышал звонка?

Обвинение. Гнев. Столько негатива после смерти Мелоди. Тори потеряла мать, а Гейдж – жену, лучшего друга, опору, смысл жизни.

– Спасибо, – поблагодарил он, выдерживая взгляд Тори и ожидая, когда дочь уйдет.

Тори вылетела в коридор и хлопнула дверью. Ее торопливые шаги прозвучали в коридоре.

Иисусе, Гейдж даже не слышал, как звонил телефон... «Включи мозг. Сосредоточься». Он снял трубку, откашлялся.

– Привет, Лу. Как поживаешь?

– Сейчас важнее, как поживаешь *ты!* – Голос его старшей сестры звучал деловито, как и следовало ожидать. – Я думала, что ты позвонишь мне после того, как побываешь у врача. Как все прошло? Операция возможна?

Невозможна. Они оба, и он, и Мелоди, знали об этом еще до ее гибели.

Гейдж посмотрел в окно. Совсем темно. Так рано темнеет в это время года. Дождь водяными червячками сползал по черным стеклам.

– Я отменил визит к врачу, – признался Гейдж.

Повисло молчание.

– Я был занят, Лу.

– Проклятье, – негромко выругалась она. Затем раздался приглушенный звук, как будто Луиза прикрыла микрофон рукой, чтобы спокойно высморкаться. – Знаешь, твой долг перед Тори – сохранять контроль над ситуацией.

– У меня полно времени...

– Сколько конкретно? В любой день что-то может пойти не так. Ты не знаешь, как это будет проявляться. Тебе уже пришлось раньше выйти на пенсию из-за...

Ее голос прервался, она едва не упомянула о его временных отключениях сознания на службе.

Несколько ошибок, которые он совершил в расследовании убийства, стали для него красными сигнальными флажками. Какие-то моменты выпадали у него из памяти, он оказывался в местах, не понимая, как туда попал. На прошлой неделе он избил торговца наркотиками в допросной и даже не помнил, почему сорвался или что делал. Вот только что он все видел и слышал, а вот его уже оттаскивают от мерзавца. Вопросы о его здоровье были поставлены официально. Затем возникла тема раннего выхода на пенсию или долгосрочного отпуска по болезни. Эта проклятая болезнь отнимала у него жизнь даже тогда, когда он просто ходил.

– Послушай, я только хочу сказать, что тебе нужно управлять ситуацией, потому что если Тори...

– Я буду. Просто есть кое-какие дела, которые я сначала должен уладить.

– Например?

– Нерешенные вопросы.

Сестра тяжело вздохнула.

– А как поживает Тори? Ты ведь сказал ей, правда?

– Нет еще.

– Гейдж...

– Хватит. Я ее отец, и я знаю, что она не готова. Особенно после того случая в школе...

– *Какого* случая?

– Тори повздорила с одноклассницей, а потом подожгла ее учебники в школьном кафетерии.

– Я немедленно начинаю собирать вещи и еду в аэропорт. Возьму билет на первый же рейс. Бен и дети справятся без меня какое-то время. По крайней мере, я буду рядом с Тори, когда ты все-таки ей скажешь.

– Нет.

– Девочке потребуется время, чтобы принять тот факт, что ей придется переехать к нам и жить в нашей семье. Я не думаю...

– Прекрати, Луиза. Я знаю, что ты желаешь нам добра. Я знаю, что ты будешь рядом с Тори, когда это случится. Но в настоящий момент я крепок, словно чертов бык. У меня абсолютно ясная голова. Я *в порядке*. Послезавтра вечером я пойду на большую вечеринку по

поводу моего выхода на пенсию. Мне пришлось забрать Тори из школы. Мы собираемся...

– *Что* тебе пришлось?

Гейдж на мгновение закрыл глаза и сжал пальцами переносицу.

– Либо так, либо риск очередного взрыва и исключения из школы. И потом, я хочу провести с ней хоть какое-то время. Я хочу уехать с ней куда-нибудь в День благодарения, чтобы у нее остались хорошие, светлые воспоминания. *Другие* воспоминания, – негромко ответил он сестре. – Тори мучается чувством вины из-за гибели Мелоди. Нам нужно справиться с этим до того, как я расскажу ей, что происходит со мной. Просто дай нам немного времени, ладно?

На этот раз Гейдж отчетливо услышал, как Луиза зашмыгала носом и высморкалась. Это его убило. Лу, его деловая старшая сестра, плакала.

– Я тоже не понимаю жизнь, Лу, – спокойно продолжал Гейдж. – Не знаю, почему нам сдали именно эти карты. Тори не повезло. Ей достался чертов джокер в колоде. Но с этим ничего не поделаешь, поэтому мне нужно кое-что привести в порядок, подобрать оборванные концы перед тем, как я уйду.

Ответом ему было молчание. Долгое, долгое молчание.

Гейдж посмотрел на свое мрачное отражение в черном, залитом дождем окне. Внешне он по-прежнему выглядел сильным, мышцы были крепкими после долгих часов в спортзале и на длительных пробежках. У них был этот красивый дом в Китсе и вид на океан, и они думали, что у них есть все. Замечательная дочка. Достойная карьера. Любовь. Уважение. Идеальный и хрупкий стеклянный шар.

А потом этот шар разлетелся на куски.

Гейдж узнал свой диагноз. Мелоди каким-то чудом сумела сделать ситуацию терпимой. Она собиралась быть с ним рядом и пройти весь путь до конца. А когда все было бы кончено, у Тори осталась бы мать. Их дочери не пришлось бы остаться одной.

Но Мелоди после последней снежной бури отправилась покататься на лыжах и упала, ее голова попала прямо в нору под деревом на Кипарисовой горе. Мелоди задохнулась в рыхлом свежем белом снегу, перевернувшись вверх ногами, пока Тори пыталась вытащить мать за лыжи и ботинки. Мелоди умерла и унесла с собой весь свет, всю сердечность и всю энергию из их жизни. Ее не стало...

и как будто из прибора вытащили батарейки. Он просто не работал. И сам Гейдж, и Тори начали рассыпаться под гнетом непонимания, ярости, несправедливости. Чувство потери жадно пожирало их.

– Дай нам время до Дня благодарения, – попросил Гейдж сестру.

Луиза судорожно вздохнула.

– И куда вы поедете?

– Недалеко. Всего несколько часов езды по внутреннему плато.

– Позвони мне, когда вернетесь, договорились?

– Решено.

Он попрощался с Луизой, но, когда собирался положить трубку, услышал негромкий щелчок. Как будто в другом конце дома телефонную трубку аккуратно положили на рычаг аппарата.

Гейдж распахнул дверь своего кабинета и широким шагом прошел по коридору.

– Тори? – Он заглянул в комнату дочери. – Тори! Где ты?

Он услышал шум воды в ванной комнате и увидел, что трубка лежит на аппарате. Гейджа затопило облегчение. На короткий ужасный миг он решил, что дочь слышала их разговор с Луизой.

* * *

Юджин забрался в кабину своего дома на колесах. Номера штата Вашингтон были сняты и лежали на пассажирском сиденье. Было безопаснее сохранить номера, чем выбрасывать туда, где их могли найти.

Он включил зажигание, дворники и влился в поток машин. Дворники щелкали, Юджин ехал в сторону моста Лайонс-Гейт в плотном потоке машин. Выбравшись с загруженного моста, он свернул на скоростное шоссе, которое должно было привести его на север, в горы.

Сзади раздался шум. *Бум, бум, бум.* У Юджина подскочило давление. От раздражения по коже побежали мурашки. Лекарства, которыми он ее поил, действовали все хуже и хуже, потому что у нее развилось привыкание.

Юджин посмотрел в зеркало заднего вида, которое обычно позволяло ему через маленькое окошко рассмотреть то, что

происходило в доме. Но было темно, дождь заливал стекло, отражавшее огни других машин. Он связал ее крепко, но она как-то сумела ударить в борт каблучками.

Бум, бум, бум-бум-бум. Шум раздался снова. Да, на этот раз «багаж» попался упертый.

Всегда наступал момент, когда свежее мясо начинало тухнуть. Она изначально не была свежей, если уж говорить об этом. Но не стоит торопиться и избавляться от нее. Ему нужно сделать все правильно. Он должен оставить особенное послание.

«...Это становится игрой только тогда, когда обе стороны знают, что они играют».

Губы Юджина изогнулись в улыбке, едва он понял, как поступит, как постепенно будет намекать Саре Бейкер, что она снова стала добычей, что за ней охотятся. Он облизал губы, вспомнив горько-сладкий, соленый вкус отчаянного страха на коже Сары Бейкер.

Глава 2

Четверг.

Четыре дня до Дня благодарения.

Вверх по склону Оливия пустила лошадь галопом. Волосы развевались, ветер выбивал слезы из глаз. Нужно было надеть перчатки, пальцы заledenели. Но Оливия обожала ощущение холодного осеннего воздуха на обнаженной коже. Эйс, немецкая овчарка Оливии, сильно отстал, ориентируясь на стук копыт Спирит. На вершине холма Оливия еле успела вовремя остановить кобылу.

Небо на западе раскрасили яркие полосы цвета фуксии и шафрана. Армию темных елей на вершине западной гряды подсвечивало заходящее солнце, поэтому казалось, что деревья охвачены пламенем. Пока Оливия смотрела, как сияющий огненный шар медленно опускается за горизонт, ветер неожиданно сменился, и температура упала. Затявкали койоты, их хор эхом отозвался в горах Мраморного хребта. Солнце исчезло, и мир вокруг окрасился в перламутровые оттенки серого. Койоты вдруг замолчали. По спине Оливии пробежал холодок, тонкие волоски на руках встали дыбом.

Оливию не переставал поражать этот ритуал, это вечернее шоу, когда свет сменялся темнотой, и то, как на него отвечала дикая природа. Огромное свободное небо. Бесконечные мили лесов и гладких холмов раскинулись на внутреннем плато высоко над уровнем моря. В этом месте, на этом ранчо Оливия наконец обрела чувство покоя. У нее появился дом.

С вершины этого холма открывался самый лучший вид на ранчо Броукен-Бар. Отсюда золотистые поля мягко спускались к аквамаринному озеру. На этих полях обычно пасся скот, но последних животных только что продали, как и большинство лошадей. Это было суровым напоминанием о том, что дела на ранчо шли неважно.

Оливия насчитала три рыбацких лодки на озере. Они медленно плыли к кемпингу на западном берегу, а вода постепенно приобретала цвет олова. Первый снег уже припорошил Мраморный хребет на юге, а листья осин стали золотыми. До Дня благодарения оставалось всего несколько дней. Это будут последние выходные, когда рыболовы, самые нестигаемые, которых не пугали ночные заморозки,

попытаются урвать еще несколько часов для ловли удочкой. Зима быстро спускалась с гор, спокойно зажимая природу в ледяном кулаке. Через несколько недель или даже дней леса станут белыми и замерзшими, и ранчо Броукен-Бар, отрезанное от мира, перестанет принимать гостей.

Если бы ранчо принадлежало ей, Оливия открыла бы его для зимнего отдыха, предложила бы катание на санях и лыжах по пересеченной местности, прогулки на снегоступах и катание на снегоходах по лесным тропам, протянувшимся на многие мили. На озере можно было бы кататься на коньках и играть в хоккей. По ночам разжигали бы костры. Она бы устроила рождественский ужин в ковбойском стиле: выращенная на ранчо индейка, овощи со своего огорода и ревущий огонь в гигантском камине. Она бы украсила сверкающими белыми лампочками большую голубую ель, которая, словно часовой, стояла перед старым хозяйским домом. Броукен-Бар идеально подходил для зимнего отдыха. Оливия почувствовала легкий укол в сердце, острую тоску по тому, как она праздновала Рождество и День благодарения в прошлом, тоску по теплу больших семейных сборищ. По той жизни, которая у нее была когда-то. Но Оливия давно стала другим человеком и никогда не смогла бы вернуться к себе прежней. И ни в коем случае она не будет чувствовать себя виноватой в этом.

Больше не будет.

Роль жертвы едва не убила ее. Оливия стала совершенно другим человеком.

И все же это время года, переменчивый интервал между осенью и зимой, всегда давалось ей нелегко. Запахи осени, крики улетающих на юг гусей, первые выстрелы осенней охоты на холмах по-прежнему действовали на нее, наполняли смутным страхом, нашептывали о незабытом ужасе. Оливия особенно остро ощущала боль потери. Боль матери, потерявшей своего ребенка. На нее наваливались вопросы.

«Где ты сейчас, моя девочка? Счастлива ли ты? В безопасности ли?»

Ее настроение изменилось, и внимание переключилось на дым, выходящий из каменной трубы большого старого дома в отдалении. Джип доктора Холлидея все еще стоял на парковке.

Хозяином ранчо был старик Майрон Макдона. Оно принадлежало его семье с середины XIX века, с тех пор как его предки обосновались на земле Карибу. Если верить верной экономке Майрона, Адель Каррик, то Броукен-Бар двадцать три года назад было процветающим скотоводческим и гостевым ранчо. Но потом в результате несчастного случая погибли Грейс, жена Майрона, и их младший сын Джимми. С этого времени Майрон начал уходить в себя, становился все более жестким, ворчливым, грубым и несдержанным, а ранчо постепенно приходило в упадок. Двое старших детей уехали и ни разу не навещали отца.

Теперь Майрон заболел и стал распродавать то, что осталось от ранчо и рыболовного бизнеса. Прошлой зимой Майрону поставили диагноз, и он практически сразу продал весь оставшийся скот и почти всех лошадей. Гости больше не оставались в хозяйском доме. С весны до осени сдавались только домики и места в кемпинге. В прошлом сезоне прекратились поездки на лошадях, поэтому уволили всех работников конюшни и грумов. Работал только Брэнниган, который ухаживал за несколькими оставшимися лошадьми. Из персонала ранчо остались только экономка, шеф-повар, помощница на кухне, официантка и бармен, которых нанимали на сезон, уборщицы с неполной занятостью, сезонные рабочие на ферме и она, Оливия. Менеджера офиса и магазина наживки отпустили на прошлой неделе с обещанием взять на работу следующим летом. Но доживет ли Майрон до следующего лета, никто не знал.

Ветер швырнул волосы в лицо Оливии. Этим вечером она почти ощущала на вкус приближающийся снег – слабый металлический привкус, – и ей вдруг показалось, что вокруг смыкается холодная темнота.

Она хотела переговорить с доктором Холлидеем. Оливия уже собралась свистнуть Эйсу, который пошел по следу за каким-то зверьком, когда ее отвлек шум мотора большого автомобиля, ехавшего по лесовозной дороге на другой стороне озера. Оливия прищурилась. Пыль, словно мелкие брызги, тонкой дымкой поднималась над деревьями на другом берегу. По звуку ей показалось, что это дизельный грузовик, который тащит трейлер. Вероятно, кто-то направлялся в кемпинг.

Она позволит приехавшим устроиться в кемпинге и, если они вечером не придут в офис, чтобы оплатить проживание, утром она первым делом навестит их. Оливия не хотела пропустить Холлидея, а его джип как раз отъезжал с парковки.

Резким свистом подзвав Эйса, Оливия пустила Спирит рысью вниз с холма. К тому времени, когда она добралась до проселочной дороги, джип Холлидея, поднимая клубы пыли, почти доехал до загона для скота. Оливия пустила кобылу галопом, чтобы перехватить доктора возле въезда на ранчо, обозначенного аркой. Копыта стучали по сухой земле. Холлидей сбросил скорость, заметив Оливию. Он остановился под аркой с крупными, побелевшими от времени рогами американских лосей. Оливия натянула поводья, кобыла встала. Спирит затанцевала на месте, фыркая в холодном вечернем воздухе.

Доктор открыл дверцу машины и вышел.

– Привет, Лив.

Оливия спрыгнула на землю и направилась к нему, ведя за собой Спирит.

– Я рада, что догнала вас, – ответила Оливия, слегка запыхавшись. – Как он?

Холлидей протянул руку и взял Спирит под уздцы. Он почесал кобыле лоб, потом вздохнул и отвернулся. Налетел порыв ветра. Врач перевел взгляд на Эйса, обнюхивавшего колеса джипа, потом снова встретился глазами с Оливией. От того, что она в них увидела, упало сердце.

– Сегодня утром я разговаривал с онкологом. Пришли результаты компьютерной томографии. Рак быстро распространился. Метастазы в легких, вдоль позвоночника, в печени. Ему очень больно, Лив. Майрону потребуется круглосуточный уход. Необходимо будет принять решение.

У Оливии защемило в груди.

– Как скоро?

– Как можно быстрее. – Доктор замялся. – Теперь Майрону может стать хуже в любой момент. Или он продержится еще. Много будет зависеть от того, как сильно старый барсук захочет цепляться за жизнь и бороться с болью. Следует проинформировать его сына и дочь, а мы знаем, что сам Майрон этого не сделает.

– Думаю, что он так и не перестал винить Коула в смерти Грейс и Джимми, – негромко ответила Оливия.

Доктор кивнул.

– Я знаю его семью долгие годы, и этот несчастный случай все изменил. Горечь Майрона определила то, каким Коул стал теперь. Господь свидетель, у Коула тоже не осталось любви к отцу. И все же, если бы это был мой отец, я бы хотел знать. Я бы предпочел, чтобы у меня была возможность попроситься с ним и исправить то, что мне под силу. – Холлидей опять замялся. – Майрон, возможно, воспримет это лучше, если это сделаешь ты, если *ты* им позвонишь.

– Я?

– Ты его друг.

– Но вы его давний друг, док.

– Я бы сам позвонил им, но в настоящий момент мне не стоит отталкивать его от себя. Мне потребуется доверие Майрона, когда мы перейдем на следующий этап ухода за ним. Ты же знаешь, каким он может быть.

Оливия шумно выдохнула: у нее сдавило грудь при мысли о том, что она потеряет Майрона, потеряет свое место на этом ранчо, ставшем для нее домом. Когда снова налетел ледяной ветер, она опять испытала это ощущение. Ей показалось, что вокруг холодная темнота. Круг замыкался.

Перед ее мысленным взором промелькнули фотографии в рамках на стенах библиотеки Майрона. Тот факт, что они все еще там висели, доказывал, что у него остались чувства к собственным детям.

– Я не знакома с его детьми, – еле слышно ответила Оливия. – Я никогда с ними не разговаривала.

– Лив, *кто-то* должен это сделать.

* * *

Глубоко задумавшись, Оливия вычистила и напоила Спирит при свете керосиновой лампы, висевшей на балке сарая. Оливия поставила кобылу в стойло, потом вернулась в свой коттедж и накормила Эйса. Стоя под горячим душем, она собралась с мыслями, прежде чем тепло одеться и отправиться в хозяйский дом, чтобы поговорить с

Майроном. Эйс увязался за ней. Пока они шли по узкой тропинке, под ногами похрустывали листья. Тропинка шла от коттеджа Оливии через густую рощицу дрожащих осин, а потом поднималась по лужайке к трехэтажному бревенчатому дому.

Фонари на крыльце и лампы внутри дома изливали в темноту желтый приветливый свет. Оливия поднялась по деревянным ступеням, вытерла ковбойские сапоги о коврик и открыла величественную деревянную дверь.

Когда она вошла в холл с выложенным каменными плитами полом, Адель как раз шла мимо с нагруженным подносом. При виде Оливии она вздрогнула и резко остановилась у подножия широкой лестницы.

– А, это ты! – сказала Адель. Вид у нее был странно взволнованный. – Я... как раз несу ужин мистеру Макдона. Сегодня он ужинает в библиотеке.

– Никто не бронировал места на ужин в хозяйском доме? – Оливия повесила куртку на рога у входа, исполнявшие роль вешалки. С высокого сводчатого потолка свисала кованая люстра, отбрасывая на холл многогранный свет. Справа от входа располагалась гостиная с открытой планировкой, где гости могли отдохнуть перед камином, посмотреть телевизор, посидеть за компьютером или поиграть на бильярде. Маленький бар в гостиной открывался на время трапез. Далее располагались столовая и кухня.

– Сегодня никто, – ответила экономка. – Но у нас забронированы места на пятницу и на выходные.

Хотя гости больше не останавливались в комнатах наверху, в хозяйском доме можно было пообедать. Судя по тому, что сказал доктор Холлидей, следующим летом кухня, вероятно, уже не откроется. Скорее всего, это последние выходные для гостей на ранчо. Мысль была отрезвляющей.

– Позвольте мне отнести ужин вместо вас. – Оливия протянула руку. – Мне в любом случае нужно с ним поговорить.

Экономка передала ей поднос.

– Как он сегодня?

– Полон жизненных сил, если ты об этом.

На лице Оливии появилась широкая улыбка.

– Что ж, это хороший знак. Вы можете ехать домой. Я посижу с ним, пока он поест, а потом уберу на кухне.

Адель какое-то время смотрела на Оливию. Выражение ее глаз понять было невозможно. Адель развязала фартук.

– Как хочешь. Я сейчас все закончу и уйду.

Адель была раздражительной, но необходимой для ранчо и для старика. Оливия задумалась о том, что станет делать экономка после его смерти.

Дверь в библиотеку оказалась чуть приоткрытой, и Оливия подносом распахнула ее пошире.

В камине разожгли огонь, поленья потрескивали. Майрон сидел в инвалидном кресле, спиной к двери, и смотрел в окно. Эйс направился напрямиком к камину.

– Привет, Старик.

Майрон повернулся, и его грубоватое лицо под копной серебристо-седых волос расплылось в улыбке.

– Оливия!

Майрон развернул кресло на колесах.

До того как болезнь свалила его, он был великолепным, крупным, резким мужчиной-горой. Он по-прежнему напоминал Оливии постаревших Шона Коннери и Харрисона Форда в одном лице. У него была густая пиратская борода.

– Проголодались? – Оливия подняла поднос повыше.

Майрон подъехал к камину.

– Поставь его на столик у огня. И налей выпить. Присоединишься?

– Пожалуй, да.

Она поставила поднос на маленький столик у камина, подошла к буфету и налила им обоим виски. Бутылку она поставила на стол рядом с Майроном, чтобы он мог до нее дотянуться, и уселась в большое кожаное кресло с другой стороны камина. Оливия сделала глоток скотча, наблюдая, как Майрон подносит ко рту ложку. Руки у старика дрожали сильнее, и суп пролился. Цвет лица стал землисто-бледным, щеки под бакенбардами запали. Глаза слезились, белки пожелтели. Оливия ощутила жуткую пустоту в желудке.

– Что тебя гложет, Оливия?

Она задумчиво посмотрела на большую фотографию сына Майрона, висевшую на почетном месте – над камином, выложенным из речного камня. Коул Макдона как будто угрюмо и испытывающе смотрел на Оливию сверху вниз такими же глубоко посаженными серыми глазами, как у отца. Волосы Майрона поседели, а волосы Коула пока оставались буйными и темными, кожа была коричневой от сильного загара.

Это был портретный снимок, сделанный в лагере альпинистов на горе Нангапарбат. Он излучал грубую мужественность, бесшабашное отношение к жизни. Несколько лет назад это фото поместили на обложке журнала «Мир вокруг», когда Коул написал для него статью – отчет из первых рук – о трагическом нападении бойцов Талибана на альпинистов в лагере на горе Нангапарбат. Статью Коул впоследствии превратил в книгу. Затем по книге был снят фильм. Один – два в его пользу.

Коул, бывший военный, когда-то преподавал психологию и философию, потом стал военным корреспондентом, затем – писателем-документалистом, описывающим приключения. А еще литературным адреналиновым наркоманом, жившим на лезвии бритвы под названием смерть и старавшимся объяснить с точки зрения психологии поведение тех, кто жил так же. Это было главной темой всех его произведений: почему мужчины и женщины совершали экстремальные поступки, почему одни люди выживали вопреки всему, а другие погибали. Оливия изучила заголовки его книг, стоявших на полках в библиотеке Майрона.

Коул стал жертвой стремления к самолюбованию. Оливия пришла к такому выводу некоторое время назад. Ей была неприятна сама мысль о нем, возможно, потому, что она завидовала его свободе, его способности проживать жизнь на предельной скорости и с такой жаждой.

Майрон следом за Оливией тоже посмотрел на портрет. Его рука, державшая ложку, замерла.

– В чем дело? – спросил он.

Оливия откашлялась.

– Где он сейчас?

– Коул?

– Да. И Джейн. Она все еще в Лондоне со своей семьей?

Старик медленно положил ложку, потянулся за стаканом с виски, сделал большой глоток и закрыл глаза.

– Ты говорила с Холлидеем?

– Да.

Майрон промолчал. В камине громко треснуло полено. Эйс перевернулся на спину, расслабленный, словно щенок, его язык свисал набок.

– Он мне сказал, – продолжала Оливия.

Старик открыл глаза.

– Что именно?

– Что вам придется принимать решение относительно сиделки или хосписа. Док сказал, что кому-то следует позвонить Коулу и Джейн и сообщить им о том, что происходит.

Кустистые седые брови Майрона опустились, глаза превратились в щелочки. Очень спокойно он ответил:

– Только через мой труп.

– Что через ваш труп, Майрон? – так же спокойно ответила Оливия. – Пригласить сиделку? Отправиться в хоспис? И позвонить вашим детям?

– Все вместе. – Он допил остаток виски, взял бутылку и налил еще на три пальца в хрустальный стакан. Оливия знала, что он принимает много лекарств. Пожалуй, ему не стоило столько пить. С другой стороны, почему нет, если человек все равно умирает?

– Я не дам и ломаного гроша за то, что говорит наш замечательный доктор. Если мне предстоит умереть, то я сделаю это здесь. На *своих* условиях. На своем ранчо, в своем собственном чертовом доме. Где я прожил всю свою чертову жизнь. Куда я привел свою жену. Где у нас родились дети...

Его голос прервался, оставив невысказанные слова висеть в пустоте.

«Где погибла моя жена. Где погиб мой младший сын... Где моя семья развалилась...»

Пламя камина отразилось в его повлажневших глазах.

Оливия поставила свой стакан на столик и нагнулась вперед, положив руки на колени.

– Майрон, если вы не переедете в такое место, где за вами будут ухаживать, вам потребуется медсестра, живущая в доме...

Он резко вскинул руку.

– Прекрати. Даже не думай об этом. Тот день, когда мне потребуется сиделка, чтобы вытирать задницу, чистить зубы и выносить горшок, станет днем моей смерти. Достоинство. Чертово достоинство. Или я прошу о слишком многом?

– Вашим детям следует знать. У них есть право...

– Хватит! – Майрон с грохотом поставил стакан, его щеки покраснели. – Ни за что на свете. Я *не хочу*, чтобы эти двое ссорились из-за наследства, пытаюсь продать это ранчо еще при моей жизни. А они попытаются сделать это, попомни мои слова.

– Вы не можете быть уверены в том, что они...

– Разумеется, могу. Коулу глубоко плевать на то, что произойдет с Броукен-Бар или с его отцом. И он мне здесь не нужен, чтобы постоянно напоминать об этом. Когда я умру, когда мой пепел развеют, когда моя мемориальная пирамида из камней появится на вершине горы рядом с пирамидами Грейс и Джимми, тогда они получают ранчо. И мой призрак будет пугать их. – Старик помолчал. Он выглядел очень уставшим, но от этого не менее решительным. – Ты сделаешь это для меня. Развеешь пепел, сложишь из камней пирамиду.

Оливия потерла лоб, еще раз украдкой посмотрела на снимок над камином.

– Где Коул теперь?

Молчание.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Майрона. На его лице появилось странное выражение. Плечи ушли вперед, вжимая его в кресло. В глазах старика Оливия увидела сожаление.

Ее переполняли эмоции.

«Если бы это был мой отец, я хотела бы знать. Я бы хотела, чтобы у меня была возможность попроситься...»

Можно ли исправить то, что пошло не так? Или это чистой воды безумие – пытаться помириться, когда гнев, сожаления, горечь, обвинения настолько глубоко укоренились в душе человека и так крепко переплелись друг с другом, что если вы попытаетесь извлечь один корень, то погибнет все дерево?

– Он в Гаване, – наконец ответил Майрон. – Топит свои печали в спиртном.

Оливию охватило удивление.

– В Гаване? На Кубе? Откуда вы знаете?

Майрон равнодушно пожал плечами и отвернулся, уставившись на пламя. Его руки с проступившими венами безвольно лежали на подлокотниках кресла. Тот факт, что он знал, где находится Коул, подсказал Оливии, что ему не все равно. Не совсем все равно. У нее появилось ощущение, что Майрону необходимо это сделать – помириться с сыном. И с дочерью тоже.

Или это чувство подстегивала подспудная вина самой Оливии за то, что ее семья стала ей чужой? Оливия сглотнула, заставляя себя оставаться в настоящем. Когда она позволяла своим мыслям возвращаться в прошлое, ей становилось плохо.

– Какие печали? – негромко спросила она.

По-прежнему отказываясь смотреть Оливии в глаза, старик сказал:

– У Коула, кажется, застой в работе после того, как от него ушла жена и забрала с собой ребенка.

– Я... не знала, что у него семья. Он был женат?

– Незарегистрированный брак. Ее зовут Холли. У нее сын от предыдущего брака, Тай. Она вернулась к своему бывшему после того, как Коул попал в передрагу в Судане и подверг опасности жизнь ее сына. Она забрала мальчика и вернулась к его отцу. Сейчас парнишке должно быть восемь лет.

– Откуда вы все это знаете?

– Прочел в том журнале, для которого он пишет. Ты же знаешь, у него склонность такая – проживать жизнь по максимуму, гоняться за штормом в ущерб тем, кто рядом с ним. Коул никогда не привозил домой Холли или Тая, я с ними не был знаком. – Майрон резко хохотнул. – Впрочем, Коул давным-давно перестал называть Броукен-Бар домом.

– А что случилось в Судане?

Майрон махнул рукой, отменяя тему, словно дурной запах.

– Не хочу говорить об этом. – Он откашлялся и добавил: – Джимми тоже было восемь, когда Коул утопил его в реке.

Оливия похолодела. Ее охватило внушающее смутный ужас ощущение, что время скручивается, сплетается и повторяется, как двойная спираль молекулы ДНК.

Майрон замолчал, его мысли явно уплыли куда-то в море скрытой печали с бакенами из алкоголя и болеутоляющих таблеток.

Оливия еще раз украдкой посмотрела на снимок Коула над камином.

– Всеми свое время, Лив, – наконец сказал Майрон. Теперь он произносил слова с трудом и немного невнятно. – Каждая жизнь – это цикл. Человек делает выбор и несет свое наказание. Даже это ранчо... Возможно, его время вышло. Конец эпохи. Конец наследия.

Старик потянулся за стаканом и дрожащей рукой повращал в нем виски, наблюдая, как жидкость отражает языки пламени.

– Глупо ждать, что мои потомки будут продолжать мое дело.

Он снова откашлялся и продолжал:

– Даже если кто-то захочет снова начать разводить коров, финансовые издержки будут огромными. Но туристический бизнес может работать круглый год. Хозяйский дом снова мог бы наполниться гостями. Домики можно было бы отремонтировать, сделать их дороже, увеличить доход с каждого гостя. Сейчас спрос на услуги такого рода. Туристы из Германии. Азиаты. Британцы. Дикая природа дает им что-то такое, чего они просто не могут найти дома.

Оливия посмотрела на старика. Вместо него говорили болеутоляющие, виски, усталость, но она сумела разглядеть окошко в его мыслях, о котором даже не подозревала.

– Я даже не знала, что вы задумывались об этом. О зимнем бизнесе.

– Это никогда не сработает.

– *Это сработало бы.* Если бы кто-то этого захотел. – Оливия не сумела удержаться от этих слов. Именно об этом она мечтала так часто, что даже составила электронные таблицы и прикинула смету, потому что... Да потому что у нее не было своей жизни, вот почему. Ранчо стало ее жизнью. Потому что у нее была глупая фантазия: настанет день, и она покажет Майрону свои бумаги и официально что-то предложит. Но этому помешал его диагноз.

– Я представляю более комфортабельные номера в хозяйском доме, – сказала она. – Увеличение числа походов, возможно, даже поездки верхом, чтобы половить стальноголового лосося, когда он пойдет вверх по течению Такена-ривер. Гидросамолеты, которые доставляли бы сюда высоких гостей. Великолепные свежие продукты,

выращенные на ранчо. Форель из озера, оленина и дичь из лесов. Добавьте к этому зимний отдых на Рождество. Я верю, что это сработало бы. Я *знаю*.

Майрон долго смотрел на Оливию, в его глазах появилось непроницаемое выражение. Он покачал головой.

– Забудь об этом. – Старик поставил стакан и покатил коляску по ковру. От усилия его лицо исказилось. – Сегодня вечером мне нужно пораньше отправиться на боковую. Закроешь здесь все?

Оливия встала и взялась за ручки его коляски.

– Не надо, я сам.

Но на этот раз она не послушалась.

– Забудьте об этом, Майрон. Мне нужно, чтобы вы прожили еще несколько дней.

Оливия покатила его к двери библиотеки.

– И почему я позволяю тебе командовать?

– Потому что я милая, – с улыбкой ответила Оливия. – И недорого вам обхожусь.

Она выкатила кресло в коридор, подкатила его к маленькому лифту, который установили весной, и нажала на кнопку, перегнувшись через старика.

– Ты ведь и сама когда-то жила на ранчо, верно, Лив?

Оливия напряглась.

– Вы никогда не спрашивали меня о прошлом.

– Но ты умеешь охотиться, ловить рыбу, ухаживать за лошадьми. Это должно было откуда-то взяться. Где твой дом, Оливия? Ты выросла в Британской Колумбии? Или в другой провинции?

Двери лифта открылись.

Оливия замешкалась. Старик загнал ее в угол. После того что Майрон для нее сделал, она обязана была сказать ему хотя бы часть правды. Благодаря старику ей удалось легко прижиться в Броукен-Бар и начать приходить в себя, чтобы наконец обрести хоть какой-то покой. Это было просто, потому что он никогда *не спрашивал*, откуда она родом. Ему хватило базового резюме при найме на работу. Майрон заметил шрамы у нее на запястьях, но ни разу не упомянул о них. Этот старик понимал, что такое секреты и по каким причинам их хранят.

– Да. – Оливия вкатила коляску в кабину лифта и нажала кнопку третьего этажа. Двери закрылись, лифт загудел и двинулся вверх. –

Это было ранчо, но намного севернее.

Слава богу, Майрон молчал, пока Оливия выкатывала коляску из лифта и катила по коридору до его спальни. Это было угловое помещение, откуда открывался вид на озеро, на горы на юге и на пологие холмы, поросшие осинами, на западе.

– Спасибо, – поблагодарил старик, когда они оказались у двери в спальню. – Дальше я сам.

– Вы уверены?

– Я еще не умер, черт подери. Повторяю, в тот день, когда мне потребуется кто-то, чтобы почистить зубы, вытереть задницу и уложить в подушке в постель, в тот день я умру.

Оливия фыркнула. И все же ей стало не по себе, когда она увидела в глазах Майрона яростную решимость. Она вдруг испугалась того, что он может сам уйти из жизни – на своих условиях. Таблеток ему для этого хватит.

– Ну... – Она замаялась. Ей не хотелось оставлять его одного. – Тогда спокойной ночи. – Оливия пошла по коридору.

Старик напугал ее, когда окликнул.

– Почему ты делаешь это, Оливия?

Она обернулась.

– Что именно?

– Возишь коляску со стариком. Развлекаешь его. Что тебе от меня нужно?

Сердце у нее сжалось.

– Не надо, Майрон – спокойно ответила она. – Не думайте, что вам удастся оттолкнуть еще и меня. Со мной вам так легко не справиться.

Старик свирепо посмотрел на нее, его руки на подлокотниках коляски сжались в кулаки.

– Ты считаешь, что я оттолкнул своих детей? Думаешь, я порвал отношения с сыном? Так ты думаешь?

– А вы это сделали?

Майрон развернул кресло и вкатился в спальню.

– Иди к черту, Лив.

Он захлопнул за собой дверь.

– Я там уже была, – бросила она ему вслед, – и знаю, каково это. Молчание.

«Чертов старый ублюдок».

– Я поняла вашу игру, Майрон! – крикнула Оливия через дверь. – Вы слишком слабы, чтобы справиться с собственными эмоциями, вот что! Компромиссы требуют слишком большой работы, поэтому вы просто отрезаете всех от себя!

Нет ответа. Только старинные напольные часы тикают в глубине коридора.

Оливия выругалась сквозь зубы, развернулась, быстро прошла по коридору и сбежала вниз по массивной деревянной лестнице. По пути на нее неожиданно нахлынули воспоминания. Она тоже отрезала от себя свою семью, бывшего мужа, родной город. У нее остались только этот умирающий старик, который был ей так дорог, а еще Эйс и Спирит. Они были ее семьей на этот момент. А домом – крошечный деревянный коттедж в рощице у озера: без электричества и без компьютера, без связи с внешним миром, да и этот коттедж ей не принадлежал. Все это рано или поздно отойдет Коулу и Джейн, скорее рано.

Все вылетит у Оливии из-под ног.

«Взбодрись, девочка, ты проходила и через худшее. Ты ничего не можешь сделать с тем, что старик умирает...»

Нет, не так. Она остановилась у двери в библиотеку. Она все еще могла кое-что сделать. Могла позвонить его детям. Могла дать им шанс вернуться домой. Попрощаться с отцом. Перекинуть мост через упущенные годы. Оливия могла дать им тот шанс, которого у нее никогда не было.

Она могла дать Майрону возможность сказать, что он сожалеет.

* * *

Оливия прошла через библиотеку в смежную комнату, служившую старику кабинетом. Огонь почти погас, оставив краснеющие угли. Эйс все еще лежал перед камином и спал крепким сном. Письменный стол Майрона был завален бумагами. На самом верху этой груды лежал плотный крафтовый пакет. На нем было нацарапано: «Последняя воля и завещание». Еще одно мрачное напоминание о том, что все подходит к концу.

Оливия открыла верхний ящик стола, откуда однажды Майрон доставал свою адресную картотеку фирмы «Ролодекс». В ящике рядом с «Ролодексом» лежала книга в твердом переплете с закладкой между страницами. Оливия удивилась. Это было последнее произведение Коула: документальное повествование под простым названием «Выжившие».

Оливия раскрыла книгу и прочла текст на клапане обложки.

«Почему один человек чудесным образом выживает, несмотря ни на что, а другие погибают, хотя им оставалось только дожидаться, чтобы их спасли? В этом исследовании по психологии выживания Коул Макдона рассматривает подлинные, леденящие кровь истории о встрече со смертью, чтобы показать удивительный набор черт, которые объясняют, почему некоторым людям удается избежать фатальной паники и превратиться из жертвы в выжившего...»

У Оливии сдавило грудь от сложных эмоций. Ей нравилось думать о себе как о выжившей. Она продержалась и перехитрила мясника из Уотт-Лейк. Но так ли это на самом деле? Этот дьявол все еще жил у нее глубоко внутри. На каком-то уровне она знала, что по-прежнему старается убежать от него, от воспоминаний. От себя, какой она была когда-то. Возможно, Оливия и была выжившей, а вот Сара Бейкер нет. Потому что он убил Сару. И она помогла ему.

Оливия решила взять книгу и почитать. Она не сомневалась, что Майрон не станет возражать.

Она перелистала его картотеку, нашла карточки Коула и Джейн, переписала сведения на листок бумаги. Действующими были мобильные номера или нет – это она вскоре выяснит. Вернув «Ролодекс» на место, Оливия задвинула ящик. При этом она столкнула со стола маленькую фигурку из латуни. Та с громким стуком упала на деревянный пол. Оливия выругалась, подобрала статуэтку и поставила на место. И тут же застыла, услышав в библиотеке шум. У Оливии участился пульс.

– Ау! – Она с опаской вошла в библиотеку. – Кто здесь?

Из коридора донеслось негромкое шарканье. Эйса на ковре не было. Оливия напряглась. Она двигалась быстро и бесшумно, словно

кошка, неожиданно остро осознав, что у нее на бедре в ножнах висит охотничий нож, который она всегда носила с собой.

Оливия вышла в коридор. Фигура повернула за угол и нырнула под лестницу. Оливия заметила, как мелькнуло светло-голубое платье.

– Адель! Это вы?

Экономка вышла из-под лестницы. Она явно нервничала и разглаживала юбку. Эйс шел за ней следом.

Оливию охватил гнев, подстегнутый адреналином. Она *ненавидела*, когда ее пугали. Страх позволял вернуться воспоминаниям.

– Это вы были в библиотеке? – слишком резко, с сильно бьющимся сердцем спросила она.

– Нет... То есть да, – ответила Адель. – Я заметила, что поднос мистера Макдоны все еще там. Я все убрала и как раз собиралась уходить, когда мне показалось, что кто-то ходит в его кабинете.

Ее взгляд метнулся к листку бумаги и книге в руке Оливии.

– Это была я, – отрывисто сказала та, засовывая листок с номерами телефонов в задний карман джинсов.

– Понятно. Ну, хорошо. Я... подумала, что это мог быть кто-то чужой. Я, пожалуй, поеду домой.

Адель поспешила к двери, схватила пальто с вешалки, сунула руки в рукава, потом замерла.

– Так ты нашла то, что искала? В кабинете мистера Макдоны?

Оливию охватило подозрение.

– Да. Спасибо.

Адель выждала еще минуту. Оливия больше ничего не сказала.

– Тогда спокойной ночи.

– Я тоже уже уйду. – Оливия взяла свою куртку и фонарик.

Она заперла за собой входную дверь, Адель направилась за угол дома, где она парковала свою «Субару». Оливия услышала, как заурчал двигатель. С крыльца она посмотрела, как автомобиль экономки уезжает по подъездной дорожке, а задние фонари исчезают в темноте. Над головой Оливии уходил в бесконечность темный свод неба, усеянный звездами.

Когда шум мотора «Субару» стих вдалеке, установилась холодная тяжелая тишина, и у Оливии в затылке появилось странное неприятное ощущение.

Она включила фонарик и пересекла лужайку. Эйс шел за ней по пятам. Когда они вошли в темную осиновую рощицу, опавшие листья и сухая трава шуршали и перешептывались под ночным ветром. И тут Оливия услышала резкий треск ветки.

Она застыла.

Треск повторился.

Оливия сунула книгу за пазуху и нагнулась, чтобы схватить Эйса за ошейник. Потом направила фонарик в темноту. Пес зарычал. Сердце Оливии забилося быстрее. Она ждала и слушала.

Больше ничего. Только хлопанье, шуршание и шепот сухих листьев и ветвей. И все же она остро ощущала, что кто-то наблюдает за ней из темноты.

Все еще держа овчарку за ошейник, Оливия снова посветила фонариком вокруг себя, ожидая увидеть блеск зеленых глаз. Или красных.

Но Оливия не увидела ничего, кроме теней и темноты. Крепко держа Эйса за ошейник, она быстро дошла до своего домика. Против койотов или медведя у пса не было ни малейшего шанса. Да он вообще ни с кем не справился бы, потому что почти ослеп и хромотал.

Войдя в дом, Оливия зажгла керосиновую лампу и свечу. Теплый свет завибрировал в маленькой гостиной. Оливия сразу почувствовала облегчение.

Она потянулась было к щеколде на двери, помедлила, потом опустила руку. В запертом помещении у нее начинались панические атаки. Нет, она просто *отказывалась* бояться на ранчо. Себастьян Джордж мертв, и то, что она не запирала дверь дома, было ее заявление о свободе, ее личная победная линия на песке. И все же Оливия не сразу отошла от двери, постояла, потирая руки, и ее затошнило. Откуда это ощущение? Будто надвигается что-то мрачное? Это была приближающаяся смерть Майрона, вот что это.

Опустив жалюзи, Оливия пошевелила оставшиеся угли в дровяной печке и поставила на плиту кастрюльку с супом. Эйс свернулся калачиком на своей подстилке перед огнем. Оливия посмотрела на часы и сообразила, что на Кубе должно быть около полуночи, а в Лондоне – около шести утра.

Звонить было или слишком поздно, или слишком рано.

Она мерила шагами гостиную, растирая предплечья. Нервы.

К черту все. Майрон может завтра умереть. Оливия вынула из чехла на поясе спутниковый телефон, миниатюрный Globalstar GSP-1700, одну из немногих прихотей, которые она себе позволила. Она мало тратила на одежду, практически ничего не расходовала на косметику. Редко ездила в город, только если с поручениями. Оливия тратила деньги на дорогостоящие бамбуковые удилица, рыболовные снасти, леску и барабаны. Купила она себе и спутниковый телефон. Она носила его с собой, но не потому, что сотовая связь в этой местности была отвратительной, и не потому, что ей хотелось общаться с внешним миром. Да, она всех уверяла в обратном. Да, она отказывалась быть жертвой или бояться кого-то. Но темное чувство гнездилось глубоко в душе: она хотела иметь возможность позвать на помощь, где бы ни была. Несмотря на показную храбрость, Оливия больше никогда не хотела быть отрезанной от линии спасения.

Сначала она позвонила Джейн в Лондон. Ее звонок сразу был переадресован на голосовую почту. Оливия нажала на кнопку отбоя и замерла, услышав что-то снаружи. Она прислушалась, ощущение опасности все плотнее смыкалось вокруг нее. Оливия перевела взгляд на Эйса. Он был ее радаром. Но пес спал глубоким сном. Она набрала номера Коула Макдоны.

Он ответил после пятого гудка.

Глава 3

Флорида-Кис. Морской бар «У Блэка».

Четверг. Почти полночь.

Ночь была душная, бар – переполненный. Распахнутые окна впускали соленый воздух, которому не удавалось рассеять дымную, наполненную джазом атмосферу. Пот блестел на темной коже кубинских музыкантов-экспатов, сгрудившихся на крошечной сцене, и на лицах посетителей, смеявшихся, шептавшихся, выпивавших и раскачивавшихся под почти ощутимые биты на крошечном танцполе бара.

Вокалистка взяла микрофон. С любовью. И начала петь, голос у нее был низкий и бархатный, полный тайны и древней страсти. Чувственность ощущалась в воздухе, словно тяжелый аромат благовоний, танцующие пары двигались в ритме ее голоса. В банках дрожали свечи, и пол под креслом Коула, казалось, слегка покачивался.

Или виной тому была выпивка. Или травка, которую они покурили на лодке. Он моргнул, пытаясь сбросить сонливость. Веки отяжелели. Коул сидел с бутылкой пива за маленьким круглым столиком со своим старым товарищем по военным окопам, Гэвином Блэком, фотожурналистом. Блэк завязал с военными командировками, чтобы открыть этот бар рядом с доками во Флорида-Кис, и теперь возил на своей лодке желающих порыбачить. Коул и Гэвин встали еще до рассвета и ловили рыбу до темноты. Они обгорели на солнце, покрылись налетом соли, мышцы по-спортивному болели.

Гэвин заманил Коула к себе месяц назад под предлогом того, что ему нужна помощь с чартерным бизнесом. Это была ложь.

На самом деле он просто хотел спасти Коула от него самого. Прошел слух, что тот прожигал жизнь в барах и постелях Гаваны, пытаясь писать какую-то чушь о том, почему Хемингуэю нужен был риск.

Сквозь алкогольный туман Коул понял, что вокалистка поет о грешнике, который пытается убежать от дьявола. Вместо того чтобы сосредоточиться на словах, он прищурился, рассматривая лицо женщины сквозь табачный дым. Кожа цвета черного дерева, глаза с нависшими веками, пухлые губы. Она как будто медленно занималась

любовью с микрофоном. Лицо певицы напомнило Коулу женщин, которых он видел в Судане. И он сразу вспомнил о Холли и Тае. Коулу стало жарко.

– Тебе нужно найти для себя новую историю, дружище, – сказал Гэвин, протягивая руку за пивом Коула и вглядываясь в его лицо.

Тот посмотрел на друга. Лицо Гэвина расплывалось у него перед глазами.

– Я исписался. – Коул поднял руку, прося официанта принести еще бутылку. – Я должен признать это: муза от меня ушла.

Его голос звучал глухо, язык заплетался.

Гэвин подался к другу. Его загорелые мощные руки лежали на маленьком круглом столике, татуировка в память об Афганистане двигалась под сильной мышцей. Коул впервые встретил Гэвина Блэка в горах Гиндукуша. Его фоторепортажи шокировали мир. Блэк гораздо раньше делал своими снимками то, что Коул лишь надеялся достичь словами.

– Как насчет того, чтобы взяться за ту тему, на которую ты всегда хотел написать? О замбийских врачах-колдунах и черном рынке человеческих органов? Это тебя отвлечет.

Отвлечет.

В опьянение начал пробираться гнев, какая-то черная, апатичная желчность, в которой в этот момент было больше ненависти к себе и самообвинений, чем чего-то другого. Возможно, было еще и потакание своим желаниям. На подсознании Коул все это знал. Знал, что Гэвин прав. Коулу нужно найти нечто такое, что подогрело бы старые соки. Но он просто не мог достичь необходимого уровня интереса хоть к чему-нибудь. Привычный поиск историй больше не казался ему благородным. Он не видел смысла в том, чтобы рассказывать миру свои истории. Не видел с того момента, когда в Судане изменилась парадигма его опыта.

– С чего, собственно, ты отправился на Кубу и засел там? Идиотская дань Хемингуэю? Серьезно, это было идеей твоей следующей книги? Так об этом уже написали. Не меньше тысячи раз. Ты способен на большее.

– Отвянь от меня, а? – Коул поднял руку и раздраженно помахал бармену, указывая на пустые бутылки перед ними. – Если бы мне потребовался психотерапевт, я бы его нашел.

Официант еще с двумя бутылками пива пробрался сквозь плотную толпу к их столику.

Но взгляд Гэвина продолжал буравить Коула.

– Как ты думаешь, почему я открыл это заведение в Кис и покончил со всем остальным? Ты думаешь, что у тебя исключительное право на страдания? У тебя его нет, парень. Работа может любого укусить за задницу.

Официант поставил перед ними две полные бутылки и улыбнулся. Коул мгновенно схватил свою бутылку и поднял ее.

– Твое здоровье. Лучшее место, чтобы *отвлечься*. – Он сделал большой глоток холодного пенного пива из горлышка.

В этот момент зазвонил телефон. Мобильный надрывался где-то там, на краю сознания, прорываясь сквозь музыку, сквозь резкий ритм барабана. Коул чувствовал сильный запах пота и соли. Его кожа и рубашка были влажными.

– Это твой, – сказал Гэвин.

– Что?

– Твой мобильный звонит. – Приятель кивком указал на телефон, жужжавший на столике. – Тебе звонят.

Коул уставился на аппарат, слегка изумленный тем, что ему вообще кто-то звонит. Он взял телефон, нащупал кнопку ответа, поднес аппарат к уху.

– Слушаю.

– Коул Макдона?

Голос. Женский. Шум в баре был слишком сильным. Он заткнул пальцем другое ухо.

– Кто это?

– Меня зовут Оливия Уэст. Я – менеджер на ранчо Броукен-Бар, и я звоню по поводу вашего отца, Майрона. Он... – Ее голос пропал, потом вернулся. – ...решения... врач говорит...

– Алло? Вы пропадаете. Что вы сказали?

– ...нужно... приехать домой...

– Подождите секунду.

Коул посмотрел на Гэвина.

– Мне придется выйти отсюда.

Коул встал, покачнувшись, вцепился в стол, выругался, потом протолкался сквозь толпу потных танцующих, пробрался мимо

клиентов, сгрудившихся у двери.

На улице стояла такая же душная жара. Коул слышал далекий прибор, разбивающийся о барьерный риф, ощущал во влажном воздухе какой-то сладкий цветочный аромат. Циферблат больших часов на магазине показывал чуть больше полуночи.

Несколько женщин с блестящей кожей цвета черного дерева и в ярких обтягивающих платьях белозубо улыбнулись Коулу, засмеялись. Посыпались непристойные предложения. В их походке было обещание секса. Бездумного гедонистического секса...

Коул опять пошатнулся, вцепился в ограду, чтобы не упасть, и снова поднес телефон к уху.

– Кем вы себя назвали? – Коул запинаясь. Поверхность океанского прилива фосфоресцировала в темноте.

– Я менеджер с ранчо, Оливия Уэст. Вы нужны отцу. Он умирает. Мозг Коула забуксовал.

– Прошу прощения?

– Врачи говорят, что ему недолго осталось. Рак вернулся с полной силой. Ему вскоре придется переехать в учреждение, где оказывают круглосуточную помощь. А это значит, что должны быть приняты определенные решения.

– Я на днях говорил со своей сестрой Джейн. Она утверждала, что отец отлично себя чувствует... Он сам ей так сказал.

– На днях? И когда это было?

Коул запустил пальцы в волосы, густые и жесткие от влажного воздуха и соли. Пора стричься. Он об этом даже не думал с тех пор, как... Он не помнил, когда говорил с Джейн. Месяц назад? Сколько месяцев прошло с тех пор, когда от него ушла Холли? Сколько месяцев назад Тай вернулся к своему отцу?

– Вы слушаете?

– А... да. Послушайте, я о вас ни черта не знаю. Но...

В голосе женщины явственно зазвучал гнев.

– Ваш родной отец умирает. Я думала, что вы, возможно, захотите об этом узнать. Я думала, что вы захотите воспользоваться случаем и попрощаться с ним. Но если вам плевать, если вы думаете, что сидеть в кубинском баре...

– Я во Флориде.

– Не важно. Где бы вы ни купались в жалости к самому себе, каждый вечер напиваясь до бесчувствия, это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании. Вам знакомо только стремление к самолюбованию.

Шок, потом пьяная ярость взорвали его оцепенение.

– За кого... за кого, *черт побери*, вы себя принимаете? – заорал он в телефон. – Кто вы такая, что позволяете себе говорить о моем...

Но телефон «умер».

– Алло? Алло?

Молчание.

Вот дерьмо. Женщина бросила трубку. Коула трясло от адреналина, гнева, он нажал на клавишу набора последнего номера. Ничего не произошло. Он осмотрел свой телефон. Батарея разрядилась. Он глянул через плечо на мерцающий океанский прилив и снова выругался. Теперь он не мог даже найти номер этой женщины, чтобы перезвонить ей. Как там ее зовут? Оливия?

Коул сунул телефон в карман и положил обе руки на ограждение, приводя мысли в порядок. Он постоял так немного, бездумно наблюдая за океанским приливом, подчиняющимся командам толстой желтой луны.

Его отец умирает. Могло ли это быть правдой?

Где-то в прошлом году Джейн сказала, что у него рак. Но она добавила, что отец еще крепок. Волноваться не о чем. Все под контролем. А признался бы отец, если бы ему было плохо? Нет. Черта с два он признался бы. Так, а *когда* был тот разговор с Джейн? Она звонила ему много дней назад.

Коул с силой потер лоб, пытаясь вспомнить, зачем звонила Джейн. Правильно, она спрашивала, готов ли он поставить электронную подпись под каким-то письмом о намерениях, что-то связанное с продажей ранчо. Он был пьян. Это было в порядке вещей. Он ответил Джейн, что ему все равно, что будет с ранчо, что она и отец могут делать с землей все, что им заблагорассудится.

Потом она прислала ему электронное письмо. В тексте было много мелкого шрифта. Коул не потрудился прочитать документ перед тем, как поставить электронную подпись.

Но теперь, когда он удосужился подумать об этом, стало ясно, что отец ни при каких условиях не согласился бы расстаться со своим драгоценным ранчо. Пока он жив.

Знала ли тогда Джейн, что здоровье отца ухудшается? Попыталась ли она воспользоваться ситуацией?

Такова Джейн. Удивляться нечему.

Коул оттолкнулся от ограждения и пошел по тротуару. Такси. Ему нужно такси.

Из бара выбежал Гэвин и бросился за ним.

– Коул! Подожди!

Гэвин нагнал Коула и схватил за руку, когда тот переходил дорогу.

– Ты куда?

Макдона повернулся лицом к другу. Блэк застыл, увидев выражение его лица в свете уличного фонаря.

– Иисусе! Что случилось?

Коул стоял, покачиваясь, пытаясь расставить по местам части головолмки, взорвавшейся в его голове после этого звонка.

– Я собираюсь вернуться в мотель, зарядить телефон. Мне нужно позвонить сестре.

– Кто тебе звонил? Все в порядке?

Нет. Не в порядке. Его отец умирает.

«...вы купаетесь в жалости к самому себе... напиваетесь до бесчувствия каждый вечер, но это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании...»

Кем была эта женщина и почему она судит о нем? Что она знает о выживании? Или о семье, которую он потерял?

– Мой отец умирает, – спокойно ответил Коул, хладнокровие и ясность проступили на периферии его затуманенного мозга. – А я даже не знаю, что чувствую по этому поводу. Сделай одолжение: отвези меня обратно в мотель. Мне надо собрать кое-какие вещи, взять паспорт. А потом довези меня до аэропорта.

– Ты пьян.

– Я буду наполовину трезвым, когда сяду на ближайший рейс. К тому моменту, когда мы приземлимся в аэропорту Ванкувера, я буду трезв как стеклышко.

Из Международного аэропорта Ванкувера ему придется добраться до Пембертона. Там он оставил свой легкий двухместный самолет «Пайпер Каб», у друга, снимавшего тот самый дом, в котором когда-то жили они с Холли. Из Пембертона он долетит до Карибу. Как только намерение сформировалось в его мозгу, до Коула дошло: он принял решение вернуться домой. Впервые за последние тринадцать лет. Возвращение блудного сына.

– По крайней мере, ты наконец *протрезвеешь*. Не знаю, сколько еще таких вечеров ты выдержишь, убивая себя. Кто это был? Кто звонил?

– Какая-то женщина по имени Оливия.

Гэвин посмотрел на него в упор.

– Какая-то женщина по имени Оливия только что спасла твою жалкую задницу, знаешь об этом? Ладно, идем.

* * *

Оливия сидела в кровати. Эйс храпел у нее в ногах. Она раздраженно перелистывала книгу Коула. Он бросил трубку, ублюдок. Остро ощущая личное оскорбление, Оливия испытывала жалость к Майрону. Она поверила, что старику лучше помириться с сыном. Возможно, это было бы хорошо и для его сына. Даром потерянное время.

Что-то в тексте привлекло ее внимание. Она поднесла страницу ближе к глазам, прочла слова.

«Выживание – это путешествие. Этот квест является изнанкой всей Истории. География, культура, эпоха не имеют значения. В том или ином виде история выживания – это такая же история, которую мы увлеченно слушаем, сидя с охотниками вокруг костра. Или слышим из уст астронавта, вернувшегося с горевшего космического корабля, или от женщины, победившей рак. Мы слушаем в надежде узнать, каким волшебством они воспользовались, чтобы победить опасного зверя, одержать решающую победу, одному спуститься с вершин Эвереста и остаться в живых...»

Оливия посмотрела на обложку книги. Там было еще одно фото автора.

На этом снимке в его серо-стальных глазах были искорки того, что могло показаться удивлением. Фотография была сделана где-то в Африке. Кожа Коула загорела до черноты, полуулыбка изогнула его широкий, красиво вылепленный рот. Как будто он знал секрет. Возможно, секрет того, как чувствовать себя живым. Оливия сглотнула. Она увидела фамильное сходство между сыном и отцом, к которому относилась с такой теплотой. И вдруг стало абсолютно ясно, почему ей не понравился Коул.

Причина была не в том, что он излучал сексуальную, бросающуюся в глаза альфа-мужественность. И не в том, что он, казалось, исподтишка показывает средний палец. И не в том, что Оливия завидовала той храбрости, с которой он впивается в жизнь с такой полнотой и таким упорством. Нет, причина не в этом.

Это было медленно осознаваемое признание того, что Оливию тянуло к Коулу. Тянуло так, что это ощущалось ею как опасность. И привлекала не только внешность, но и ум. Оливию заводила мужская красота его прозы, чистые, мускулистые сентенции, выдававшие в авторе скрытое сочувствие. Он зорко наблюдал за миром и человеческой природой в нем.

Мысль о таком человеке, как Коул Макдона, одновременно возбуждала и угрожала. Оливия отложила книгу и погасила керосиновую лампу. Хорошо, что он не приедет. Ей бы не хотелось встретиться с ним лицом к лицу. Она не хотела больше находить привлекательным ни одного мужчину. Отвращение в глазах собственного мужа, увиденное ею, когда он безразлично попытался заняться с ней любовью после того, как она излечилась, раздавило Оливию.

Она не собиралась снова проходить через такое разрушительное унижение.

* * *

Юджин видел, как в ее маленьком домике погас свет. Холодный ветер свистел у него в ушах, где-то на далеких черных холмах был

волк. При этом охотничьем зове волоски на его руках встали дыбом. Мысли вернулись к родной долине. Дикая природа. Свобода. Да, он снова ощущал это. После столь долгого времени она – вся целиком – наконец была в зоне достижимости. Он сможет выполнить свою задачу, вернуться к началу, закончить все там, где это началось. Ему понравилось ощущение судьбы во всем этом. Узор был правильным.

Он приехал как раз перед закатом. Осмотрел кемпинг, домики для гостей и персонала, конюшни, большой хозяйский дом. Теперь у него было четкое представление о ранчо. Людей было немного. Как только стемнело, он подошел к хозяйскому дому, заглянул в освещенные окна, пытаясь понять, сколько человек живет в доме, сколько работает.

Тогда-то он и увидел ее через большое панорамное окно на втором этаже. Она разговаривала с седобородым мужчиной в инвалидной коляске. Юджин мгновенно узнал Сару.

Он почувствовал ее всеми фибрами своего существа. Цвет ее волос и то, как они лежали. Овал лица. То, как она наклоняла голову, когда говорила. Линия ее шеи, очертания подбородка.

Он знал Сару Бейкер ближе, чем это удастся любому другому мужчине. Он знал вкус ее рта, вкус самых потаенных уголков ее тела, вкус ее крови и плоти. При этой мысли он сглотнул. Она была в нем, стала частью его.

Юджин уже много узнал о том, как она живет на ранчо. Заметил охотничий нож в ножнах у нее на поясе. Пес у Сары был старым и выглядел так, будто ориентируется он в основном по запаху. Сара уверенно двигалась в темноте, но легкий треск ветки мгновенно напугал ее. Она была стремительной. Настороженной. А это означало, что она до сих пор отлично помнила его. Эта женщина все еще носила в себе тот страх, который он поселил в ней. Юджин удовлетворенно улыбнулся.

Соседний домик явно пустовал. К ее коттеджу не шли телефонные провода. На крыше не было спутниковой тарелки. Труб водоснабжения Юджин тоже не увидел. Телефон Сара носила на поясе. Скорее всего, он был связан с вышкой мобильной связи, которую Юджин видел в горах по дороге на ранчо. К хозяйскому дому шли провода стационарного телефона, на крыше была большая спутниковая тарелка. Скорее всего, она для телевидения. Возможно, есть Интернет. Если не считать этого, то связь во всем районе зависела

от единственной вышки. Это было на руку. Особенно с учетом приближающегося снегопада, который Юджин чувствовал в ночном ветре.

По венам побежал адреналин.

Но игра еще не началась. Пока.

Это не станет игрой до тех пор, пока она не узнает, что играет.

Возможно, его послание еще не обнаружили. Он ничего не услышал по радио и не прочел в газетах, в которые заглянул на заправке в Клинтоне по дороге в Броукен-Бар. Но послание должны обнаружить в ближайшее время. Что это было за послание!

Он подвесил тело в рощице трехгранных тополей у самой дороги.

Возможно, завтра или послезавтра он вернется в город, купит газету и все остальное, что ему необходимо. Еще несколько дней, и Сара будет его.

Негромко заухал филин. Невидимые крылья просвистели между деревьями. Юджин дождался, чтобы на него опустилась тяжелая и холодная мантия ночи, и на траве в свете восходящей луны засверкал иней. Созвездия на небе сместились, и тогда он, словно призрак, растворился в темноте.

Он вернется утром и принесет ей первый маленький подарок. Пора беззвучно возникнуть на периферии ее сознания.

Глава 4

Международный аэропорт О'Хара.

Пятница.

Коул бросил спортивную сумку возле стойки с кофе, оценивая свою мотивацию, заставившую его вообще сесть в самолет.

Коулу нашли место на рейс через четыре часа после того, как Гэвин привез его в маленький аэропорт Флорида-Кис. В Майами потребовалось три часа, чтобы пересесть на рейс до Ванкувера с посадкой в аэропорту О'Хара. За окнами терминала над Чикаго появилась неяркая оранжевая полоса зари. Коула преследовала страшная головная боль. Он чувствовал себя так, словно в стране снов висел между днем и ночью, пытаясь догнать время, двигаясь на запад. У него даже появились мысли о том, что он придумал звонок Оливии Уэст в пьяном угаре.

Коул заказал двойной эспрессо и отправился искать нужный выход на посадку. Зря он это затеял. Коул – последний человек на земле, которого его отец захотел бы видеть, особенно если старый скряга ослабел. Его старик терпеть не мог показывать свою слабость. Особенно сыну.

Куда более хитрая темная мысль пронеслась у него в голове, когда он отпил кофе из картонного стаканчика: учитывая многолетнее отсутствие, от его неожиданного появления на ранчо в дни смертельной болезни отца будет разить бессовестным авантюризмом. Меньше всего на свете Коулу хотелось, чтобы его отец подумал, будто ему что-то от него нужно. Наследство. Часть ранчо. Он сказал Джейн правду. Они могут делать что угодно и с самим местом, и с его призраками.

Коул нашел свободное кресло возле нужного выхода на посадку и открыл ноутбук. В голове стучало, мозг был в тумане. Пока открывалась программа, он позвонил Джейн в Лондон. Когда он попытался связаться с ней перед вылетом из Майами, сестра не взяла трубку.

На этот раз она ответила после третьего гудка.

– Говорит Джейн, – ответила она со своим заимствованным четким британским акцентом. Его сестра всегда была такой

фальшивой.

– Это Коул. Ты знала, что отец умирает? Это правда?

Повисло молчание.

Коул выругался про себя.

– Черт подери, Джейн, ты *знала*?

Вздох.

– Нет. Не совсем. Не знала, пока сегодня утром в жуткую рань мне не позвонила управляющая его ранчо и не сообщила, что отца придется поместить в хоспис. Честно говоря, это был шок. Я знала, что у него рак, но отец сказал мне, что после химиотерапии с ним все в порядке. Отец говорил, что у него ремиссия. Получается, он лгал. И в этом нет ничего нового. Всегда «отлично, все отлично», ты же его знаешь. Я пыталась тебе дозвониться. Ты где?

Он глубоко вдохнул, наблюдая за отцом и сыновьями, которые толкали свой багаж. Они напомнили ему о Тае. О Холли. О потерянных шансах.

– Аэропорт О’Хара. Я еду домой.

– Что?

– Я нашел место в самолете и лечу домой.

– Я... ну... я... Нет, это хорошо. – Джейн откашлялась. – Это действительно кстати, потому что мы с Тодди в данный момент приехать не можем. Ему светит место посла в Бельгии. Когда окажешься на ранчо, дай мне знать, как дела у папы, настолько ли все серьезно, как говорит управляющая ранчо, и нужно ли мне приезжать.

Коул закрыл глаза, сжал пальцами переносицу, досчитал до десяти, потом сказал:

– Кто эта управляющая ранчо, эта Оливия Уэст? Ты что-нибудь знаешь о ней?

Снова странное замешательство.

– Я полагаю, она работает на ранчо инструктором по рыбной ловле и управляет хозяйством в целом. Я впервые говорила с ней. – Голос Джейн дрогнул. – Послушай, по поводу папиного завещания...

– Боже, Джейн, прекрати. Немедленно.

– Но ты с нами, верно? Готов продать ранчо?

– Интересно, а как они на тебя вышли? Когда ты позвонила мне в Гавану и заговорила о продаже, у меня создалось впечатление...

Коул негромко выругался. Он совершенно не помнил, что именно ему говорила Джейн. Не имел ни малейшего представления о том, что она заставила его подписать.

– *Почему* ты позвонила мне по поводу продажи? Если ты думала, что с папой все в порядке?

– Потому что ко мне с этим предложением обратился Клейтон Форбс. – Ее голос зазвучал резко, сестра как будто защищалась. – Он рассказал мне о разных возможностях, потому что... Да потому, что со мной легче говорить, чем с нашим отцом, согласишься. Форбс надеялся, что я сумею направить процесс по нужному руслу, если я... мы заинтересованы.

– В чем точно мы заинтересованы?

– Ты шутишь, да? Ты же подписал документ.

– Я не помню, что подписывал.

– Вероятно, ты был мертвецки пьян, вот почему.

– Пойди навстречу, Джейн. Освежи мою память.

Она негромко выругалась.

– Форбс хотел выяснить позицию нашей семьи, потому что существует невероятно удачная возможность для развития крупного поместья. Он хотел быть уверенным в нашей позиции относительно продажи ранчо до того, как начать вести переговоры с финансистами, заказывать планы, исследование воздействия на окружающую среду и все в таком духе.

– Финансирование? Планирование? Для *Броукен-Бар*?

– Да. Для дорогостоящего коммерческого развития частных владений.

У Коула голова пошла кругом.

– Папа *никогда* бы на такое не согласился. *Никогда*.

– Но мы согласились.

– Ранчо не наше, чтобы мы его продавали.

– Избавь меня от этого, Коул. Папа болен. Никто не живет вечно.

Я прагматик, только и всего, и Клейтон такой же. Он знает, что папа оставит собственность нам. И я знаю, что ты не хочешь иметь ничего общего с этим местом. Поэтому в чем проблема?

Коула при мысли о Клейтоне Форбсе охватили темные чувства. Его преследователь в школе. У Форбса всегда было коварное, двуличное, агрессивное отношение к жизни и людям.

– Что я подписал?

– Документ о намерении войти в добровольные переговоры с девелоперской компанией Форбса, когда мы унаследуем Броукен-Бар.

Дермо. Коул сильнее сжал пальцами переносицу.

По громкой связи объявили посадку на рейс.

– Мне пора. Я позвоню тебе, как только доберусь.

– Подожди. Есть еще кое-что. Клейтон считает, что управляющая папиным ранчо оказывает на него ненужное влияние. Он считает, что она нацелилась на часть наследства, если не на все наследство целиком. Если все получит она, то продавать она не захочет. Вся сделка может рассыпаться.

– И почему Форбс так считает?

Коул смотрел, как пассажиры первого класса выстраиваются в очередь. На его билете стояла буква *D*. Дешевое место.

– Не знаю. Он позвонил мне по этому поводу и предложил, чтобы мы что-то с этим сделали.

– Когда он звонил?

– Да не помню я, Коул. Недавно.

– То есть сегодня утром? После новости о том, что папе придется переехать в хоспис?

– Послушай, мне тоже нужно бежать. У детей школьный поход. Просто позвони мне, когда будешь там, и дай знать, как папа. И проверь эту Оливию, ладно? Судя по всему, никому доподлинно не известно, откуда она, из какой семьи. Она молода и очень привлекательна, и папа, кажется, к ней неравнодушен. – Джейн повесила трубку.

Коул с шумом выдохнул. Господи, во что он только что ввязался? Увлечение Майрона молодой женщиной казалось невозможным, он слишком горько оплакивал потерю жены. Но так было тринадцать лет назад, когда Коул в последний раз виделся с отцом. Мысли мгновенно вернулись к сложенной фотографии, которую он всегда носил в бумажнике, к причине того, почему он много лет назад потерял любовь отца. Но Коул быстро загнал мысли о Джимми и матери как можно дальше. Он не хотел на этом задерживаться, но знал, что возвращение домой означало встречу с этими воспоминаниями.

Когда к стойке регистрации пригласили следующий отсек, Коул быстро переключил внимание на ноутбук и открыл сайт ранчо

Броукен-Бар. Он вывел на экран страницу персонала и кликнул на фотографию и биографию Оливии Уэст. Ее лицо заполнило экран.

Девушка-ковбой. Никакого макияжа. Чистые зеленые глаза, напоминавшие цветом хвойный лес и мох. Прямой взгляд. Черты лица дышат жизненной силой. Волосы теплого каштанового цвета падают густыми волнами на плечи. Полные губы, красивый рот. На шее – красный с белым платок. Клетчатая рубашка на пуговицах, ковбойская шляпа. Привлекательность Оливии была неброской, спортивной. Краткие сведения сообщали о том, что она работала инструктором по рыбной ловле на севере. Юкон. Аляска. Северо-западные территории. Она работала поварихой в далеких лагерях лесорубов и на скотоводческом ранчо в Северной Альберте. Последние три года она провела в Броукен-Бар.

Коул копнул глубже, проверил лагеря, упомянутые в ее биографии. Все было на поверхности, но сестра оказалась права. Он не нашел ни одного упоминания об этой Оливии Уэст старше восьмилетней давности. Никаких связей в соцсетях. Ноль. Он услышал, что на посадку приглашают его отсек, закрыл ноутбук, взял сумку. Когда Коул встал в очередь, в памяти всплыли слова Оливии...

«...Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании. Вам знакомо только стремление к самолюбованию...»

Что такого *она* знала о выживании, что так рассердилась на него? Он практически ничего о ней не знал, а вот она определенно была в курсе его личной жизни. Эта женщина оценила его и сочла ненормальным. Коула охватило любопытство.

Он протянул свой паспорт и посадочный талон.

Женщина с загадочным прошлым? Оказывающая ненужное влияние на его упряма-отца, мужчину, поставившего на пьедестал свою погибшую жену в ущерб всей остальной семье? Маловероятно.

Как маловероятно было и то, что Коул возвращается домой после всех этих лет.

* * *

Ранчо Броукен-Бар.

Пятница. Рассвет.

Ночью температура опустилась ниже нуля. Внизу, рядом с причалом, сверкали бриллиантами инея красные ягоды шиповника и сухие листья. Солнце еще не появилось из-за гор, туман призрачными завитками поднимался от гладкого, как зеркало, озера. На мелководье, не тревожа спокойную поверхность, шныряли форели.

На холмах раздались выстрелы, эхом отозвавшись в долине. Оливия плотнее закуталась в куртку-пуховик. Подмерзшая трава похрустывала под сапогами, пока Оливия прокладывала для Эйса маршрут длиной в полмили, раскладывая по дороге предметы с ее запахом: кусочки ткани, кожаную перчатку, деревяшку, пластиковые завязки для мешков, заколку для волос... Все эти предметы Оливия ночью держала под простыней, чтобы они впитали ее запах. Оливия все никак не могла забыть грубость Коула Макдоны. Высокомерный, любующийся собой пьяница. Что это за мужчина, если ему наплевать на умирающего отца?

И все же она испытывала эгоистичное облегчение от того, что он не придет.

Проложив тропу для Эйса, Оливия вернулась обратно к своему домику и взбежала по трем ступенькам на маленькое крыльцо, смотревшее на туманное озеро. Где-то на воде закричала гагара.

За дверью подвывал Эйс, громко втягивая носом воздух.

– Эй, старина, иди и жди на своей подстилке, – велела ему Оливия, когда пес попытался сунуть нос в щель, как только приоткрылась дверь.

Он послушался и, вздыхая, мутными глазами следил за хозяйкой, пока она брала поводок и шлейку.

Присев на корточки у задней двери с поводком и шлейкой в руке, Оливия позвала пса.

– Давай, мальчик, хочешь пройти по следу? А? Тогда иди сюда!

Эйс, радостно виляя хвостом, подбежал к ней. У Оливии странно защемило сердце, когда он попытался лизнуть ее в лицо, пока она надевала на него ошейник и поводок. Она любила пса всем сердцем. Ему было около восьми лет, не возраст для немецкой овчарки, но у него было непростое начало жизни, и это уже сказывалось. Зубы стерлись почти до корней, и с суставами были проблемы. К тому же Эйс начинал слепнуть.

Оливия нашла его три года назад на заброшенной лесной дороге вскоре после того, как вышла из больницы. Повязки на запястьях были еще свежими, и из больницы Оливия направилась напрямик в винный магазин. Ее целью было заехать подальше в лес, напиться и все-таки свести счеты с жизнью, но так, чтобы в этот раз рядом не нашлось доброго самаритянина, оказавшегося парамедиком и спасшего ее.

Она неплохо заправилась водкой, и ей вообще не следовало бы садиться за руль. Правда, была почти зима, лесовозные дороги опустели, и Оливия ехала куда глаза глядят. Она сбросила скорость, заметив что-то черно-белое, лежавшее на обочине дороги. Сначала она решила, что кто-нибудь сбил лесное животное. Но что-то заставило ее остановиться.

С ужасом она поняла, что это собака и она жива: мешок с костями под плешивой шкурой, не имеющий сил ходить, и с такими умоляющими глазами, что у нее едва не разорвалось сердце. Оливия осторожно ощупала тело собаки и обнаружила сломанные кости. Она отнесла грязное, дурно пахнущее, блохастое животное в свой грузовичок. Сбросив с сиденья наполовину пустую бутылку водки, Оливия разложила на пассажирском сиденье свою куртку вместо подстилки, чтобы придерживать пса рукой, пока будет вести машину. Потом она развернула машину и направилась обратно к цивилизации в поисках ветеринара.

Эйс стал поворотным пунктом в ее жизни. Он заставил ее думать не только о себе, подарив цель в жизни.

Ветеринар определил, что псу примерно четыре года от роду, но добавил, что точно сказать невозможно. Скорее всего, бóльшую часть жизни он провел на привязи: веревка буквально выросла ему в шею. Это сразило Оливию. Она знала, каково это, и в эту минуту поняла, что никогда не сможет предать пса.

Эйс ее спас. Эйс подарил ей безоговорочную любовь. И Оливия щедро дарила любовь в ответ. Эта любовь начала постепенно заживлять раны у нее внутри.

Оливии пришлось снять комнату в мотеле в этом крохотном северном городке, где она дожидалась, пока Эйс полностью поправится. В единственном в городе ресторане-закусочной она нашла на столике газету, в которой было сказано, что Себастьян Джордж – Убийца из Уотт-Лейк – повесился в своей камере. Оливия

ошеломленно таращилась на газету до тех пор, пока официантка не спросила, все ли с ней в порядке.

Тогда она решила, что Эйс ее талисман. Ее ангел-хранитель. Потому что в той же самой газете было и объявление о работе: Майрон искал инструктора по рыбной ловле для своего ранчо Броукен-Бар. Для этой работы у Оливии была квалификация. Вместе с работой она получила домик у озера. Место было сезонным, но могло стать и долгосрочным, круглогодичным, если работник был готов взять на себя дополнительные обязанности по уходу за лошадьми. Идеальное место, чтобы Эйс мог бегать на свободе.

А для нее это был повод, чтобы начать все сначала, но на этот раз уже зная, что *он* мертв. Умер и превратился в пепел в каком-нибудь тюремном крематории.

Она устроила Эйса в грузовичке, поехала на юг и встретила с Майроном, который сумел увидеть нечто большее в той развалине, какой тогда была Оливия, и нанял ее. В Броукен-Бар она нашла покой и дружбу. Она нашла дом.

Эйс, ранчо и Майрон образовали скелет, позвоночник, вокруг которого она могла выстроить новую жизнь. Теперь она теряла Майрона и с максимальной вероятностью свой дом тоже. Даже Эйс потихоньку угасал. Оливия гадала, не растечется ли она бесформенной лужей без поддержки этих «костей».

Оливия вывела пса из домика и повела к озеру, где раньше оставила подушечку с запахом в начале тропы со следами. Эйс энергично натягивал поводок.

Ветеринар в Клинтоне сказал, что в течение года пес, вероятно, полностью ослепнет. И хотя он успешно искал предметы и без поводка шел по следу человека, Оливия опасалась, что он может свалиться с утеса или подвергнуть себя какой-то другой физической опасности. Поэтому она начала натаскивать его на поводке, Эйсу приходилось идти медленно, опустив нос, чтобы методично переходить от одного предмета к другому. Чаще всего это было только развлечением. Они просто проводили время вместе. И эта забава совпадала с той страстью, которую Оливия питала к поискам следов.

Она открыла большой пакет на застежке. В нем был свитер, который она уже надевала, она дала его понюхать Эйсу.

– Ищи, Эйс, ищи.

Он сунул нос в пакет, запоминая запах, который ему предстояло найти, затем понюхал землю вокруг, ища совпадения, громко втягивая ноздрями воздух. Когда пес почуял подушечку, которую оставила для него Оливия, он натянул поводок и устремился вперед, опустив нос к земле, зигзагами передвигаясь от одного запаха к другому по покрытой ином траве.

Оливия не выпускала поводок и бежала следом, ее дыхание превращалось в пар, растворяясь в белом тумане. Они быстро двигались вдоль берега озера, а затем вверх, на поле, где она оставила «коробку» и «лестницу» с запахами. Эйс легко справился с углами «коробки». Оливия следила за псом, дожидаясь того момента, когда он потеряет запах. Это случилось в конце «лестницы». Как только Оливия поняла это по его позе, она ослабила поводок, позволяя Эйсу работать по более широкой дуге, пока не увидела, что он поймал запах на вершине следующей «лестницы».

– Хороший мальчик, Эйс. Отлично работаешь, – задыхаясь, произнесла Оливия, двигаясь следом.

Пес замедлил бег и неожиданно лег. Между его лапами, у кончика носа лежала перчатка, первый предмет из тех, которые она оставила.

– Да! Молодец, парень! – Оливия подняла перчатку и убрала ее в мешок, потом снова опустила руку к земле. – Ищи, Эйс. Продолжай искать.

Они добрались до упавших сухих деревьев. Эти ели погубил короед, они стали сухими, ломкими и внушающими суеверный ужас. Появление женщины и собаки напугало двух огромных серых оленей, которые рванулись через сухие ветки к болотистому участку.

За каждый найденный предмет Оливия щедро хвалила Эйса. Они прошли почти четверть мили, уже преодолели гребень, когда Оливия увидела другие следы на замерзшей траве.

Мужские следы.

Она замедлила бег, чтобы рассмотреть их. Следы от сапог. Большого размера.

Судя по примятой траве, человек шел в том же направлении, что и она, когда оставляла следы для Эйса. Размер обуви примерно двенадцатый^[3]. Широкий шаг. И трава примята недавно. Оливия подняла глаза, рассматривая линию следов. Они шли параллельно ее

сложной системе следов в форме «коробки» и «лестницы». Волосы на затылке встали дыбом.

Оливия сказала себе, что это всего лишь совпадение.

– Вперед, Эйс, ищи.

Пес снова натянул поводок. В душе остался неприятный осадок. Что-то было не так. Эйс нашел следующий предмет, обнюхал его и прошел мимо.

– Эй, полегче, мальчик! Вернись. Ты пропустил предмет.

Оливия натянула поводок и присела на корточки, чтобы подобрать пропущенный предмет. Шарф. Не ее.

Не ее запах. Вот почему Эйс не отреагировал.

Шарф был мягкий, кашемировый, сочетание цветов – жженный оранжевый, золото, охра, рисунок – стилизованный узор из кактусов и плоских холмов. На крошечном ярлычке, вшитом в шов, было написано «Ручная работа, Лулу Дизайн, Аризона». Оливия похолодела. Огляделась.

Эйс в ожидании сел, тяжело дыша. Внимание Оливии вернулось к следам, параллельным проложенному ею маршруту и расположенным слева от него, потом она посмотрела на темный хвойный лес, в который они направлялись.

Солнце еще не взошло, среди деревьев оставались глубокие тени. Оливия пристально посмотрела на эти тени, пытаясь уловить движение.

Ничего.

Она медленно повернулась, тщательно изучая то, что ее окружало. Над головой пролетел ястреб.

Утка в панике захлопала крыльями. Когда крыльями хлопает гривастый тетерев, звук такой же. Перья ворона издавали другой звук в потоках воздуха. На озере из воды выпрыгнула рыба и плюхнулась обратно. Все было нормально.

Оливия еще раз посмотрела на деревья. И на этот раз ее охватил леденящий холод. Что-то *находилось* в этих деревьях, темное, реальное, и оно смотрело на нее. Она чувствовала это нутром.

Двенадцать лет назад ей следовало бы поверить своему нутру.

Сейчас она ему верила.

– Ладно, Эйс, – шепнула Оливия, опускаясь рядом с Эйсом на корточки, снимая шлейку для поиска и меняя ее на обычный

поводок. – Мы закончили. Давай возвращаться, мальчик.

Пес выглядел сбитым с толку, когда Оливия быстро повела его к тропинке, где не было деревьев и на которой ее будет видно из окон хозяйского дома.

Когда они ступили на тропинку, над горизонтом показалось солнце, и на поля легли его теплые желтые и красные лучи. Иней сразу же начал таять, и от травы мгновенно начал подниматься пар. Озеро сменило цвет с тускло-серого на глубокий бирюзово-зеленый, и ранчо вдруг стало идеальной картинкой осени с белыми стволами осин и дрожащими золотистыми листьями. С тропинки Оливия видела лодки, направлявшиеся к кемпингу. Напряжение отпустило ее.

Собственные страхи вдруг показались абсурдными. Настроение улучшилось, и мысли вернулись к горячему кофе, который она оставила вариться, и о завтраке, который она съест перед тем, как отправится по делам.

Но когда они с Эйсом подошли к коттеджу, Оливия заметила что-то на коврике у двери. Она поднялась по ступенькам и задержалась на мгновение, разглядывая маленькую корзинку дикой черники.

Слова, ничем не сдерживаемые, закружились у нее в голове, словно дым, его голос звучал, словно мягкий бархат поверх гравия. Воспитанный, соблазнительный, возбуждающий. Темный...

«На берегу реки в зарослях появились ягоды прекрасной дикой черники, Сара... С ними получится замечательный пирог ко Дню благодарения...»

У Оливии пересохло во рту. Ее мир сузился. Руки затряслись.

На холмах раздался выстрел из охотничьего ружья. Кожа Оливии покрылась потом, несмотря на утреннюю прохладу, спираль времени начала раскручиваться в обратную сторону, вызывая болезненную тошноту. Оливия увидела его глаза. Они смотрели на нее. Светло-янтарные, как у кугуара. Прозрачные, словно мед из иван-чая. Опушенные густыми темными ресницами. Его улыбка – зубы такие белые и безупречные. Дикие черные кудри цвета воронова крыла.

«Сара...»

«Нет».

Она вцепилась в перила крыльца.

«Прекрати».

«Никаких возвращений к прошлому».

«Ты не жертва. Не пленница прошлого. Воспоминания под запретом. Он мертв. Его больше нет. Ты в безопасности. Сара умерла вместе с ним. Ты – Оливия. Это твое убежище. Никто не может отобрать его у тебя. Не оглядывайся назад...»

В душе Оливии медленно разгорался гнев. Она подобрала корзинку с ягодами и открыла дверь. Войдя в дом, Оливия разожгла огонь так, что пламя свирепо заревело. Она накормила Эйса завтраком и налила себе крепкий кофе. Сделав долгожданный глоток горячего темного напитка, она позволила ему обжечь горло, и это ощущение вынудило ее вернуться в настоящее.

«Сохраняй спокойствие. Оставайся сосредоточенной».

Появлению шарфа и черники наверняка было простое объяснение. Должно было быть. Она его найдет.

Оливия допила кофе, Эйс покончил с завтраком. Она схватила шарф и корзинку с ягодами и широким шагом направилась к хозяйскому дому.

* * *

На полках магазина спортивных товаров и товаров для лесорубов он нашел веревку, болторез, клейкую ленту, тиски для вязания мушек, клещи, пакеты с шерстью бобра, несколько ярких петушиных перьев, перья шотландской куропатки, моток геодезической мерной ленты цвета лайма, пакетик ярко-красных блестящих бусин, дверные крючки с петлями размера 1/0 и 2/0 и моток голографической нити. К этому он добавил походный разделочный нож с небольшим бугорком на лезвии. У лезвия была странная форма в виде листика дерева, но как только его кончик вонзится в подбрюшье животного, достаточно будет легкого движения кисти назад, и шкура снимется легко, словно сливочное масло. Этот разделочный нож отлично дополнит универсальный нож, который уже был у Юджина и хранился в доме на колесах. Этот нож сделал бы намного приятнее все происходившее у реки Биркенхед позапрошлой ночью.

По дороге на ранчо ему удалось стащить в охотничьем лагере оружие: «ремингтон» калибра 308 с продольно-скользящим поворотным затвором, помповый винчестер калибра 12 и несколько

коробок патронов. В этой стране владение оружием строго регулировалось. Купить ружье без необходимых документов не представлялось возможным. Юджин был доволен этим приобретением. У ружья был хороший вес, идеальный для охоты на оленя в густом лесу. Юджин оставит себе винчестер, а ружье отдаст ей, как это было и во время их последней охоты. Да, это будет вызовом. Да, он может погибнуть. Но в этом смысл настоящей охоты. Охотник всегда должен предполагать возможность собственной смерти, если он охотится на стоящую добычу.

Женщина за кассой спортивного магазина была очаровательной. Она заигрывала с Юджином, пробивая его покупки и беря кредитку. Продащица болтала о надвигающейся непогоде и о крупном олене, которого ее брат подстрелил на выходных. Юджин улыбнулся и встретился с ней взглядом. Он смотрел, как в ответ розовеют ее щеки, как расширяются зрачки. Это напомнило ему девушку в библиотеке. Но теперь для него существовала только одна девушка. У него осталась одна игра.

От магазина спортивных товаров Юджин дошел до маленького супермаркета, где купил продукты. Он взглянул на витрину с газетами и журналами.

Никаких новостей о теле. Его послание еще не было получено.

Завтра он еще раз проделает часовой путь до Клинтонна, чтобы проверить газеты.

* * *

Когда Оливия вошла в холл, экономка как раз поднималась с бельевой корзиной по широкой деревянной лестнице.

– Адель! – окликнула ее Оливия. – Это вы оставили для меня корзинку с ягодами у входа в дом?

Экономка остановилась на полпути, нахмурилась и посмотрела на Оливию.

– Нет. С какой стати? Все в порядке?

Та замялась, неожиданно почувствовав себя неловко.

– Мне... просто стало интересно. Записки не было.

– Сегодня утром Джейсон привез с рынка в Клинтоне несколько ящиков овощей и фруктов. Он купил и лесные грибы. Может быть, он или Нелла оставили ягоды.

Оливия испытала огромное облегчение. Да, разумеется, это Джейсон или Нелла. Она запаниковала без причины и нашла связи, которых не было.

– Я спрошу их, спасибо. А если кто-то спросит о потерянном шарфе, то я нашла вот этот на поле, неподалеку от пустующих домиков работников конюшни.

Она подняла шарф так, чтобы Адель его увидела.

Экономка кивнула и снова двинулась вверх по ступенькам.

Оливия отправилась напрямиком на кухню. Толкнула дверь, и ее охватило тепло домашнего очага. Что-то восхитительное кипело на газовой плите. Кастрюли из меди и нержавеющей стали висели на кедровых балках над кухонным «островком» с толстой деревянной столешницей. В глиняных контейнерах на широком, залитом солнцем подоконнике росли душистые травы.

Грейс, покойная жена Майрона, спроектировала эту кухню, когда они впервые открыли хозяйский дом для постояльцев. Майрон никогда сюда не заходил. Он чувствовал присутствие жены даже через столько лет после ее смерти.

Оливия поставила корзинку с ягодами на деревянный стол.

– Джейсон! – позвала она шеф-повара, снимая с шеи шарф и заглядывая в кладовую. Там было пусто. Джейсон не мог далеко уйти, принимая во внимание булькающие на плите кастрюли.

Через заднюю дверь она вышла в огород с травами. Джейсона Чена не было и там. Не оказалось и его дочери Неллы.

Когда Оливия снова вернулась в кухню, до нее донесся глухой стук из холодильной комнаты. Дверь туда была приоткрыта, из нее вырывались клубы холодного воздуха.

Оливия уставилась на дверь и похолодела.

Еще один стук.

– Джейсон! – снова позвала Оливия, направляясь к двери, хотя живот у нее сжимался от желания убежать. Распахнув дверь шире, она вошла внутрь. Половина туши убитого животного неожиданно покачнулась и ударила ее в плечо.

– Черт!

Оливия отпрыгнула в сторону, кровь бешено стучала у нее в ушах.

Половина оленьей туши раскачивалась вперед и назад, крюк, на котором она висела, поскрипывал. Рядом с оленем висели две разделанные индейки и несколько тушек дичи. Оливия не могла отвести взгляд от оленя. Освежеванного, с выпущенной кровью, с белыми сухожилиями.

У нее на коже выступил пот. Перед мысленным взором предстало женское тело с частично содранной кожей, подвешенное за шею на крюк для мяса. У женщины были рыжие волосы на голове и на лобке. Оливия ощутила во рту вкус желчи.

– Оливия? – из-за туши оленя вышел Джейсон. – Я только что достал этого красавца, чтобы нарезать мяса для жаркого из оленины. Оно будет в меню завтра вечером. На ужин в пятницу придет целая толпа.

Ее взгляд не отрывался от крюка для мяса. Кровь отлила от головы. Оливия покачнулась, мир начал вращаться по спирали, увлекая ее в черный туннель памяти. Она не могла дышать.

Оливия отступила назад, зацепилась каблуком и пошатнулась.

– Лив? – Повар поймал ее за руку. – Ты в порядке?

– Я... да. – Оливия развернулась и быстро вышла из холодильной комнаты, сердце громко стучало.

Джейсон вышел следом. От удивления у него на лбу появилась морщина.

– Ты бледная как покойник, – сказал Джейсон, когда Оливия вцепилась в спинку стула, чтобы удержаться на ногах. – Ты действительно в порядке?

Оливия услышала крик гусей. Звук доносился через дверь кухни, которую она не закрыла. Оливии вдруг показалось, что на улице весна. Она ощущала ее запах. Она чувствовала запах человеческой крови.

«Нет!

Гуси летят на юг. Сейчас осень. Ты в Броукен-Бар. Все отлично, черт возьми. Отлично».

Она крепко вцепилась в спинку стула, опустила на минуту голову, стараясь оставаться в настоящем.

– Я... я в порядке. Просто дай мне минуту.

«Не позволяй воспоминаниям возвращаться. Ты не можешь снова дать им волю...»

Кровь снова прилила к голове. Оливия почувствовала, как теплеют щеки. Она медленно подняла голову и выдавила из себя улыбку.

– Прости. Должно быть, я подцепила вирус или что-то еще. У меня на мгновение закружилась голова.

– Дать тебе стакан воды? Или сока? – В узких темных глазах повара появилась тревога.

– Нет, спасибо. Я только хотела поблагодарить тебя за чернику, которую ты оставил сегодня утром у меня на пороге.

Джейсон посмотрел на корзинку с черникой на столе.

– Я этого не оставлял.

Оливия оцепенела.

– Может быть, это сделала Нелла? – Ее голос прозвучал напряженно.

– Не знаю. – Складка на лбу Джейсона стала глубже, когда он посмотрел на Оливию. – Это важно? Я могу ее найти и спросить. Она, вероятно, кормит цыплят или смотрит, как Брэнниган ухаживает за лошадьми.

– Спасибо, не стоит. – Оливия заставила себя коротко рассмеяться, но это далось нелегко.

– Я привез из Клинтонна пару подносов с черникой, поэтому Нелла вполне могла это сделать.

– Поблаговари ее от меня, ладно? Я возьму кофе для себя и яблоко для Спирит и уберусь из твоей кухни.

Чувствуя на себе взгляд Джейсона, Оливия налила себе кофе в большую кружку, взяла яблоко из миски на столе и направилась в свой кабинет, расположенный рядом с гостиной.

Эйс был уже там и спал в своей корзинке в лучах желтого солнечного света. Оливия проверила почту на предмет нового бронирования через сайт. Ничего не было.

Если не считать тех, кто приехал вчера ближе к ночи, то это, скорее всего, конец сезона.

Она прослушала голосовую почту, просмотрела зарезервированные столики, чтобы понять, сколько будет гостей за обедом в выходные.

Прежде чем выйти, она просмотрела ежедневную сводку погоды. И очень удивилась. В ближайшее время ожидалась сильная буря. Снег,

который должен был пойти во второй половине дня в понедельник. Предсказывали высоту снежного покрова до двух футов. Все выглядело так, будто зима должна была прийти в этом году рано, сразу после длинных выходных. Надо предупредить гостей. В этих местах снег на дорогах не чистили, и после сильных снегопадов грунтовые дороги становились непроходимыми. Их могло отрезать на несколько дней.

Схватив книгу бронирования и считывающее устройство для кредитных карт, достав из сейфа сумочку с наличными, Оливия свистнула Эйсу и направилась к двери. Она помогла псу забраться в кабину и поехала к конюшням, где Брэнниган, грум, как обычно рубил и связывал в вязанки дрова для кемпинга.

Проведав Спирит и скормив ей яблоко, Оливия надела перчатки, опустила задний борт и начала бросать вязанки в кузов грузовичка. От работы она вспотела и вытерла лоб рукавом. Хорошо! Она уже почувствовала себя крепче. Солнце поднималось, быстро теплело. Что бы ни мучило ее этим утром, это прошло. Она с этим покончила.

Когда Оливия приехала в кемпинг, то увидела, что два места заняты новыми гостями. Ближе к ней стоял серый грузовик «Форд», припаркованный поперек въезда. Оливия оставила Эйса в кабине, обошла «Форд» и направилась по тропинке туда, где стоял дом на колесах, отсоединенный от грузовика. Рядом с домом на колесах работал генератор, от которого питался маленький холодильник. Никого не было. Она собралась уже вернуться и записать номера «Форда», когда заметила кровь, струившуюся по стенке холодильника. Оливия застыла.

В ушах зазвенело.

Перед глазами появилась черная пелена, Оливия почти ничего не видела, кроме крошечных искорок света. И вдруг почувяла *его*. Он был у нее за спиной, его горячее дыхание на ее щеке, у ее уха, его шепот.

«Gamos, Сара. Это брак... мы соединены...»

Оливия развернулась, сердце едва не выскакивало у нее из груди. Вокруг стояли скрученные широкохвойные сосны. Черные ветки на фоне неба. Темные деревья закружились вокруг нее, быстрее, быстрее в головокружительном калейдоскопе светлого и темного. Сосновые лапы перешептывались и раскачивались. Перед глазами Оливии снова

раскачивалось фиолетово-белое тело рыжеволосой женщины, свисающее с поскрипывающего крюка.

Она увидела блеск ножа.

Сквозь щели сарая ей было видно, как *он* отрезал от тела куски мяса, складывал их в морозильник, и кровь стекала по стенке.

Оливия ухватилась за край стола для пикника. Она пыталась вдохнуть. Но легкие были перенасыщены кислородом. Она торопливо вернулась к своему грузовичку. Ветер налетал порывами. Ветки раскачивались.

Сара... Ссссссара...

Она добралась до машины, отодвинула Эйса, села за руль и захлопнула дверцу. Посидела немного. Руки тряслись, на коже выступили капли пота.

«Оливия. Тебя зовут Оливия Уэст. Он мертв. Ты не можешь позволить воспоминаниям вернуться. Ты не можешь вернуться в прошлое...»

Протянув руку, она включила зажигание, нажала на газ, и гравий полетел из-под колес ее грузовичка. Машина пошла юзом. Оливия слишком быстро ехала вокруг озера, за ней клубилась пыль. Когда Оливия добралась до хозяйского дома, ее рубашка промокла насквозь. Руки все еще дрожали. Во рту поселился кислый вкус.

Это происходило снова. Воспоминания возвращались. И все станет только хуже, если она не найдет способ остановить их.

Глава 5

Пятница, ближе к вечеру.

Ванкувер.

В дверь дома постучали. Тори побежала открывать. На крыльце стоял сержант Мэк Якима в джинсах и кожаной куртке.

– Привет, дружок, – поздоровался он и тепло улыбнулся. – Я приехал за твоим отцом, чтобы отвезти его на большую вечеринку в честь выхода на пенсию.

– Он не хочет выходить на пенсию.

Мэк уставился на Тори. Патовая ситуация. Он откашлялся.

– Конечно же, хочет. – Сержант нагнулся к девочке. – Не говори ему, но мы купили в подарок нахлыстовое удилище, о котором он всегда мечтал. Ему не терпится стряхнуть пыль со снастей. Его ждет нирвана рыболова.

– Папе всего пятьдесят шесть, – парировала Тори. – В пятьдесят шесть лет люди выходят на пенсию, только если что-то не так.

– Может быть, ты скажешь ему, что я здесь? – Мэк прошел за ней в дом.

– Папа! – крикнула Тори, подняв голову к лестнице. – Сержант Мэк приехал.

Она протопала мимо него и уселась перед телевизором.

Ее охватило раздражение. Тори крепко сжала руки. Она любила своего папу. Но маму она любила больше всего на свете. Мама погибла по ее вине, ведь это Тори не сумела вытащить ее из снега. У девочки защипало глаза, она сразу вспомнила, как дергались мамины ноги, когда она тянула ее за лыжные ботинки. Все больше снега падало в яму, и он засыпал маму каждый раз, когда Тори пыталась ее вытащить. Потом целая шапка снега упала с дерева над ними и засыпала их обеих. Как будто это было вчера, Тори ощутила спазм в маминых ногах, потом внезапную страшную вялость. Тори тогда закричала, зовя на помощь, но тут сверху снова упал снег, заглушая ее крики.

– Готов к большой вечеринке? – Мэк шлепнул папу по спине.

Тори, делая вид, что смотрит телевизор, украдкой разглядывала мужчин, стоявших в холле. Она видела, что этот жест фальшивый.

– Что случилось с твоей рукой? – спросил Мэк.

Отец поднял правую руку. Она была перевязана. Раньше Тори этого не замечала.

– Разбил вчера вечером, когда перевешивал книжную полку.

Девочка нахмурилась. Она не слышала, чтобы отец перевешивал какие-то полки. Впрочем, вечером она заперлась в своей комнате и слушала музыку.

Папа заглянул в гостиную.

– Тори, ты уверена, что обойдешься без няни?

– Мне почти двенадцать, – резко бросила Тори, отказываясь смотреть на него. Вместо этого она свирепо смотрела в телевизор. Но она знала, почему папа спрашивает об этом: он беспокоился о ее настроении после того случая в школе.

– Я не знаю точно, когда вернусь, дружок. Не полуночничай, ладно?

Тори не ответила.

Когда мужчины выходили за дверь, Тори услышала, как папа сказал:

– Я еще могу сам водить машину, знаешь ли.

Мэк искренне рассмеялся.

– Нет, после выпивки сегодня вечером ты этого не сможешь.

Дверь хлопнула. Тори услышала, как их шаги прохрустели под окном, увидела макушки отца и Мэка.

Она встала, подошла к окну.

Посмотрела, как они садятся в машину Мэка, выезжают задним ходом с подъездной дорожки и уносятся прочь. Убедившись в том, что они уехали, Тори поспешила вверх, в кабинет отца. Дверь туда не запиралась. Тори открыла ее. Пульс участился, когда Тори направилась к шкафу с папками. Она видела, что отец убирал туда складывающуюся гармошкой папку с вырезками из газет и фотографиями с места преступления. Отец попытался спрятать их от нее, но один снимок упал на пол. Черно-белое изображение женского тела. Тори потянула на себя ящик шкафа. Он был заперт. Она порылась в ящиках отцовского письменного стола. Ключа нигде не оказалось.

Тори постояла, обдумывая ситуацию. Ее отец изменился. Все изменилось с тех пор, как погибла мама. Он прятал какие-то вещи, становился все более странным, вспыльчивым и далеким. Тори это злило. У нее появлялось такое чувство, будто он забывает маму.

Забывает Тори. Забывает ту семью, какой они были раньше. Тори овладело безрассудство, подстегиваемое болью.

Она включила отцовский компьютер и застыла, услышав шум колес на мокрой мостовой за окнами. Но автомобиль проехал мимо их подъездной дорожки.

Компьютер отца был защищен паролем. Ни одно из тех слов, что она вводила в окошко, не сработало. Тори выключила компьютер, развернулась во вращающемся кресле и снова задумалась. Потом она встала и быстро прошла в смежную комнату, которая раньше служила кабинетом матери.

Осторожно открыв дверь, Тори вошла внутрь.

В кабинете было холодно, отопление отключено.

Тори все еще ощущала аромат материнских духов. Всюду были книги. На маленьком столике с безделушками, которые мама собирала многие годы, стоял ноутбук. Панорамное окно впускало много света, несмотря на штормовое небо. Скамья для чтения с подушками в розово-зеленый узор из махровых роз занимала всю ширину окна.

Красивая комната. Неяркая и нежная, с акцентами цвета голубоватой фуксии, которые подчеркивали игривость, свойственную матери, а Тори напоминали искорки в ее глазах. И легкую улыбку, которая так часто изгибала мамины губы.

Мама была успешной писательницей. Именно в этой симпатичной, успокаивающей комнате она написала самые мрачные свои романы, детективы и триллеры. Критики утверждали, что они написаны по заголовкам газет и обычно основаны на реальных преступлениях. В романах всегда был настоящий секс. Насилие. Тори не разрешали их читать, но она нашла книги в публичной библиотеке и в Интернете и все равно их прочла.

Учительница английского сказала, что Тори унаследовала от матери талант к писательству. Другие говорили, что она похожа на маму внешне и во многих других отношениях. Тори всем сообщила, что тоже когда-нибудь станет писательницей. У нее щипало глаза, когда она дотрагивалась до вещей матери. Тори взяла рамку с фотографией, на которой они были втроем. Три мушкетера, так их обычно называл папа. Мысли Тори вернулись к словам, которые сказал пастор в церкви на погребальной службе, как он говорил о том, что ее мать теперь в *лучшем* месте. С Богом.

Какой Бог сотворил такое? Украл человека, которого ты любила больше всего на свете? Почему то место *лучше*?

С болью в сердце Тори поставила фотографию на место и свернулась калачиком на скамье у окна, где мама обычно читала ей. Крепко прижав к груди маленькую подушечку, Тори смотрела на дождь за окном. Небо было нависшим и серым, как военный корабль. Тори не могла разглядеть горы на другом берегу. Все время ревели корабельные сирены.

Еще крепче прижав к себе маленькую подушку, Тори заснула, ей снились плохие сны. Она проснулась с криком. Сердце билось часто-часто. На улице темнело. Дрожа, Тори встала со скамьи, подняла крышку, чтобы взять мягкий шерстяной плед, который связала мама.

В ящике скамьи на аккуратно сложенном пледе лежали напечатанные страницы рукописи, перетянутые резинкой. Тори включила лампу и взяла рукопись. Прочла титульную страницу.

Обещание

Мелоди Вандербильт

У Тори перехватило дыхание. После несчастного случая она не открывала скамью и рукопись не видела. Она неуверенно коснулась слов, черных на белом. Более долговечных, чем плоть. Слова, которые ее мать перенесла на бумагу. Слова, которые пережили ее. Тори показалось, что грудь вот-вот разорвется от боли. Мама как-то сказала ей, что слова – это что-то вроде волшебства, древних рун, символов. Если ты знаешь, как открыть их и декодировать, то в твоей голове появятся заколдованные истории, люди и события.

«Над этим ты работала, мама, когда оставила нас?»

На страницу упала слеза, оставила серый след и напугала Тори: она даже не почувствовала, что плачет. Тори сняла с рукописи резинку и отложила титульную страницу. Под ней оказалась страница с посвящением.

«Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда будешь готова. Я буду всегда любить тебя, даже больше, чем ты сможешь представить...»

У Тори колотилось сердце, когда она читала эти строчки. Почти бессознательно она опустила крышку скамьи и снова села на нее. Завернувшись в плед, она начала читать:

«ПРОЛОГ

Это началось, как начинаются все встречи, когда пересекаются пути. Молчание, приветствие, взгляд, прикосновение... И вы необратимо меняетесь благодаря этому. Иногда это взаимодействие очень легкое, подобное прикосновению переливающейся стрекозы, присевшей на тыльную сторону руки. Но оно может оказаться и землетрясением, которое покачет ваш мир, врежется в самые основы и направит вас по новому пути. Этот момент настал для Сары, когда он впервые вошел в магазин.

Звякнул колокольчик, ворвался поток холодного воздуха. Чувствуя, что вошло нечто необычное, она подняла глаза.

Его глаза задержались на ее лице. Он ее рассматривал, и от этого у нее в животе похолодело. Обычно она улыбалась и здоровалась, но в этот раз она инстинктивно отвела глаза и продолжала заниматься счетами. И все же она чувствовала на себе его взгляд: грубый, откровенный, ощупывающий, пока он шел к прилавку, за которым она работала.

– Доброе утро.

Ей пришлось посмотреть в эти внушающие ужас светло-янтарные глаза. Как у кугуара. Дикого хищника.

Он улыбнулся. И это было завораживающе. От этой улыбки в ее животе заворчалось что-то низменное и горячее. Его давно не стриженные волосы были цвета чернил. Но ничего неприятного. Он немного напомнил ей того актера, Руфуса Сьюэлла. Такие же кудри. Такой же напор. Высокий. Загорелый. Скуластый. Красивые пальцы, сильные кисти.

Она помогла ему выбрать бусинки – серебристые, красные – нить, шерсть бобра, перья, крючки. Когда она пробивала его покупки, он позволил своей руке коснуться ее пальцев.

И в этот момент Сара немного обрадовалась тому, что сегодня с ней в магазине не было Этана. Вам знакомы такие моменты? Они для вас ничего не значат. Вы никогда не станете изменять. Но они зажигают в вас искорку. От них мир становится лучше. Они заставляют вас почувствовать себя живой и сексуальной. Короче говоря, они помогают вам ощутить, что вы живете.

Возвращаясь потом к этой минуте, Сара решила, что именно в этот момент он выбрал ее. Отобрал из кучи. Как волк выбирает в стаде свою жертву.

Он не торопился. Играл с ней. С конца лета до осенних холодов он заходил регулярно, дважды в неделю. И почти всегда в те дни, когда Этана в магазине не было. Ей нравилось представлять, что незнакомец намеренно пользуется случаем.

Как же мало она знала. Потому что он действительно следил. Планировал. Все.

Потом, когда до Дня благодарения оставалось совсем чуть-чуть, он сказал ей, что стальноголовый лосось поднимается вверх по реке Стина-ривер.

Она связала для него мушку, используя узор, который придумала сама. Этот узор всегда приносил ей удачу с этой серебристой рыбой, бойцовым стальноголовым лососем.

– У мушки есть название? – спросил незнакомец, когда она отдавала ему мушку.

– «Хищник». – Сара улыбнулась. Слегка смущенно.

Его глаза потемнели, и ее сердце забилося быстрее. Голос мужчины стал низким.

– Отличное название.

Он смотрел на нее несколько тяжелых, молчаливых мгновений. Она почувствовала рефлекторное влечение, даже волоски на ее руках потянулись к нему, словно под действием статического электричества. Он наклонился ниже, и у нее пересохло во рту. И он сказал ей о дикой чернике. На берегу реки.

Она заглотнула наживку.

Она пошла за ягодами.

Домой она не вернулась».

У Тори зачастил пульс, когда она быстро перевернула страницу и положила ее рядом с собой на скамью. Тори начала читать следующую страницу.

* * *

Оливия открыла дверь в курятник и вошла. Птицы суетились и кудахтали вокруг ее сапог. Эйс лежал с другой стороны ограды, голова между лапами, и внимательно смотрел, как она наполняет кормушки. День клонился к закату. Ветер изменился, и все краски приобрели теплый оттенок в лучах низкого солнца. Но внутри Оливия ощущала холод. Как будто чернильный яд прошлого просочился в трещины, появившиеся в ее психологических доспехах. И теперь ей придется потратить чертову уйму времени, чтобы избавиться от него.

Наполнив последнюю кормушку, Оливия вышла из курятника. Зазвонил телефон у нее на поясе. Она достала его из чехла и не узнала номер звонившего.

– Оливия, – сказала она, закрывая дверь.

– Восточное поле еще пригодно для посадки? – спросил мужской голос. Фоном был сильный шум мотора или чего-то еще. Оливия застыла, рука на загородке.

– Простите?

– Можно посадить самолет на восточном поле? – Мужчина пытался перекрыть шум.

– Кто это?

– Эй, это же вы мне позвонили. Я – Коул Макдона.

Ощущение шока.

– Вы *приедете*? Когда?

– Ожидаемое время прибытия – через две минуты, если вы разрешите мне посадку на этом поле.

Восточное поле? Она подняла голову, услышав далекий рокот – шум мотора маленького самолета.

– Вы на самолете?

– Что там с полем?

Проклятье.

– Я не знаю. То есть... что вам нужно для посадки?

– Там когда-то была грунтовая дорога с востока на запад, за стойлами, возле старого амбара. Я сделаю круг в воздухе, посмотрю сверху, что там и как. Могли бы вы добежать туда, отогнать скот, поднять руки и дать мне разрешение на посадку...

– Скота нет. Больше нет.

Но связь прервалась.

Рокот самолета стал громче. Оливия приставила руку козырьком ко лбу. Далеко на горизонте появилась крошечная искра, отражавшая свет садящегося солнца. Сердце Оливии пропустило удар.

– Эйс! Прыгай! Быстро! – Она помогла псу забраться на переднее сиденье, села за руль, включила зажигание, промчалась по изрытой колеями дороге. Из-под колес летели грязь и камни. Проехав загон для скота, она резко свернула направо, на старую грунтовую дорогу, которая шла вверх, к восточному полю. Грузовичок выехал на плато.

Оливия ударила по тормозам и посмотрела на золотистое поле. Трава чуть клонилась на ветру. Оливия не могла представить, как тут можно посадить самолет. Все зависело от экипажа. Те редкие самолеты, которые прилетали на ранчо, были гидросамолетами и садились на озеро.

Оливия опустила стекло, услышала нарастающий шум мотора. Снова приставила ладонь козырьком ко лбу. Крошечный желтый одновинтовой самолет увеличивался в размерах на горизонте. По телу пробежала дрожь напряжения. Оливия вылезла из грузовичка и вышла в поле, чтобы ее было хорошо видно.

* * *

Ванкувер. Пятница.

Почти закат.

Вечеринка в честь выхода Гейджа на пенсию проходила в яхт-клубе, где они – он сам, Мелоди и Тори – раньше держали свои каяки. Поправка. Каяки стояли на своих местах, все три. Семейный комплект. Ждали лета, которого больше никогда не будет. Трудно поверить, что

прошло уже полгода после смерти Мелоди. Когда Гейдж вошел в клуб, он ощутил потерю так остро, как будто все случилось накануне.

Зал с окнами от пола до потолка был полон сотрудниками полиции, в основном из отдела убийств. Отсюда можно было полюбоваться видом на яхты в шлюпочной гавани и залив за ней, на который опустился туман. Огни на танкерах в заливе Беррард окружал ореол. За туманом, на другой стороне бухты, возвышались горы, где погибла Мелоди. В ясный день Гейдж видел ту самую гору из своего дома. Эти горы было видно почти из любого места в городе.

Кто-то нанял дуэт музыкантов – флейтиста и скрипача. Ирландские мелодии. И снова Гейдж всем своим существом вспомнил Мелоди, их любовь, медовый месяц в Ирландии.

Выпивки на вечеринке было в изобилии. Было много смеха, болтовни, речей и похлопываний по спине. Но Гейдж не мог избавиться от отстраненности. Прошло сорок восемь часов после того, как он поймал ответ на свою интернет-приманку, и с тех пор больше ничего не было. Гейдж чувствовал напряжение, голова работала. Если убийца из Уотт-Лейк на свободе, если это он заглотив наживку, то теперь у него есть информация о том, как найти Оливию Уэст.

Начнет ли он действовать?

И как скоро?

Где он теперь? Насколько далеко? Гейдж посмотрел на часы, беспокоясь о Тори. Этот инцидент в школе, склонность к насилию, которую он увидел в своем ребенке, сильно потрясли его. Возможно, было ошибкой оставлять ее дома одну.

«Где ты, Мелоди? Смотришь ли ты вниз, наблюдаешь ли, как я решаю эту шараду? Помоги мне с Тори...»

День клонился к вечеру. Пиво. Закуски. Музыка и голоса становились громче. Веселые улыбающиеся лица, казалось, возникали и исчезали в сознании Гейджа. Люди поздравляли его. С чем, черт подери? С тем, что он вынужден рано выйти в отставку? С тем, что он настолько утратил умственные способности, что это стало проблемой на работе? Что эти люди действительно знали о причинах его выхода на пенсию?

Они подарили ему сделанное вручную нахлыстовое удилище. Он всегда мечтал научиться обращаться с такой снастью. Это было в числе того, чем они с Мелоди планировали заняться: загрузить дом на

колесах и объехать континент, когда Тори будет учиться в университете. Чертов список желаний. Гейдж приклеил улыбку к лицу. Он отпускал шуточки.

Хэнк Гонсалес, помощник комиссара, встал и постучал ложкой по бокалу. В зале воцарилась тишина. В тумане раздавались жалобные крики сирен. Дождь барабанил по стеклам, ветер стучал фалами о мачты, натягивал канаты, которыми были привязаны яхты.

– Я имел удовольствие и честь знать Гейджа Бертона с первых дней обучения в военном лагере.

У Гейджа напряглись мышцы на шее. Ублюдок решил воспользоваться случаем, чтобы провести параллели между их карьерами. Любой бы заметил, что, хотя они начинали вместе, Гонсалес стал самым большим боссом в Е-Дивизии, а Гейдж оставался детективом в отделе убийств.

– Наши с Бертоном карьерные пути пересеклись снова, когда он работал сержантом в Уотт-Лейк, а я был в составе группы, охотившейся на убийцу из Уотт-Лейк, как его тогда называли в средствах массовой информации.

Раздался смех. Люди действительно смеялись.

Кровь стучала у Гейджа в висках. Его пальцы крепче обхватили кружку с пивом. Мэк Якима положил руку ему на предплечье. Гейдж посмотрел на него.

– Твое здоровье, – прошептал Мэк, поднимая свой бокал. – Выпей. И утопи его.

– Будь он проклят, – пробормотал Гейдж сквозь зубы.

– Не обращай внимания.

Гейдж кивнул, но все внутри его сопротивлялось.

Мэк был одним из немногих сотрудников, которые знали, сколько Гейдж бодался с Гонсалесом по поводу того расследования в Уотт-Лейк, и это стоило ему карьеры.

– И вот теперь... – продолжал Гонсалес, поднимая бокал, – круг замкнулся. Мы с Бертоном снова в одном отделе. – Гонсалес улыбнулся. – Это была хорошая гонка. Пью за большого стальноголового лосося на твоей новой удочке, Бертон.

Кто-то стукнул пустой кружкой о стол.

– Речь! Речь!

К стуку кружек присоединились кулаки.

Но стоило Гейджу встать, как одновременно зазвонили несколько телефонов в зале. Он обвел взглядом толпу, когда гости начали отвечать на звонки. Все ребята из ИГРУ^[4].

Вызвать интегрированную группу по расследованию убийств могли только по одной причине. Если произошла подозрительная смерть.

Кто-то похлопал комиссара Гонсалеса по плечу. Он нагнул голову, послушал. Потом посмотрел на Гейджа.

– Эй! – Тот поднял обе руки. – Не беспокойтесь. Я никогда не умел произносить речи.

Он заставил себя улыбнуться.

Кое-кто из гостей сразу направился к выходу. Другие перед уходом подходили к Гейджу и желали ему всего хорошего. *«Удачи. Рады были тебя видеть. Будь счастлив»*. Они жали ему руку, хлопали по плечу. Но, хотя они улыбались, в их глазах он читал другое. Им было жаль его. Они радовались тому, что это не они выходят на пенсию. Они предвкушали новое дело.

Якима подошел к Бертону.

– Гейдж, приятель, прости. Должен ехать. Мы же еще увидимся?

– По какому поводу тревога, Мэк?

Тот замялся.

– Ой, да ради всего святого, я же еще даже из дверей не вышел.

На лице Мэка появилось странное выражение, и Гейджа охватило леденящее предчувствие. Он крепко вцепился в руку своего друга.

– Скажи мне.

Сержант глотнул, обвел взглядом толпу, как будто он хотел понять, кто мог видеть, что он раскрывает Гейджу тайну.

– Труп, женский. Средних лет. Нашли в Маунт-Карри недалеко от реки Биркенхед.

Маунт-Карри – это земля индейцев. Дорога вела внутрь страны. Туда, где находилось ранчо Броукен-Бар. Убийца из Уотт-Лейк был как-то связан с аборигенами: охота, убийства – все это происходило на землях индейцев.

У Бертона зазвенело в ушах.

На его лице, должно быть, отразилось отчаяние, потому что черные глаза Мэка смягчились от сочувствия.

– Идем, я провожу тебя на улицу и скажу, чтобы Мартинелло отвезла тебя домой.

Они вышли из зала. Капли дождя падали на землю, напоминая занавес из бусин.

– Как лежало тело? – спросил Гейдж.

Лицо Якимы напряглось. Он снова замялся.

– Иисусе, Мэк, – не выдержал Гейдж. – Кусочек информации в честь моей пенсии, пожалуйста!

Тот потер лоб.

– Жертву нашли подвешенной за шею на дереве. Тело выпотрошено, частично освежено.

Сердце Гейджа гулко стучало: *бум, бум, бум*.

– Идем, нечего стоять под дождем. Вон и Мартинелло подъезжает. – Мэк помахал рукой, чтобы женщина-полицейский подъехала поближе.

– Подвешено за шею? Как? На крюк?

Мэк нагнулся к окну автомобиля, когда констебль Джен Мартинелло опустила стекло патрульной полицейской машины.

– Подвезешь Бертон домой?

– Кто ее нашел? – требовательно спросил Гейдж.

Мэк открыл перед ним пассажирскую дверцу.

– Двое детей.

На лице Гейджа выступил пот, смешиваясь с дождем.

– Удостоверение личности при ней было?

– Это все, что я знаю на данный момент.

Мэк ждал, чтобы Гейдж сел в машину.

– Это он, – продолжал тот. – Это его почерк. Крюк. Освеженное, выпотрошенное тело.

– Себастьян Джордж мертв, Гейдж.

Повисло тяжелое, напряженное молчание. Дождь усилился.

– Что, если мы взяли не того парня, или у него был подельник?

– Возможно все, что угодно. Это может быть имитатор. Или еще один охотник. – Мэк покровительственно и с жалостью посмотрел на него. Так люди смотрят на тех, у кого болезнь Альцгеймера, или на ребенка, который еще слишком мал, чтобы понять. – Поезжай домой, Гейдж. Выспись хорошенько. Съезди с Тори на рыбалку. Ты ей сейчас нужен. У тебя дочь, о которой нужно думать.

«Ага. Точно. Я должен думать о Тори. Я думаю о ней прямо сейчас. Я хочу поймать этого ублюдка, чтобы сделать этот мир безопаснее...»

– Сержант Бертон! – окликнула его Мартинелло с водительского места. – Вы садитесь?

Гейдж скрипнул зубами, сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверцу.

– У меня приятное поручение отвезти вас домой, – сказала Джен, выруливая с парковки.

Молодая. Типичная женщина-полицейский. Волосы собраны на затылке в тугой «конский хвост». Чистая кожа. Очень мало косметики. Гейдж позавидовал ее возрасту, потенциалу, самоуверенности, свойственной юности.

– Вы в порядке, сэр?

– Да. Можешь ехать быстрее? Сверни налево, так дорога короче.

Он похлопывал рукой по колену.

– Вы уверены, что с вами все в порядке, сэр?

– Мне нужно домой.

Мартинелло бросила на него сердитый взгляд.

Это был *он*. Он вернулся. Гейдж знал это. Это убийство... Это *точно* он. Он залег на дно на долгие годы, возможно, даже отсидел срок за другое преступление, но он вернулся. Игра началась. Гейдж чувствовал это. Он должен был закончить это дело. Часы тикали.

* * *

Вечер пятницы. Закат.

Ранчо Броукен-Бар.

Коул на своем маленьком двухместном самолете «Пайпер Каб» заложил вираж над бесконечным лесом, то опускающимся, то поднимающимся на холмах, бóльшая часть которого была красно-коричневой и мертвой от жука-короеда. На вырубках скелеты спиленных елей сложили в погребальные костры и готовились сжечь, как только погода станет сырой. По долинам текли серебристые ручьи и реки. Медведь испугался и побежал в укрытие, когда самолет пророкотал над ним.

Коул пролетел над высоким горным хребтом, сформированным древними ледниками, и неожиданно показалось ранчо. У Коула перехватило дыхание при виде аквамариновой прозрачной воды и мергельных отмелей озера Броукен-Бар. Дымка поднималась над бурлящей речкой, вытекающей из него, вода падала в узкий скалистый каньон. Коул напрягся – сработала мышечная память. Эта речка была связана с мрачными воспоминаниями. Она изменила все.

Он снова сделал вираж, следуя за гладкими изгибами хребтов, поросших золотистой травой. Среди деревьев в западном конце озера поднимались дымы над кострами. Несколько лодок и буйки качались на воде. Свежие полосы снега покрывали Мраморный хребет. Коула охватило чувство безвременья. Он забыл, какой чистой, красивой и неиспорченной была дикая природа вокруг ранчо.

Он увидел старый хозяйский дом с высокой каминной, маленькие домики среди ольхи и осин, амбар, где он когда-то возился с моторами и заново собрал свой винтажный грузовик. Старые жилища конюхов заросли виноградом, крыши провалились, вокруг них росла высокая трава. У Коула сдавило грудь.

Дом.

Много времени прошло. Во всех отношениях. Коул гадал, можно ли уехать так далеко от дома, чтобы уже не найти дороги назад. Если бы его спросили, он бы сказал, что это место перестало быть настоящим домом с момента несчастного случая. С того момента, когда отец оттолкнул его.

У Коула стеснило грудь.

За прошедшее десятилетие он достаточно часто возвращался в Британскую Колумбию. Они с Холли купили дом в Пембертоне. Потом сдали его, чтобы путешествовать по миру в поисках историй для его книг. Когда возвращались, останавливались в гостинице. Но в Броукен-Бар они не приезжали. Он ни разу не привез сюда Холли и Тая. Коул не испытывал потребности видеть отца после их столкновения тринадцать лет назад.

Коул начал снижаться. Он не обязан надолго задерживаться. Он проверит, как отец, поможет организовать сиделку или хоспис, если это будет необходимо, примет решения, чтобы ранчо продолжало функционировать до того времени, когда Джейн организует продажу. А потом Коул уберется отсюда. Долг будет выполнен.

Ему вдруг бросилось в глаза отсутствие скота. На ранчо не было видно ни одной коровы. Коул увидел ржаво-красный грузовичок, припаркованный на восточном поле. Рядом стояла женщина, ее волосы развевались на ветру. Оливия. Она высоко подняла руку, давая понять, что все чисто.

Самолет пошел вниз.

Глава 6

Оливия напряглась, удерживая волосы так, чтобы они не попадали на лицо: крылья маленького желтого одномоторного самолетика качались от сильного поперечного ветра, и он шел к земле под странным углом.

Толстые шины коснулись грунтовой дороги, подняв тучу пыли. Самолет запрыгал рядом с грузовичком, сзади надулся шелковый конус. Оливия моргнула, когда самолет с громким скрежетом остановился. Его нагнало и окутало облако пыли. Пропеллер замедлил вращение, потом остановился.

Ее охватила тревога.

Дверца кабины открылась.

На землю спрыгнул высокий мужчина. Он приветственно поднял руку, потом повернулся и что-то достал из-за кресла пилота. Это была спортивная сумка в военном стиле. Закрыв дверцу, он пригнулся, прошел под крылом и повесил свою ношу на широкое плечо.

Легкой походкой он преодолел расстояние, отделявшее его от Оливии. Его плечи плавно перекачивались. Он был одет в темно-коричневую кожаную куртку, выглядевшую поношенной. Винтаж. Куртка летчика времен Второй мировой войны, с подкладкой и воротником из овечьей шерсти. Джинсы изнасились... Сапоги были поцарапаны.

Он вызывал в памяти полувойенные формирования. Властный мужик, явный командир.

Ничего удивительного. Коул Макдона писал об альфа-мужчинах. О тех, кто экстремально рисковал. О покорителях высочайших пиков и полюсов. Он шел по дорогам, поднимался в горы, летал в небе. И все же, несмотря на явное осознание мужского превосходства, его проза выдавала сочувственное восприятие мира и прекрасный ум.

При его приближении Эйс залаял.

Пульс у Оливии участился, мелкие нервные мотыльки затрепетали в животе. Она вытерла руки о джинсы, думая обо всех тех негативных эмоциях, которые она направила на него, о его грубости по телефону. При ближайшем рассмотрении, во плоти, так сказать, он был

еще великолепно, еще живее, чем на фотографиях. Мускулистое, загорелое эхо его умирающего отца. Мужчина-гора.

– Вы, должно быть, Оливия. – Он протянул ей руку. – Коул Макдона.

Спина Оливии инстинктивно напряглась. Его пожатие оказалось беззастенчиво твердым. Мозолистые ладони. Теплые руки. Когда их взгляды встретились, по ее телу как будто пробежал электрический разряд. У него были глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями, опущенные густыми ресницами. И цвет насыщенный. Но глаза печальные, словно грозовая туча. Сильный подбородок, заросший щетиной. Каштановые волосы взъерошены. Все в этом мужчине излучало мрачную агрессию и власть, и все же в морщинках вокруг глаз и рта притаилась усталость. Загар, казалось, скрывал бледность и изнеможение.

Оливия откашлялась.

– Рада с вами познакомиться, – солгала она, придавая дополнительную твердость своему рукопожатию, заявляя о своем пространстве, о своем месте на этом ранчо. – А это – Эйс. – Она указала на пса, который высунул голову в окно и свесил язык, ожидая приветствия.

Коул задержал ее руку в своей чуть дольше положенного.

– Как мой отец?

Оливия увидела искреннюю тревогу в его глазах. Это ее несколько удивило. Оливия заранее относилась к нему враждебно и предвзято, и вдруг это беспокойство об отце...

– У него сильные боли, – негромко ответила Оливия. – Но он стойчески их переносит. Вы же знаете, каким он может быть... – Она помолчала. – Или, возможно, вы не знаете.

Лицо Коула потемнело. Он отпустил ее руку.

– А вы, как я понимаю, знаете. В конце концов, вы же здесь прожили... Сколько? Целых три года?

Оливия почувствовала, как у нее внутри что-то рефлекторно сжалось.

– Спасибо, что вышли меня встретить, – сказал он, глядя по сторонам. – Вы не подвезете меня до дома?

Голос у него был низкий, бархат поверх гравия. Ее желудок свело. Такой же голос отнял у нее все.

Она перевела взгляд на самолет, вспомнила, с какой легкостью он только что приземлился, заметила толстые шины для тундры и поняла, что Коул Макдона мог посадить свой самолет в любом месте ранчо.

– Вам совершенно не требовалось, чтобы я проверяла место посадки, так? Вы позвонили мне только потому, что вам нужен был шофер.

Его губы чуть изогнулись. Оливия почувствовала прилив раздражения и воспользовалась этим. Это был механизм безопасности. Легче было возвести стены между ними, чем справиться с инстинктивной реакцией на этого красавчика.

– Согласен, мне бы пришлось немного прогуляться. Я не могу посадить эту птичку ближе к дому из-за линии электропередачи и телефонного кабеля. И потом я беспокоился из-за скота.

– Мы больше не держим скот, – сухо ответила Оливия. – Остались только куры и несколько лошадей. Стоило Майрону заболеть, как дела пошли прахом. Гости больше не останавливаются в большом доме. Весь сезон открыты только коттеджи и кемпинг. Персонал сократили до минимума.

Брови Коула чуть поднялись: он заинтересовался.

Оливия снова посмотрела на самолет.

– С самолетом ничего не случится. Я им займусь позже.

– Хорошо. – Она распахнула водительскую дверцу своего грузовичка и отодвинула Эйса на середину сиденья. – Я вас подвезу, если вы не будете против, что сначала я заеду в кемпинг. Там новые гости, которые должны оплатить пребывание. Мне не удалось встретиться с ними сегодня утром.

– Я бы предпочел отправиться сразу домой.

Оливия застыла, рука – на ручке дверцы.

– После тринадцати лет вы не можете подождать полчаса? – не удержалась она. Слова вырвались сами собой. Он вынудил ее заглотить наживку. Этот мачо прибыл сюда для того, чтобы определить Майрона в хоспис, разделить ранчо и продать его. И вынудить Оливию искать новый дом. Поэтому она провела свою линию на песке.

От Коула исходили волны энергии. Он разглядывал Оливию от макушки до сапог. Впитывал ее. Оливия от неловкости переступила с ноги на ногу, неожиданно осознав свои старые шрамы, скрытые

несовершенства. Свой стыд. Свою потребность в дистанции между нею и людьми.

– Оливия, – спокойно заговорил Коул, его голос был глубоким, резонирующим, он обволакивал, словно соблазняющий дым, и она возненавидела его за это. Это пугало Оливию: ее реакция на него, все в этом парне. Он занимал слишком много места, слишком много *ее* пространства.

– Я не знаю, кто вы такая на самом деле, – продолжал Коул, – и какова ваша роль на этом ранчо, и каковы ваши отношения с моим отцом, и почему вы относитесь ко мне с явным предубеждением и неприязнью, но ведь это *вы* позвонили *мне*, помните? Когда вы сказали, что отец умирает, я понял, что дело срочное. Из бара я отправился напрямик в аэропорт, спал в пластиковом кресле, потому что меня долго не могли посадить в самолет. Потом я прилетел в Ванкувер, доехал до Пембертона, забрал свой самолет и сразу прилетел сюда. Транзит занял у меня двадцать четыре часа. Я измотан. И было бы неплохо принять душ. Но я вам уступаю.

Коул забросил свою спортивную сумку в кузов грузовичка. С негромким стуком та приземлилась на сложенные в кузове дрова.

– Согласен, давайте сначала поедем по вашим делам. – Коул обошел кабину, открыл пассажирскую дверцу и сел в машину.

Оливия в шоке открыла рот и прислонилась к кабине. Эйс попытался лизнуть Коула в лицо.

– Что вы имели в виду, когда сказали о моих отношениях с вашим отцом?

– Моя сестра сказала, что вы, возможно, увлечены друг другом.

– *Что?* Неужели вы действительно думаете, что у меня такого рода отношения с вашим *отцом*?

– Садитесь за руль, Оливия. Я устал.

– Иисусе, – пробормотала она, забираясь в кабину, захлопнула дверцу и повернула ключ зажигания. – Я сначала отвезу вас домой.

– Я бы предпочел, чтобы вы получили наличные с гостей.

– Забудьте об этом. Я лучше отвезу вас.

Она тронула машину с места, нажала на газ. Из-под колес полетела грязь. Машина помчалась вниз с холма, трава царапала раму, руки Оливия крепко вцепились в руль.

– Возможно, если бы вы приезжали время от времени домой, вы бы лучше знали своего отца и не позволили бы себе такие оскорбительные инсинуации. Вы бы *знали*, что для него никогда не существовало ни одной женщины, кроме вашей матери.

– Верно. Я забыл. Моя мать, которая умерла двадцать три года назад. Он так крепко держится за свое горе, что никого к себе не подпускает. Даже своих детей. – Коул закрыл глаза и откинул голову на подголовник. – Рад слышать, что вы пробили брешь в его обороне.

Оливия бросила на него ошеломленный взгляд.

– Я не обязана объясняться с вами, – бросила она. – Я ничего вам не обязана.

Она резко повернула руль и слишком быстро переехала через лежавшую на земле ограду для скота. Грузовик загрохотал, словно пулемет, заставив Коула сесть прямо и выругаться.

* * *

Он украдкой посмотрел на ее профиль. Она была вспыльчивой, но симпатичной. Красивые полные губы крепко сжаты. Густые волосы падают на плечи. Как и на фото на сайте ранчо, она была одета в ковбойском стиле: потертые джинсы, фланелевая рубашка поверх белой футболки, выдавшие виды сапоги. Коул сразу заметил упругую попку и длинные ноги. Да и какой бы мужчина из плоти и крови этого не заметил? Она была стройной и мускулистой, легкий загар подчеркивал ее удивительные зеленые глаза.

Цвет ее глаз заставил Коула вспомнить фото бедуинки, которые Холли сделала для «Нэшнл географик». Он помрачнел, подумав о фотожурналистике, которой занималась Холли. О своей собственной работе. О Судане. О политике.

Сын Холли. Его маленькая семья. Потерянная навсегда.

Коула замутило, и сразу захотелось выпить.

Оливия свернула на главную дорогу, которая вела к дому, потревожив Эйса, съехавшего на Коула. Коул обнял пса, придерживая его, пока они проезжали еще по одному фрагменту поваленной изгороди для скота.

– Все в порядке, парень. Я тебя держу. – Сын Майрона почесал овчарку за ушами.

Оливия посмотрела на него испепеляющим взглядом.

У нее на поясе висел большой охотничий нож, там же находился газовый баллончик от медведей и телефон. Коул решил, что она на многое способна. Обручального кольца не было. Никаких украшений. В памяти всплыли ее слова по телефону.

«Где бы вы ни купались в жалости к самому себе, каждый вечер напиваясь до бесчувствия, это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно?»

В Коуле кипели возмущение и любопытство. Она многое о нем знала. Ей было известно о Холли и Тае. О том времени, которое он провел в барах Гаваны, «купаясь в жалости к самому себе». Узнать это она могла только от его отца. Это значило, что эти двое *были* близки. По крайней мере, до определенной степени. Коул видел перед собой уверенную, деловую и да, очень сексуально привлекательную женщину. Такая женщина могла привлечь стареющего мужчину. Или он не прав? Она не ошибалась в том, что отец всегда ставил жену на пьедестал. Но Коул достаточно давно не видел отца. Все могло измениться.

Он слишком устал, чтобы копаться во всем этом прямо сейчас. Ему нужно было поспать. Поест. Принять горячий душ. И первой встрече с отцом следовало состояться и закончиться как можно быстрее.

Коул опустил стекло и позволил холодному ветру пройти по лицу, поворачиваясь к окну, чтобы посмотреть на поля. Пустые поля, усеянные купажи похаживающих на привидение, белоствольных осин, чьи золотистые листья ветер свободно срывал с веток. Загородки были сломаны. Бывшие домики конюхов стояли с провалившимися крышами. Ласточки стаями взлетали с прогнивших свесов крыш.

Оливия была права. Ранчо обветшало и дошло до печального состояния. Никто не говорил ему, что все настолько плохо. Но почему он ожидал обратного?

Они подъехали к большому дому. Здание тоже выглядело так, будто ему не помешало бы немного заботы: отмыть, заново покрасить ставни. Коул напрягся, когда Оливия затормозила перед просторным

крыльцом. Она так резко ударила по тормозам, что Коула мотнуло вперед.

– Приехали, – холодно объявила она. – Судя по всему, вы успели домой к ужину.

Оливия, не глуша двигатель, ждала, пока он выберется из кабины. Ее пальцы вцепились в руль.

И тут Коул внезапно разглядел шрамы на внутренней стороне ее запястий. Они были вспухшими и уходили далеко под рукава. Эта женщина действительно хотела умереть.

Оливия поморщилась, поняв, что он заметил шрамы, потом отвернулась и уставилась в окно.

Коул сглотнул, неожиданно сбитый с толку. Напряжение в кабине было почти осязаемым. Он открыл дверцу, вышел и забрал из кузова свою сумку.

– А вы куда? – спросил Макдона, нагибаясь к дверце. – Разве вы не ужинаете в доме?

– Не сегодня. Я собираюсь поставить грузовик и пойти в свой коттедж.

Оливия отказывалась смотреть на него.

Он закрыл пассажирскую дверь. Оливия тронулась с места, оставив его в клубах пыли.

Коул смотрел ей вслед, и в нем росло любопытство.

Он повесил сумку на плечо и повернулся лицом к дому, чтобы рассмотреть его. Резная фигура медведя по-прежнему стояла на страже у основания лестницы. Старые качели все еще висели на крыльце, но подушки были свежими. В нем забурился коктейль из воспоминаний. Коулу было почти сорок, и все же он волновался как мальчишка перед тем, как войти в дом своего детства. И встретиться лицом к лицу с отцом.

Странно, что жизнь играет такие шутки со взрослым мужчиной. Коул многие годы жил насыщенной жизнью, какое-то время у него была собственная семья. Только он ее потерял. Но во взрослом мужчине всегда живет мальчик. И вместе с этой мыслью пришло ощущение усталости, провала. Как будто прошедшие десятилетия его жизни ничего не значили.

Коул взбежал по ступеням крыльца и вошел в холл, вовремя увернувшись: на ряд внушительных рогов все так же вешали куртки.

Голова оленя, того самого, которого его дедушка добыл в болоте Сумас, как обычно, смотрела на людей сверху, со своего места над аркой, ведущей в гостиную. Там в камине потрескивал огонь, и Коул почувствовал запах полировки, исходящий от каменных плит пола.

– Коул Макдона! Господь Всемогуший!

Он обернулся на звук голоса и своего детства.

– Миссис Каррик, – с улыбкой сказал Коул. – Вы все еще здесь. И ни капельки не изменились.

– Разумеется, я все еще здесь. И теперь я для вас Адель, молодой человек, – улыбаясь, ответила она, прижимая к груди корзину со сложенным бельем. – Нет, вы только *поглядите* на него.

Она подошла ближе, как будто собиралась поставить корзину на пол и обнять Коула, но сдержалась. Миссис Каррик была не из тех, кто обнимается. Никогда она такой не была.

– Я... понятия не имела, что вы приезжаете. Ваш отец знает?

– Нет еще. Где он?

Экономка пришла в смятение.

– Мистер Макдона сегодня долго спал днем. Он плохо себя чувствовал. Я как раз собиралась разбудить его к ужину.

– Позвольте мне это сделать.

– Ну... возможно, вам следовало бы подождать, пока он оденется и спустится вниз. Полагаю, ему захочется быть в боевой готовности, когда он увидит вас.

– Полагаю, захочется.

Лицо Адели неожиданно покраснело.

– Я имела в виду...

Коул улыбнулся.

– Он по-прежнему в своей спальне?

– Да, в конце коридора на третьем этаже.

Коул пошел наверх, шагая через две ступеньки.

* * *

Тори перевернула еще одну страницу, ощущая болезненное, непристойное любопытство. Ее сердце билось все чаще по мере того, как она читала рукопись матери.

«В первые дни этой зимы она иногда слышала, как под низкими облаками грохотали вертолеты. Это было больнее всего – слышать, как они ее ищут, знать, что семья и друзья беспокоятся за нее.

Она знала, что ее будут искать и с собаками. Большие группы волонтеров будут вести поиски. Она гадала, найдут ли они ее упавшую корзинку с ягодами, увидят ли признаки того, что она боролась, когда он надел ей на голову мешок. Она в этом сомневалась. Она никому не сказала, куда пойдет днем. Да и ночью прошел снег. Снегопад не прекращался еще несколько дней. Все следы оказались похороненными глубоко под этим первым плотным, гладким покрывалом сезона.

Потом пришел день, когда наступила тишина. Ее перестали искать. Это была ее новая реальность. Оглушающая зимняя тишина. Темнота. Сара думала, что слышать их – это самое плохое, но она ошиблась. Не слышать оказалось хуже. Они отказались от нее. И одиночество вдруг стало удушающим.

В эти первые дни тишины в ней погас свет. Она перестала ощущать боль, которую он ей причинял, реагировать на то, что ей удавалось увидеть через щели в досках сарая, где он держал ее в оковах и привязанной веревкой к стене. Она не первая, кого он держал на куче вонючих медвежьих шкур и джутовых мешков. Была, по крайней мере, еще одна. Сара видела ее выпотрошенное тело, подвешенное на крюк на стене соседнего сарая. У трупа были рыжие волосы. Он снял его после замораживания, и она услышала сначала удары топора, а потом и звук пилы. Она гадала, не принадлежит ли тело на крюке рыжеволосой работнице лесничества, пропавшей прошлой осенью?

Она гадала, исчезнет ли еще одна женщина? Убьет ли он перед этим ее, Сару, и повесит ли и ее тело на крюк?

По мере того как день становился короче, она пыталась понять, наступило ли уже Рождество. Попыталась представить, как Этан справляется с делами, как живут ее отец и мать, ее друзья. Приходят ли они в магазин и говорят ли о ней приглушенными печальными голосами?

За долгие месяцы она несколько раз слышала, как высоко пролетал маленький легкомоторный самолет. Она слышала и всем

сердцем звала на помощь, молясь о чуде.

А потом кое-что действительно произошло.

Она уже не сомневалась, что носит ребенка. Они с Этаном почти год пытались зачать, и она прошла лечение гормонами. У нее не пришли месячные. Она почувствовала изменения в своем теле и записалась к врачу, чтобы подтвердить беременность. К врачу она так и не попала. Но теперь у нее было доказательство. Ее живот округлился, затвердел. Груды налились и стали чувствительнее, соски потемнели. Осознание этого изменило все. Внутри ее жила частичка Этана.

Она больше не была одна.

В ее животе билось маленькое сердечко. Ребенок. Их ребенок. Она должна жить. Она сделает что угодно ради всего святого или ради всего нечистого, только бы выжить. Она убьет этого ублюдка. Она будет терпеть, когда он станет насиловать ее и причинять боль. Потому что когда она отбивалась и кричала, он возбуждался сильнее и причинял невыносимую боль. Она дождетса подходящего момента.

Она не закончит свои дни на этом крюке для мяса...»

Тори подняла страницу рукописи и положила обратной стороной вверх на растущую стопку уже прочитанных. Дождь барабанил по подоконнику. Завывал ветер.

«Она знала, что он скоро заметит ее растущий живот. Ей нужен был план для этого...»

Девочка настолько погрузилась в чтение, была так захвачена миром, придуманным ее матерью, что не обратила внимания на звук машины, въехавшей на подъездную дорожку. Хлопнула входная дверь, и ботинки отца загрохотали по лестнице.

Тори застыла.

– Тори! – раздался его громкий голос. – Где ты?

Девочка попыталась собрать страницы, но они разлетелись по полу.

Дверь в кабинет матери распахнулась, и на пороге появился отец. По лицу Бертона пробежали различные эмоции, когда его взгляд упал на рукопись в руках дочери и на страницы, валяющиеся на ковре.

– Какого... – Он вошел в комнату.

Тори отпрянула, закрывая телом остальные страницы. Лицо отца покраснело. Глаза засверкали. Он выглядел ужасно. Жилы на шее напряглись, кулаки сжались. Впервые в жизни она вдруг испугалась своего отца.

– Какого черта ты здесь делаешь? – Гейдж поднял с пола несколько страниц и свирепо уставился на них.

– Я скучаю по ней, – ответила Тори. – Я хотела побыть среди ее вещей!

– *А это* что такое? – Отец потянулся, чтобы забрать остаток рукописи из-за ее спины.

Тори резко отодвинула страницы подальше от его руки.

– Нет!

Гейдж занес руку. Его побагровевшее лицо исказилось. В глазах сверкали слезы.

Тори прижалась спиной к стеклу.

– Пожалуйста... не бей меня, папа.

Ее слова как будто вытащили из него затычку. Рот приоткрылся, лицо расслабилось. Он медленно опустил руку и несколько секунд смотрел на Тори так, как будто видел впервые. Потом поник, рухнул рядом с ней на скамью и сильно потер лицо руками.

– Иисусе... Прости, Тори. Прошу тебя, отдай мне эту рукопись. Ты не имеешь права находиться здесь, в ее кабинете.

Но Тори лишь еще дальше отодвинулась от него, вжавшись в угол между стеной и панорамным окном. Она свернулась калачиком вокруг рукописи.

– Это мое, – сказала Тори. – Мама посвятила роман мне. Так написано на самой первой странице. «Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда будешь готова. Я... я... – Она поперхнулась на следующих словах. – Я буду всегда любить тебя».

На лице отца промелькнуло удивление, потом в глазах появилось беспокойство, и черты застыли в новой решимости.

– Мама все правильно написала, Тори. «Для того момента, когда ты будешь готова». Но не теперь.

– *Почему?* – выкрикнула Тори. – Почему не *теперь*?

Отец снова потянулся за страницами. Дочь дернула их к себе в ту секунду, когда его пальцы сжали уголок страницы с посвящением. Она

разорвалась. Изломанная линия прошла прямым через их сердца. Они смотрели друг на друга в пульсирующем, наэлектризованном, осязаемом молчании. Это осязаемая метафора жизни разорвалась в их руках, маленькая семья развалилась. И сделали это два человека, которые любили Мелоди больше всего на свете.

Гейдж сглотнул.

– Я тебя ненавижу!

– Тори, – мрачно сказал он, – твоя мама над этим работала. Рукопись еще не готова. Она собиралась закончить ее и дать тебе прочесть, когда ты станешь старше.

– Но ведь теперь она ее никогда не закончит, разве не так?

Они снова смотрели друг на друга. В окно бился ветер, по темному стеклу барабанил дождь. Ветки стучали по коньку крыши и царапали его.

– Это книга... для взрослых, – нашелся Гейдж. – Там насилие.

– Я читаю взрослые книги. Я читала и другие мамины книги. Я брала их в библиотеке. Я читала про *секс*. – Тори как будто выплюнула это слово, внутри у нее все дрожало. – А ты как думал? Мне почти двенадцать. Я знаю девочек в школе – им по тринадцать, четырнадцать лет, – они уже *занимались* сексом. Джулия Борсос переспала с Гарланом. Ты знаешь об этом? Ты знаешь, почему я ударила ее по лицу и сожгла ее учебники? Потому что я ее ненавижу, ведь Гарлан был *моим* парнем. И она забрала его себе потому, что она шлюха и может переспать. А я бы не стала. Думаешь, я не понимаю механику секса? И смерти... Я была там, когда умерла мама. Она умерла у *меня* на руках. Я... я не смогла ее вытащить. Я чувствовала, как она борется за жизнь... Это... я виновата.

Глаза у Тори щипало, по щеке поползла слеза.

Отец побледнел. Ветер бросил в стекло еще горсть дождевых капель.

– Тебе лучше отдать эти страницы мне, детка, – сказал он неожиданно севшим голосом, в его глазах заплескались эмоции.

Он осторожно вытащил рукопись из ее пальцев. Она позволила ему это. Тори побоялась снова разозлить его. В ту ужасную минуту, когда она подумала, что он может ее ударить, Тори увидела в его лице ту же напряженность, тот же горячий блеск, ту же черную, ослепляющую ярость, которая охватила ее, когда она узнала о Джулии

и Гарлане. Страшная, пугающая форма насилия, превратившая ее в зверя, над которым у нее не было контроля.

– Спасибо.

– Я вправду тебя ненавижу, – прошептала Тори. Слезы потоком текли по ее щекам. – Ты собирался меня ударить.

Отец протянул к ней руку.

– Иди сюда.

Он обнял ее за плечи и постарался прижать к себе так, как делал это, когда она была маленькой. Дочь отпрянула, попыталась вырваться, но объятие стало только крепче. Он заставил ее принять его крепкие медвежьи объятия и не отпустил ее. Знакомый отцовский запах укрыл ее, пробуждая теплые воспоминания детства. И через несколько мгновений она почувствовала, как ее мышцы сдаются. По телу волной прошло рыдание.

Отец поглаживал Тори по волосам и чуть покачивал, пока она плакала. И опять плакала. Пока у нее не кончились слезы. Тогда она просто прижалась к отцу и почувствовала себя так, как в детстве, когда она нуждалась в своем папе. Когда он мог укротить любое зло в ее мире. Когда она бежала в его объятия, стоило ему вернуться домой со службы, и он поднимал ее к самому потолку и кружил, кружил, кружил, и смеялся.

Тори почувствовала влагу на своем лбу. И она с ужасом поняла, что ее большой папа-полицейский, детектив, ловивший убийц и отправлявший их в тюрьму, мужчина, который защищал ее всю жизнь, плакал. Ему было больно. Он был уязвим.

Внутри у Тори все замерло.

Пожалуй, это было самое пугающее ощущение из всех: она осознала, что ее отец может проиграть. Что он настолько же потерян, как и она.

И болен.

С ним происходило что-то ужасное. Тори слышала, как папа разговаривал по телефону с тетей Лу, но очень боялась спросить его, превратить это в реальность, дать ему понять, что она подслушивала.

– Я тоже скучаю по ней, девочка моя. Господи, как же я по ней скучаю.

Тори крепко закусила губу.

Отец убрал волосы с ее лица, заглянул в глаза.

– Я увезу тебя отсюда, согласна? – прошептал он. – Мы будем вдвоем, только ты и я. Уедем на выходные, на День благодарения. Мы сможем даже поесть индейки. Чтобы у нас остались новые воспоминания об отпуске. Если захотим, мы можем задержаться и дольше. О школе не беспокойся. Снова проведем какое-то время вместе. Уедем из города, прочь от этого дождя. Давай уедем завтра на рассвете, ладно? Я подготовлю грузовик и дом на колесах. – Он откашлялся. – Идем, я покормлю тебя ужином, и ты пойдешь спать. Завтра выезжаем рано. Я здесь все уберу.

– Куда мы поедем?

– На ранчо Броукен-Бар, – пробормотал он ей в волосы.

* * *

Коул тихонько открыл дверь и ступил в комнату отца. Его внимание мгновенно привлекло инвалидное кресло рядом с кроватью. Это был шок. Он понятия не имел, что его отец прикован к инвалидному креслу. Такое унижение не могло не убивать такого человека, как его отец. Человека, ходившего по этой земле, охотившегося в этих лесах, ловившего рыбу в ручьях и реках...

Взгляд Коула переместился на капельницу и баллон с кислородом у стены, потом остановился на фигуре отца в кровати. Тот громко храпел, словно большой медведь, но он превратился лишь в тень того мужчины, которым когда-то был. Щеки казались ввалившимися и очень морщинистыми. Кожа была грубой и землистой, кустистая борода – неухоженной. На лице блестел пот. Во сне отец выглядел очень уязвимым.

Коул тихонько прошел к окну, из которого были видны озеро и горы в отдалении. Он сунул руки глубоко в карманы, рассматривая пейзаж, и неожиданно почувствовал себя обессиленным.

Внизу он заметил Оливию, в одиночестве идущую по траве к ольшанику. В ее походке была заметна некоторая неловкость, что-то вроде хромоты.

За спиной заворчался отец. У Коула зачастил пульс. Он бросил взгляд на дверь спальни, которую оставил слегка приоткрытой. Лучше

бы ему уйти, и как можно быстрее, до того, как отец проснется, сохранить его достоинство.

Но когда Коул тихонько пересекал комнату, под его весом скрипнула половица. Коул застыл. Слишком поздно. Глаза отца открылись.

– Кто здесь? Кто это? – Майрон моргал, пытаясь сфокусировать взгляд. – Коул, ты?

– Привет, папа. Да, это я.

Множество эмоций пробежали по лицу старика, от шока до удовольствия и смущения, пока не остался только гнев. Пальцы отца скомкали простыню, когда он попытался сесть в постели.

– Какого черта *ты* здесь делаешь?

– Решил заглянуть, посмотреть, как ты.

Старик постарался сесть так, чтобы облокотиться на спинку кровати. Но как только ему это удалось, он с силой втянул в себя воздух и согнулся от боли. Майрон начал слепо шарить по прикроватной тумбочке, задел, а потом и опрокинул пузырек с лекарствами.

Коул мгновенно метнулся к нему и успел поймать пузырек, не дав свалиться на пол. Он протянул лекарство отцу и попробовал помочь ему сесть.

– Убери от меня свои руки. – Тот оттолкнул сына и снова постарался сесть. – Прибыл проверить свое наследство? Успел по дороге поговорить о продаже с Форбсом?

Узловатыми пальцами он пытался открыть пузырек. Его глаза, когда-то пронзительные, светло-серые, слезились и были налиты кровью.

– Я не...

– Кто это сделал? Кто тебе позвонил? Холлидей?

– Оливия.

– Проклятье. – Майрон отвернулся, потом еще раз попытался открыть пузырек и снова выругался.

– Помочь тебе? – Коул кивком указал на пузырек с таблетками.

– Пошел к чертям. Не нужна мне никакая помощь.

Сердце Коула громко стучало, внутри нарастало напряжение. Он продолжал стоять и смотреть, как отец борется с пузырьком.

– Чего ты здесь стоишь? Что тебе нужно? – спросил Майрон. – Что такого сказала тебе Оливия, что заставило тебя уехать с Кубы?

– Из Флориды. Я был во Флорида-Кис. Она сказала мне, что ты умираешь.

Старик свирепо посмотрел на него. Повисло молчание. Потом он дотянулся до кнопки на стене рядом с его кроватью и ударил по ней кулаком.

– Каррик! Черт подери, где ты, женщина? Поднимись вверх. Немедленно.

Ему удалось снять крышку с пузырька. Он вытряс две таблетки и сунул их в рот. Дрожащими руками потянулся к стакану с водой, стоявшему на тумбочке.

Коул протянул ему стакан. Отец застыл, когда их глаза встретились. Сын помог ему выпить воды. Старик закрыл глаза и глубоко дышал, как будто ожидая, что лекарство подействует. Коул прочел этикетку. Сильное обезболивающее.

На лбу Майрона выступил пот. Не открывая глаз, он спросил:

– Джейн тоже здесь? Вы двое договорились продать это место еще до того, как я остыну в своей чертовой могиле?

Коул с силой выдохнул, чувствуя вину.

– Может, на минуту прекратишь этот разговор? Мне ранчо не нужно. Мне все равно, как ты с ним поступишь.

Глаза Майрона распахнулись. Он опять принялся колотить кулаком по кнопке рядом с кроватью: снова и снова, сердито, с досадой и болью.

– Пришли сюда миссис Каррик! – рявкнул он. – И скажи Оливии, что я хочу ее видеть. Немедленно. Где она?

– Я видел, как она уходила по тропинке среди деревьев.

Отец поморщился, потом глубоко, медленно вздохнул.

В комнату вошла Адель Каррик.

– Слава богу, женщина, – пробормотал отец. – Передай мне мою одежду, пожалуйста. И выведи из спальни моего сына. Оставьте мне немного достоинства и пространства.

Экономка замялась, посмотрела на Коула и засуетилась, собирая по комнате одежду.

– Значит, мы будем одеваться к ужину, мистер Макдона?

– Я не голоден. Просто выведи его.

– Приготовить для Коула одну из спален в доме?

– Он может занять пустующий домик персонала. Дай ему ключи. – Майрон посмотрел на сына. – Уверен, ты предпочтешь уединение.

Коул вышел из комнаты, в крови бушевал адреналин. Из коридора Коул услышал, как отец пробормотал:

– Тринадцать проклятых лет, и вот он стоит у моей постели, когда я сплю. Блудный сын вернулся. Не предупредил, ничего...

Коул пошел по коридору к лестнице.

Какого черта он здесь делает? Это было ошибкой. Во многих отношениях.

Из спальни отца вышла Адель, бесшумно закрыв за собой дверь. Она нагнала его.

– Простите, мистер Макдона.

– Пожалуйста, называйте меня Коул. Вы как будто называете меня именем отца. Все в порядке, я ничего другого и не ожидал.

– У него сильные боли. Он не может мыслить ясно. Ваш отец просил узнать, сможете ли вы встретиться с ним завтра в библиотеке в одиннадцать часов утра.

– Ну да, конечно, – фыркнул Коул. – Официальная встреча.

– Идемте, я дам вам ключи от коттеджа. Они внизу, в кабинете.

* * *

Юджин почувствовал слабое изменение в погоде. Он ощущал на языке надвигающийся снег. *Тик-так, часы природы.* Юджин негромко напевал – припев из «Фиделио» Бетховена, – пока наматывал переливающуюся фиолетовую нить на крючок, который был закреплен в тисках, привинченных к столику в кемпинге. Его мать любила Бетховена, Баха, Моцарта, Генделя. И кое-что из Вагнера. Она слушала оперы на виниловых пластинках, включая старенький проигрыватель, работавший на энергии солнца и воды из ручья. Они сами всем себя обеспечивали.

Он нанизал одну из красных бусин и закрепил ее на тельце, которое создавал вокруг крючка. Потом добавил еще две бусины. Как только бусины были надежно закреплены, он капнул на них

прозрачным лаком для ногтей, который нашел в ящике рядом с матрасом. Юджин перешел на мелодию из «Дона Джованни» Моцарта, отрывая кусочки геодезической ленты цвета лайма.

Саре понравится этот подарок.

Глава 7

Ванкувер. Утро субботы.

Два дня до Дня благодарения.

День был в серых тонах, в воздухе висела дождевая пыль. Из окна своей спальни на верхнем этаже Тори наблюдала за отцом. Тот возился на подъездной дорожке, поднимая домкратом дом на колесах, чтобы подогнать под него свой «Додж». Он не выглядел больным. Тори задумалась: что с ним не так? На нее нахлынули воспоминания. Его крепкие медвежьи объятия. Смех над мамиными шутками. Странное чувство стеснило ей грудь, она испытала к нему сострадание. Он тосковал по своей жене. Накануне Тори видела в его глазах настоящую боль. И теперь этим темным сырым утром папа выглядел таким одиноким. Он был таким же одиноким, как и она. Тори крепко сжала пальцами подоконник.

Отец сказал, чтобы она собрала свои вещи, и теперь готовые сумки лежали на кровати. Тори решила, что он провозится, по крайней мере, еще минут двадцать, прицепляя дом на колесах и надежно закрепляя его на раме грузовика.

Она взяла электронную книгу и USB-провод, прошла в кабинет матери и быстро включила ее ноутбук.

На экране появилось диалоговое окно, требующее ввести пароль. Тори выругалась, судорожно пытаясь найти выход. По наитию девочка набрала собственное имя. *Виктория*.

Подошло.

Тори смотрела на экран.

Ее имя открыло доступ в сокровенный мир материнского компьютера. От эмоций защипало глаза. Любовь, словно огромная, причиняющая боль рана, горела в груди. Тори услышала, как ожил и заворчал дизельный мотор отцовского грузовика. Сердце девочки гулко стучало. Времени у нее было в обрез. Она торопливо ввела в строчку поиска название последней рукописи матери: «Залог».

Отец запер напечатанную копию, но в ноутбуке должна была сохраниться электронная версия.

Точно, вот она.

У Тори слегка дрожали руки, когда она подключила USB-провод и соединила электронную книгу с ноутбуком. Тори нажала на клавиши, чтобы скопировать текст. Двигатель грузовика внезапно смолк. Она напряглась.

Файл был скопирован. С участвующимся пульсом Тори отсоединила электронное устройство.

Внизу хлопнула входная дверь.

– Тори! Ты готова?

Она закрыла ноутбук, схватила электронную книгу, на цыпочках выскочила из комнаты и пробежала по коридору. Перегнувшись через перила, она крикнула:

– Спустишь через минуту, папа.

– Я прицепил трейлер, мы можем ехать.

С пересохшим ртом и повлажневшими ладонями девочка торопливо вернулась в свою комнату, закрыла дверь и проверила ридер. Роман был там. Последний роман, над которым работала ее мать, был надежно спрятан в электронной книге. Тори намеревалась взять с собой хотя бы что-то принадлежавшее матери. Она собиралась прочесть ее последние слова. Тори закрыла глаза и крепко прижала ридер к груди. И одними губами произнесла «спасибо».

* * *

Коул проснулся еще до восхода солнца. Накануне вечером он принял душ, побрился, рухнул в кровать и уснул как убитый. Он проснулся новым человеком: за последние полгода впервые без похмелья, что было странным даже для него самого. Он приготовил кофе в маленькой кухне, окно которой выходило на озеро. Домик для персонала был крошечным, но в нем топилась печка, и Адель позаботилась о том, чтобы в холодильнике и в шкафах нашлось все необходимое. Газовая колонка нагревала воду для ванной и для кухонной раковины, но электричества не было. Доступ в Интернет был, вероятно, возможен через спутниковую тарелку на крыше большого дома. Там Коул сможет зарядить свой ноутбук и поработать. Если придет вдохновение.

Коул накинул куртку, взял кружку и вышел на маленькое крылечко. Он потягивал кофе, слушая гагар. Сквозь деревья ему был виден соседний домик.

Солнце только-только выглянуло из-за хребта, и первые золотые лучи коснулись снега на Мраморном хребте. Полосы желтой листвы на деревьях нарушали глубокий зеленый цвет горного декольте, и воздух был холодным. Коул чувствовал шепот зимы, молчаливо поднимающейся на высокогорное плато.

Он забыл о резкой смене времен года, живя в Африке, на Кубе, в Пакистане, в Афганистане. Он всегда любил это время года, когда лосось возвращается домой для нереста, серебристый с красным в сверкающей воде. Когда листья становятся золотистыми и начинают хрустеть под ногами, а на ветках появляется иней. Когда запах костра смешивается с ароматом сосен. Горько-сладкие воспоминания наполнили мысли, пока Коул пил кофе.

Что дальше? Он оказался на перепутье, протрезвел, и теперь ему придется столкнуться с тем, чего он избегал. Ему нужно найти способ двигаться дальше. Снова начать писать. Новую историю. Что-то такое, что ему интересно.

Коул застыл, когда дверь соседнего домика распахнулась. На крыльцо вышел Эйс, за ним появилась Оливия. Она уверенно шла по покрытой инеем траве. Длинные ноги. Узкие джинсы. Теплый пуховик поверх свитера. «Конский хвост» весело раскачивался.

– Доброе утро! – крикнул Коул.

Оливия резко остановилась и обернулась.

Эйс весело доскакал до крыльца нового соседа и поднялся по ступенькам. Коул нагнулся и взъерошил псу шерсть.

Оливия сошла с тропинки и пошла по траве.

– Что вы делаете в домике для персонала?

– Очевидно, мне нравится уединение.

– Майрон так велел?

– Отец не хочет, чтобы я находился в его доме. – Коул отпил из кружки, разглядывая Оливию.

Она в ответ воззрилась на него. Этим утром ее глаза были цвета озерной воды, бледно-зеленой, сквозь которую просвечивает мергельная отмель. Ее щеки и нос порозовели от холода. Оливия как

будто заново оценивала Коула, разглядывая чисто вымытое и выбритое лицо.

– Мне жаль, – негромко сказала она.

Он пожал плечами.

– Я знал, что будет непросто.

– Тогда почему вы все-таки *приехали*?

Коул фыркнул.

– Хороший вопрос. Я сел в самолете еще до того, как у меня появилась возможность протрезветь и передумать. Так что же нужно сделать на ранчо сегодня утром?

Ее плечи чуть напряглись. Это была ее территория, а он действовал напролом.

– Вчера я так и не зарегистрировала гостей в кемпинге. И еще мне нужно очистить мусорные баки, вставить новые мешки и все такое.

– Я с вами.

– Что?

– Я вам помогу.

В глазах Оливии промелькнула настороженность. Коул видел, что двери снова закрываются.

– Да ладно вам, побалуйте меня. Познакомьте меня с положением дел, покажите, как работает ранчо. Я не настолько плохая компания. – Он поставил кружку на перила, протянул руку, закрыл дверь, сбежал по ступеням и застегнул «молнию» на куртке.

Оливия нахмурилась.

– Я бы предпочла заняться этим одна.

– Что? Не хотите, чтобы вмешивались наследники ранчо? Чувствуете, что скоро все будет нашим?

– Вы такой же грубиян, как и ваш отец, вам это известно? – резко сказала Оливия. – Понятно, почему вы двое не ладите.

Коул почувствовал, как, вопреки его желанию, уголки губ поднимаются в улыбке.

Оливия выдержала его взгляд: легкий вызов с искорками неловкости. Она хмыкнула, развернулась и пошла по тропинке. Коул пошел за ней следом через осиновый перелесок. Золотистые листья задрожали и дождем посыпались на них. Дыхание превращалось в пар.

Они дошли до ее грузовика, припаркованного возле большого дома. Оливия помогла Эйсу забраться в кабину.

– У него проблемы с тазобедренными суставами или с лапами? – спросил Коул.

– Ветеринар думает, что у него начальные признаки дегенеративной миелопатии. Это прогрессирующее заболевание, лечения нет. Я только заберу вещи из офиса.

Коул уселся рядом с Эйсом, Оливия отперла дверь офиса. Она вышла оттуда с коробкой брошюр, книгой и устройством для считывания кредитных карт. Оливия положила все это на сиденье между нею и Эйсом и вставила ключ в зажигание.

– Если не считать того, что вас сослали в домик для персонала, как прошла ваша вчерашняя встреча с Майроном? – спросила Оливия, заводя мотор и трогая грузовик с места.

Коул откинул голову на подголовник.

– Никак. Он сразу выгнал меня и назначил официальную встречу в библиотеке сегодня в одиннадцать утра.

Сворачивая на грунтовую дорогу, Оливия бросила на Коула быстрый взгляд. Коул снова увидел шрамы на запястьях Оливии и задумался о ее прошлом, о том, откуда она. И снова ему вспомнились ее слова по телефону.

«Вы ни хрена не знаете о выживании...»

– Гости по-прежнему приезжают в кемпинг по старой лесовозной дороге на другом берегу озера? – спросил он.

– Точно. Иногда они доезжают до дома, регистрируются и оплачивают проживание. Но чаще я заезжаю туда раз-два в день и регистрирую их на месте. Те, кто останавливается в домиках, должны зайти в офис в большом доме.

У въезда в кемпинг она остановила грузовик, потянулась через Коула и открыла ящик для перчаток. Коул уловил ее аромат. От нее пахло чистотой и мылом. Свежестью. Запах напоминал какой-нибудь шампунь с названием «Дождевая вода» или «Весенний лес». Оливия достала из ящика рабочие перчатки, надела их и вышла из машины. Коул сделал то же самое.

Оливия достала из кузова большой рекламный щит. Он был желтый с черным текстом, предупреждавшим о том, что в этой местности водятся медведи.

– Помощь нужна? – спросил Коул, когда она потащила щит ниже по дороге. Порывы ветра с шумом пробирались через

раскачивающиеся ели.

– Я справлюсь.

Оливия поставила щит там, где дорога раздваивалась. Одна вела к маленькому пляжу и зоне для пикников, другая – к причалу и местам для трейлеров. Коул прислонился к грузовику и наблюдал за Оливией, снова впитывая в себя это место, которое когда-то составляло огромную часть его жизни.

Походка у Оливии определенно была неловкой. И Коул задумался об этом. Обручального кольца на ней не было, как не было и других символов того, что она связана с мужчиной, зато она была близким другом его неуживчивого отца.

Коул был проницательным наблюдателем, каталогизатором фактов, умел читать мелкие знаки. Это умение он отточил за годы работы над журналистскими расследованиями. Некоторые называли его способности к наблюдению и запоминанию сверхъестественными, но именно они делали его чертовски успешным. Он видел суть событий сквозь дым и зеркала, тогда как остальные теряли след.

Сейчас Коул видел женщину, которая пытается спрятаться. Это заставляло задуматься. От чего она пряталась? Что она делала и где была до приезда на ранчо? Пыталась ли она покончить с собой? Почему? Когда? Кем она на самом деле была для его отца, для этого ранчо? Что она станет делать, когда отец умрет и ранчо будет продано?

Подходя к грузовику, Оливия сняла перчатки, ее «конским хвостом» играл ветер.

– Осенью по-прежнему проблемы с медведями? – спросил он, кивком указывая на щит.

– В последние два года ситуация ухудшилась. – Она открыла дверцу и села за руль. Коул занял место пассажира. – Здесь поселилась кабаниха с двумя поросятами, родившимися в этом году. Она постоянно роется в мусоре. Еще один кабан на прошлой неделе залез в курятник.

Оливия повела машину к бетонному причалу для лодок.

Там ремонтировал свою лодку мужчина в болотных сапогах. Он поднял голову и помахал рукой. Оливия остановила машину. Она замялась, потом сказала Коулу:

– Это наш завсегда. Я только поздороваюсь с ним.

Он смотрел ей вслед, пока она шла по причалу. Эйс взвизгнул и снова лизнул Коула в лицо. Коул впервые заметил, какие мутные у овчарки глаза. Он присмотрелся получше.

– Да ты, оказывается, теряешь зрение, приятель... Хочешь пойти и посмотреть, чем она там занимается?

Пес завилял хвостом.

Коул помог Эйсу выбраться из кабины, и они пошли по причалу туда, где Оливия разговаривала с мужчиной лет шестидесяти с морщинистым и обожженным солнцем лицом.

– Форель клюет? – поинтересовался Коул, подходя ближе.

– Сегодня утром клева совсем не было, – ответил рыбак, поднимаясь на ноги. – Форель больше не приходит к отмелям. Вода по ночам уже холодная, и рыба ушла на глубину. Думаю, сейчас она кормится стеклянными червями, поэтому ее трудно приманить чем-то еще. Форель становится подозрительной. – Он улыбнулся, демонстрируя отсутствующие передние зубы. – Но вчера я поймал парочку размером больше двадцати дюймов ^[5].

Он потянулся за веревкой, привязанной к носу лодки, и начал поднимать ее на причал. Коул помог ему.

Как только лодка оказалась в трейлере, мужчина вытер руки о болотные сапоги.

– В понедельник думаю отправиться на Форест-Лейк. Надеюсь, я попаду в «окно». – Он хмыкнул, потом кашлянул, в груди заухало, загрохотало. – Успею до того, как совсем похолодает и пойдет снег.

– Похоже, зима в этом году будет ранней, – заметила Оливия. – Прогноз обещает в понедельник ухудшение погоды. Вам наверняка захочется вернуться домой до начала бури. Это Барни, – представила она старика Коулу, – один из наших постоянных гостей.

Оливия улыбнулась, и от улыбки на ее левой щеке появилась ямочка, глаза цвета мха засверкали. Эта улыбка поразила Коула в самое сердце. Он уставился на Оливию, неожиданно замороженный. Свет в ее глазах померк, лицо посуровело, как только она заметила его реакцию. Оливия отвернулась. Когда она снова заговорила, ее голос изменился, стал ниже.

– Барни, это Коул Макдона, сын Майрона.

Старик почесал спутанную бороду.

– Надо же! Сын *Майрона*?

Коул ответил полуулыбкой.

– Меня давненько никто так не называл.

Старый рыбак продолжал почесывать бороду, внимательно изучая Коула.

– В тебе точно его гены. Ты ведь давно отсюда уехал... Лет десять-двенадцать назад, верно? Это точно произошло до того, как я познакомился с Майроном и начал сюда приезжать.

Коул посмотрел на Оливию. Она тоже внимательно смотрела на него.

– Да, прошло много времени, – сказал он.

– Хороший был фильм, «Охота на диких», – добавил Барни.

Коул невероятно удивился:

– Вы его видели?

– Точно, черт подери. Кто в Клинтоне его *не видел*? Майрон принес DVD в отель «Карибу». Он выставил угощение: пиво и бургеры из оленины за его счет. Твой отец и книги принес. Назвал их «лотерейный выигрыш». Мы смотрели фильм на большом экране в баре. Ну и вечеринка была. – Старик покачал головой, улыбаясь безумной беззубой улыбкой.

Коул посмотрел на Барни, ему вдруг стало трудно дышать.

– Что ж, очень приятно было с тобой познакомиться, сынок. – Рыбак протянул ладонь, крепко пожал руку Коула и похлопал его по плечу. Еще один кашель курильщика загрохотал в легких старика. – Загляни, выпьем по стаканчику, слышишь? Майрон всегда заглядывал до того, как ему пришлось сесть в это инвалидное кресло. Мы с ним несколько раз забрасывали удочки, связали несколько мушек. – Барни снова закашлялся. – Да, приближается сырая погода. Я ее вот этим местом чувствую. – Он постучал себя по груди. – Моя машина припаркована на месте двадцать семь, прямо у воды. Словом, я здесь до понедельника.

Барни поднял голову к небу. На юге низко на горизонте собирались темные тучи.

По дороге к грузовику Коул не удержался и сказал:

– Я не знал.

Оливия открыла дверцу грузовичка, нагнулась, подхватила Эйса и посадила пса в кабину.

– Чего не знали?

– Что отец видел фильм. Он не написал мне об этом и не сказал.
Оливия села за руль и завела мотор.

– Он видел оба фильма, снятые по вашим книгам. А вы звонили ему, говорили, что они выходят на экран?

Коул выдержал ее внимательный взгляд и ничего не ответил.

Оливия пожала плечами.

– В его библиотеке есть все ваши книги. Постер к фильму «Охота на диких» висит в его кабинете.

Коул сглотнул, посмотрел в окно и негромко выругался. Он надеялся, что все будет просто. Вошел-вышел. Что гнев отца и барьеры между ними облегчат ему задачу. Но такое? Нет, такого он не ожидал.

Оливия проехала около сотни метров и остановилась на аккуратной площадке, засыпанной гравием, где находились два уличных туалета, стенд с информацией, два мусорных бака и кран с водой. Снова вышла из машины, прикрепила предупреждение о медведях на доске объявлений и положила новую порцию рекламных буклетов в предназначенный для них ящик. Потом вернулась к грузовику за перчатками и начала вытаскивать полный мусорный мешок из первого бака. Она бросила его в кузов. Коул подошел к ней и, когда она пыталась вытащить последний мешок из мусорного бака, перехватил его.

Их руки соприкоснулись, глаза встретились.

Ее рот был так близко. Коул почти мог представить ощущение ее пухлых губ на своих губах. Пульс у него участился, когда он увидел глубину сексуального влечения в ее глазах.

– Я сама справлюсь. – Ее голос звучал хрипло.

– Вы взяли меня с собой, – спокойно ответил он, – и наименьшее, что вы можете сделать, – это позволить мне помочь.

Она уступила, позволив ему отнести тяжелый мешок с мусором в кузов.

Оливия оставила новые рулоны туалетной бумаги в уличных туалетах и пополнила запасы необходимого. Потом взяла из грузовика грабли и быстрыми движениями начала разравнивать гравий. Коул вложил чистые пакеты в мусорные баки. Эйс наблюдал за ними из грузовика.

Украдкой взглянув на Коула, Оливия бросила грабли в кузов и снова села за руль.

Коул занял свое место, погладил Эйса и улыбнулся Оливии.

– Что дальше?

Ее губы сжались, и она не захотела встретиться с Коулом взглядом, а просто включила двигатель.

– Надо проверить вновь прибывших, узнать, не нужны ли кому-то дрова. И сообщить тем, кто в кемпинге, что в понедельник вечером ожидается буря.

Они приехали на просторную гравийную площадку на берегу озера, на которой стояли грузовики и тягачи. Над столиками для пикника, застеленными клеенкой, был натянут навес. На одном из столиков стояла ваза с искусственными цветами. Покашливали генераторы, в воздухе витали ароматы костра, бекона и кофе. Складные кресла были расставлены так, чтобы можно было смотреть на озеро, другие стояли вокруг кострищ. На крыше одного из тягачей была установлена маленькая спутниковая тарелка.

– Так много всего для старомодного отдыха в палатке, в тишине и покое леса, – заметил Коул, охватывая взглядом всю сцену.

– У этих ребят есть все необходимое, включая газовую плиту. Большинство из них – пары пенсионеров или одинокие мужчины, одержимые охотой и рыбалкой, такие, как Барни, использующие сезон до последней капли.

Она взяла блокнот, проверила по списку номера автомобилей.

Пара, сидевшая в креслах возле одного из кострищ, помахала Оливии, а их пудель бесновался на поводке и только хрипел, безуспешно пытаясь залаять. Ему, бедняге, специально перерезали голосовые связки.

Старик встал со своего кресла и с походной кружкой в руке направился к грузовику. Женщина приложила руку козырьком ко лбу и наблюдала за ним.

Оливия высунула локоть в окно.

– Доброе утро.

Пес снова рванулся, тщетно пытаясь прогнать их прочь.

– И вам доброго утра. Я вижу, погода портится. – Мужчина кивком указал на горизонт. – Как думаете, она продержится до конца выходных?

– Прогноз это обещает, но если он изменится, я дам вам знать. Вы по-прежнему планируете остаться до вторника?

– Будем действовать по обстоятельствам, посмотрим на погоду.

– Как рыбалка?

– Форель капризничает. Закинул удочку, как только рассвело, и ничего. После обеда попробую еще раз.

– Судя по всему, форель перешла на стеклянных червей, – сказала Оливия. – Медведей не видели?

– Ночью они проходили через кострища для барбекю, свалили два кресла.

– Держу пари, их привлек запах мяса. Вам дрова нужны?

– Нет, спасибо.

Оливия и Коул поехали дальше.

Дальше по берегу стоянки для отдыха были маленькими и располагались между высокими соснами и ивами. Виды на воду то открывались, то исчезали. Оливия сверила с записями регистрацию еще трех машин. Когда они подъезжали к следующему месту для отдыха, Оливия как будто напряглась.

Поперек въезда был припаркован серый грузовик «Форд». Оливия сбросила скорость, закусила губу.

– Почему вы вообще приехали в Броукен-Бар? – как бы между делом спросил Коул.

– Мне нужны были перемены.

– Откуда вам хотелось уехать?

Ее глаза слегка сузились. Он видел, как пульсировала жилка у нее на шее. На этот раз шейный платок был не тот, который она надевала накануне.

– С севера. – Оливия потянулась за блокнотом, сумочкой с наличными и считывающим устройством для кредитных карт. – В объявлении было сказано, что требуется инструктор по рыбной ловле, но постепенно, когда Майрон начал увольнять персонал, это вылилось в общее управление ранчо. Я была инструктором на озере и во время прогулок верхом. Прогулки прекратились после того, как в прошлом году были проданы почти все лошади. И, разумеется, ушли все те, кто занимался скотом.

– Управление ранчо – это большая работа. Наверное, его лучше продать.

Она коротко взглянула на Коула.

– Ага, точно. Кажется, нет никого, кто справился бы с работой. Конец эпохи и все такое.

У него затвердел подбородок. Он вспомнил о нескольких поколениях Макдона, которые обрабатывали эту землю.

– Вы любите это место.

– Это мой дом, и мне очень не хочется потерять его.

– А где был ваш дом до этого? Где вы выросли?

Оливия встретила с ним взглядом, как будто пытаюсь увидеть подвох в его вопросах.

– Послушайте, вы можете поговорить с отцом о том, чего он хочет от этого ранчо и от меня как от работника? А вообще я считаю, что моя роль здесь – это не ваше дело. – Она помедлила, прежде чем снова выйти из кабины. – Поверьте мне, Коул, Майрон настаивал на том, чтобы я *не* сообщала вам и Джейн о том, что он умирает.

– Да, *это* он ясно дал понять.

– Ваш отец считает, что вы оба... – Оливия запнулась. – Он сказал, что не хочет, чтобы вы и Джейн ссорились из-за наследства, пытаюсь продать ранчо еще при его жизни. И он не желает стать свидетелем этого.

Коул не отвел взгляда, сквозь чувство вины пробивался гнев. Он уже подписал бумаги. Джейн давно начала действовать. Коул мысленно отметил, что нужно будет разобраться с Джейн и этими документами, как только он вернется в свой домик.

– Тогда почему вы пошли против его воли? Почему вы *позвонили* мне?

Оливия тяжело вздохнула.

– Ладно, я скажу прямо. Несмотря на его возражения, я нутром чувствовала, что Майрону необходимо увидеть своих детей. Особенно вас.

Коул поднял бровь.

– Для чего?

– Я уверена, что ему нужно исправить то, что произошло между вами. Ему требуется примирение. – Она сглотнула. – Мне кажется, это пойдет ему на пользу. Возможно, лучше будет вам обоим. Если вы попросите друг у друга прощения.

– И это вы меня называете *резким*?

– Вы сами спросили.

– Мой старик не хочет ничего исправлять, Оливия. Он не хочет иметь со мной дела. Он не хотел иметь ничего общего ни со мной, ни с Джейн после...

– После несчастного случая. Я слышала. Но иногда люди разрывают отношения и не знают, как это исправить, потому что не могут сказать то, что им нужно сказать, или то, что им хочется сказать. Иногда вы подходите к определенному моменту в жизни, когда понимаете, что совершили ужасную ошибку, и отчаянно хотите ее исправить, но все настолько глубоко вросло в вас, укоренилось, что вы не можете начать.

– Вот это да, – прошептал Коул, буравя ее взглядом. – И кто это перед нами, местный психотерапевт? Мы все возьмемся за руки и споем «Будь рядом с нами, Господь» перед тем, как он умрет?

Оливия гневно посмотрела на него, ее лицо покраснело.

– Ну, тогда и хрен с вами, – прошептала она. – Я свою роль сыграла. Вероятно, звонок вам был ошибкой. Я отвезу вас в большой дом, как только закончу с делами, и тогда вы сможете сделать то, что вам хочется, и убраться отсюда.

Она вышла из машины, хлопнула дверцей и широкими шагами направилась к серому «Форду», припаркованному поперек въезда.

Коул пошел следом за ней.

– Оливия...

– Избавьте меня.

Он прибавил шаг, дотронулся до ее руки.

Оливия резко развернулась, в ее глазах бушевало яростное пламя. Казалось, воздух между ними был пронизан электричеством. Деревья зашуршали под порывом ветра, вниз посыпались сухие иголки.

– Мне он нравится, да. Мне *нравится* Майрон. Он добрый друг. Он...

В глазах Оливии неожиданно заблестели слезы. Она замолчала, отвернулась, беря себя в руки. Потом заговорила снова, и ее голос звучал ровно.

– Ваш отец дал мне работу. Он предоставил мне и Эйсу то, в чем мы оба больше всего нуждались, – жилье. Я *в долгу* перед Майроном. Он умирает, а я почувствовала собственное бессилие и просто захотела помочь. Позвонить вам – это наименьшее из того, что я могла сделать. Теперь, когда я сбросила этот груз со своих плеч, поступайте так, как

считаете нужным. – Она развернулась, сделала два шага, потом снова повернулась к Коулу, как будто не могла закончить разговор. – У меня была крошечная надежда на то, что вы окажетесь лучше.

– Лучше в чем?

– Я надеялась, что вы достаточно взрослый, чтобы взять на себя инициативу, попросить прощения, помириться до того... как он умрет.

– Почему такая мысль пришла вам в голову?

– Я прочла вашу книгу, увидела, как вы пишете. Я думала, у вас... у вас такой взгляд на мир, глубокий. Что вы заботитесь о смысле. – Ее глаза засверкали. – Но я ошиблась. Вы фальшивка.

Оливия повернулась к нему спиной, обошла «Форд» и зашагала к тропинке за густыми кустами.

Коул ошеломленно смотрел ей вслед. В елях шумел и метался ветер, как будто нашептывал воспоминания, доносил шелестящие голоса мертвых. Коул провел рукой по волосам. В одном Оливия была права. Это было ошибкой.

И еще в одном он ошибся. Оливия не была расчетливой соблазнительницей, охотившейся за наследством. Ее чувства к отцу казались искренними. А его сварливый отец, судя по всему, помог женщине, которая скрывала огромную рану. В этом Коул не сомневался. И эта женщина пыталась убить себя.

«Будь я проклят».

Он глубоко вдохнул, грудь сдавило от эмоций. Он уже собрался было вернуться к машине и ждать там Оливию вместе с Эйсом, когда раздался громкий крик.

«Оливия?»

Коул помчался по тропинке, в крови бушевал адреналин. Он обогнул куст и увидел Оливию лежащей на земле рядом со столиком для пикника. Бледная. По виску текла кровь. Над ней нагнулся высокий бородатый мужчина с топором в руке.

Глава 8

Светло-янтарные глаза поймали ее в ловушку. Глаза кугуара. Голодные, всепоглощающие.

Его глаза.

Его запах проник в ее мозг. Его холодность, его зло ползли по ее коже. Она ощутила во рту привкус желчи, сердце гулко стучало. Вокруг нее сжимался темный туннель, закрывая ранчо, небо. Она видела только его. Она снова была обнаженной. На медвежьей шкуре. С веревкой вокруг шеи.

– Оливия! – пробился к Оливии голос Коула.

Она моргнула, зашевелилась в грязи, наткнулась на скамью для пикника. Паника нарастала. Оливия изо всех сил старалась сосредоточиться, оставаться в настоящем.

Мужчина с топором отступил на шаг назад, когда Коул подбежал к Оливии, рухнул рядом с ней на колени и взял в ладони ее лицо.

– С вами все в порядке? – Его глаза сверкали от тревоги, от адреналина. Он бросил быстрый взгляд на мужчину, потом полностью переключился на нее. – Что случилось?

– Я обошла трейлер сзади, а он вдруг появился из-за него с топором. Я испугалась, только и всего.

«Я провалилась в свои воспоминания...»

Коул взял ее за руку, помог подняться. Нетвердо держась на ногах, Оливия отряхнула джинсы.

– Простите меня за такую странную реакцию, – обратилась она к мужчине. – Вы меня до смерти напугали. Должно быть, я споткнулась.

Она коснулась пальцами виска. Они окрасились кровью. Оливия смутилась.

– Я, вероятно, ударилась головой о стол для пикника.

Коул ощупал угол стола.

– Здесь не забитый гвоздь. Судя по всему, вы именно на него налетели. Позвольте мне посмотреть.

– Нет! Нет, я в порядке. – Она подняла блокнот, сумочку для наличных и считывающее устройство для кредитных карт, которые выпали у нее из рук. – Пожалуйста, позвольте мне попытаться еще раз, – с легким смешком, который прозвучал фальшиво, обратилась к

мужчине Оливия. – Я Оливия, менеджер ранчо. Я видела, что вы заехали вчера вечером.

Сказать, что она сожалела, было бы явной недооценкой. Оливия была в ужасе. Все тело, все внутренности дрожали. Она повела себя как дура, вернувшись сюда. Накануне потеки крови на холодильнике этого человека едва не заставили ее вернуться в прошлое, впервые за долгие годы. Более того, его глаза оказались точно такого же цвета, как у Себастьяна. И рост тот же. Что-то в нем было такое... Оливия одернула себя.

Чужой шарф на тропе Эйса, корзинка с ягодами, эпизод в холодильной камере с тушей оленя – все как будто нарочно сложилось так, чтобы снова вернуть ее в прошлое. За последние три года она начала верить, что покончила с этими чертовыми воспоминаниями. Удар оказался разрушительным.

Мужчина спокойно смотрел на нее. Мускулистый, крепкий, с шапкой седых волос оттенка стали, густой бородой и усами, которые скрывали его рот и большую часть лица. На его джинсах темнели пятна. Ногти черные. От грязи. Или, возможно, от крови. Оливию снова охватил страх. Она откашлялась.

– Вы приехали вчера? – Она вернулась к разговору.

Мужчина бросил взгляд на Коула, и его лицо как-то потемнело, атмосфера между двумя мужчинами как будто изменилась. Оливию опять охватило ощущение близкой опасности. Она сглотнула, пытаясь отделаться от этого ощущения, зная, что это лишь плод ее воображения.

«Он мертв. Его больше нет. Это твой мозг шутит с тобой шутки...»

Коул на мгновение коснулся ее поясницы. Оливия сначала удивилась, а потом испытала облегчение. Его прикосновение оказалось сродни заземлению. У нее защипало глаза. Сколько бы она ни боролась за независимость, как бы ни сохраняла физическую дистанцию между собой и людьми, в этот момент она была искренне благодарна за то, что кто-то ее поддерживал.

– Да, вчера почти на закате, – ответил мужчина. Голос у него был хриплый и сиплый, как у заядлого курильщика. Или у собаки, которую лишили способности лаять.

– Сколько ночей вы здесь проведете?

– Уеду после Дня благодарения.

– Просто чтобы вы знали: надвигается буря. Снег может пойти в понедельник вечером.

– Снег?

– Здесь дороги не чистят. Вы можете оказаться в затруднительном положении. – Оливия снова откашлялась. – Стоянка стоит двадцать долларов за ночь. Дрова – плюс еще пять долларов. Дайте мне знать, если вам понадобятся дрова, я буду привозить вам вязанку каждое утро.

– С дровами я сам разберусь. – Мужчина прислонил топор к скамейке для пикника и выудил бумажник из заднего кармана джинсов.

Уголкем глаза Оливия увидела, что Коул внимательно рассматривает лезвие топора, дом на колесах, холодильник. И потеки крови на его стенке.

Она внесла данные в блокнот, а мужчина вытащил пачку банкнот из бумажника и отсчитал нужное количество.

– Я заплачу до вторника, чтобы вам не нужно было возвращаться. Это ее более чем устраивало.

– Спасибо. – Оливия взяла у него наличные. Он позволил своим пальцам задержаться на ее руке. Она вскинула на него глаза. Он улыбнулся, из-под усов сверкнули белоснежные зубы.

«Зубы как у него...»

Оливия быстро пересчитала деньги, сложила их в сумочку на «молнии», потом протянула ему буклет.

– Тут карта и вся необходимая информация. В хозяйском доме мы кормим ужином. Резервировать столик нужно до полудня. В воскресенье вечером будет ужин в честь Дня благодарения. Индейка.

– Мне и так хорошо. Спасибо. – Мужчина взял буклет, глядя ей прямо в глаза.

– Пожалуй, вам стоило бы вытереть кровь с вашего холодильника, – посоветовала Оливия. – Она может привлечь медведей.

– Понял.

– Что ж, наслаждайтесь отдыхом.

Проходя мимо дома на колесах, она заметила внутри лук.

– Охотитесь с луком?

– Только с ним, – с очередным намеком на улыбку ответил мужчина. Глаза его не улыбались. – Мне нравится настоящая охота.

– Правила охоты с луком указаны там. – Оливия кивком указала на буклет в его руках. – Никакой охоты на территории ранчо. Границы ранчо обозначены на карте. Представитель службы охраны природы приезжает каждые пару дней, проверяет разрешения, лицензию.

Она пошла по тропинке к своему грузовичку.

– Вы только что подстрелили какую-то дичь? – неожиданно спросил Коул.

Оливия развернулась. Сунув руки в карманы, Коул смотрел на кровь на холодильнике.

В вышине раздался крик ястреба, и мелкие птицы взлетели с деревьев.

– Оленя, – ответил мужчина.

– На холмах у Мраморного хребта?

– В каньоне. Свалил его по пути наверх.

Коул кивнул.

– Наслаждайтесь отдыхом. – Он догнал Оливию, и они вместе обошли «Форд». Она записала номера автомобиля.

Когда Оливия села в кабину грузовичка, Эйс ткнулся в нее носом. Пес волновался, пытался понюхать свежую кровь у хозяйки на лбу. Оливия глубоко вздохнула.

– Все в порядке, мальчик.

Она опустила защитный козырек и, посмотрев в маленькое зеркальце, вытерла кровь бумажным носовым платком, который взяла из бардачка. Ссадина была небольшой. Ничего такого, с чем бы не справились дезинфицирующее средство и лейкопластырь. Но шишка будет знатная.

Коул сел рядом.

– Если хотите, я могу посмотреть.

Оливия покачала головой, скатала бумажный платочек в комок, бросила его в держатель для стакана и завела мотор. По дороге к следующей стоянке, расположенной на сотню ярдов дальше на берегу, она все еще дрожала.

– Он ненормальный.

– Этот парень? Да. Иногда у нас бывают странные гости.

– Вы в порядке?

Оливия кивнула.

– У вас будет большая шишка на голове.

Она фыркнула.

– Он действительно напугал вас?

Оливия почувствовала, как стены вокруг нее снова смыкаются.

– Думаю, все дело было в топоре. Он напугал меня, когда вышел из-за трейлера с топором в руке.

Она свернула к въезду на следующую стоянку. Серые грузовики марки «Форд» явно были *выбором дня*, но у автомобиля, припаркованного на этой стоянке, была длинная рама, к которой и был прикреплен автодом. Рядом с кострищем стояли два сложенных кресла. На столике для пикника – две тарелки, две кружки, две пары ножей и вилок. С крыши трейлера сняли лодку и спустили ее на воду, привязав к коряге, торчавшей из низкого берега.

– И как же вы поступаете со «сложными» гостями или, скажем, с большой шумной компанией пьяных парней? Полицейские, по меньшей мере, в часе езды отсюда. Кто вам помогает?

Оливия посидела немного, помолчала, вздохнула, потом скривила губы. Взгляд Коула остановился на них, и она внезапно почувствовала слабый электрический разряд, который, казалось, исходил от него.

– До этого лета у меня не возникало с этим проблем, потому что я не занималась теми, кто останавливался в кемпинге. – Она осторожно убрала от раны пряди волос. – У меня есть нож, газовый баллончик. Ракетница. Рация. Спутниковый телефон. – Оливия не собиралась рассказывать о нелегальном «смит-вессоне» под сиденьем грузовика, который она купила у лесоруба на севере. – И Эйс.

Коул тепло улыбнулся. И дружелюбные морщинки, разбежавшиеся от глубоких серых глаз, затронули что-то в глубине ее души. Она еще ни разу не видела его улыбки. Оливия сбилась с мысли. Кабина мгновенно показалась слишком тесной, воздуха как будто не хватало. В животе появилось ощущение паники, но это был совсем другой страх, не похожий на тот, который она испытала на предыдущей стоянке.

– Ну да, – согласился Коул, – немецкая овчарка-убийца с плохим зрением и больными суставами.

Эйс одобрительно лизнул его в лицо, не поняв ни слова. Но в глазах Оливии Коул увидел грусть: это был лишь намек на то, как

тяжело ей будет потерять Эйса.

– Простите, – спохватился Коул.

Она пожала плечами.

– Это правда. Он слепнет. Его задние ноги рано или поздно откажут. Мне, вероятно, не надо брать его с собой, когда я езжу верхом.

– Сколько ему лет?

– Пес не настолько стар, чтобы появились все эти проблемы, но у него было не лучшее начало жизни. – Оливия открыла дверцу. – Надо зарегистрировать и этих гостей.

* * *

Коул пошел за Оливией на стоянку, думая о том, насколько это не подходящая работа для одинокой женщины. Ему вдруг захотелось ее защитить, и неожиданно возникло чувство ответственности, чувство хозяина ранчо.

– Есть кто-нибудь дома? – Оливия постучала в дверь дома на колесах.

Дверь открылась. Мужчина с очень светлыми, белокурыми и коротко подстриженными волосами улыбнулся и приложил палец к губам.

– Жена спит, – прошептал он и легко спустился по металлическим ступенькам. Он был ловким для своих габаритов. В нем было примерно шесть футов и два дюйма. Аккуратно подстриженные усы и борода-эспаньолка. Голубые глаза сверкали, кожа была бронзовой от солнца. Он выглядел мужественно. Он провел их к столу для пикника, чтобы жена, спавшая в трейлере, их не слышала. Коул дал ему на вид лет шестьдесят, плюс-минус.

Оливия явно нервничала. Мистер-с-Топором здорово ее напугал.

– Меня зовут Оливия, – назвалась она. – Дефакто управляющий ранчо. Это Коул. Он здесь вырос.

Мужчина по очереди пожал им руки. Рукопожатие было твердым, уверенным.

– Алгор Соренсон, – представился он. – Я собирался зайти в большой дом и зарегистрироваться. Мы приехали вчера вечером. Моя

жена Мэри спит в трейлере.

Оливия озвучила расценки и спросила, как долго пара планирует оставаться в кемпинге.

– Я бы предпочел решать по обстоятельствам, не возражаете? – сказал Соренсон, глядя на озеро. – Мы задержимся, пока рыба будет клевать.

Он легко улыбнулся. Сверкнули белоснежные зубы.

Оливия моргнула, опустила глаза и начала записывать данные гостя.

– Возможно, это хорошая идея, – одобрила она, фиксируя номера грузовика. – Прогноз обещает сильный буран. Снегопад может быть ранним в этом году, и, если это произойдет, какое-то время дороги останутся нечищеными. По последним данным, снег пойдет в понедельник вечером. Если прогноз изменится, я заеду и всех предупрежу. Как будете платить? Картой или наличными?

Коул обратил внимание на то, что она не смотрит мужчине в глаза. Руки у нее все еще дрожали.

Гость передал Оливии кредитную карту. Она взглянула на имя, вставила карту в считывающее устройство и протянула устройство ему, чтобы он мог ввести ПИН-код.

– Вам понадобятся дрова сегодня вечером?

– Пожалуй, немного.

Коул бегом вернулся к грузовичку, чтобы достать из кузова вязанку. Он принес ее и по дороге рассмотрел снаряжение Соренсона.

Оливия как раз объясняла правила резервирования столика и рассказывала об ужине в День благодарения.

Соренсон улыбнулся, держа руки в карманах.

– Мы с женой лучше приготовим индейку в духовке нашего трейлера. Маленькую. Так мы поступили в прошлом году в Моабе.

– Вы из Вашингтона? – поинтересовался Коул, бросая дрова рядом с кострищем и вытирая руки о джинсы.

– Простите?

– Увидел табличку радиолобителя на вашем трейлере сзади. Я тоже лицензированный радиолобитель.

– Ах, это! Да, оттуда. – Соренсон моргнул. – Радиолобитель – моя жена. Она спец в этом. Я ей не мешаю. Не мое это.

– Что ж, наслаждайтесь отдыхом, – сказала Оливия.

Пока они ехали по дороге вокруг озера, Коул обратил внимание на то, что лишь некоторые стоянки у воды были заняты. Остальные пустовали и выглядели брошенными.

– Летом народа больше?

Оливия покачала головой. Она побледнела. В душе Коула начало зарождаться сострадание, и он понял, что ему нравится эта колючая женщина. Оливия Уэст разожгла его интерес. Ему хотелось узнать о ней больше – что заставляет ее морщиться, откуда у нее эти шрамы?

Коул молчал, глядя на озеро, на лес. Нахлынули воспоминания о том, как они играли тут с Джимми.

– Откуда вы узнали? – неожиданно спросила она.

– Что узнал?

– Что он родом из Вашингтона? На его трейлере номера Британской Колумбии.

– У каждого радиолобителя есть свой уникальный позывной из букв и цифр. Первая часть позывного – префикс – указывает на то, где он был выдан. Так по всему миру: вы можете посмотреть на позывной и понять, откуда этот радиолобитель. Есть программы, которые позволяют отслеживать их движение по карте, если радиостанция включена. Обычно люди, переезжающие сюда из Штатов, получают новый канадский позывной.

– Должно быть, его жена из Штатов. Проклятье. – Она внезапно ударила по тормозам, включила задний ход и подъехала к тому месту, где сетка, обозначавшая границу ранчо, была недавно разрезана и отогнута таким образом, чтобы получился проем шириной в два автомобиля. Следы колес уходили в темный, густой лес за пределами ранчо.

– Чертовы браконьеры. – Оливия опустила стекло, чтобы рассмотреть повреждения. – Или сквоттеры^[6]. Это старая дорога к болоту, где живут выдры. Ею теперь никто не пользуется.

– Я знаю, – спокойно ответил Коул. – Мы с Джимми когда-то играли на том болоте, к огромному огорчению нашей матери.

– Мне нужно будет вернуться сюда и залатать дыру в сетке.

– Я займусь этим, – сказал он.

Она бросила на него короткий взгляд.

Коул тяжело вздохнул.

– Пока я здесь.

– Это моя работа, мой...

– Это ранчо моего отца. Мне не нравится, что вы занимаетесь такими вещами одна. Это небезопасно. Следы колес свежие. Там кто-то есть. И эти люди, скорее всего, вооружены, учитывая, что сезон охоты открыт.

Оливия смотрела на него, в ее глазах появилось странное выражение.

Коул пожал плечами.

– Можете назвать меня сексистом, если хотите.

Она никак его не назвала и молча повела машину.

Когда они вернулись в большой дом, Коул повесил куртку и увидел, что в гостиной уже горит камин. Перед огнем на противоположных концах длинного дивана сидели две девочки. Обе читали и держались так, будто не были знакомы. Крепкий лысеющий мужчина с широкими плечами стоял к ним спиной, засунув руки глубоко в карманы. Он смотрел новости на плоском экране большого телевизора, висевшего на дальней стене.

– Кажется, у нас еще гости, которых нужно зарегистрировать, – заметила Оливия, вешая свою куртку в холле рядом с курткой Коула.

Она вошла в гостиную. Коул посмотрел на свои часы. Было еще слишком рано для того, чтобы идти в библиотеку и ждать там отца. Он последовал за Оливией.

Когда она подходила к мужчине, поперек экрана появился баннер «Новость часа». Программа мгновенно прервалась, и перед зрителями появилась диктор в студии новостей СВС. Мужчина протянул руку и прибавил звук. Голос ведущей громко зазвучал в комнате.

– Мы прерываем передачу, чтобы сообщить новости о происшествии в Маунт-Карри, – сказала диктор. – Примите к сведению, что впечатлительных зрителей этот материал может вывести из равновесия. Вчера во второй половине дня на берегу реки Биркенхед в Маунт-Карри, в общине Первых Наций, примерно в тридцати минутах к северу от популярного лыжного курорта Сноуи-Крик, был найден труп женщины, подвешенной за шею на дереве. Расследованием занимается интегрированная группа по расследованию убийств из Лоуэр-Мейнленд. Сейчас группа работает на месте преступления, ей помогает местная и индейская полиция.

Оливия застыла и напряглась.

Девочки на диване развернулись, чтобы видеть экран.

– Репортер нашего канала Майк Стоун сейчас находится на месте происшествия. Что известно к этому моменту, Майк?

Камера показала репортера в голубой ветровке на фоне пожелтевших деревьев.

– Два подростка из Маунт-Карри вчера отправились на рыбалку и наткнулись на эту страшную находку, – сказал репортер в микрофон. Он и сам выглядел потрясенным. Коул подошел ближе.

– Они увидели обнаженное женское тело, подвешенное на дереве за шею. Полиция пока не дает комментариев, только сообщает, что смерть подозрительная. Но я поговорил с Джошуа Филипсом, кузеном одного из подростков, наткнувшихся на труп. Я еще раз напоминаю, что впечатлительным зрителям этот материал смотреть не стоит. Джошуа, ты можешь рассказать нам, что нашли твой кузен и его приятель?

Камера остановилась на молодом человеке во флисовой куртке. Явно смуглый от природы, он был бледен как смерть, его черные волосы развевал ветер.

– Мой кузен и его друг собирались проверить мечущих икру лососей, когда наткнулись на это среди трехгранных тополей.

– Под «этим» ты подразумеваешь тело? – уточнил репортер.

Молодой человек кивнул.

– Оно... было выпотрошено. Сначала мой кузен подумал, что это олень, которого подвесил какой-то охотник. Но это была женщина, подвешенная за шею на большом металлическом крюке. Глаза у нее были вырезаны, внутренности вываливались наружу.

Оливия издала странный звук. Она покачнулась, схватилась рукой за спинку кресла. Взгляд Коула метался между Оливией и телевизором.

– Бригада следователей и экспертов из Ванкувера прибыла на место преступления вчера вечером, – продолжал репортер. – Место преступления сейчас огорожено, установлены палатки, в которых следователи работали всю ночь при свете прожекторов. Никто не может пройти дальше того места, на котором я сейчас нахожусь. Полиция пока ничего не сообщает об идентификации тела.

У Оливии подогнулись колени, и она осела на пол.

Коул метнулся к ней. Мужчина, стоявший перед телевизором, повернулся к ним, на его лице было выражение шока. Он уставился на Оливию.

– Выключите это немедленно! – рявкнул на него Коул, помогая Оливии сесть в кресло с высокой спинкой. – И ради всего святого, уведите отсюда детей!

– Тори! – Мужчина обратился к одной из девочек. Он явно был потрясен. – Иди в офис. Жди там. И заведи с собой подружку.

Он взял пульт, выключил телевизор. Его дочь скрылась за дверью офиса. Другая девочка убежала в кухню.

Оливия побелела как полотно, ее кожа была холодной, липкой, дыхание поверхностное. Коул нащупал пульс. Он был слишком частым и неровным.

Из кухни выбежала Адель.

– Господи, что случилось? Нелла сказала, что Оливия упала в обморок.

– Опустите голову вниз, – сказал Коул Оливии. – Совсем низко, между коленей. Адель, вы можете принести ей какое-нибудь сладкое питье?

– Я могу помочь? – спросил мужчина.

– Просто подождите в офисе, вами кто-нибудь обязательно скоро займется, – ответил Коул.

– Вот. – Адель вернулась со стаканом апельсинового сока.

– Выпейте это, – велел Коул.

Оливия медленно подняла голову.

– Я... я в порядке.

На ее восковой коже блестели капельки пота. Рука коснулась пореза на голове. Зрачки расширились. Она выглядела обескураженной. Ей все еще было трудно дышать.

Коул поставил стакан и потянулся к косынке на шее Оливии, чтобы развязать ее.

– Нет! – Пальцы Оливии вцепились в его руку. В глазах появился дикий блеск. – Пожалуйста, не надо.

– Вы должны свободно дышать. – Коул оттолкнул ее руки, и у него кровь застыла в жилах.

Уродливый неровный шрам, похожий на веревку, обвивал ее шею, напоминая о собачьем ошейнике.

Адель тихонько ахнула. Ее взгляд метнулся к Коулу, на лице был написан ужас.

Глава 9

Адель нагнулась к Коулу и прошептала ему на ухо:

– Джейсон, шеф-повар сказал, что вчера у Оливии случилась паническая атака в кухне.

– Спасибо. – Он посмотрел на экономку. – Не могли бы вы оставить нас на минуту одних?

Ее глаза сузились, она перевела взгляд на Оливию.

– Разумеется. Я... буду в кухне, если вдруг я вам понадобится.

– Посмотри на меня, Оливия, – негромко сказал Коул, отбросив церемонное «вы». – Сосредоточься. Вот, выпей немного сока.

– Я ничего не хочу. Я же сказала, что со мной все в порядке. – В ее глазах больше не осталось решимости. Она выглядела испуганной, уязвимой. У Коула стало тесно в груди от сострадания к ней.

Он положил руку ей на колено, но тело Оливии мгновенно напряглось, их глаза встретились.

Он убрал локон волос с пореза на лбу.

– Поговори со мной.

– Не надо... – сквозь зубы произнесла она. – Пожалуйста... не прикасайся ко мне.

Коул убрал руку, удивленный, сбитый с толку. Оливия нащупала шейный платок рядом с собой и быстро накинула его на шею.

– Пожалуйста, оставь меня одну, – сказала она, дрожащими пальцами пытаясь завязать концы платка, но узел у нее никак не получался.

– Позволь мне это сделать.

– Нет.

Отодвинув в стороны ее руки, Коул все же аккуратно завязал узел и расположил ткань так, чтобы прикрыть шрам.

– Вот так. – Коул улыбнулся.

Она сглотнула, глаза заблестели от слез, руки, лежавшие на коленях, крепко сжались в кулаки.

– Шокирующая новость, – попытался начать разговор Коул. – Грубо сработали. Нужно было подготовить к такому... И девочкам незачем было это видеть, кстати.

Оливия отвернулась, явно стараясь справиться с эмоциями. Она откашлялась, расправила плечи, потом снова встретила с ним взглядом. Она уже совладала с собой.

– Спасибо. – В ее глазах снова появилось живое выражение. – Я в последнее время неважно себя чувствовала. Думаю, подхватила какой-то вирус. Мне нужно заняться гостями в офисе.

Она встала, на мгновение ухватила за спинку кресла.

– Я могу ими заняться, – предложил Коул.

– У тебя скоро встреча с отцом. – Оливия тоже перешла на «ты». Она выдержала его взгляд, как будто провоцируя на вопрос о шраме, который, как она догадывалась, крутился в его голове. Коул ничего не сказал.

Она резко развернулась и направилась в офис. Спина прямая, сапоги постукивают по деревянному полу. Коул смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью офиса. Он выдохнул и потер лоб.

Никаких сомнений, у Оливии были тайны. Она определенно пыталась покончить с собой, шрамы на запястьях тому доказательство. И с ее шеей произошло нечто ужасное. Но она отчаянно пыталась это скрыть. К тому же ей было неприятно, когда к ней прикасались или оказывались слишком близко.

Коул прошел в кухню, где познакомился с Джейсоном и его дочерью Неллой и спросил о приступе паники у Оливии, случившемся накануне.

– В морозильнике висела туша оленя. Думаю, она ее и напугала, – сказал Джейсон. – Я толкал тушу по направляющей, и она налетела на Оливию.

В голове Коула прокрутился текст из новостей.

«Оно... было выпотрошено. Сначала они подумали, что это олень. Но это была женщина, подвешенная за шею...»

– Оливия сказала, что плохо себя чувствует. Возможно, она заболела. – Джейсон неожиданно повернулся к своей дочери. – Я вот о чем забыл спросить тебя, Нелла. Лив беспокоилась из-за корзинки с ягодами, которую кто-то оставил на крыльце ее домика. Это ты отнесла ей подарок?

Нелла рисовала за кухонным столом. Она покачала головой и осторожно посмотрела на Коула.

– Вы похожи на него, – неожиданно сказала она.

– На кого? – спросил Коул.
– На мистера Макдона.
Его губы изогнула улыбка.
– Я и *есть* мистер Макдона.
– Я хотела сказать, что вы похожи на вашего отца. На старых фотографиях в его кабинете, когда он был моложе. Держу пари, что вы будете похожи на него и в старости.
Улыбка Коула немного померкла.

* * *

Оливия вошла в офис. Гость стоял спиной к ней и изучал искусственные рыболовные приманки, выставленные на продажу в стеклянном прилавке. За прилавком на стене висели фотографии гостей Брукен-Бар, многие из которых были завсегдатаями, они позировали с серебристой форелью в руках и широкими улыбками на лицах. Два окна выходили на лужайку и озеро за ней.

На стене напротив прилавка висела голова лося. У животного были внушительные рога и пугающе реалистичные стеклянные глаза. Они, казалось, следили за Оливией, когда она работала в офисе. Если бы она могла, она бы давным-давно избавилась от этой головы. Когда-то, до похищения, она не возражала против таких вещей, этих трофеев смерти. Теперь она сама принадлежала к числу тех, кто ловит и отпускает. Сейчас она считала, что оставлять себе добычу можно исключительно ради пропитания.

Из ниоткуда возникло мрачное воспоминание – его голос.

«...В каждом из нас это есть, Сара. Жажда крови. Это первобытное возбуждение, которое дарит погоня, жаркий прилив удовольствия, когда ты убиваешь...»

Она вытерла влажные ладони о джинсы. Посттравматический синдром – это противно. Он был драконом, жившим в ее голове, и теперь выпускал на волю все больше кошмарных воспоминаний, каждое из которых вытаскивало за собой следующее.

«...Это была женщина, подвешенная за шею на большом металлическом крюке. Глаза у нее были вырезаны...»

Убийство, о котором сообщили в новостях, было отвратительным. Но оно не имело никакого отношения к *нему*. Или к ее прошлому. *Он* умер. *Его* больше нет.

– Доброе утро, – решительно произнесла Оливия.

Гость развернулся.

Она заставила себя улыбнуться.

– Прошу меня извинить за этот небольшой эпизод в гостиной. Меня зовут Оливия Уэст. Чем могу вам помочь?

Мужчина ответил на ее улыбку, но его темно-голубые глаза остались серьезными и спокойно изучали ее. Он был крупным, крепким на вид, лысеющим. Наверное, ему было около шестидесяти. Широкие плечи, руки борца, бедра лесоруба. На нем были джинсы и повседневная куртка из флиса поверх белой футболки. От него исходило ощущение уверенности.

– Я – Гейдж Бертон, – сказал он, протягивая ей руку для рукопожатия. Оливия обратила внимание на золотое обручальное кольцо, на крепкое пожатие, на мощь в руках и плечах. Вокруг глаз собирались смешливые морщинки. Он мгновенно понравился ей.

– Здесь есть симпатичные мушки. – Он кивком указал на прилавок. – Кто их связал?

– Большинство из них придумала я. Это приманки специально для нашего озера или для местных рек.

– Я бы хотел попробовать некоторые из них. Мы – моя дочь и я – гадали, есть ли у вас свободный домик для долгих выходных. Мы сначала объехали кемпинг, но потом решили, что доедем до большого дома и узнаем, есть ли свободный домик.

Девочка, которую Оливия видела сидевшей на диване в гостиной, неожиданно появилась из-за стойки с открытками. Темноволосая, угрюмая, она сутулилась и смотрела на Оливию в мрачном молчании.

Гейдж протянул к ней руку.

– Это Тори.

– Привет, Тори. – Оливия выдавила из себя улыбку. – Дорога была долгой?

Девочка резко развернулась и выскочила из офиса. Звякнул колокольчик, и дверь мягко закрылась за ней. Тори с топотом выбежала на лужайку. Эйс, лежавший в траве на солнышке, вскочил и пошел ей навстречу. Девочка нагнулась, чтобы почесать пса.

– Простите, – негромко извинился за дочь Гейдж. – Полгода назад она потеряла мать, и ей... – Он замялся. – Нам обоим трудно с этим смириться. Нам предстоит пройти долгий путь. Дома... – Он откашлялся. – День благодарения дома был бы слишком тяжелым. Я подумал, что свежий воздух, дикая природа, рыбалка, новые воспоминания могли бы помочь.

Гейдж пристально смотрел на Оливию, пока говорил все это. Как будто он все еще оценивал ее.

– Я, наверное, напрасно отложил все на последнюю минуту. Мне следовало все спланировать заранее.

– Сожалею о вашей потере.

Он печально улыбнулся.

– Мне не требуется сочувствие. Только домик.

Боль в его глазах, откровенное признание своей потери – все это поразило Оливию в самое сердце. Она быстро посмотрела на черноволосую девочку на лужайке. Теперь Тори подбрасывала ногой камешки. Она отошла от Эйса, который сидел на крыльце за стеклянной дверью и ждал, чтобы его впустили в офис. Оливия подошла и открыла дверь. Пес направился в свою корзинку.

– Сколько лет Тори?

– Одиннадцать. Но ей нравится говорить «почти двенадцать».

– Должно быть, тяжело в этом возрасте потерять мать.

– Верно. И потом она вообще чувствительная девочка. Очень умная, творческая, но при этом интроверт. Она трудно сходится с детьми, и мать была ее ближайшей подругой. Пытаясь скрыть свою боль, дочка ведет себя агрессивно по отношению к окружающим, поэтому я заранее прошу прощения за ее поведение. – Гейдж немного помолчал. – Раньше мы с женой рыбачили вместе. И я...

Он смутился, провел большой ладонью по голове, глаза заблестели.

– Простите. Мне не стоило... Это больше, чем вам нужно знать.

– Мы можем предоставить вам домик, – быстро произнесла Оливия, испытывая неловкость при виде таких неприкрытых эмоций у этого сильного на вид мужчины. – У нас есть свободный домик с двумя спальнями и домик с одной спальней и альковом в гостиной.

Она прошла за стойку, показала ему лист с расценками.

– Во всех домиках есть дровяная печка, маленькая кухня. Вода нагревается газовой колонкой. Электричества и телефонной линии нет. Дрова мы предоставляем. Они сложены на крыльце.

– Мы возьмем домик с двумя спальнями, – решил Гейдж, рассматривая цены. – На все выходные, включая ночь с понедельника на вторник.

– Я должна вас предупредить, что прогноз обещает снегопад в понедельник или во вторник. На несколько дней мы окажемся отрезанными от мира, если будет сильный буран.

Его глаза вспыхнули, он встретился с ней взглядом. В них как будто что-то щелкнуло.

– Ничего страшного. Мы снимем домик до вечера понедельника. Потом будем действовать по обстановке.

Оливия ввела его фамилию в компьютер и рассказала о возможности питаться в большом доме.

– Вот меню на сегодняшний вечер. – Она подвинула к нему еще один лист бумаги. – У нас обычная столовая. Гости сидят за несколькими столиками. У них появляется возможность познакомиться с другими гостями, если им этого хочется. Это карта ранчо. Ваш домик вот здесь. – Она поставила маркером крестик. – Домик «Конский каштан». У нас есть лодки для гостей. Док вот здесь.

Еще один крестик на карте.

– Спасательные жилеты – в лодочном сарае на пляже, рядом с бельведером.

– Спасибо. – Гейдж собрал брошюры и листы, которые она ему дала.

– Хочу вас предупредить, что мобильная связь работает не везде и зависит от погоды, но на лужайке перед вашим домиком вы сможете поймать сигнал с вышки.

– Понял. – Он замялся. – Неприятные новости прозвучали по телевизору.

Оливия подняла на него глаза, выдержала взгляд.

– Да, действительно. У вас есть кредитная карта? Чтобы внести задаток?

Повисло молчание. Он достал бумажник, протянул ей карту.

– Я бы хотел оплатить все сразу и забыть об этом.

Оливия провела оплату картой, выдала ему чек.

– Мы можем зарезервировать места на сегодняшний ужин?

– Разумеется. Я внесу вас в список. Джейсон, наш шеф-повар, приготовит оленину.

Гейдж открыл дверь, кивнул Оливии. Она смотрела ему вслед, когда он шел по лужайке к дочери. Он обнял девочку за плечи, но та вырвалась.

Они направились к своему грузовику и трейлеру, вместе и все же отдельно. У девочки были прямые волосы, доходившие ей почти до талии. На солнце у них был иссиня-черный отлив.

Оливия сглотнула, ее охватило странное ощущение.

Ускользящее воспоминание, словно кто-то стучал ногтем по стеклу, пыталось выбраться на поверхность мозга. *Тук, тук, тук.*

* * *

Коул уставился на свое увеличенное фото в рамке над камином. Это было самое лучшее место в библиотеке. Старый снимок с обложки журнала «Мир вокруг». Он подошел к книжным полкам. Оливия была права. У отца были все написанные Коулом книги. Он взял одну из нескольких фотографий Джейн и ее семьи, вставленных в рамки и стоящих на полках.

Слова Оливии всплыли в его памяти.

«...Я нутром чувствовала, что Майрону необходимо увидеть своих детей. Особенно вас... Я уверена, что ему нужно исправить то, что произошло между вами. Ему требуется примирение. Мне кажется, это пойдет ему на пользу. Возможно, вам обоим будет лучше. Если вы попросите друг у друга прощения...»

Одно о своем отце Коул знал наверняка: он был гордым человеком. Мачо, который все делает сам. Генетическая неспособность признать, что был не прав. Или попросить прощения.

«...Держу пари, что вы будете похожи на него и в старости...»

Устами младенца. «Сходство сидит в засаде», – подумал он, поставил фото на место и подошел к окну.

Из окна Коул увидел того мужчину, который был в гостиной. Тот шел по лужайке. Он попытался обнять за плечи дочку. Та вывернулась. Они сели в машину и исчезли среди деревьев.

Мысли Коула вернулись к Таю. Он вспомнил, как шел рядом с приемным сыном, обняв того за плечи. Тай немного младше этой девочки. В висок Коула впилась острая боль. Он оперся ладонями о подоконник и глубоко вздохнул. Он бы многое отдал за то, чтобы пройтись с Таем до озера с удочками в руках.

Ему захотелось сказать мужчине и его дочери, что нет ничего вечного, что они должны пользоваться каждым моментом, каждым днем, словно драгоценным подарком. Нельзя позволять облаку гордости и своих желаний неправильно оценивать близких, нужно уметь защитить тех, кто ближе всего, уметь заботиться о них.

Во двор вышла Оливия, Эйс шел за ней по пятам. Она тащила рулон сетки к своему грузовику, на бедре висела сумка с инструментами. Ее каштановые волосы засияли на солнце, когда их приподнял ветер. Золотистые листья взлетали вверх под ее ногами. Оливия забросила проволоку в кузов. Коул негромко выругался. Она собралась чинить ту ограду. Он посмотрел на свои часы, чтобы понять, есть ли у него время поехать туда вместе с ней и помочь, пока не появится отец.

Но в эту минуту дверь в библиотеку распахнулась. Отец въехал в комнату в инвалидном кресле.

У Коула защемило сердце, когда он увидел отца, прикованного к коляске. Его лицо похудело, кожа стала серой, лицо было напряженным. Но глаза смотрели из-под кустистых бровей пристально и сердито.

– Я принял решение, – резко сказал Майрон, подъезжая к камину и разворачивая кресло, чтобы видеть лицо сына. – Оливии тоже нужно это услышать. Иди и приведи ее.

Коул вспыхнул, но сдержался.

– Она уехала по делам.

– У нас есть приемно-передающая радиоустановка. В офисе. У Оливии в грузовике рация. Мы используем четвертый канал. Скажи, что я хочу ее видеть. Немедленно.

– Ты в порядке?

– Черт подери, по моему виду можно сказать, что это так? Просто приведи сюда Оливию.

– Что тебя мучает, Тори? – спросил Гейдж, паркуя машину возле небольшого деревянного домика. На табличке над входом было написано «Конский каштан».

– Она мне не нравится.

– Оливия? Почему?

– А почему она нравится тебе? – бросила Тори, сверкая глазами. – Я это заметила. А как же мама?

Она распахнула дверцу, спрыгнула на землю и широким шагом пошла по лужайке. Ее плечи и голова были устремлены вперед, как у упрямой маленькой рыбки, плывущей против течения. Тори поднялась по деревянным ступенькам и ступила на маленькое изогнутое крыльцо. За последние месяцы она прибавила в весе, кожа стала рыхлой и прыщавой.

Гейджа охватило отчаяние.

Не было учебника, чтобы разобраться с этим. Не существовало подсказок, которыми он мог бы воспользоваться и помочь дочери избавиться от лишнего веса и прыщей, справиться с гневом и чувством вины. Он пытался отвести ее к психотерапевту, но Тори назвала парня идиотом и отказалась к нему возвращаться.

Боже, Гейджу самому нужен психотерапевт. Он так тосковал без Мелоди, что ему не хватало слов, чтобы выразить это.

Он вышел из машины и медленно пошел по траве к дому. Гейдж перевел взгляд на аквамаринное озеро и припорошенные снегом горы. Воздух был настолько холодный и чистый, что его, казалось, можно пить.

Убийца уже где-то здесь?

Неожиданно налетел ветер, зашептался со скрученными широкохвойными соснами, разбросал по траве желтые листья. От холода по коже побежали мурашки. Потом подступил страх. Сможет ли он, Гейдж, справиться с этим? Обеспечить безопасность им всем?

Или он поступил в высшей степени безответственно? Страх усилился. Но это был другой страх. Гейджа мучил вопрос о здоровье собственного мозга, о правильной оценке реальности.

«Нет. С тобой все в порядке. Ты поступаешь правильно. Ради Тори.

Ради Сары».

Его мысли снова вернулись к Саре – Оливии. Гейдж тревожился, что она его узнает, но опасения оказались напрасными. Он не был следователем по ее делу. Из Сюррея приехали большие шишки, сформировали федеральную бригаду и забрали дело себе. Но Уотт-Лейк был в его округе. А он был начальником округа, поэтому находился в курсе всех деталей расследования. Он смотрел записи всех допросов Себастьяна Джорджа и просматривал некоторые беседы с Сарой.

Внешность Гейджа с тех пор тоже изменилась. Тогда он был стройным, почти худым, носил фирменные длинные усы, подкрученные вверх. На голове у него было полно аккуратно подстриженных, темных волос.

Время кого-то меняет очень сильно, кого-то почти не меняет.

Гейдж взял свой мобильный телефон и нашел место перед домиком, где был более или менее приличный прием.

Он набрал номер Мэка Якимы. Гейджу хотелось узнать, что они выяснили об убийстве у реки Биркенхед. Его звонок сразу был переведен на голосовую почту. Гейдж убрал телефон в карман и вошел в домик. Внутри оказалось приятно. Чисто. По-деревенски уютно. Тори закрылась в одной из спален. Гейдж развел огонь в чугунной печке и, как только дрова затрещали, постучал в комнату дочери.

– Тори?

В ответ раздался приглушенный звук.

– Я прогуляюсь немного, ладно? Осмотрю окрестности.

Нет ответа.

– Не уходи никуда, пока я не вернусь. Если захочешь поесть, продукты в трейлере.

Молчание.

* * *

Приемно-передающая радиоустановка стояла на зарядке в офисе. Рядом лежал свежий номер «Провинции». На первой странице

поместили статью об убийстве у реки Биркенхед. Над заголовком крупными печатными буквами были написаны имя и фамилия Оливии Уэст и адрес ранчо.

Коул пробежал глазами статью. В середине текста обнаружилась врезка, отсылающая к другой статье на странице шесть. Коул открыл газету на указанной странице. Между страницами лежал пластиковый пакетик с жуткой рыболовной приманкой цвета лайма с тремя красными глазами.

Нахмурившись, Коул взял пакет и начал рассматривать приманку. Это не для форели, слишком большая. Скорее для зимнего стальноголового лосося или крупного кижуча.

Коул включил радиоустановку.

– Оливия, это Коул. Коул вызывает Оливию.

Отпустил ключ, подождал, изучая мушку. Дизайн был необычный. Потрескивало статическое электричество.

Коул снова включил передатчик.

– Оливия? Ты на связи?

– В чем дело? – В ее голосе слышалось раздражение.

– Мой отец требует, чтобы ты пришла.

– Что?

– Майрон хочет тебя видеть.

– *Сейчас?*

– Да, сейчас. Иначе у него случится сердечный приступ. Он хочет видеть нас обоих в библиотеке, чтобы о чем-то сообщить.

«Вызвал нас к себе, как каких-то школьников».

Оливия пробормотала ругательство, потом сказала:

– Передай ему, что я буду через десять минут.

Коул положил пакет с мушкой обратно, между страницами шесть и семь, и взял газету, адресованную ей. Он отдаст ее Оливии наверху.

* * *

Оливия бросила рацию на сиденье грузовика и посмотрела на дыру в ограде. В руке она держала моток проволоки. Оливии не очень хотелось находиться в этом месте одной, но она решила сделать это

сама, бросить вызов своему страху. Провести границу с Коулом. Он откусил слишком большой кусок ее пространства.

И вот теперь он хотел, чтобы она немедленно вернулась в большой дом. Тебе велят, прыгай. Вот так. Мужчины Макдона требуют ее к себе.

Лицо горело. За несколько часов, которые Коул провел на ранчо, он узнал о ней такие вещи, каких никто не знал и не видел. Она вспомнила тепло его руки на своей поясице. Оливия стиснула зубы, ненавидя себя за то, что обрадовалась этому. Нуждалась в этом. И почувствовала комфорт от того, что кто-то ей помогал.

Она ненавидела себя за то, что находила Коула физически привлекательным. Но с этим она сможет справиться. А вот с состраданием, жалостью, добротой ей не совладать. Они заставляли ее снова чувствовать себя Сарой Бейкер. Изгоем. Жертвой изнасилования. Диковинкой.

Оливия развернулась, бросила проволоку обратно в кузов и широким шагом вернулась к дверце водителя. Она резко остановилась, заметив свежие отпечатки сапог на черной грязи поверх следов шин. Когда она проезжала тут с Коулом, их еще не было.

По спине пробежал холодок. Следы были такого же размера, как и те, которые шли параллельно ее следам вдоль маршрута Эйса. Взгляд Оливии метнулся к дыре в ограде. И следы сапог, и следы шин уходили далеко в лес. У нее снова появилось ощущение, что за ней наблюдают. Она сглотнула.

Потом выругалась. Открыв дверцу, она отодвинула Эйса, села за руль, сняла перчатки и потерла лицо руками. Когда-то она чувствовала себя на ранчо в безопасности. И даже поверила в то, что действительно сможет снова стать нормальной.

Как ее мир мог так быстро измениться?

* * *

Оливия распахнула дверь библиотеки, пояс с инструментами все еще висел у нее на бедрах. Она не планировала надолго задерживаться. Выслушает Майрона, а потом вернется чинить ограду. Она не

откажется от этой работы. Порез на лбу пульсировал под лейкопластырем, который Оливия приклеила крест-накрест.

Майрон сидел в инвалидном кресле у камина. Коулу явно было не по себе в кресле с высокой спинкой, стоявшем напротив. Отец и сын. Прошрое и настоящее. Образ неожиданно оказался настолько абсолютным, что застал Оливию врасплох.

– Почему такая срочность? – спросила она Майрона.

– Тебе не следовало этого делать. Я же говорил, чтобы ты ему не звонила. – Майрон мотнул головой в сторону сына.

У Коула заходили желваки. Он сидел, но поза выдавала готовность к сражению, хотя и контролируемую.

– Послушайте, Майрон, что сделано, то сделано, – холодно ответила Оливия. – И я сожалею. Это была ошибка. Но я знаю, каково это – не сказать последнее «прости». И я думала...

Ее захлестнули эмоции. Она откашлялась.

– Я больше не буду вмешиваться. Вы двое разберетесь сами. Ранчо по-прежнему нуждается в управлении.

Она развернулась, чтобы уйти.

– Подожди. Я позвал тебя сюда, потому что вы *оба* должны это услышать. Я оставляю ранчо Оливии. В доверительное управление.

Она застыла, потом медленно повернулась к нему:

– Простите?

Внимание Майрона переключилось на Коула.

– Раз уж ты взял на себя труд все-таки вернуться домой теперь, когда я вот-вот сдохну, то вполне сможешь позвонить Джейн и сообщить ей эту новость.

Старик подъехал в кресле к сыну, его взгляд впился в Коула, пальцы крепко вцепились в колеса кресла.

– Примерно час назад я позвонил Нортону Пикетту, это мой юрист по недвижимости. Я попросил его составить новое завещание и привезти мне экземпляры на подпись, как только он закончит. Оливия получает ранчо Броукен-Бар в доверительное управление. Пока она захочет здесь жить, пока не уедет с ранчо или не умрет, оно будет принадлежать ей. Она может делать с ранчо все, что захочет. Ты, или Джейн, или Клейтон Форбс и его стервятники не смогут прикоснуться ни к чему. А я знаю, что Форбс охотится за этим местом. Я знаю, что вы оба, ты и Джейн, хотите продать его.

Оливия таращилась на старика. Коул молчал.

В камине потрескивал огонь, и тиканье часов в библиотеке, казалось, стало громче. От усилившегося ветра ритмично захлопала ставня.

– Что ты имеешь в виду под «доверительным управлением»? – наконец спросил Коул.

Майрон медленно повторил то, что уже сказал.

– Пока Оливия хочет жить здесь и управлять Броукен-Бар, ранчо принадлежит ей. До ее смерти. Или до того момента, когда она уедет отсюда по собственной воле. После этого ранчо может перейти к тебе и Джейн. Если вы переживете Оливию.

У двери за спиной Оливии раздался слабый шум. Она обернулась.

На пороге стояла Адель с тяжелым подносом в руках. Лицо у нее было блее мела.

– Ох, простите, я... ну... Я принесла чай и сэндвичи, как вы просили, мистер Макдона.

– Поставь сюда, – бросил Майрон, указывая на буфет.

Экономка поспешно подошла к буфету, отодвинула в сторону лежавшую на нем газету и поставила поднос. Звон чайных чашек и стук тарелок всем показался неестественно громким, потому что все трое в напряженном молчании ждали, пока экономка уйдет.

– И закрой за собой дверь, Адель.

– Разумеется, мистер Макдона.

Она бросила быстрый взгляд через плечо, на краткий миг встретила взглядом с Коулом и вышла из библиотеки.

Как только за ней закрылась дверь, Оливия заговорила:

– Вы не способны мыслить ясно, Майрон. Вы принимаете много лекарств, поэтому...

– Черт подери, девочка, с мозгами у меня все в порядке. Мои мысли яснее, чем раньше. Прошлой ночью я все обдумал. Дело сделано. И вы никак не сможете это изменить.

– Ничего еще *не* сделано. Вы сами только что сказали, что Пикетту нужно составить документы. Вы еще ничего не подписали.

– Будем считать, что подписал, – ответил старик. – Завещание будет здесь сегодня вечером. Он понимает важность времени.

Оливия в отчаянии посмотрела на Коула.

– Скажи что-нибудь. Это твое наследство. Твоя земля.

– Это не его чертова земля, – вмешался Майрон. – Он уехал отсюда много лет назад. Он не может просто взять и вернуться теперь, когда я на пороге смерти.

– Но...

– Оливия, – негромко сказал Коул, – оставь. Дело не только в завещании. Дело во мне и моем отце, и в том, что произошло двадцать три года тому назад. Он винит меня в смерти матери и брата.

– Я ничего не возьму, черт подери! – рявкнула она, ее щеки покраснели. – Я не приму это. Я не хочу это ранчо. Я не могу отобрать его у тебя.

Коул насмешливо фыркнул.

– А вот Джейн считает иначе. Она полагает, что ты использовала свои женские чары, чтобы оказать непозволительное влияние на нашего больного отца в его уязвимом состоянии.

Оливия поперхнулась.

– И ты в это веришь?

– Что ж, Джейн явно что-то почувствовала, судя по *последним* событиям.

– *Ублюдок*. Я поверила в твою искренность.

Коул поджал губы и посмотрел на нее с молчаливым спокойствием.

В груди Оливии бушевал гнев.

– Я и ломаного гроша не дам за то, что ты или твоя сестра думаете обо мне, Коул Макдона. – Она повернулась лицом к Майрону. – А вы... Я не отниму это ранчо у вас или у ваших детей, вы поступили как подонок.

– Ты что, и в самом деле думаешь, что эта земля принадлежит им? Этот *дом*? Они оба отсюда уехали. Они просто хотят получить наследство, чтобы продать какому-нибудь девелоперу. А ты? Тебе некуда идти. Я знаю, что ты любишь это место. Я знаю, что ты можешь с ним сделать. Тебе под силу сделать так, чтобы мечты Грейс стали реальностью, чтобы это ранчо стало местом для круглогодичного отдыха.

– Правильно, – негромко сказал Коул. – Все дело в маме. Всегда так было.

– Завтра же мое заявление об уходе будет лежать у вас на столе, – заявила Оливия. – Я не стану ввязываться в семейную распрю из-за

наследства. Вы вынуждаете меня уйти.

– И куда ты поедешь? – проворчал Майрон. – У тебя нет друзей, дуреха. Если не считать умирающего старика, вспыльчивого идиота, который позволил своей семье развалиться.

Взгляд Коула метнулся к отцу, его брови взлетели вверх, когда он впервые услышал, как отец признает свою вину в распаде семьи.

– Дело не во мне, Майрон. Это вы пытаетесь причинить боль вашему сыну, а он в ответ бросается на вас. Все дело в старой глупой борьбе между двумя упрямыми самцами, которые не могут понять, что все это больше не имеет значения.

Майрон задохнулся, согнулся в своем кресле, как будто его ударили под дых. Лицо побагровело и исказилось. Дыхание вырывалось со свистом. Он ударил по подлокотнику кресла, как будто пытался что-то сказать.

– Его таблетки! – заорал Коул, вскакивая с места и бросаясь к графину с водой. – Они на буфете. Дай их сюда.

Коул налил воды в стакан.

Оливия метнулась к буфету, схватила таблетки, сбросив на пол газету. Заголовок бросился ей в глаза.

«Убийство на берегу Биркенхед – эхо убийств в Уотт-Лейк?»

У Оливии зазвенело в ушах.

– Давай сюда таблетки, черт тебя дери! Быстрее!

Она поспешно протянула Коулу лекарство.

– Сколько? – спросил он у нее, срывая крышку. От тревоги и адреналина у него жгло глаза.

Но Оливия потеряла способность думать. Звон в ее голове становился все громче. Она ощущала страшную слабость. Майрон поднял два пальца. Коул вытряс две таблетки на ладонь, вложил их в рот отца и поднес стакан к его губам.

Майрон захлебнулся, проглотил, закашлялся. Он вцепился в подлокотники кресла, опустил голову и крепко зажмурился, ожидая, пока подействует лекарство. Постепенно дыхание стало свободнее, и все его лицо как будто изменилось. С плеч Коула спало напряжение. Оцепеневшая Оливия смотрела на них, не в силах полностью осознать настоящее. Она сглотнула, деревянной походкой вернулась к буфету, подобрала с пола газету.

Над заголовком крупными печатными буквами были написаны ее имя и фамилия. Взгляд упал на подпись, предлагавшую прочесть еще одну статью на странице шесть. Она открыла газету на указанной странице.

Оливия чувствовала, что Коул на нее смотрит.

Что-то вылетело из газеты и приземлилось у ее ног. Маленький пластиковый пакетик. Она нагнулась, подняла его.

Внутри была большая искусственная приманка для рыбы. Мушка связана из геодезической ленты цвета лайма. Три блестящих красных глаза. Переливающаяся голографическая нить вокруг крючка с зазубриной на приспособлении для направления снасти.

Звон в ушах Оливии превратился в визгливую какофонию. Над верхней губой выступили капельки пота.

– Откуда... это взялось? – Оливия произнесла это хриплым шепотом.

– Это было в газете, которую доставили в офис сегодня утром, – ответил Коул, стоя рядом с отцом. Его рука лежала на спинке инвалидного кресла, как будто защищая старика. – Я принес ее сюда.

– Нам не доставляют газеты.

– Я подумал, что ее принесли с почты. На ней было твое имя и адрес ранчо.

Оливия уставилась на приманку.

– Это было в офисе?

– На прилавке.

Кровь отлила от головы. К горлу подступила тошнота.

– Это невозможно, – прошептала Оливия.

– Что невозможно? Что происходит, Оливия?

– Ты видел, кто ее там оставил?

– Я понятия не имею, кто оставил газету. Кто бы это ни был, он, вероятно, заходил после того, как ты уехала, но до того, как в офис пришел я, чтобы связаться с тобой по радио.

«Это невозможно. Это не может быть он. Он мертв...»

Она развернулась и, крепко сжимая в руке газету и пакет с приманкой, деревянной походкой направилась к двери, аккуратно ставя одну ногу перед другой, как пьяный, старающийся казаться трезвым.

Оливия открыла дверь, вышла в коридор и тихо закрыла ее за собой.

Глава 10

– Что ее так огорчило? – спросил Майрон.

– Кроме того, что ты оставляешь ей ранчо, и того, что я повел себя как подонок? Думаю, эта история об убийстве. – Коул нахмурился, глядя на закрытую дверь, через которую Оливия только что так странно вышла. – Новость сообщили по телевидению, когда мы были внизу. Когда Оливия увидела это, ей как будто выстрелили в грудь двенадцатым калибром. Она рухнула на пол.

– Какое убийство?

– Два подростка нашли обнаженное тело женщины, повешенное за шею на дереве. Ее выпотрошили, словно оленя. Внутренности наружу, глаза вырезаны.

Майрон внимательно смотрел на сына, на его лице появилось выражение тревоги.

– Известно, кто это сделал?

– Копы почти ничего не говорят. Но в газете есть статья, связывающая это убийство с убийством в Уотт-Лейк десятилетней давности.

Глаза Майрона сузились, он явно волновался.

– А в пакете? Что было в пакете, который она держала в руках?

– Искусственная приманка для рыбы. Кто-то оставил это внутри газеты. На газете было написано ее имя.

– Иди, – негромко, настойчиво попросил Майрон. – Иди за ней.

Он резко покатил свое кресло к двери, как будто хотел встать и сам побежать за Оливией, если бы ноги повиновались ему.

– Не оставляй ее одну. – Глаза старика расширились. – Она однажды уже пыталась покончить с собой, и это случилось незадолго до того, как она появилась здесь. Когда она приехала в Броукен-Бар, шрамы были совсем свежими и багровыми. Эта новость явно имеет какое-то отношение к ее прошлому. Она ей о чем-то напомнила.

Коул замешкался, потом быстро вышел в коридор, перегнулся через перила лестницы.

– Оливия! – позвал он.

Хлопнула входная дверь.

Коул побежал вниз по лестнице следом за Оливией.

– Ты только не дави на нее слишком, ты ее напугаешь! Она в этом смысле совершенная дикарка! – крикнул ему отец с площадки лестницы.

* * *

«Проклятье. Проклятье. Проклятье».

Оливия вылетела на лужайку, сжимая в кулаке газету и приманку. Ей хотелось только одного: добраться до своего домика, и как можно быстрее, а потом закрыть дверь, отгородиться от мира, от жутких ночных кошмаров. Это желание гнало ее в ольховую рощу. Когда она оказалась там, деревья со светлыми стволами вдруг показались ей зловещими. Ветер дул сильнее, и листья злословили и насмехались над ней. Они касались ее кожи своими сухими и острыми краями.

Оливия изо всех сил старалась похоронить ту женщину, которой она когда-то была, запереть наивную, глупую жертву, эту Сару Бейкер, в подвале своей души и выбросить ключи. Она сражалась за новую себя, за эту новую жизнь.

И вот теперь странные совпадения открыли замки, заставляя ее снова заглянуть в страшную пропасть прошлого.

У Оливии щипало глаза. Мышцы напряглись. *«Будь оно все проклято».*

Нет, это всего лишь совпадение. Должно быть совпадением. Потому что *он* мертв.

Убийца из Уотт-Лейк превратился в пепел.

Журналист из газеты «Провинция» всего лишь хотел создать сенсацию, отыскивая сходство. Убийство на реке Биркенхед не имело *никакого отношения* к Себастьяну Джорджу. Это просто невозможно. А если и *были* какие-то совпадения в расположении тела, то это работа имитатора. Какой-то псих, вдохновившийся «подвигами» серийного убийцы.

А следы, параллельные ее следам, на тропе сегодня утром? Всего лишь рыболов, охотник или турист, шедший по своим делам. Шарф из Аризоны, который она нашла поверх собственных следов, могло занести ветром. Его просто потеряла какая-нибудь женщина, гулявшая на рассвете. Корзинка с дикой черникой у ее двери? Но ведь она так и

не спросила об этом Неллу. Возможно, девочка просто поблагодарила ее за помощь с домашним заданием.

Ее мозг просто проводит глупые параллели. Ветер подул сильнее, снова осыпав ее и Эйса дождем из мелких сухих листьев. Оливия глубоко, судорожно вздохнула, идя по сужающейся тропинке, петляющей между деревьями. Просто время года такое. Пряные ароматы осени, надвигающийся снег, крики гусей, улетающих на юг, эхо выстрелов, сезон охоты на оленей, ощущение того, что зима зажимает природу в кулаке. Это время *всегда* было для нее непростым.

Запахи, образы – все это может воскресить воспоминания. Психотерапевт говорил ей об этом.

«Пришло время... Пришло время для охоты, Сара...»

Она крепче сжала газету, стараясь не слышать его голос.

«Хищник... Отличное название...»

Так почему же кто-то *оставил* копию той самой мушки рядом со статьей об убийствах в Уотт-Лейк? В газете, на которой было ее имя? В груди снова возник страх. Горло сдавило. Она пошла быстрее.

За спиной она услышала топот шагов. Быстрых шагов. Кто-то бежал – гнался за ней.

Паника возникла мгновенно. Желание убежать победило рассудок. Оливия бросилась в лес. Она бежала, ничего не видя, не по тропинкам, а между деревьями, уворачиваясь от веток, спотыкаясь о корни, тяжело дыша. Краем сознания она понимала, что где-то свирепо лает собака. Сучья, ветки трещали. Шаги стали ближе. Тяжелое дыхание у нее за спиной...

Ей нужно спрятаться, найти медвежью берлогу. Кожа намочка от пота. Шаги сзади стали громче, быстрее. Он схватил Оливию за руку, развернул к себе. Она вырвалась и тут же бросила газету. Охотничий нож мгновенно оказался у нее в руке. Она крепко держала рукоятку, поднимая лезвие ножа кверху, готовая ударить в печень, под ребра. Оливия чуть согнула колени и медленно водила ножом, угрожая ему. Пот заливал глаза. Сердце стучало так громко, что она не слышала ничего, кроме биения крови о барабанную перепонку.

Глаза Себастьяна пронзили ее. Он улыбался. Его блестящие черные кудри раздувал ветер. Он подошел ближе, еще ближе...

«Игра начинается только тогда, когда оба знают, что они играют, Сара, моя сладкая... Добыча должна знать, что на нее

охотятся...»

– Не двигайся, – прорычала Оливия сквозь зубы. – Еще один шаг, и я распорю тебе горло.

Он остановился. Медленно поднял обе руки вверх.

– Оливия, – негромко сказал он, – приди в себя. Это я, Коул. Коул Макдона. Сын Майрона. Ты в безопасности. Все в порядке. Оливия? Ты меня слышишь?

Оливия.

Ее имя.

Новое имя.

Не Сара.

– Все в порядке, – повторил он. – Иди ко мне.

Зрение вернулось, из отдельных точек стали формироваться предметы, превращаясь в более крупную реальную картинку. Она в шоке смотрела на Коула. Эйс озадаченно взвизгивал у его ног. Она ничего не понимала. И вдруг ее отчаянно затрясло. По телу проходили волны дрожи из-за того, что она вернулась из одной реальности в другую.

– Послушай, отдай мне этот нож. – Коул протянул к ней руку.

Оливия окончательно еще не пришла в себя. Она сглотнула, сделала шаг назад и убрала нож в ножны. Отступила еще на шаг, вытерла верхнюю губу тыльной стороной ладони и налетела спиной на ствол дерева. Паника нокаутировала ее. Мозг отказывался работать. Оливия изо всех сил боролась с желанием убежать, пыталась остаться в настоящем. Но страх мучил ее – она снова теряла рассудок. Как раньше.

– Сосредоточься. – Голос Коула был низким, сиплым. Темно-серые глаза смотрели пристально, они были полны тревоги.

Коул подошел ближе. Сердце Оливии забилось еще чаще, желание сбежать почти ослепляло. Она не могла дышать.

Он поднял руки и твердо положил их ей на плечи. Крупные успокаивающие ладони. Он удерживал ее на месте. Каким-то краем сознания Оливия приняла исходящее от него тепло. Надежность. Безопасность. Появилось ощущение защищенности.

Коул провел ладонями по ее рукам и взял ее пальцы в свои, потом медленно притянул к себе. Он обнял Оливию и крепко прижал к себе

ее дрожащее тело. Так крепко, что она не могла пошевелиться. Так крепко, что она не могла отбиваться.

Он погладил ее по волосам. От нахлынувших эмоций у нее защипало глаза. Его запах заполнил ее чувства. Твердость и жар его тела, жесткая щетина пробудили в ней то, что она считала давно умершим. Оливия попыталась противостоять своему желанию, попыталась окоченеть. Но от его заботы, от его успокаивающих прикосновений отчаяние взорвалось в ее груди. Это была потребность в том, чтобы ее обнимал другой человек, чтобы он дорожил ею. Любил. Просто принимал.

Оливия боролась с этими новыми чувствами, потому что они влекли за собой новые страхи. Но у нее не получалось. Уголек загорелся и глубоко прожег ее.

Коул держал ее до тех пор, пока дыхание не замедлилось и не выровнялось, пока ее мышцы не расслабились. Тогда он взял лицо Оливии в ладони и заставил посмотреть ему в глаза. Его рот был так близко. На шее часто билась жилка.

Оливия подняла на него глаза. Красивый мужчина. Мужчина из диких мест. Он заставлял ее чувствовать, и она не знала, что пугало ее сильнее.

– Ты вспомнила прошлое, – негромко заговорил он. – Расскажи мне, Оливия, что происходит.

Ее взгляд метнулся в сторону, она искала способ не отвечать на вопросы, убежать от всего. Она сглотнула.

– Я знаю, что такое посттравматический синдром. – Коул немного помолчал. – Тебе нечего стыдиться. Это всегда повторяют солдатам. Нечего стыдиться. Незачем пытаться его скрыть.

Стыд.

Откуда ему знать всю глубину того стыда, который она испытывала из-за того, что была жертвой насильника Себастьяна? Что она привлекла его. Что попала на его удочку. Что сочла его красивым, очаровательным. Милым.

Оливию охватило смущение. Откуда ему знать, какой запятнанной, грязной и в высшей степени униженной она чувствовала себя из-за отношения собственного мужа? Отца и матери. Окружающих. Она стала «другой». Испачканной. Чем-то таким, что люди прячут в шкафу или выбрасывают, чтобы не сталкиваться с

темными сторонами, с собственной слабостью и собственными страхами.

Коул нагнулся, подобрал газету и приманку. Оливия, должно быть, бросила их, когда доставала нож.

Коул протянул их ей. С пересохшим ртом она взяла у него газету и пакет.

– Ты расскажешь мне, что происходит?

Оливия снова отвела глаза, потом все же встретила с ним взглядом. Решимость крепла, обвивая ее колючей проволокой. Коул подобрался слишком близко к ее душе. Он знал и видел слишком много. А она не могла открыться больше. Она *не* могла быть Сарой Бейкер в его глазах, в глазах любого другого человека.

– Я скажу тебе, что происходит. – Она указала в направлении большого дома. – Твой отец заставляет меня ввязаться в схватку с тобой и твоей сестрой, и как бы сильно я ни любила старого барсука, как бы я ни хотела, чтобы он ушел с миром, *этого* я не хочу. Я отказываюсь иметь дело с его наследством.

– Оливия. – Коул говорил спокойно, пригвождая ее взглядом, называя по имени, чтобы сломить ее. И это ей очень не нравилось. Его она тоже ненавидела. За то, что он заставил ее захотеть то, чего она не могла получить, не открыв всей правды. Не обнажив свои шрамы, свое прошлое, свое унижение. Не став снова жертвой, которой была.

– Прошу прощения за то, что я сказал. Это было глупо. Невозможно остановить Майрона, когда ему вожжа под хвост попала. Нужно просто подчиниться. Поверь мне, я говорю по собственному опыту. Поверь.

«Поверь».

Она даже не знала, как это – *верить*. Больше не знала.

– И потом, дело ведь не в завещании. Расскажешь мне, что действительно случилось? Это из-за истории в новостях? Из-за приманки?

Оливия поджала губы, отвернулась. Сердце билось о ребра с такой силой, что она боялась, как бы оно не выскочило.

– Ничего не случилось. – Слова прозвучали вяло. Но у нее не было сил искать что-то более убедительное. Ей просто нужно было уйти с орбиты Коула, которая затягивала ее. – Я в порядке.

Она развернулась, как деревянная кукла, и вернулась на тропинку, крепко сжимая газету. Эйс пошел за ней.

– Не обращай со мной как с дураком, Оливия! – крикнул Коул ей вслед. – Ты путаешь проблемы.

Она продолжала идти.

– Не смей сбрасывать меня со счетов. За кого ты меня принимаешь? За никчемный кусок дерьма? За дурака, который не сумел сохранить собственную семью? Как ты меня назвала – самовлюбленным идиотом?

Оливия остановилась, но не повернулась к нему.

– Это убийство расстроило тебя. – Коул прошел к ней. – Оно пробудило посттравматический синдром. Чем мы можем тебе помочь? Ты попала в беду?

– Нет. – Она отказывалась поворачиваться. – Я не попала в беду.

«Он мертв. Со мной все будет в порядке».

– Оливия!

Зашумел ветер.

Коул ждал.

Она облизала губы. Лучше уехать из Броукен-Бар, чем открыть им свое прошлое. И сделать это нужно до того, как средства массовой информации снова поднимут шум из-за нового убийцы. До того как люди начнут смотреть на нее по-старому. Она не будет – *не может* – рассказывать об этом. Это разрушит все, что она создала. И если ради этого нужно оттолкнуть от себя Коула, пусть так и будет.

– Я в порядке. – Оливия снова направилась к узкой тропинке. Верный Эйс не отставал от нее. – И не трудись ходить за мной, – бросила она через плечо. – Потому что это тебя не касается, понятно? Если твой отец добьется своего, то я немедленно соберу вещи и уеду отсюда.

Слава богу, он остался на месте.

Оливия ускорила шаг, листья похрустывали под ее сапогами. Она пришла в ужас, осознав, что щеки у нее мокрые от внезапно хлынувших слез. Она не плакала много лет. Она высохла и умерла, превратилась в пустую скорлупу. Но Коулу удалось что-то пробудить в ней. Эмоции. Желания. Потребность в человеческом прикосновении. Это убивало ее, потому что причиняло боль. Ей было чертовски больно. Ведь она не могла это получить.

* * *

Коул ворвался в библиотеку. Отец сидел у камина со стаканом шотландского виски в руке. Пузырек с таблетками стоял на столике возле его кресла, рядом – бутылка виски.

– Мне потребовалось кое-что покрепче, чем чай миссис Каррик, – сказал отец, кладя в рот еще две таблетки и запивая щедрым глотком спиртного.

Коул уставился на бутылку виски. Он бы и сам был не прочь пропустить стаканчик. Вместо этого он подошел к буфету, налил себе чашку чая, взял сэндвич и сел у огня напротив отца.

– Тебе придется рассказать мне о ней. – Коул сразу откусил половину сэндвича.

– Мне нечего особенно рассказывать, сын.

Коула охватил привычный приступ раздражения. Нейронные связи сформировались давным-давно. Он проглотил другую половину сэндвича, проглотил и запил чаем.

– Ты оставляешь это ранчо, наследство семьи Макдона, которое сохранялось с середины девятнадцатого века, и не можешь ничего сказать о женщине, которой ты его оставляешь?

– Ты и Джейн бросили это наследство. Я ничем тебе не обязан...

– О, избавь меня. Дело не во мне и Джейн, и ты это знаешь. Мы говорим об Оливии и о твоих отношениях с ней. Откуда она? Что ты знаешь о ней?

Отец отвернулся, посмотрел на пламя.

Коул одним глотком допил оставшийся чай, поставил чашку. Положив руки на колени, он подался вперед.

– Это убийство... Жестокая вещь. Женщина выпотрошена, глаза вырезаны.

Майрон кивнул.

– Ты думаешь, что Оливия пыталась покончить с собой незадолго до приезда сюда?

Отец сделал еще один большой глоток виски, кивнул, его глаза заслезились от алкоголя и лекарств. Или от чего-то более потаенного.

– Ты тоже видел шрам у нее на шее?

Глаза Майрона расширились.

– Так ты не видел? Рубец похож на удавку. – Коул немного помолчал. – Как будто кожу до мяса стерла веревка или воротник, врезавшийся в шею.

Старик уставился на сына. Молчание затянулось.

– Она всегда носит шейный платок, – наконец сказал Майрон. – Или водолазку. Я ничего не знал.

– Оливия прячет этот шрам. Я увидел его только потому, что мне пришлось снять с нее платок, чтобы облегчить дыхание, когда она упала в обморок.

– Вот дерьмо, – негромко выругался отец и сделал еще глоток виски.

– Что ты помнишь об убийце из Уотт-Лейк? – спросил Коул. – Я помню только то, что он был сексуальным садистом, который соблазнял и похищал женщин на севере, держал их взаперти всю зиму, а весной отпускал и начинал на них охоту. Его поймали в тот момент, когда я служил в армии и был в составе миротворческой миссии в Сьерра-Леоне.

Майрон поджал губы.

– Он охотился на них, убивал, потом вешал жертву, как тушу оленя, чтобы стекла кровь. Вырезал глаза. Держал части тела в морозильнике. Некоторых ел.

– Жертва у реки Биркенхед тоже была повешена за шею, – сказал Коул. – И глаз не было.

– Но убийцу из Уотт-Лейк поймали, – сказал отец. – Они арестовали его и предъявили обвинения. Суд над ним стал главной новостью. Несколько лет назад он умер в тюрьме. Это тоже было в новостях.

Коул выпрямился в кресле, глубоко вздохнул, на него вдруг снова навалилась усталость. Он на мгновение закрыл глаза и тут же снова ощутил в объятиях Оливию. Она сначала сопротивлялась, а потом медленно расслабилась, слившись с его телом так, словно нуждалась в нем. Ему было приятно обнимать. Быть нужным. Чувствовать, что он может кого-то защитить. Не подводить их, как он подвел Холли и Тая.

Проклятье.

Возможно, это именно он нуждался в этом объятии, а не она.

– Ну, что бы там ни было с этой историей об убийстве у реки Биркенхед и этой приманкой для рыбы, – негромко сказал Коул, – они

напугали Оливию, заставили ее вспомнить прошлое. Она набросилась на меня с ножом, приняла меня за кого-то другого. Я предполагаю, что она страдает от острого посттравматического синдрома.

– Я знаю, что у нее есть проблемы, Коул, но я ни разу не видел, чтобы у нее случались погружения в прошлое. Ничего похожего на то, что ты описал. Ни разу за все то время, что она провела здесь.

Коул снова подался вперед.

– Но ты *забеспокоился*, что она снова попытается убить себя. Что она все-таки *сказала* тебе о своем прошлом и о том, откуда она?

Отец внимательно посмотрел на него, в глазах появилось какое-то странное выражение.

– Оливия тебе нравится, – спокойно констатировал он.

О боже.

– Мне любопытно.

– И все?

– Да, и все. Мне любопытно, потому что ты оставляешь ранчо какой-то женщине со странностями, у которой страшные воспоминания о прошлом и которая пыталась зарезать меня охотничьим ножом. – Коул поднялся с кресла, отнес чашку и тарелку на буфет. – За последние восемь лет о ней можно найти какие-то сведения. А до этого ничего, как будто ее вообще не существовало.

– Ты проверял?

– Да, я проверил. Какая-то незнакомая женщина в полночь звонит мне во Флориду на мобильный телефон и говорит, что мой отец умирает. Разумеется, я постарался выяснить, кто она такая. – Коул замаялся. – И потом Джейн просила меня разузнать о ней. Я уже говорил тебе, ее тревожит то, что Оливия может играть с тобой.

Майрон фыркнул.

– Откуда в голову Джейн пришла такая мысль?

– От Форбса.

– А Форбс откуда это взял? Он дрянной человек.

– Судя по всему, Форбса интересует ранчо. И ты *оставляешь* его Оливии. Догадываюсь, что новость скоро дойдет и до него, и до Джейн, потому что *если* Оливия останется, то это место продаваться не будет.

Майрон провел языком по зубам.

– Она останется.

– Я бы не был так в этом уверен.

Отец моргнул. Он допил остатки виски, поставил стакан на столик, делая все с осторожной концентрацией опьяневшего человека, который не хочет это показать. Подобное состояние было хорошо знакомо Коулу. Отец повернулся, чтобы посмотреть на пламя. В библиотеке стало тихо. На ветру хлопала ставня. Когда отец заговорил снова, его голос был мрачным и далеким, язык у него слегка заплетался.

– Когда Оливия приехала сюда, я увидел в ней любовь к этой дикой природе, рекам, горам. Все это напоминало страсть Грейс к этому месту. Оливия расцвела здесь, Коул. – Отец говорил с не свойственной ему мягкостью, обращаясь к огню. – Она была словно срезанный цветок, когда приехала. Это место излечило ее. Шрамы на ее руках были такими красными и воспаленными, сейчас они начали бледнеть.

У Коула свело внутренности. Это было для него непривычно. Он был запрограммирован на то, чтобы бросаться в ответ на воинственность отца. Он не знал, что делать с этим проявлением сострадания или с тем фактом, что отец признал свою роль в распаде семьи. Следующий шаг был за ним, но Коул не знал, что делать.

Майрон поднял глаза на сына. Взгляд был далекий, затуманенный.

– Она начала смеяться. Она и эта ее собака... Они нашли свое место здесь, на ранчо. И в моем проклятом сердце. Оливия стала моим другом. Моим единственным другом. И я... – Голос старика прервался. – Прошлой ночью я решил, что если я смогу сделать добро ей, то я одновременно сделаю добро Грейс.

Снова призрак матери.

Опять все было из-за Грейс. Из-за того, что он не хочет отпустить ее. Из-за того, что Коул убил ее и Джимми.

И теперь на краю могилы отец пытался сохранить мечту своей любимой Грейс.

– Да и для тебя это было бы правильно.

Коул удивился:

– Что ты имеешь в виду?

– Оставив ранчо Лив, я даю тебе время увидеть, что это место – именно то, что тебе нужно. Без меня оно могло бы стать чем-то прекрасным. Домом.

Коулу стало жарко. Неловко. Он не знал, что ответить.

Он перевел взгляд на лекарство и бутылку спиртного. Это они говорили. Старику нужно немного поспать, он начал нести чушь.

– Мне нужно идти, – сказал Коул, направляясь к двери. Он собирался взять ноутбук и отыскать историю убийств в Уотт-Лейк, чтобы понять, смогут ли они пролить свет на убийство у реки Биркенхед.

У двери Коул остановился.

– Ты не будешь возражать, если я поставлю свой самолет в старый амбар на восточном поле? Ветер усиливается. Когда начнется буран, самолет должен стоять в безопасном месте.

– Ты прилетел сюда на самолете? У тебя до сих пор «Пайпер Каб»?

– Ага.

Отец потер усы.

– Амбар... Там никого не было с тех пор, как...

У Коула заныло в животе. Он ждал следующих слов: *«С тех пор как двадцать три года назад туда поставили разбитый грузовик»*.

Но отец их не произнес.

– Возьми мою машину, если она тебе нужна. – Майрон развернул кресло так, чтобы оказаться спиной к сыну. – В гараже стоит черный «Додж». Миссис Каррик даст тебе ключи, они хранятся в офисе. Едва ли машина понадобится мне снова.

Коул смотрел на седой затылок отца, на узловатые, с выступившими венами и усыпанные пигментными пятнами руки на подлокотниках. Потом перевел взгляд на фотографию над камином. Молодой, сильный Макдона позировал на покорившемся пике. Старый Макдона согнулся от возраста и ждал смерти в инвалидном кресле под этой фотографией. Время растянулось и сомкнулось.

«Вы будете таким же, как он...»

Коул не хотел быть таким, как отец. Исполненным горечью, исковерканным. Он цеплялся за свою потерю и свое горе, потому что слишком боялся открыться, попробовать еще раз.

Коул оставил отца в библиотеке и спустился по лестнице, отправившись на поиски экономки с ключами.

* * *

Адель согнулась в темном чулане под лестницей. Дверь была слегка приоткрыта, чтобы впустить немного света. Экономка прижимала к уху мобильный телефон.

– Он собирается оставить *все* Оливии, – прошептала она. – Все это чертово ранчо. Я *говорила* тебе, что нельзя доверять этой женщине. Она с самого приезда хотела заполучить землю старика. На днях она рылась в его кабинете, хотя завещание лежало на столе. Я знаю, что в нем. Я его читала. И там об этом ничего нет.

Услышав скрип на лестнице, экономка застыла. Кто-то спускался вниз.

– Нам нужно это остановить, – быстрым шепотом добавила она. – Если Оливия уедет из Броукен-Бар, ранчо отойдет его детям. Ты должен найти способ избавиться от нее.

Неожиданно в темноту ворвался поток света.

– Адель?

Она моргнула, вскинула голову и ударилась о щетку. Череп пронзила боль. В проеме двери черным силуэтом стоял Коул Макдона.

К лицу экономки прилила кровь, сердце забилось чаще. Она нажала на «отбой» и быстро сунула телефон в карман фартука.

Глава 11

Тори встала на колени и выглянула в окно, чтобы убедиться, что отец ушел. Потом она удовлетворенно свернулась калачиком на кровати, открыла электронную книгу и, прислушиваясь краем уха, не вернулся ли отец, начала читать.

«Можешь ли ты точно указать момент, когда твоя жизнь сталкивается с жизнью другого человека? Можешь ли ты вернуться к тому дню, когда ваши жизни пересеклись, а потом вновь разошлись в разные стороны, оставшись при этом навсегда связанными? Две жизни, сцепленные друг с другом...

Этот момент настал для сержанта полиции из Уотт-Лейк ноябрьским днем. Все случилось недалеко от долины Беа-Кло, в удаленной индейской местности, на гравийной отмели у разветвления Стина-ривер. Река величественно несла свои воды из внутренней части страны к Тихому океану, чтобы влиться в него ниже границы Аляски, похожей в этом месте на ручку кастрюли.

Сержант был чересчур молод для того, чтобы возглавить отделение Королевской канадской конной полиции, или «конников», как их еще называли, но он был восходящей звездой, а Уотт-Лейк был далекой северной общиной, не слишком большой территорией. Место вполне подходило для того, чтобы попробовать свои силы на руководящей должности после того, как успешно поработал детективом в Альберте.

В отличие от извилистой речки, у сержанта был прямой план жизни. Он недавно женился на девушке, которая работала криминальным репортером в «Уотт-Лейк Газетт». Она пришла брать у него интервью по поводу одного из расследований. Они влюбились друг в друга, попытались сохранить свой роман втайне. Когда же решили объявить о своей помолвке, она ушла из городской газеты, рассталась со своей мечтой когда-нибудь работать в ежедневной газете большого города и начала писать для журналов подлинные криминальные истории. Она пробовала свои силы в написании романа.

Потом произошла эта судьбоносная встреча на реке».

Сердце Тори забилося быстрее, в голове закружились какие-то темные, еще не оформившиеся мысли.

«Сержант забросил удочку, разматывая леску в туманном солнечном свете, который играл с крошечными насекомыми над рекой, словно с крупинками пыли. Солнце совсем не грело. В тени на скалах лежал лед, мох подернулся инеем. Высоченные ели Дугласа, некоторые такого же возраста, что и собор Парижской Богоматери, отражались в зеленовато-золотистой воде как всезнающие боги, приглядывающие за ним. Он оставил приманку на краю водоворота, позволяя ей кружить вместе с течением к более глубокому участку, где вода была неподвижной, словно зеркало. Идеальное место для крупного стальноголового лосося.

Он осторожно потянул за леску, приманка запрыгала на поверхности воды, как живое существо.

Рыба не клюнула, и сержант смотал леску и перешел ниже по течению. Тени между деревьями дышали на него ноябрьским холодом, и пальцы у него заledenели.

Он снова забросил удочку и позволил приманке дрейфовать, когда почувствовал чужое присутствие. Ощутил, что за ним наблюдают. Сначала он решил, что это гризли. Накануне он видел крупного зверя выше по реке, недалеко от его лагеря. Тот медведь посмотрел на него, потом исчез. За сержантом не впервые гонялся медведь.

Он медленно перевел взгляд за плечо. Примерно в пятидесяти ярдах от него в воде стоял мужчина. Он не издал ни единого звука и как будто материализовался из лесной чащи.

Рыбак был одет в болотные сапоги, черную куртку и вязаный шлем, защищавший его от холода и скрывавший лицо. Сержант заморожено смотрел, как мужчина забрасывает удочку. Идеальные продолговатые петли разворачивались над водой одна за другой, на солнце сверкали мелкие капли. Это было мастерство, чистый профессионализм.

Мужчина опустил на воду свою приманку. Бам! Рыба клюнула. Кончик удочки выгнулся, леска натянулась. Рыба выскочила из воды, словно серебристая вспышка на конце лески. Потом она снова упала в воду, пытаясь уплыть в глубину. Рыбак позволил ей выбрать леску. Коп

смотрел, как он играет с рыбой, пока та не выдохлась. Рыболов подтащил добычу к себе. Та лишь слабо трепыхалась.

Мужчина присел на корточки, снял рыбу с крючка, потом посмотрел в сторону сержанта.

Тот поднял руку. В знак признания мастерства.

Мужчина ответил коротким кивком. Он спустился чуть ниже по течению и снова забросил удочку. И бам! Поймал еще одну рыбу».

Тори перевернула страницу.

«На этот раз коп подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть рыбу, когда мужчина вытащил ее из воды.

– В ней около тридцати фунтов^[7], – сказал сержант, когда мужчина присел на корточки и открыл рыбе рот, открывая ряды мелких острых зубов.

Мужчина поднял на него глаза. В прорезях черного шлема его глаза были цвета меди, цвета воды, когда она течет по камням и пронизана солнечным светом. Эти глаза были такими пронзительными, что заставили копа на мгновение замолчать. В них было мрачное коварство, какое можно увидеть в глазах диких зверей. Сержант вдруг осознал, что он совершенно один в этом лесу и в этих горах. Люди пропадают в диких местах постоянно. Как Сара Джейн Бейкер, которая просто испарилась месяцем раньше.

Сержант не смог бы описать дрожь, которая вдруг пробралась ему под кожу.

Мужчина сунул руку в розовую пасть рыбы и вытащил крючок. Приманка была большой. Намного больше стандартной зимней приманки для стальноголового лосося. И даже крупнее, чем новейшие модели «Самозванец».

Мужчина ударил рыбу по голове.

– Вы ее не выпустите? – удивленно спросил сержант.

Незнакомец указал на то место, где был удален жировой плавник. Это была рыба из инкубатора в системе Стина-ривер. Единственный вид стальноголового лосося, который можно было оставить себе. Все остальные закон обязывал отпустить.

– Рыба, – очень тихо ответил рыбак, поднимаясь на ноги, – моя сестра, и я люблю ее. Но я должен ее убить и съесть.

Сержант моргнул. Потом медленно улыбнулся и сказал:

– Как Сантьяго в «Старике и море».

Глаза мужчины сузились в прорези шлема.

– Это одна из моих любимых книг.

Сержант подумал, что это приятный сюрприз – встреча с начитанным человеком на берегу реки.

– На что вы ловите? – Коп кивком указал на приманку.

Мужчина протянул приманку ему.

Мушка была связана из переливчатой голографической нити и из разрезанных полосок ленты цвета лайма. Вместо глаз – три блестящие красные бусины.

– Геодезическая лента?

Мужчина кивнул.

– Три глаза?

– Один дополнительный, чтобы прибавить вес спереди.

Коп рассмотрел мушку, крючок был привязан к приспособлению для направления снасти и удачно спрятан среди зеленых кисточек.

– «Хищник», – сказал мужчина.

– Это на порядок выше, чем «Захватчик», – заметил коп, поворачивая приманку в руке и запоминая дизайн. – Трехглазый хищник.

– Возьмите, она ваша, – предложил мужчина.

Глаза сержанта расширились от удивления. Мужчина встретил его взгляд с непоколебимым спокойствием. У него были глаза кугуара. Наблюдательные, спокойные, но расчетливые. С черным ободком вокруг радужки и густыми темными ресницами. Коп переключил внимание на приманку в его руке. Вязание мушек было эзотерическим искусством, особенно если речь шла о ловле стальноголового лосося. Всегда ходили слухи о секретных дизайнах, и они тщательно охранялись хитрыми рыболовами. Никто никогда не протягивал приманку незнакомцу, по крайней мере, с сержантом такого не случалось ни разу. В нем начало зарождаться неясное подозрение вместе с ощущением, что он заключит какую-то сделку Фауста, если возьмет эту мушку. Что он останется привязанным к чему-то мрачному.

– Я могу сделать еще, – сказал мужчина, всматриваясь в его лицо.

– Этот дизайн придумали вы? – спросил сержант.

– Это был подарок. – Рыбак помолчал, какое-то непонятное выражение появилось в его глазах. – От особого друга.

По коже сержанта пробежал холодок. Было ли что-то такое в тоне незнакомца? Или просто солнце скрылось за горными пиками?

– Попробуйте.

Коп привязал приманку к своей удочке. Он прошел выше по течению, и спустя несколько секунд рыба клюнула. Леска натянулась, кончик удилица изогнулся. Сержант сражался с рыбой до тех пор, пока свет не начал меркнуть. К тому времени, когда он вытащил ее на берег, у него дрожали руки, лицо заливал пот. Огромный серебристый лосось длиной около сорока дюймов.

Переполненный радостью и гордостью, он поднял глаза, чтобы посмотреть, наблюдает ли за ним мужчина в шлеме.

Но тот исчез.

Остались только тени и свет. Пятна на воде. Рябь то тут, то там. И негромкие вздохи ветра.

Неизвестный рыбак ушел так же бесшумно, как и появился, просто снова растворился в лесу.

Сержант осторожно вынул «Хищника» из блестящей рыбьей пасти. Потом присел на корточки, взял рыбу в ладони и подержал ее под водой, позволяя плавникам шевелиться, а кислороду циркулировать. Он чувствовал мистическую связь с этим творением реки и моря. Потом одним мощным взмахом хвоста лосось вырвался у него из рук и уплыл вверх по течению, исчезнув в зеленой воде.

Чувствуя благословение, сержант собрал снасти.

К этому дню Сара Джейн Бейкер, молодая жена владельца магазина спорттоваров в Уотт-Лейк, помогавшая ему за прилавком, числилась пропавшей без вести уже три недели.

Только следующей весной сержант узнал, что эту трехглазую мушку связала Сара Бейкер.

И что она подарила ее чудовищу.

* * *

– Все в порядке, Адель? – спросил Коул, когда экономка вышла из чулана, торопливо закрывая за собой дверь.

– Да, разумеется. Чем я могу вам помочь? – решительно поинтересовалась она, приглаживая сначала карман фартука, потом волосы. Лицо у нее горело.

– Я слышал, как вы разговаривали в чулане.

Она скупно улыбнулась.

– Ругалась, скорее. Я искала мешки для пылесоса. Кто-то их переложил.

Взгляд Коула остановился на кармане ее фартука. Он точно видел, как она спрятала в него телефон.

«Ты должен найти способ избавиться от нее...»

Он слышал, как Адель произнесла эту фразу, когда открывал дверь чулана, чтобы проверить, что там за шум. Коул оценивающе посмотрел на экономку, в нем зарождалось подозрение.

– Чем я могу вам помочь? – повторила миссис Каррик.

– Отец говорит, что у вас есть доступ к шкафчику с ключами в офисе. Мне нужны ключи от его «Доджа».

– О... Ах, да, конечно. – Она сунула руку в карман и извлекла связку ключей. – Ключи от его грузовика лежат вместе с остальными ключами в сейфе. Идите за мной.

Когда они вошли в офис и Адель открыла шкафчик с ключами, Коул спросил:

– Как поживает мистер Каррик?

Она искоса посмотрела на него, нашла ключи от машины.

– Отлично. Теперь он вышел на пенсию и больше не работает в муниципалитете.

– Как мило. Должно быть, он теперь рыбачит и охотится. Готов поспорить.

Экономка замялась.

– Он долгое время болел перед тем, как выйти на пенсию. Его ударило по голове на работе, он получил сильное сотрясение.

– Теперь с ним все в порядке?

– У него случаются хорошие дни. – Миссис Каррик протянула ему ключи от «Доджа».

– А как поживает Такер? Кажется, последнее, что я о нем слышал, была его учеба, он хотел получить степень.

Она улыбнулась, и на этот раз улыбка была и в глазах.

– О да, несколько лет назад он получил степень магистра. Он вернулся домой и теперь работает в Клинтоне.

– В городе? Неужели в округе есть какая-то работа, кроме рубки леса и хозяйственных занятий на ранчо?

Адель закрыла дверцу шкафчика с ключами, заперла его и откашлялась.

– Такер дает консультации по вложениям и управлению финансами. «Додж» стоит в гараже позади дома, где мы держим снегоходы и мотовездеходы. Мистер Макдона давно не пользовался им.

– Спасибо. – Коул замялся, потом окликнул ее, когда она уже уходила: – Адель?

Она остановилась, повернулась к нему лицом, по которому пробежала нервная дрожь.

– Должно быть, вы не слишком уверенно себя чувствуете, учитывая прогноз врачей для моего отца и судьбу Броукен-Бар и персонала.

Адель вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

– Да. Я... – Она вздохнула. – Я проработала здесь почти сорок лет. Столько воспоминаний. Я все вложила в это место. Здесь я познакомилась с Джеком и вышла за него замуж. Такер родился на ранчо и вырос в этих местах. Но я полагаю, что всему свое время. – Экономка удрученно улыбнулась. – В любом случае мне пора на пенсию, вы так не думаете?

– Это не пошатнет финансовое положение вашей семьи?

На лице экономки появилось непроницаемое выражение.

– Я буду получать пенсию. Мистер Каррик ее уже получает. Мы справимся.

– А что, если ранчо продолжит работать? Могли бы вы остаться дольше?

Ее глаза расширились.

– Я... Но ведь оно будет продано. Разве нет?

Коул посмотрел на нее.

– Необязательно.

– Я просто подумала, что будет. Продажа ранчо всему району принесет большую выгоду.

– Каким образом?

Экономка сглотнула, на щеках выступили красные пятна.

– Ходят разговоры о новом проекте. Это всего лишь предложение, но здесь будут дорогостоящие участки земли и коммерческие предприятия. Появятся рабочие места, туристов будет больше... – Она бросила взгляд на часы. – Боже мой, вы только посмотрите на время! Мне давно пора приниматься за работу.

Миссис Каррик торопливо ушла. Коул смотрел ей вслед, пульс у него частил. Нужно сегодня же позвонить Джейн.

* * *

Гейдж вернулся в домик, осмотрев ранчо и запомнив всех гостей и все машины в кемпинге. Он искал нечто необычное, что могло бы порадовать его давно отточенное чутье детектива. Возникли сомнения по поводу трейлера с холодильником, работавшим от генератора. Там явно что-то было не так. Но стал бы *убийца* прятаться у всех на виду? Или предпочел укрыться где-то в лесу?

Ходит ли *он* вокруг ранчо по ночам? Когда *он* сделает первый ход?

Бертон заметил разрезанную сетку на границе ранчо. Он прошел по следам ног и автомобиля через пролом в ограде и попал в густые заросли кустарников, потом в болото. Но того, кто сделал этот проход, там не было.

И вообще был ли тут убийца?

Его мысли вернулись к телу на берегу реки Биркенхед. Место убийства было на пути в глубь страны. На земле Первых Наций. И положение тела напоминало фирменный стиль убийцы из Уотт-Лейк. Гейдж не сомневался, что это убийство тоже было делом рук того маньяка, что он, Гейдж, выманил мерзавца.

Он нашел холмик, на котором была связь, и снова набрал номер Мэка Якимы.

Над головой закричал гусь. Гейдж посмотрел вверх, на пульсирующий клин. Птицы начали свой долгий путь на юг. Прошло почти двенадцать лет с того дня, как *маньяк* похитил Сару Бейкер. Гейдж занервничал. Он чувствовал, как замыкается круг. Он беспокоился, сможет ли контролировать происходящее.

Мэк ответил на звонок. Гейдж не стал тратить время на предисловия или банальности.

– Ты работаешь над биркенхедским делом? – Он знал, что для расследования будет собрана группа. В нее войдут копы из Пембертона и индейская полиция из Маунт-Карри. Сотрудники из ИГРУ будут работать и на месте преступления, и в головном офисе в городе.

– Да. А в чем дело, Бертон? Откуда ты звонишь?

– Ты где работаешь?

– В городе, – ответил Якима. – Ты в порядке?

– Известно что-нибудь о личности жертвы? Есть какие-то ниточки?

Пауза.

– Бертон, успокойся. Проводи время с дочкой, наслаждайся рыбалкой. Оставь это нам.

Гейдж почувствовал раздражение. Налетел ветер. Над деревьями на другой стороне озера поднялась пыль. У него стеснило грудь.

– Я видел это в новостях, – ответил он. – Это фирменный стиль убийцы из Уотт-Лейк: положение тела, вырезанные глаза. Тело повешено за шею. И опять на земле индейцев.

Молчание.

– Брось, Мэк, ты *должен* что-то знать.

– Помнишь наш последний совместный обед? Ты, я, Мелоди и Карен. И Мелоди сообщила нам о твоей болезни.

Гейдж закрыл глаза. Пальцы крепче сжали телефон.

– Мелоди тогда сказала, что... симптомы были раньше. Давно. Мелочи, перемены в поведении, на которые никто не обратил внимания. Но в ретроспективе они воспринимаются как маркеры, как предупреждение. – Мэк замолчал, как будто пытался подобрать слова, чтобы не обидеть друга. – Ты настаивал на том, что Себастьян Джордж – не тот парень. Тогда это не имело смысла. В ретроспективе это...

– Господи, Мэк, так вот *что* ты думаешь? Что тогда в Уотт-Лейк я страдал галлюцинациями?

– Все могло быть.

У Гейджа зазвенело в ушах.

– Послушай, это не имеет *ни малейшего* отношения к моей болезни.

– Себастьян Джордж был тем самым парнем. – Мэк говорил так, словно разговаривал с идиотом. – И теперь он мертв. Этот случай у реки Биркенхед – совершенно другое дело. Не вмешивайся. Пожалуйста.

Гейдж провел ладонью по голове.

Проклятье.

Но ответил спокойно:

– То есть никаких ниточек нет, как неизвестна и личность жертвы?

– Теперь это закрытая информация. Прости.

– Ответь мне просто «да» или «нет»: у нее на груди были укусы?

Молчание.

У Гейджа зачастил пульс. Эту информацию об убийствах в Уотт-Лейк не сообщали средства массовой информации. Об этом знали только он и те следователи, которые занимались делом. Даже Мэк был не в курсе.

– А послание было? – настойчиво гнул свою линию Бертон. – Например, сложенная во много раз записка в правой глазнице с такими примерно словами: «Это не игра, пока обе стороны не знают, что они в игре». Или: «Охота – это брак между охотником и жертвой». Или: «Ничто не сравнится с охотой на человека. Если кому-то довелось достаточно долго охотиться на вооруженного человека и ему это понравилось, он больше никогда не захочет ничего другого».

Мертвая тишина в трубке.

– Значит, записка *была*.

Опять тишина в ответ.

Кровь стучала у Гейджа в ушах.

Когда Мэк наконец заговорил, его голос звучал решительно:

– Бертон, если ты что-то знаешь об этом биркенхедском деле...

Потом добавил, как будто спохватился и что-то вспомнил:

– Где ты? Куда ты повез Тори на рыбалку?

«Обеспечь ее безопасность. Ты делаешь это ради нее...»

– Послушай, – тон Мэка стал резче, – можешь мне сказать, где ты был в ночь перед вечеринкой по случаю твоего выхода на пенсию?

Иисусе. Мэк думал, что он слишком много знает, потому что имеет к убийству какое-то отношение?

– Гейдж? Скажи мне, где вы с Тори сейчас! Ты должен вернуться. Мне нужно поговорить...

Бывший коп поспешно прервал разговор. Сердце билось о ребра. Значит, записка *была*. В глазнице. Только сотрудники, работавшие над убийствами в Уотт-Лейк, знали об этом. И он. Он смотрел материалы допросов, бесед. Он никогда никому не говорил о некоторых уликах. Даже Мэку.

Маньяк вернулся.

Значит, *он* должен быть где-то рядом.

Убийца из Уотт-Лейк снова вышел на охоту. В Гейдже закипели тревога, адреналин, страх. Что он наделал? Сможет ли теперь контролировать ситуацию? Сумеет ли закончить работу?

Телефон завибрировал. Мэк попытался перезвонить.

Над верхней губой Гейджа выступил пот. Если Мэк его сейчас засечет, они его закроют, потеряют драгоценное время, и будет слишком поздно. Убийца закончит свое дело, прежде чем Бертон сумеет убедить их, что он не сумасшедший.

Он быстро снял заднюю панель телефона и вытащил батарею. Он не хотел, чтобы они его отследили. На это не было времени. Если убийца решил действовать, то это будет скоро. До того как пойдет снег. До вечера понедельника.

За спиной раздался стук копыт. Гейдж повернулся на звук, быстро пряча в карман телефон и батарею.

Верхом на серой кобыле ехала Оливия Уэст, ее волосы развевались на ветру, лицо порозовело от холода.

– Привет, Гейдж. – Она запыхалась и была такой красивой, особенно на этом великолепном создании. Лошадь заплясала на месте, когда всадница натянула поводья. Овчарка Оливии, вывалив из пасти язык, бежала вверх по холму, догоняя их.

Оливия замаялась, потом все же спрыгнула с лошади. Из седельной сумки она достала смятую газету и пластиковый пакет.

– Не вы случайно оставили эти вещи в офисе? – Оливия протянула ему газету. Статья на первой странице была посвящена убийству у реки Биркенхед. Имя и фамилия Оливии, а также адрес ранчо были написаны большими печатными буквами над заголовком. Гейдж медленно перевел взгляд на маленький пластиковый пакет с застежкой. Пересохло во рту. Стало жарко, голова закружилась.

«Он здесь. Убийца из Уотт-Лейк здесь. Это его первая визитная карточка... Игра началась...»

Гейдж посмотрел на Оливию. Она внимательно наблюдала за ним, явно встревоженная, и Бертон знал почему.

Он протянул руку и взял у Оливии и газету, и пакет.

– Спасибо. А я гадал, где мог это оставить.

Она нахмурилась и внимательно посмотрела на него, как будто ожидая дальнейших объяснений. По спине Гейджа потек пот. Он бросил взгляд на домик. Голова Тори виднелась в окне, она наблюдала за ними обоими.

– Я... я записал ваше имя и адрес ранчо на газете, которую купил по дороге сюда, – соврал Гейдж, – когда мы заправлялись в Клинтоне. Заправщик направил меня на ранчо и сказал, что им управляете вы.

Складка между ее бровями стала глубже, как будто она гадала, стоит ли ему верить.

Но бывший коп открыто посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Ему не хотелось пугать Оливию. Запугивание было оружием убийцы из Уотт-Лейк, он пытался чужим страхом. Дать понять жертве, что он рядом, охотится на нее – в этом заключалась его игра. Гейдж не позволит ему выиграть на первом этапе охоты.

– Где вы взяли приманку? – спросила Оливия. – Для форели в Броукен-Бар она не подходит. Это наживка для стальноголового лосося.

Он кивнул.

– Друг подарил. Это был один из подарков в честь моего выхода на пенсию, вместе с удилицем. Мой приятель сказал, что этот дизайн был очень популярен прошлой осенью на севере, когда стальноголовый лосось шел на нерест. Судя по всему, эта наживка отлично работает.

– Интересный дизайн. – Оливия все еще всматривалась в лицо Гейджа, пытаясь понять, где обман.

– Да, верно.

Она замялась, потом поставила ногу в стремя и взлетела в седло. Она погладила кобылу по шее, робко улыбнулась. Гейдж увидел в ее глазах облегчение.

– Спасибо, – поблагодарила Оливия, трогаясь с места.

– Подождите...

Она снова остановила лошадь. Та пошла боком.

– Вы можете поработать нашим инструктором по рыбной ловле, скажем, сегодня во второй половине дня?

– Честно говоря, осенью мы не оказываем такую услугу.

– Хотя бы час, не больше. – Гейдж снова бросил взгляд на домик. – Тори не помешало бы женское общество.

Оливия заколебалась, потом улыбнулась.

– Разумеется. Но сначала мне нужно сделать несколько дел. Как насчет четырех часов? Встретимся на причале. – Она указала на причал рядом с бельведером. – Мы успеем вернуться к горячему ужину и напиткам.

– Звучит хорошо. – Гейдж улыбнулся и похлопал кобылу по шее. – Даже очень хорошо.

– Скажите Тори, чтобы она оделась потеплее. На закате в это время года на озере становится по-настоящему холодно.

Глаза Оливии потеплели. Она развернула кобылу и поскакала прочь. У Гейджа защемило сердце, когда он посмотрел ей вслед. За Оливией бежал ее пес.

Она занимала такое большое место в жизни Гейджа, что ему казалось, будто он ее давно знает. Близко знает. Она была как член семьи.

«Ты поступаешь правильно. Ты все исправил. Ради нее. Ради Тори. Тебе только нужно сохранять ясность ума, потому что он рядом, он наблюдает... и скоро он сделает следующий ход...»

* * *

Вдоль дороги к старому амбару стояла высокая сухая трава, она слегка похрустывала на ветру. По внешним стенам строения поднимался виноград. Дверь скрипнула, когда Коул распахнул ее. Он на мгновение замер перед тем, как войти.

Именно тут он провел большую часть своей юности, возясь с механизмами, разбирая их, чтобы посмотреть, сможет ли он заново все собрать. Сюда он тайком приносил сначала пиво, а потом и водку.

В этом амбаре он поцеловал свою первую подружку. Это была Амелия из школы. Как-то раз жарким днем их выследили Клейтон

Форбс и Такер Каррик, они избили Коула и сломали ему нос за то, что он «увел девушку Форбса».

Коул шагнул внутрь, сквозняки шевелили паутину, слегка колыхавшуюся, когда он проходил мимо. Он пригнулся, когда над его головой с шумом пролетели ласточки. Они сорвались с балок и вылетели в дверь. Сердце забило сильнее. В лучах света, пробивавшихся сквозь щели между брусьями и обшивкой, танцевали пылинки. На чердаке было полно старой соломы. Он чувствовал запах гнили.

Мякнула кошка и спряталась за старым жестяным цилиндром. Коул распахнул настежь другую дверь, чтобы ему хватило места для маневра, когда он будет загонять в амбар свой самолет. Он очень удивился, увидев, что старый грузовик все еще стоит на прежнем месте. Его вытащили из реки: в кабине были мать и Джимми. Они утонули. Коул медленно подошел к автомобилю, чувствуя ледяную пустоту в желудке.

Тот факт, что его не сдали на металлолом, был ярким свидетельством, насколько сильно его отец цеплялся за былую горечь и боль. Как будто, избавившись от разбитого грузовика, он каким-то образом оскорбил бы память Грейс и Джимми. Или простил бы Коула за то, что его действия стали причиной их гибели.

Воспоминания о прошлом разрастались в голове Коула, словно морозный рисунок на стекле. Он чувствовал даже запах того дня. Холодный, кристально чистый воздух, высокие сугробы. Он вел машину вдоль замерзшей реки, показывая, на что способен отреставрированный им с такой любовью грузовик 1950-х годов. Коул вдруг снова услышал смех Джимми на стропилах амбара, увидел улыбку матери в кухне большого дома. Коул сглотнул. Тут жили призраки, а он их потревожил.

И они напомнили ему, что хорошая жизнь закончилась в тот день. Это было до несчастного случая. А потом все изменилось.

Почти против воли Коул протянул руку и положил ладонь на ржавый металл старого грузовика. Он был шероховатым, покрытым пузырями, краска облезала. И Коул оказался еще дальше в прошлом, увидел, как его маленький брат сидит на стогe соломы в этом амбаре. Он болтал худыми ногами с острыми коленками, глядя, как его

старший брат изображал обезьяну. Снаружи стрекотали кузнечики, день был жарким, душным.

У Коула так сильно сдавило сердце, что на какое-то мгновение он перестал дышать.

Его внимание привлек блеск в соломе. Коул нагнулся и подобрал пуговицу.

Память вернулась к другому дню из прошлого, когда он привел в этот амбар Амелию. Не было ничего слаще ее рта, ничего восхитительнее упругости ее груди под его ладонями. Блаженство сексуального посвящения поглотило его. Он не слышал, как в амбар вошел Клейтон Форбс в компании Такера Каррика, чтобы избить его за то, что он «увел» Амелию.

Этот день стал началом вражды между ним, Форбсом и Такером, и ни один из них не дал этой враждебности шанса исчезнуть. Хотя Джейн до сих пор общается с Форбсом. Коул сунул пуговицу в карман и прогнал воспоминания прочь. Он предпочитал не задумываться. У него не было места для прошлого и для его корней на этом ранчо. Коул напомнил себе, что не собирался задерживаться надолго.

Но когда он закатал рукава и принялся за работу, отодвигая тюки с соломой в сторону и расчищая место для своего маленького самолета, он уже не был в этом так уверен. Что-то в его душе менялось.

Пока он работал, в сарае стало жарче, несмотря на усиливающийся снаружи ветер. Коул скинул рубашку, бросил ее на тюк соломы и нагнулся, чтобы передвинуть бочку.

* * *

На лугу она пустила Спирит галопом. Эйс сильно отстал от них. В груди Оливии поселился восторг. Она поняла, откуда взялась газета с пакетом, и от этого испытывала неопишуемое облегчение. Возможность снова чувствовать себя свободной доставляла огромное удовольствие, и Оливия позволила ветру играть с ее волосами и выбивать слезы из ее глаз.

Конечно, странное совпадение, что у Гейджа Бертонна оказалась приманка, которую она придумала, а потом отдала своему похитителю.

Странным было и то, что наживка оказалась между страницами, на которых вспоминалась история Себастьяна. Но совпадения случаются.

Только в ее параноидальном мире подсознание все время искало негативные следы, видело тени там, где их не было. Это была просто ее манера выживания. Если раньше за тобой охотились, то ты определенно станешь осторожнее большинства.

Проезжая мимо поля, на котором Коул посадил свой маленький легкий самолет, Оливия натянула поводья и придержала Спирит. Самолет исчез. Вместо него под деревьями был припаркован «Додж» Майрона. Ветер швырнул волосы ей в лицо, и Оливия заметила темную полосу туч на горизонте. Она направила кобылу вперед и обогнула рощицу трехгранных тополей, которые служили защитой для маленького желтого самолета. Двери старого амбара оказались распахнуты.

Оливия спешила, привязала кобылу и стала ждать, пока Эйс ее догонит. Оставив пса обнюхивать рощицу тополей, Оливия пошла по заросшей тропинке к амбару. Вокруг нее шуршала на ветру сухая трава.

Полосы примятой травы – следы колес – вели к амбару. Оливия заглянула внутрь.

Коул был там, возился со своим самолетом. Он был без рубашки. Его кожа блестела от пота. В амбаре было очень тепло, сильно пахло старой соломой.

Оливия застыла, охваченная каким-то глубинным чувством. Она смотрела, как плавно перекачиваются мускулы под его гладкой загорелой кожей. Темные волосы повлажнели и прилипли к голове в странных местах: судя по всему, он прочесал их пальцами. Джинсы немного спустились.

В желудке Оливии заворочался горячий шар. Это шокировало ее. Двенадцать лет у нее не было такой реакции на мужчину. Ее как будто пригвоздили к месту, во рту пересохло. Казалось, она утратила способность отдавать команды своему мозгу, чтобы ее тело двигалось, чтобы сказать хоть что-то, дать Коулу знать, что она тут.

Он распаковал свои инструменты и достал из самолета оборудование. Рядом с ним лежали гаечный ключ и другие инструменты, а также маленькие лыжи, которые можно было прикрепить к колесам его самолета. Под свесами крыши завывал

ветер, сухие ветки царапали крышу амбара. Лужицы света, проникавшего через щели, придавали коже Коула золотистый оттенок.

Оливия не могла не смотреть. Время замедлило ход, растянулось, словно резина. У Оливии закружилась голова.

Коул закрыл люк и поднялся на ноги. Постоял немного, потом повернулся и уставился на дальнюю часть амбара, как будто что-то обдумывая.

Он медленно подошел к старому грузовику, стоявшему там. Оливия почувствовала, как в ней нарастает напряжение. Она подалась вперед. Коул сунул руку в задний карман, достал бумажник. Оттуда он вынул что-то похожее на сложенную фотографию.

Пока он изучал снимок, его плечи поникли, как будто его ударили под дых. Он поднес фото к губам и нежно поцеловал изображение.

У Оливии зачастил пульс. Паника отступила. Она оказалась рядом в невероятно интимный момент, но ее заморозили эмоции в его теле, боль в этом большом смелом мужчине, который покорял горы и летал в небесах. Эта боль физически согнула его. Нужно было немедленно уйти. Оливия осторожно попятилась, но споткнулась, налетела на старую дверь. Вокруг закружились ласточки.

Коул обернулся и увидел Оливию.

Их взгляды встретились. В его глазах стояли слезы.

Глава 12

– Спасибо, что согласились встретиться со мной без предварительной договоренности, – сказал сержант Мэк Якима, усаживаясь напротив доктора Джулии Беллман. Он предполагал, что доктор Беллман, невролог, которого упоминала Мелоди в связи с болезнью Гейджа, – это мужчина. Но это оказалась пожилая женщина, чья привлекательность сбивала с толку.

– Вам, сержант, лучше, чем кому бы то ни было другому, должно быть известно, что я не имею права обсуждать своего пациента. – Врач посмотрела на часы. Была суббота, но в кабинете ее ждал пациент.

– Я здесь не только как полицейский, – объяснил Якима. – Я – хороший друг Гейджа Бертон. Я и моя жена, мы дружили с ним и Мелоди. Смерть Мелоди, она его подкосила. Я беспокоюсь, что это могло спровоцировать своего рода... психоз или даже диссоциативное расстройство идентичности.

Идеальные брови доктора Беллман взлетели от удивления. Но она ничего не сказала.

Мэк подался вперед.

– Я прошу только сказать мне, возможно ли подобное развитие событий у пациента с такой опухолью мозга, как у него. Гипотетически.

Она встретилась с ним взглядом, ее черты оставались непроницаемыми.

– Люди по-разному переносят горе. Иногда они делают вещи, которые другим кажутся бессмысленными. А теперь прошу меня извинить, я заставляю пациента ждать.

Она встала и направилась к двери.

– Я боюсь за благополучие его дочери. – Мэк не тронулся с места. – Он взял свой трейлер и куда-то увез ее, никто не знает, куда именно.

Доктор Беллман посмотрела на него, ее рука лежала на ручке двери.

– Прошу вас, – попросил сержант, – нам нельзя терять время. Я всего лишь хочу узнать, может ли, *гипотетически*, у пациента с такой опухолью, как у Бертон, развиться психоз? Может ли он потерять

связь с реальностью? Мог ли стресс, вызванный горем, привести к ускоренному росту раковой опухоли, которая проявляет себя подобным образом?

Что-то изменилось в глазах врача, и Мэк подумал, что ему удалось до нее достучаться. Но она ответила:

– Сожалею, но вам придется найти другого специалиста, чтобы он ответил на ваш вопрос.

Сержант встал.

– Доктор Беллман, у меня есть основания думать, что Гейдж Бертон не только подвергает опасности свою дочь, но и совершил серьезное преступление.

– Какое?

– Убийство.

Врач побледнела, оставила ручку двери и провела рукой по белокурым волосам, собранным в гладкий пучок у основания шеи.

– Думаю, – продолжал сержант, – Гейдж уверен в том, что охотится за серийным убийцей. Тем самым, которому, по его мнению, удалось уйти от правосудия двенадцать лет назад. Также у меня есть основания думать, что Бертон может сам совершать убийства, используя те же приемы, что и убийца двенадцать лет назад, и что он уже совершил первое убийство.

Доктор Беллман вернулась за стол, села, ее глаза сузились.

– Продолжайте.

– Он знает о последнем убийстве то, что не может знать никто, кроме убийцы.

Доктор глубоко вздохнула, ее губы сжались.

– Мне действительно жаль, но я не могу поделиться информацией о пациенте. Вы должны задать этот вопрос другому профессионалу.

Она помедлила немного, потом открыла ящик стола, вытащила визитную карточку и подвинула ее к Якиме.

– Доктор Гринспен. Это мой коллега. Он даст вам то, что нужно.

* * *

– Чего хотела эта женщина? – спросила Тори у отца, когда тот вошел в домик.

– У этой женщины есть имя. Ее зовут Оливия.

– Так чего хотела *Оливия*? – Девочка свирепо посмотрела на отца.

– Она будет нашим инструктором на рыбалке. Сегодня во второй половине дня.

– Я не хочу идти.

У Гейджа был усталый вид, когда он швырнул на стол газету и наживку и сбросил куртку. Тори подумала о том, что говорила по телефону тетя Луиза, и ей снова стало страшно.

Но она предпочла дать волю гневу.

– С чего это она упала в обморок?

– Ее шокировали ужасные новости по телевизору. Ты же их тоже видела. – Разговаривая с дочерью, Гейдж налил воды в чайник.

– Как ты думаешь, почему убийца подвесил жертву за шею и выпотрошил ее?

Гейдж застыл, стоя спиной к ней, потом вздохнул, как будто набираясь терпения. Тори понимала, что провоцирует его, но не могла с собой справиться.

– Иногда плохой парень хочет оставить своего рода послание или реализовать свою фантазию. Он нездоровый человек.

Гейдж включил чайник и взял две кружки из шкафчика над мойкой.

Тори встала и подошла посмотреть, что в пакете, лежавшем на газете. Через окно она видела, как Оливия отдала эти вещи ее отцу.

Статья об убийстве была на первой странице измятой газеты. Заголовок поменьше задавал вопрос, не связано ли убийство у реки Биркенхед с убийствами в Уотт-Лейк.

Темнота, сгущавшаяся на периферии ее сознания, окружила Тори плотнее. Она нахмурилась, коснулась маленького пластикового пакетика. Внутри лежала наживка для рыбы.

Пугающего вида мушка цвета лайма с тремя блестящими красными глазами.

Сердце Тори гулко забило в груди. Она подняла глаза на отца.

– Папа, а ты ведь служил в Уотт-Лейк?

Он резко повернулся к ней:

– Почему ты спрашиваешь?

От напряжения, появившегося у него на лице, ей стало не по себе.

– Так служил? – чуть осторожнее повторила она.

– Да, разумеется. Ты же знаешь, что я там служил. В Уотт-Лейк я познакомился с твоей матерью. Почему ты теперь об этом спрашиваешь?

– Просто так.

Ее взгляд вернулся к приманке.

«...Только следующей весной сержант узнал, что Сара Бейкер связала эту трехглазую мушку. И что она подарила ее чудовищу...»

Внутри ее начало формироваться что-то страшное.

– Почему она дала тебе эту мушку? – спросила Тори.

– Это был подарок в честь моего ухода на пенсию. Я оставил ее в офисе. Оливия мне ее вернула.

Тори подняла голову. Глаза отца впились в нее.

И девочка испугалась. Это был настоящий, жуткий, сбивающий с толку страх.

* * *

– Какого черта? – Ярость исказила лицо Коула, когда он потянулся за своей рубашкой. – И давно ты здесь стоишь?

Такая агрессивная реакция заставила Оливию отпрянуть. Она помнила об открытой двери за спиной. О возможности побега. Потом в луче света она заметила влагу на его щеках, мрачный блеск глаз. У Оливии защемило сердце от такой искренней эмоции. Коулу явно было не по себе от того, что его застали в такой момент. Он определенно не привык плакать на людях.

– Какого черта ты так подкрадываешься ко мне?

Коул убрал фотографию в бумажник, бумажник отправился в карман. Он сунул руки в рукава рубашки. Оливия не могла отвести глаз: красиво очерченные грудные мышцы, твердый живот, на груди курчавятся темные волосы, спускающиеся вниз, под пояс его джинсов. Возможно, Коул Макдона и топил свои печали в барах Кубы и Флориды, но это явно никак не сказалось на его физической форме.

– Я не подкрадывалась. Я каталась верхом и увидела, что в амбаре кто-то есть. – Оливия посмотрела на старый грузовик. – Сюда никто никогда не заходит, – негромко добавила она.

– Погода портится, – коротко ответил Коул, застегивая рубашку. – Мне нужно было поставить самолет в укрытие, пока не начался снегопад. Прости, что я не спросил у тебя *разрешения*.

– Я не...

– Нет, ты управляешь этим местом, – резко сказал он и сделал широкий жест рукой. – И все это станет твоим, когда отец умрет.

Голос Коула был низким, хриплым, полным досады от того, что его застали наполовину раздетым во многих отношениях.

– Мне это не нужно, черт тебя дери, – сквозь зубы прошипела Оливия. – Я уже *говорила* тебе об этом. Его решение было для меня не меньшим шоком, чем для тебя.

– В самом деле?

– Ради всего святого! Как только Майрон умрет, я уберусь отсюда. Ты и твоя сестра можете делать с ранчо все, что захотите. Продадите землю. Разделите ее на крошечные участки для будущего строительства.

Она развернулась и широким шагом вышла из амбара, в ее груди бушевало странное чувство.

– Оливия!

Она даже не замедлила шаг. Она не доверяла себе. Не доверяла ему.

– Постой. Подожди. Пожалуйста.

Она замерла, что-то в голосе Коула остановило ее. Оливия обернулась.

Он вышел на солнечный свет.

– Прости.

Ее взгляд рефлекторно упал на его джинсы. Оливия покраснела от неожиданного жара в животе, от того, как участился ее пульс.

– Этот амбар... полон смешанных воспоминаний. Печальных призраков. Они пробуждают во мне самое плохое.

Коул попытался улыбнуться, но в ярком солнечном свете его лицо под загаром покрыла смертельная бледность, морщины вокруг глаз и рта прорезались глубже. Он явно устал, и это была глубокая душевная усталость, которую порождает горе. В душе Оливии появилось сострадание.

Он прочесал пальцами густые волосы, которые от пота и пыли стояли дыбом. Его лицо приобрело выражение человека, потерпевшего

крах. Коул подошел ближе.

Оливия напряглась, в ее груди росло желание убежать, веля ей отступить, развернуться и немедленно уйти, пока не стало слишком поздно. Но это желание смешивалось с другим, более коварным, темным, потаенным физическим желанием, с возбуждением, от которого у нее пересохло во рту. Оливия едва не поддалась порыву поднять руку и погладить Коула по щеке, чтобы успокоить его, утишить его боль.

Она сунула руки в передние карманы джинсов.

– Я знаю о несчастном случае, – негромко сказала Оливия.

– Кто рассказал тебе? Мой отец? – спросил он, глядя на свои руки.

– Адель по большей части. Все в городе знают эту историю. Ты ехал в грузовике с Грейс и Джимми, не справился с управлением на скользком спуске, и машина вылетела на речной лед. Мне говорили, что отказали тормоза.

Коул коротко фыркнул и отвернулся. Когда он снова посмотрел ей в лицо, от боли в его глазах у Оливии перехватило дыхание.

– Тормоза действительно отказали. Но ведь никто не сказал тебе, Оливия, что я был пьян, верно? – Он громко выдохнул. – Только отец и я знали об этом.

Она в шоке посмотрела на него.

– Так вот почему он обвиняет тебя?

Коул сел на камень с подветренной стороны амбара, где было тепло. Слова хлынули потоком.

– Я в то время прятал выпивку в амбаре. Я пил, слушал музыку и возился с тормозами. Я поставил новые колодки, цилиндры, тормозные роторы. С тормозной жидкостью все было в порядке. Как выяснилось, я что-то сделал неправильно. Может быть, если бы я не пил... если бы не был так доволен своей работой и не предложил маме и Джимми прокатить их вдоль реки. Может быть, если бы я был трезвее, я бы заметил, что лед не настолько крепкий...

Коул надолго замолчал.

– Ты сказал отцу, что выпил?

– Он сам заподозрил. Пришел в амбар, нашел бутылки. – Он облизал губы. – Копам он ничего не сказал. К тому времени, когда спасательные службы добрались сюда по снегу, к тому времени, когда они вытащили грузовик, было ясно, что маме и Джимми уже ничем не

поможешь... Они в конце концов проверили грузовик и нашли неисправность в тормозах. Поэтому причиной сочли это и плохую дорогу.

– Ты смотрел на фотографию матери и брата?

Коул вытащил снимок и показал ей.

– Я всегда ношу его с собой.

Оливия взяла у него фото. Джимми был маленькой копией мужчин Макдона. Грейс – красавица, как на всех фотографиях, которые видела Оливия. Но это изображение пересекали белые трещины, оно поблекло от времени. Как будто его часто рассматривали. Она подняла глаза на Коула. Этого человека терзали угрызения совести и чувство вины.

– Это было давно, – негромко сказал он, не отпуская ее взгляд. – Очень давно. Но когда я вернулся в Броукен-Бар, вошел в этот старый амбар, я как будто шагнул прямиком в прошлое. Словно все случилось вчера, и я все еще дурак-подросток, который принимает неправильные решения. – Коул потер лоб. – И это заставляет тебя задуматься о том, что все это значит. Какое значение имеет то, что у тебя есть женщина, есть приемный ребенок, твоя собственная семья? Что ты уезжаешь от этого места так далеко, как только можешь, но лишь для того, чтобы вернуться? Что все остальное превращается в ничто? Остаются только старый грузовик в амбаре, ты сам и чувство вины.

Оливия опустила на нагретый солнцем камень рядом с Коулом.

– Я слышала о твоей семье. Мне жаль.

– Адель и об этом тебе сообщила?

– Твой отец рассказал.

Несколько секунд Коул смотрел ей в глаза.

– Что он сказал?

– Только то, что твои отношения с любимой женщиной и ее сыном разладились после несчастного случая в Судане. И из-за этого ты отправился на Кубу топить в выпивке свои печали.

Он хмыкнул.

– Ага, понятно, откуда *это* взялось: «Где бы вы ни купались в жалости к самому себе... Вам знакомо только стремление к самолюбованию». Ты сказала мне это по телефону.

У Оливии запылали щеки.

– Моего приемного сына – я так о нем думаю – зовут Тай. – Коул помолчал, потом криво улыбнулся. – Он сын Холли от первого брака. Ему примерно столько же лет, сколько было Джимми, когда он погиб. Иногда жизнь действительно не имеет смысла.

– Я знаю.

Их взгляды встретились. Потом очень медленно, все еще глядя ей в глаза, он взял ее руку в свою. Медленно провел большим пальцем по шраму на запястье. У Оливии все задрожало внутри. Глаза защипало. Но она справилась с желанием вырваться, справилась с чувством стыда.

Они сидели, касаясь друг друга, в робком молчании. Не произносили те слова, которые просились на язык. С громким криком пролетела пустельга.

– Джимми обычно приходил в амбар, – наконец снова заговорил Коул, – садился на тюк соломы или на деревянный ящик, часами смотрел, как я ремонтирую грузовик, и сводил меня с ума своими вопросами.

Грустная улыбка изогнула губы Коула.

– Думаю, мне в глубине души нравилось то, что маленький Джимми действительно хотел чему-то научиться у меня. Я приходил сюда сразу после школы и проводил здесь много времени во время каникул.

Коул замолчал, глядя в амбар, разглядывая тени, чередование света и темноты. Ласточки летали под свесом крыши, и Оливия вдруг поняла, что рыжая кошка сидит рядом с тюком соломы и наблюдает за ними.

Коул был прав. Она тоже чувствовала это. Призраки. Как будто в этом амбаре остановилось время. Как будто его слова и воспоминания отмотали годы назад так, что Оливия видела здесь юного Коула, ремонтировавшего старый грузовик, слышала звяканье инструментов. Рядом сидел маленький Джимми, болтал ногами и задавал вопросы.

Коул еще раз провел большим пальцем по шраму Оливии, и ее сердце забилось чаще. Желание убежать усилилось.

– Раньше мне нравилось разбирать всякие штуки, чтобы посмотреть, смогу ли я собрать их заново, – сказал он.

– Ты до сих пор делаешь это, только с людьми. В своих книгах. Ты разбираешь мотивы, показываешь, что заставляет людей, к примеру,

подниматься в горы. Рисковать жизнью. Жить на лезвии бритвы. Ты разбираешь их, чтобы понять, почему они делают что-то экстремальное.

Коул посмотрел на нее.

– Ты действительно читала мои книги?

На этот раз она улыбнулась.

– Честно? Я их по большей части пролистала. И прочитала текст на обложке. Но твою последнюю книгу я читаю сейчас. Книгу о выживших. Я, в общем-то, позаимствовала ее в письменном столе твоего отца.

– Она была в его столе?

– В ящике. Я ее нашла, когда искала твой телефон. В ней была закладка.

– То есть он ее читал?

– Судя по всему, да.

Глаза Коула заглянули в глаза Оливии, как будто он пытался заглянуть внутрь ее существа. Разобрать ее на части. Увидеть, что ею движет. Его рот был так близко, губы были идеально очерчены. Большой рот. Сильный рот. Она представила его губы на своих губах. Между ними как будто нарастал и пульсировал жар. Ощутимый жар. Оливия сглотнула, поразившись интенсивности ощущений, но не смогла отвернуться. Поэтому она заполнила пространство словами.

– В главе о пилотах, которые летают на малой высоте, ты упомянул Свена Вроггемана. Ты написал, что им двигала вина выжившего. Что он считал, будто должен был погибнуть вместо жены, и поэтому он начал гоняться за смертью, дразня ее и бросая ей вызов на каждом повороте. Ты написал, что, с твоей точки зрения, какая-то часть его по-настоящему хотела умереть, быть наказанной за то, что он выжил.

Оливия развернулась так, чтобы сидеть лицом к Коулу.

– С тобой происходит то же самое? – Она кивком указала на амбар. – Ты чувствуешь, что это тебе следовало погибнуть, а не Джимми и твоей матери? Поэтому ты испытываешь собственную судьбу и охотишься за теми, кто поступает так же?

Коул долго смотрел на нее. Листья шелестели на ветру, ветки царапали стены амбара. Наконец он потерял темную щетину на подбородке.

– Наверное, это абсурдно, но я никогда не думал об этом, – признался он.

– Иногда легче разбирать других. – Оливия помолчала немного, потом добавила: – Когда я начала читать о твоих путешествиях, я позавидовала твоей свободе проживать жизнь на полной скорости, но теперь я вижу, что это была вовсе не свобода, а своего рода тюрьма.

Подошел Эйс, обнюхивая землю у их ног. Коул протянул руку и почесал пса за ухом. Тот уселся возле его сапога и привалился всем телом к ноге, требуя почесать еще.

Оливия вдруг вспомнила о времени и о том, что нужно закончить с делами перед тем, как она отправится на рыбалку вместе с Бертоном и его дочерью. Но теперь ее мучило любопытство.

– А что *на самом деле* случилось в Судане?

Лицо Коула напряглось, глаза потемнели.

Глубоко вздохнув, он сказал:

– В этом была и моя вина. Мне следовало вовремя понять, насколько взрывоопасной стала ситуация. – Он помолчал. – Правда в том, что я все понял. Но я спешил, меня гнал вперед адреналин.

Коул встретился взглядом с Оливией.

– Да, возможно, это было для меня наркотиком, тем самым, который притуплял мои воспоминания. Он давал мне своего рода туннельное зрение. Я добился интервью с одним из главарей повстанцев. Холли и Тай были со мной. Она фотографировала для «Нэшнл географик» и собиралась снять целый фильм. Но мы упустили самое главное. Мы забыли, что были родителями. И что на первом месте – родительский долг, а уже потом долг репортера. А наш сын намного важнее, чем возможность показать миру зверства в чужой стране.

– Это трудная задача.

– Нет. Надо лишь копнуть поглубже и спросить себя, что заставляет тебя давать миру эти истории и фотографии. Возмущение? Или демонстрация ужасов и освещение вопиющей несправедливости является инструментом борьбы с ними? И сколько во всем этом твоего собственного нервного возбуждения от того, что ты можешь написать сногшибательную историю, нечто такое, что сделает тебя знаменитым, героем-журналистом, обеспечит тебе еще одну экранизацию? И закроет твое прошлое. – Коул встретился глазами с

Оливией. – Сколько в этом *на самом деле* стремления к самолюбанию?

Оливия не отвела взгляда, только теперь понимая, насколько ее слова ранили его.

– Я договорился об интервью. Днем мы были в маленькой съемной комнате в Вади-Хальфа. Тай находился с нами. Мы же либералы. Смелые репортеры, известные в журналистских кругах. Мы учили ребенка дома, воспитывали его гражданином мира. Мы были уверены в своей правоте, окутаны собственным высокомерием, которое заставляло нас чувствовать себя... непобедимыми. Так все и произошло. На улицах Вади-Хальфа начался бой. И мы пытались убежать, когда Тай упал и оказался в центре схватки. Меня и Холли толпой унесло в одну сторону, Тая – в другую. Он пытался перебежать через улицу к нам.

Коул умолк. Его лицо изменилось, взгляд устремился куда-то далеко.

– Тая едва не убили, порезали руку у плеча. Мне удалось добраться до места схватки и вытащить его оттуда. Я отнес его к Холли, к той двери, у которой она пряталась. Кровь Тая обжигала мне руки и лицо. – Голос прервался, и Коулу потребовалось время, чтобы взять себя в руки. – Мы перенесли Тая в безопасное место. Мы оба умели оказывать первую помощь, поэтому смогли его перевязать. Потом добрались до врача. Мы оба были потрясены. Мы оказались на волосок от гибели. И это было предзнаменование конца. Наши отношения закончились.

– Почему?

– Мы с Холли поссорились. Мы долго обвиняли друг друга. Потом попытались продолжить. Но то, что Тай едва не погиб, стало непреодолимым препятствием, символом всего того, что мы делали неправильно. Каждый раз, когда мы с Холли смотрели друг на друга, прикасались друг к другу, мы видели в глазах другого обвинение. Каждый винил себя, появились горькие слова, вопросы о том, куда мы идем и кто мы как пара, как семья. Холли ушла. Она сказала, что на время, что ей нужно подумать. Но она ушла навсегда.

– Возможно, вам обоим просто нужно чуть больше времени, – предположила Оливия.

Коул негромко, насмешливо фыркнул.

– Холли вернулась к своему бывшему. И забрала с собой Тая, чтобы он жил с настоящим отцом. Стабильное окружение, так она выразилась. Она продолжила жить дальше. А я – плохое воспоминание. Я – лицо ее собственной вины. Я – «роман», о котором она сожалеет. Она смотрела мне в глаза и видела только это. И я не мог смотреть ей в глаза. Мы не сможем снова быть вместе, Лив. Холли опять беременна. – Коул, казалось, боролся сам с собой. – Проклятье, кого я обманываю? Я ненавижу ее за это. Как будто новый ребенок – это полное пренебрежение к нашему общему прошлому. Ко мне. Как будто она может стереть это все.

– Или это ее способ справиться с ситуацией, просто двигаться вперед.

Коул сжал губы.

Оливия отвернулась, думая о материнстве. Дети, младенцы. Потеря. Боль могла быть огромной, перехватывающей дыхание. Для нее все это было в высшей степени мучительно. И до сих пор мучительно.

Каждой клеточкой существа Оливии хотелось узнать, что случилось с ее ребенком. Но она знала, что поступила правильно, отдав малыша на усыновление. Она не стала бы хорошей матерью. Только когда она приехала в Броукен-Бар и начала обретать покой, у нее появилась уверенность в том, что она достаточно нормальная, чтобы воспитать ребенка. Так было до недавнего времени. Пока к ней не начали возвращаться воспоминания. И она поняла, что это невозможно. *Маньяк* всегда будет преследовать ее. Умер он или нет, он живет в ней. По крайней мере, она освободила своего ребенка.

Ей хотелось сказать Коулу, что она понимает. Что и она потеряла семью. Что ее дочь – где бы она ни была – сейчас чуть старше Тая и Джимми.

– Будь осторожен, Коул, – негромко сказала она. – Ты же не хочешь держаться за это слишком сильно.

Она помолчала и добавила:

– Ты же не хочешь быть таким, как твой отец.

Коул вытаращился на нее. Потом фыркнул.

– Забавно, что ты иногда можешь видеть так много в других и так мало в себе самой. – Он помолчал немного. – А что насчет тебя, Лив?

Лив.

Второй раз он назвал ее так.

– Пытаешься убежать от этого?

– Ты о чем?

– О твоём прошлом. Ты меня едва не убила, но не хочешь говорить о нём.

Она неожиданно встала, отряхнула джинсы.

– Мне действительно пора. У меня еще есть дела. Надо починить ограду, а потом меня ждут наши гости. Я иду с ними на рыбалку в качестве инструктора. К тому же несколько гостей забронировали столики для ужина в большом доме. Мне нужно помочь Джейсону.

Оливия попыталась идти ровно по изрытой колеями тропинке, но ноги у нее были ватными, как будто не принадлежали ей. Коул Макдона разгадал ее, как разгадывал других людей в своих книгах, снимая слой за слоем, открывая такие вещи, которые ей удавалось прятать годами.

Она неожиданно остановилась и повернулась к нему.

– Я выяснила, кто оставил газету и приманку, – сообщила Оливия, пытаясь снова обрести почву под ногами, показать, что она в своем уме. – Это новый гость, которого я регистрировала. Вещи принадлежат ему.

Коул встал.

– Позволь мне помочь тебе с оградой.

– Нет.

– Мне это не нравится. Женщина наедине с вооруженными сквоттерами или браконьерами.

– И это говорит тот, кто описывает людей, живущих на лезвии бритвы.

Коул открыл было рот, но Оливия уже развернулась, глубоко вздохнула и сосредоточилась на широких, ровных шагах, возвращаясь к своей лошади. Эйс бежал за ней по пятам. Оливия чувствовала, как взгляд Коула прожигает ей спину, ощущала его потребность в ее откровенности. Она понимала, что обязана поступить так же, раз уж он поделился с ней. Но большего она предложить не могла. Он и так подобрался слишком близко к самой хрупкой части ее существа, той человеческой части, которой отчаянно хотелось поделиться, прикоснуться и почувствовать прикосновение, ощутить, что ее обняли.

Поэтому Оливия не стала оборачиваться. Она не знала наверняка, что именно произошло между ними у амбара, но парадигма ее мира опасно изменилась.

Оливия оседлала Спирит и пустила ее легким галопом. Когда они поднимались на кряж, Оливия увидела в долине столб пыли. По грунтовой дороге к большому дому несся сверкающий черный джип. Нортон Пикетт. Адвокат Майрона. Должно быть, он вез новое завещание. Внимание переключилось, и Оливия пришпорила кобылу.

* * *

Когда сержант вышел из ее кабинета, доктор Беллман подалась вперед, нажала на кнопку вызова и попросила ассистентку принести медицинскую карту Гейджа Бертона.

Она быстро перелистала страницы, снова изучая расположение его опухоли, ее прогрессирование. Невролог обратила внимание на то, что Бертон пропустил назначенный визит.

Она перекатывала ручку между пальцами, обдумывая то, что ей только что сказал полицейский.

«У меня есть основания думать, что Гейдж Бертон не только подвергает опасности свою дочь... Нельзя терять время...»

Врач взяла телефон, набрала домашний номер Бертона.

После третьего гудка включилась голосовая почта. Возможно, потому, что его не было в городе, как сказал сержант. Тогда доктор попробовала набрать мобильный номер. Тут голосовая почта включилась сразу, сообщив, что он вне зоны действия сети. Доктор Беллман немного посидела, привычно перекатывая ручку между пальцами.

Однажды, в самом начале ее карьеры, случилось так, что если бы она вмешалась, то могла бы спасти ребенка. Вместо этого она действовала строго в соответствии с врачебной этикой. Ребенок умер. Тогда доктор пообещала себе, что, если речь снова пойдет о жизни ребенка, она рискнет и предупредит кого следует. Она обойдет бюрократию. Ну не может она позволить, чтобы такое повторилось. А у Бертона появились симптомы, которые ее беспокоили.

Доктор Беллман снова набрала номер его мобильного, и на этот раз оставила сообщение, сказав, что Бертону необходимо зайти к ней.

Потом она взяла визитную карточку, которую ей оставил коп, и набрала номер Мэка Якимы.

* * *

Мэк Якима смотрел на вывеску через залитое дождем ветровое стекло. Их автомобиль был припаркован на стоянке возле пончиковой. Из всех копов только Мартинелло по-настоящему любила пончики. Она как раз ела один, осыпая сахарной пудрой подбородок.

– Раффи поехал на вскрытие? – спросила констебль, откусывая еще кусок. У этой женщины был потрясающий метаболизм. Она пробегала не меньше сорока миль в неделю и плавала. Мэку всегда казалось, что она от чего-то убегает. Как будто, если она надолго остановится, *это* ее догонит. Возможно, Джен бегала для того, чтобы спокойно есть пончики. Это было бы в стиле Мартинелло.

Она была молода для отдела убийств. Джен пришла в полицию из богатой семьи и с докторской степенью по криминологии, поэтому ей было не так легко влиться в коллектив офицеров, которые долго поднимались по служебной лестнице и патрулировали улицы, чтобы заработать место в интегрированной группе по расследованию убийств. Мэк даже подумал, что Джен намеренно остановилась и купила пончики, чтобы быть более похожей на обычных копов.

– Да, он позвонит, если что-то выяснится. – Мэк завел двигатель. – Как себя вел Бертон, когда ты везла его домой после вечеринки? – спросил он, глядя через плечо и сдавая машину задним ходом.

– Нервничал. Вероятно, злился из-за того, что все его бросили.

Она доела последний кусок пончика.

– Я бы тоже нервничала. То есть не каждый же день мужик уходит на пенсию после целой жизни в полиции, верно? Это бывает лишь однажды. И никто не смог задержаться, чтобы допить пиво и достойно проводить его. Все убежали, оставив его в поднятой ими пыли, наэлектризованные новым делом.

– Он расспрашивал тебя об этом вызове? – Мэк выехал с парковки и влился в поток машин на Четвертой авеню. Потом покосился на Мартинелло.

Ее лицо стало непроницаемым. Лицом копа. Мэк отлично это знал.

– Он проявил любопытство, да. А в чем дело?

– Бертон что-нибудь говорил о повязке на руке?

– Сказал, что поранился, когда перевешивал книжную полку.

– Хотелось бы знать, где он был в ночь перед вечеринкой.

– Боже, Якима, ты же не думаешь...

– Не знаю я, что думать, черт подери, – бросил он. – Бертон знает об укусах на груди. Он знает о записке в правой глазнице жертвы. Он даже знает, что в записке написано.

Джен собралась было ответить, но тут у Мэка зазвонил мобильный. Он вытащил аппарат, чтобы ответить.

– Сержант Якима.

– Это доктор Беллман. Послушайте, я понимаю, что фактор времени очень важен и что вам эта информация может пригодиться для получения ордера. Но то, что я вам сейчас скажу, это только теория. Чистой воды догадка. Она не относится ни к одному моему пациенту.

– Я понял. – Мэк посмотрел на Мартинелло и одними губами произнес: *Беллман*.

– Да. Стресс может нанести вред иммунной системе организма. А это может привести к ускоренному росту опухоли. Также, хотя это и большая редкость, была выявлена взаимосвязь между внутричерепными структурными опухолями и психическими болезнями. Нельзя исключить психотическую реакцию как возможный симптом.

– То есть, говоря простым языком, это значит, что у человека с опухолью мозга может развиваться психоз.

– Да, такие случаи бывали.

– И как может выглядеть этот психоз, гипотетически?

– Простыми словами, психоз – это прикрытие для многочисленных психических заболеваний, одним из которых является шизофрения, а другим – диссоциативное расстройство идентичности.

– Шизофрения – это когда человек слышит в голове голоса, которые приказывают ему что-то сделать?

– Это потеря связи с реальностью. И пациенты действительно часто слышат голоса, отдающие им приказы. Иногда пациент не видит в этом ничего необычного и не понимает, что он болен. Надеюсь, это вам поможет.

– Спасибо, доктор, вы мне помогли. – Мэк нажал на отбой. – Проклятье, – негромко выругался он. – Бертон может быть серьезно болен.

Мэк снова попытался набрать номер Гейджа. Ответа не было. Или не было связи.

Полицейская машина снова влилась в поток транспорта.

– Патологоанатом определил время смерти. Около восьми часов вечера накануне вечеринки Бертона. От его дома до места преступления два-три часа езды. Нам нужно знать, где Бертон был тем вечером. Нам нужен ордер, чтобы отследить местонахождение его телефона.

Мэк тяжело вздохнул.

– Вы долго работали вместе?

Якима кивнул.

– Начиная с Форт-Тэпли на севере. Его туда перевели после Уотт-Лейк. Перевод по горизонтали, который он мне так толком и не объяснил. Но я понял, что это результат тех проблем, которые у него возникли в связи с убийствами в Уотт-Лейк. Тогда на следствие оказывали сильное политическое давление, чтобы все прошло гладко. А Гейдж был как колючка под седлом, насколько я понял. Он никак не мог расстаться с идеей, что они взяли не того парня. Несмотря на все улики, он утверждал, что убийца остался на свободе. С тех пор Бертон одержим этой идеей, и это стоило ему нескольких серьезных повышений по службе. Он вполне мог занять пост помощника комиссара, если бы не эта его одержимость. И помощником комиссара стал Хэнк Гонсалес, который в то время занимался расследованием убийств в Уотт-Лейк.

– То есть это дело может быть для Бертона личным на совершенно другом уровне, – подвела итог Джен Мартинелло. – А как добиться того, чтобы игра продолжалась, чтобы все снова вышли на охоту? Доказать, что много лет назад Гонсалес ошибся. Ты думаешь, это

сейчас и происходит? Что у Бертонa проблемы с выходом на пенсию, горе, болезнь, поэтому он превратился в психа и способен на убийство?

– Нам известно только одно: Бертонa можно подозревать в убийстве у реки Биркенхед. И пока он наш *единственный* подозреваемый. Нам нужно найти его хотя бы для того, чтобы снять подозрения.

Глава 13

Через прицел своего «реммингтона» калибра 308 со скользящим затвором он изучал трио в лодке. Вечерний воздух охлаждал ему уши. Снег начнется раньше, чем обещал прогноз. В этом он не сомневался.

Он перевел взгляд на свою добычу. На красивую, своенравную, раненую олениху. Его по-настоящему интриговало одно обстоятельство: почему даже раненный в брюхо олень не уходит далеко от своей территории, хотя и знает, что охотник поблизости. Знакомая домашняя обстановка всегда перевешивала опасность. Смертельная ошибка, кстати.

Солнце садилось за хребтом, поросшим деревьями. Оно заиграло на волосах женщины. Женщина рассмеялась. Юджина как будто ударили под дых. Лодка повернула в тенистую часть озера и оказалась ближе к берегу, на котором он прятался. Он мог ясно видеть ее лицо. В венах пульсировал жар.

Он согнул палец на спусковом крючке, осторожно поглаживая его. На выдохе слегка нажал. *Пуф*. Всё в его власти. Он мог с легкостью нажать на спусковой крючок и вклепить ей в череп пулю калибра 308. И она бы умерла. Юджин опустил прицел чуть ниже. Или выстрелить вот сюда, прямо ей в сердце. Все у него под контролем. И только ему выбирать. Он снова начинал владеть ею.

На него нахлынули воспоминания. Вкус ее рта. Ее запах. Ощущение ее обнаженной кожи, когда его член скользил вверх и вглубь между ее ногами. Как он держал ее скованной, с веревкой вокруг шеи, как заставлял встать на четвереньки, словно животное. Как он бил ее все сильнее и сильнее, пока она не начинала кричать от боли. От этого он становился еще яростнее. При мысли об этом его член затвердел.

Но однажды она перестала кричать.

Хотя он знал, что по-прежнему причиняет ей боль, она молчала. Он расценил это как неподчинение, как борьбу волю. Видимо, она поняла, что ее крики только сильнее распалют его. Ему пришло в голову, что таким образом она пытается вернуть себе контроль.

Но потом он догадался, что дело не в этом. Его губы изогнула улыбка. Он направил прицел на мужчину в лодке.

Крупный мужик. Сильное тело, крепкая шея. Лысеет. Короткая стрижка. В голове Юджина промелькнуло какое-то воспоминание, но он не сумел его ухватить.

Он посмотрел на ребенка.

Длинные, угольно-черные волосы прикрывали плечи, кончиками играл ветер. Девочка была уже не ребенком, а созданием, достигшим особенного периода между детством и юностью. Воспоминание мелькнуло снова, на этот раз настойчивее, холодное и неприятное, словно нарастающий иней. Но он все-таки не смог распознать его.

Он услышал голос.

«Юджин... иди сюда. Не мешай отцу... Иди и посиди у меня на коленях, почитай мне, мой любимый мальчик...»

Настроение резко изменилось. От радости не осталось и следа. Заболела голова. Очень медленно Юджин опустил ружье.

* * *

Тори была одета в пуховик, поверх него – спасательный жилет. Она чувствовала себя как фигура с рекламы шин «Мишлен», глупо и некомфортно. К тому же ей все равно было холодно в лодке, особенно в тени леса, в более спокойной части озера. У лодки было плоское дно с мокрым ковриком на нем. Две скамейки для сидения и еще одно место на корме, там, где находились мотор и румпель. Оливия стояла ближе к корме и забрасывала удочку. Эйс спал на полотенце у ее ног. На нем тоже был спасательный жилет, собачий, и девочке это показалось забавным. Отец сидел на носу, забросив удочку и глядя на оранжевый поплавок. Тори дрожала от холода в середине.

Ее взгляд вернулся к профилю Оливии. Когда та едва не потеряла сознание и мужчина снял с нее шейный платок, Тори заметила ужасный шрам на шее Оливии. Впечатляющий шрам, Тори гадала, что могло оставить такой след.

Оливия изящно забросила удочку, и приманка оказалась далеко от лодки, почти у самой отмели. Оливия держала удилице правой рукой и медленно вытаскивала леску левой. Леска ложилась большими кругами возле ее ног. Тори заметила шрамы на запястьях Оливии. Неужели она пыталась покончить с собой? Тори читала в романах, что

эффективнее резать вены вдоль, а не поперек, если ты действительно хочешь совершить самоубийство. Она тоже порой думала о самоубийстве. Если бы она была по-настоящему религиозной или верила в то, что после смерти встретится со своей матерью, тогда, возможно, ей бы хватило смелости сделать это.

Оливия забросила удочку дальше от лодки. В лучах заходящего солнца засверкали капли воды.

В голове Тори всплыли слова из рукописи матери...

«Сержант замороженно смотрел, как мужчина забрасывает удочку. Идеальные продолговатые петли разворачивались над водой одна за другой, на солнце сверкали мелкие капли...»

Невысказанные вопросы, маячившие на периферии ее сознания, подобрались ближе, когда она думала о сержанте из Уотт-Лейк. О трехглазой приманке из рукописи матери. Тори украдкой посмотрела на отца. Тот с каким-то непонятным выражением лица внимательно смотрел на Оливию.

У Тори сдавило грудь. Заболел желудок. Она отвернулась, испытывая острое желание расплакаться. Потом сосредоточилась на гагаре неподалеку. Птица смотрела на них красным глазом, ее клюв напоминал бритву.

Отец Тори снял с бедра фляжку и предложил ее Оливии. Она отказалась, но он возразил:

– Да ладно вам. Холодно ведь. Это вас согреет.

Оливия замялась, потом протянула руку, взяла у него фляжку, сделала глоток и вернула ее. Тори казалось, что вокруг нее бурлит чернота. Она подумала о своей красавице-матери. Ее мама взяла бы с собой термос с какао. И еще печенье или домашние банановые маффины с шоколадной крошкой. Темнота поднялась выше, вымывая боль и горе, заполняя гневом пустоту в груди Тори.

Она злилась на Джулию Борсос, которая сказала, что Тори набирает вес и именно поэтому не нравится мальчикам. Тори действительно поправилась. После смерти матери она кидала в рот все, что попадалось на глаза, как будто пыталась заполнить пустоту в своей жизни. На коже появились прыщи. Ее больше никто не любил. Она чувствовала себя потерянной, одинокой и к тому же опасно рассерженной.

– Куда ты ходил? – пробормотала Тори, не глядя на отца.

– Что?

– Сегодня, когда вышел погулять?

Отец сделал еще глоток из фляжки и закрутил крышку.

– Я прошелся до кемпинга, чтобы осмотреть окрестности.

– Зачем?

– Просто чтобы представлять, где что находится.

– Зачем ты взял два револьвера?

Глаза отца вспыхнули. Тори осталась довольна собой.

– Я не...

– Взял. Один сейчас у тебя в сапоге, а другой – в кобуре под рубашкой, верно?

Отец медленно сглотнул, в его глазах загорелся огонек. Оливия смотрела на него во все глаза.

Тори снова поставила себе плюс. Она выставила папу в плохом свете. Теперь он не понравится этой несостоявшейся самоубийце.

– Не так легко получить разрешение на легкое огнестрельное оружие, – заметила Оливия, снова забрасывая удочку и повторяя изящные удлиненные дуги над водой.

– Вы правы, это нелегко.

Оливия бросила на него еще один взгляд, но промолчала.

– Почему ты снова звонил Мэку? – Тори продолжала гнуть свою линию. Она уже не могла остановиться.

Отец, не говоря ни слова, встретился с ней взглядом, потом нагнулся к дочери.

– Почему бы тебе не подержать удилице? Следи за поплавком. Если он неожиданно уйдет под воду, подними конец удилица и осторожно потяни леску. – Его голос был суровым и низким, глаза сузились.

Тори сглотнула.

– Я не хочу ловить рыбу.

– Давай, возьми удилице.

– Нет.

Молчание. Их взгляды боролись.

– Я вообще не понимаю рыбалку. – Тори крепко обхватила себя руками.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Оливия, сматывая леску.

– Вы же выбрасываете рыбу в воду, так зачем вообще ее ловить? Я не вижу в этом смысла. Я бы лучше убила эту рыбу. И я не понимаю, зачем вообще мы отправились в это дурацкое путешествие.

Переливающееся насекомое приземлилось к ней на колени. У него было тонкое, прямое тельце с черными и голубыми полосками. Голубой цвет был таким насыщенным и ярким, что казался ненатуральным. Крылья были почти прозрачными, глаза напоминали большие шары. Маленькое тельце пульсировало, крылышки дрожали.

– Вот это да, – удивился отец. – Стрекоза в это время года – это необычно.

«Иногда это взаимодействие очень легкое, подобное прикосновению переливающейся стрекозы, присевшей на тыльную сторону ладони. Но оно может оказаться и землетрясением, покачет ваш мир, врежется в самые основы и направит вас по новому пути...»

Тори схватила стрекозу, раздавила ее и стряхнула останки с пальцев в воду.

Девочка почувствовала, какой шок испытал ее отец.

– Черт подери, Тори! Что с тобой *творится*?

Оливия наблюдала за ними обоими.

– Твой отец был прав, – сказала она, снова забрасывая удочку и сажая приманку, словно живое насекомое на поверхность темной воды. – Очень необычно видеть стрекозу в преддверии зимы.

Налетел ветер, вода покрылась рябью, затянувшей озеро спиральными узорами. Солнце опускалось к дальнему хребту, расцветивая небо пурпурно-розовыми и оранжевыми полосами.

– Как правило, стрекозы исчезают еще до первых заморозков. Должно быть, эта стрекоза особенная. Меня удивляет то, что она пережила холодные ночи и прожила столько дней, чтобы вот так навестить тебя.

Тори сглотнула.

«Это началось, как начинаются все диалоги, когда пути пересекаются...»

Ее затрясло. Как будто мать была рядом, нашептывая слова из своей книги.

– Личинка стрекозы, она называется нимфа, может жить глубоко под водой в течение двух лет, – продолжала Оливия. – Для нимфы это

огромный срок. Потом, когда она готова, нимфа подплывает к растению и по нему карабкается наверх, на воздух. В этот момент ее панцирь лопаается, и она расправляет тонкие маленькие крылышки. В это время нимфа очень уязвима. Ей нужно перекачать жидкость из тела в брюшко и крылышки, чтобы и то и другое удлинилось, принимая форму, которую ты видела у себя на колене. Как только крылья высохнут, стрекоза начинает совершенно новый жизненный цикл над водой. Это все равно как получить еще один шанс, когда все вокруг новое. – Она улыбнулась. – Мне нравится думать об этом: в жизни бывают этапы, когда ты становишься совершенно другим созданием. Когда открываются новые возможности.

Оливия аккуратно потянула за леску, заставляя приманку плавать по воде, словно насекомое. Казалось, Оливия что-то обдумывает, наблюдая за приманкой. Потом она сказала:

– В детстве, когда меня по-настоящему что-то расстраивало и мне казалось, что надежды нет, мать отводила меня в сторону и говорила: «В тот момент, когда гусеница думала, что жизнь кончена, она превратилась в бабочку».

Оливия снова дернула удилищем, сворачивая леску кольцом и отправляя приманку еще дальше, к самому краю темной воды в тени леса.

– Стрекозы похожи на бабочек. Это символ нового начала. Некоторые люди считают их духовным тотемом.

Оливия снова посмотрела на Тори. Ее глаза были такого же зеленого цвета, как вода в озере, и девочка снова вспомнила ее шрамы. Интересно, Оливия тоже получила второй шанс, не сумев убить себя? В Тори что-то дрогнуло.

– Взрослые стрекозы не слишком хороши в качестве корма для форели, – продолжала Оливия. – Но рыба охотится на них, когда они в состоянии нимфы. Но эти маленькие нимфы, – она снова встретилась взглядом с Тори, – сами опасные хищники. Они лежат в засаде и охотятся на других водяных насекомых, хватая их челюстями, созданными специально для жевания. Так устроена жизнь...

Она замолчала, и ее взгляд устремился туда, где кончик ее удилица чуть согнулся.

– Вот почему мне нравится ловить рыбу, – продолжала Оливия, не сводя глаз с кончика удочки. – Рыбалка учит наблюдать и понимать

жизнь насекомых, циклы озер, рек, времен года. Когда пытаешься подражать природе, создавая приманку, ты проявляешь свое уважение. Да, ты убиваешь и ешь рыбу, которую поймала. Но ты берешь ровно столько, сколько тебе нужно. У остальной рыбы ты учишься и отпускаешь ее обратно в воду.

Оливия замолчала, потому что кончик удочки согнулся еще сильнее. Она подняла удочку, но на ней ничего не было. Должно быть, рыба только попыталась отщипнуть кусочек приманки.

– Если хочешь, я могу научить тебя вязать мушку в виде стрекозы, – предложила Оливия.

Тори отвернулась. Она чувствовала, что отец смотрит укоризненно. Ее затошнило. Она живо представила, как стрекоза накачивает свое маленькое тело, желая получить второй шанс в жизни. Внутри поднималась какая-то странная тяжесть.

Кончик удилица Оливии сильно изогнулся.

– О, клюет! – Она подняла удилице, чтобы натянуть леску. – Держи. – Оливия вложила удочку в руку Тори.

Та послушно взяла ее.

– Вставай, – подсказала Оливия, берясь за румпель. Она завела мотор и медленно вывела лодку на более спокойную воду.

Тори встала, покачиваясь в такт качающейся лодке.

– Приподними конец удочки. Расставь ноги пошире и слегка согни колени. Так тебе легче будет держать равновесие.

Тори охватила тревога, когда леска натянулась и зазвенела.

– Рыба пытается убежать, нырнуть поглубже. Позволь ей это, но держи кончик удочки повыше, натягивая леску.

Кольца лески, лежавшие на дне лодки, начали быстро разматываться в обратную сторону и исчезать под водой. У Тори пересохло во рту. Ее трясло.

И вдруг леска повисла.

– Подтяни немного леску! Тяни рукой на себя. Рыба изменила направление и плывет обратно к лодке. Она испугается, когда нас увидит, и снова уплывет. Будь наготове.

Тори сглотнула, отчаянно выбирая леску. Кожа у нее горела.

Внезапно рыба выскочила из воды. Она была как будто из сверкающего серебра, тело извивалось в воздухе, рыба била хвостом, разбрызгивая вокруг воду. Тори ахнула. Рыба шлепнулась обратно в

воду, и леска снова начала натягиваться. То, что Тори смотала назад, опять исчезало в воде. От адреналина, бушевавшего во всем теле, у Тори начало щипать глаза.

– Дай ей побегать, Тори, дай ей побегать! – рявкнул отец.

– Я так и делаю, папа!

– Отличная работа, Тори! – похвалила Оливия. – Как только почувствуешь, что леска провисла, снова подтяни ее, чтобы в ней сохранялось натяжение.

Тори кивнула, не сводя глаз с воды. Она почувствовала, как провисла леска, и быстро подобрала ее.

– Если держать леску пальцами правой руки, сохраняя ее натяжение, то можно подобрать провисание.

Тори послушалась. Руки у нее дрожали от возбуждения. И тут она увидела серебристую рыбу в зеленой воде. У Тори замерло сердце. Но рыба увидела лодку и снова попыталась нырнуть. Тори позволила ей это. Когда леска провисла, Тори снова начала сматывать ее, пока опять не увидела серебристую рыбу.

– Рыба устала, – пояснила Оливия. – Думаю, ты можешь вытаскивать ее.

Тори смотала леску. Рыба вяло поплыла к лодке, увлекаемая крючком в пасти.

Оливия взяла сачок, когда Тори подвела форель к лодке.

– Не забывай держать кончик удилища повыше. – Оливия присела на корточки и осторожно подвела сачок под рыбу. – Сматывай леску еще немного... Вот так.

Тори опустилась на колени и осторожно перегнулась через борт, держа удилище высоко над водой и натягивая леску.

Рыба посмотрела на нее испуганным взглядом. Ее розовая пасть была открыта. У Тори сдавило грудь. Сердце билось так быстро, что она боялась, как бы оно не выскочило из груди.

Ее первая рыба, пойманная на искусственную приманку.

Она была по-настоящему прекрасна. Такая серебристая и блестящая, с радужным пятном на боку. Тори видела маленькую наживку в ее сверкающей пасти, крючок, пронзивший нежную щеку. Внутри что-то произошло, когда девочка заглянула рыбе в глаза. Тори почувствовала связь.

– Вот. – Оливия сунула руку в сачок и подхватила рыбу под брюхо. – Держи вот так.

Отец взял у Тори удочку, девочка опустила руки в холодную воду и робко схватила форель.

Она была упругой, скользкой, от нее пахло горьковатой свежестью. Розовая пасть была полна мелких зубов, острых как бритва.

– Она больше среднего размера, – констатировала Оливия. – Хочешь оставить ее себе?

– Оставить себе?

– На ужин. – Оливия улыбнулась. – Или на завтрак, или на ленч. Ничто не сравнится со свежей форелью из озера Броукен-Бар. У нее по-настоящему розовато-оранжевое мясо, очень похожее на лососину. Цвет придают мелкие креветки, которыми форель питается в этом озере.

Она говорила и одновременно доставала из кармана своей рыбацкой куртки серебристый мультитул фирмы Лазерман^[8]. Оливия поднесла его к рыбе.

– Мы резко ударим рыбу по голове вот этим, и она быстро умрет.

Тори посмотрела на Оливию в некотором шоке. Она впервые подумала о том, чтобы убить ради еды. Но ведь она только что испытала волнение, связь с таинственным созданием из глубины. Несчастную форель привлекло искусственное насекомое. Тори очень тихо спросила:

– А мы можем отпустить ее?

– Конечно же, можем. – Оливия убрала в карман мультитул. – Крючок вытаскиваем вот так. – Она открыла пасть рыбы и осторожно достала крючок. – Когда я вяжу мушки, я всегда прижимаю зубцы, чтобы крючки было легче вытаскивать и рыба получила меньше повреждений.

Потом Оливия достала из кармана какое-то другое приспособление. Оно выглядело как большая пипетка. Оливия сжала резиновую грушу, вставила трубочку в горло рыбе, потом отпустила грушу, пока Тори держала рыбу под водой.

Оливия выдавила содержимое пипетки на ладонь. Это была вода с мелкими черными штучками.

– Хирономиды или некусающие комары.

Тони смотрела на них во все глаза. Некоторые были еще живы и шевелились.

– Теперь мы знаем, чем рыба питается в настоящее время, и будем использовать соответствующую приманку. – Оливия стряхнула с ладони воду с личинками. – Ты готова отпустить форель?

Тори кивнула.

– Держи ее вот так, осторожно направляй, чтобы через жабры прошла вода.

«Сержант осторожно вынул «Хищника» из блестящей рыбьей пасти. Потом присел на корточки, взял рыбу в ладони и держал ее под водой... одним мощным взмахом хвоста лосось вырвался у него из рук и уплыл вверх по течению...»

И точно так же ее собственная рыба вильнула хвостом, и Тори увидела, как серебристое тело ушло в зеленую глубину.

Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, и смутилась. Ей не хотелось поднимать глаза.

– Темнеет, – негромко сказал отец. – Наверное, нам пора возвращаться.

Оливия сложила удилища в лодку и завела мотор. Она направляла лодку поперек озера, к беспокойной воде. На противоположном берегу теплым светом сияли окна большого дома.

Вечер еще не наступил по-настоящему, солнце только скрылось за хребтом, но оно забрало с собой все цвета ландшафта.

Пассажиры маленькой лодки молчали, направляясь обратно к берегу, тонувшему в сумерках. Тори посмотрела через плечо туда, где в западном конце располагался кемпинг. Там среди деревьев мерцали оранжевые огни костров. Она чувствовала запах горящих поленьев. На долину спускался холод ночи. Тори посмотрела в небо.

Первая звезда.

Отец тоже смотрел.

Они оба знали, что сказала бы мама.

«Сияй светло, сияй ярко, первая звезда, которую я сегодня вижу. Загадывайте желание, ребята!»

«Я хочу, чтобы ты могла вернуться, мамочка».

Но Тори знала, что некоторые желания никогда не исполнятся. Это невозможно, как бы сильно ты этого ни хотела.

Ее мать умерла.

И второго шанса у нее не будет.

* * *

Коул вышел из ванной и направился в кухню, вытирая мокрые волосы. Потом он повесил полотенце на шею, налил себе кружку кофе и отнес ее на маленький столик у окна, выходящего на озеро.

Спустились сумерки, ветер гнал по воде мелкие барашки, но в дальнем конце озеро было спокойным. Рыбак в надувной лодке медленно греб к кемпингу. Через озеро плыла плоскодонка. В ней было трое. Кажется, Оливия и Бертон с дочкой. Ну да, рыбалка с инструктором.

Коул замер, вспоминая разговор в амбаре. Оливия читала его как открытую книгу. У него на губах проступила улыбка. Она действительно прочла его – в его же книге. Однако, раскрыв его секреты, свой она хранила крепко.

Он уселся за стол и включил ноутбук. Тайна Оливии захватила его, и Коул вдруг понял, что ей удалось переключить его интерес на что-то еще, кроме баров и бездумного секса. Он услышал шепот своей музыки.

Монитор ожил, но батарея оказалась почти пустой. Осталось совсем мало времени, а потом придется направиться в большой дом, чтобы снова зарядить ее.

Он ввел код Wi-Fi и открыл поисковую строку. В ней он набрал: *«убийство у реки Биркенхед»*.

Коул взял кружку и сделал глоток, ожидая, пока результаты появятся на экране.

В аэропорту О'Хара он уже искал в Интернете сведения об Оливии Уэст, но теперь приступил к поиску под другим углом. Что-то в рассказе об этом убийстве ее напугало, и он намеревался узнать больше.

Коул прокручивал строчки, читал. Но нашел ненамного больше, чем увидел по ТВ или прочел в газете «Провинция». Судя по всему, полиция все еще не установила личность жертвы, женщины за пятьдесят. Встречались упоминания об убийствах в Уотт-Лейк десятилетней давности.

Он сделал еще один глоток и на этот раз ввел в строку поиска слова «убийства в Уотт-Лейк».

Появился внушительный список ссылок.

Коул просматривал статьи по очереди, потягивая кофе. За семь лет исчезли семь женщин. Первые четыре были проститутками, пропавшими на скоростной трассе, ведущей на север. Только задним числом была установлена связь между ними. Все женщины исчезали перед Днем благодарения, как раз перед сильным снегопадом. Пятой жертвой стала молодая мать, чья машина сломалась на проселочной дороге к северу от Уотт-Лейк. Ее автомобиль нашли брошенным. В тот момент выдвигались предположения, что она пошла пешком за помощью, но заблудилась и погибла во время начавшейся снежной бури. Шестая женщина была рыболовом, отделившимся от компании друзей. Седьмой жертвой стала работница лесничества, пропавшая в лесу. Последняя жертва выжила. Сара Джейн Бейкер, двадцать пять лет, жена Этана Бейкера, владельца местного магазина спортивных товаров.

Сара Бейкер пропала перед Днем благодарения, как раз накануне сильной снежной бури. Поисковые отряды и собаки ничего не обнаружили. Поиски осложняли сильный снег и низкая облачность.

В то время никто не подозревал ничего дурного. Места вокруг Уотт-Лейк дикие, просторы бесконечные. Люди пропадали легко и достаточно часто – охотники, грибники, рыболовы, туристы, альпинисты, любители поездок на снегоходах. Погода, дикие звери, бурные реки, опасные болота – все это представляло опасность. Никто не связал исчезновение Сары Бейкер с семью другими пропавшими женщинами.

Следующей весной, туманным утром, водитель грузовика наткнулся на молодую женщину со спутанными волосами и безумным взглядом, которая вышла по снегу на далекую лесовозную дорогу в Ки'ина. Она была беременна и закутана только в вонючую медвежью шкуру и джутовый мешок. На ней были дорожные ботинки на босу ногу. В руке она несла ружье. Женщина сильно обморозилась, была вся в синяках и порезах, говорила какую-то чушь. Шею крепко обвивала обтрепанная веревка. Это была Сара Бейкер, чудесным образом выжившая.

Коул сглотнул и медленно отставил кружку.

Пока Бейкер выздоравливала в больнице, постепенно открывались ужасы ее похищения. Ее держали пленницей в каком-то сарае, где-то среди дикой природы. До нее там была другая женщина. Она видела освежеванное тело рыжеволосой женщины на крюке для мяса. Маньяк срезал мясо с тела и клал его в морозильник.

Работница лесничества, пропавшая осенью предыдущего года, была рыжеволосой.

Уотт-Лейк наводнили журналисты. История быстро облетела всю страну, а потом и весь мир. Из Е-Дивизии в Сюррее прибыла группа расследования убийств, которая забрала дело у местного отделения Королевской канадской конной полиции. На федеральную полицию оказывали политическое давление.

Пять месяцев спустя, после длительного расследования, когда Сара Бейкер уже родила ребенка, объединенная команда КККП и индейской полиции вышли на Себастьяна Джорджа и задержали его.

Себастьяном он назвал себя сам, но официального удостоверения личности у него не оказалось. Его рождение нигде не регистрировалось, он никогда не имел никакого отношения ни к одной официальной системе. С точки зрения бюрократии этот человек вообще не существовал.

Бригада экспертов отправилась на его участок, где обнаружили улики. На его земле были найдены останки всех семи женщин. Еще два тела – мужчины и женщина лет семидесяти – были закопаны в отдалении. Выяснилось, что это были его родители, которые, как оказалось, жили в грязи и нищете в лесной сторожке неподалеку от главных строений участка.

Полиция раскопала, что Себастьян Джордж был сыном бродяжки, в шестидесятых годах переехавшей в эти места из Калифорнии. Она встретила с Питером Джорджем, охотником-аборигеном и траппером, родившимся в долине Беа-Кло, и вышла за него замуж. Они построили полностью независимое хозяйство на отдаленном участке в Беа-Кло, на землях Первых Наций. Кормились тем, что добывали в лесу и на реке. У них родился Себастьян, и они воспитывали мальчика вне общества.

Получалось, что однажды он отплатил им за это, избив и убив их.

Проклятье. Коул почесал в затылке. Жуткая история. Коул был с миротворческой миссией в Сьерра-Леоне, когда поднялась шумиха

вокруг этого дела. Впоследствии Себастьяна Джорджа судили, приговорили, а три года назад нашли повесившимся в его тюремной камере.

Коул кликнул на фото преступника.

Поразительный мужчина. Сухопарый. Высокий. Растрепанные кудри черного цвета, янтарные глаза, которые подчеркивала смуглая кожа. Коул открыл другое фото – снимок матери Себастьяна.

Это фото предоставила ее родня из Калифорнии. Родственная связь была установлена с помощью анализа ДНК. Фото было сделано незадолго до того, как Дженни Берч переименовала себя в Соловья и ушла бродяжничать, чтобы никогда не вернуться. В конце концов семья решила, что Дженни умерла, и прекратила поиски.

Коул видел, от кого Себастьян унаследовал внешность. Дженни Берч была потрясающая красавица: правильные черты лица, большие янтарные глаза, густые, совершенно прямые волосы, иссиня-черные, цвета воронова крыла.

Коул открыл фото отца Себастьяна Джорджа. Оказалось, что Питер Джордж был крупным, упрямым на вид мужчиной со смуглой кожей, черными глазами и выступающими скулами.

Прокручивая дальше результаты поиска, Коул нашел страницу с фотографиями восьми жертв. Он открывал их одну за другой, пока не дошел до последней. Это была фотография женщины, которой удалось выжить. Он открыл ее.

Лицо заполнило экран.

У Коула перехватило дыхание. Он похолодел и тупо уставился на экран.

Это была она.

Не совсем похожая на себя нынешнюю, но определенно она. Никаких сомнений.

Сара Бейкер стала Оливией Уэст.

Коул торопливо щелкнул по другой ссылке, где говорилось об экспертизе и ДНК-тесте, с помощью которых обвинили Себастьяна Джорджа. Но когда страница открылась, монитор погас.

Батарея «умерла».

Мэк Якима положил трубку стационарного телефона на своем письменном столе, когда в проеме двери появилась Джен Мартинелло.

– Раффи звонил, – сказал Мэк, поднимая на нее глаза. – Он все еще с коронером. Судя по всему, жертве недавно заменили коленный сустав. На протезе есть номер.

Джен победно вскинула кулак.

– Наконец хоть что-то. И, – она помахала бумагами, которые держала в руке, – мы получили ордер на обыск дома Бертона и разрешение отслеживать его телефон.

Мартинелло положила документы ему на стол.

Мэк проглядел бумаги.

– На обыск дома один день. Мы можем с утра отправиться туда со всей командой. А телефоном займемся прямо сейчас. – Якима встал и схватил свою куртку. – Умираю с голоду. Китайская еда или итальянская?

– Турецкая.

– Что?

– Рядом с Мейн-стрит открылось новое заведение. Турецкое. Меня уже тошнит от китайской и итальянской кухни.

Они вышли из здания, энергия между ними была почти ощутимой. Они почуяли запах добычи. Охота началась.

Глава 14

Тори выскочила на берег раньше отца. Ей стало уютно в пуховике, она наконец-то согрелась, но умирала с голода после прогулки в лодке. Внутри все еще кипело возбуждение от первой пойманной ею форели. В семь часов они собирались пойти ужинать в большой дом, но было еще рано.

Тори дождалась, чтобы из ванной послышался шум воды, подняла матрас и достала спрятанный ридер. Она сунула его под куртку и натянула вязаную шапку. На улице задержались сумерки, дул холодный ветер. Тори дошла до причала, где на бельведере над водой стояла скамейка. Засветились маленькие фонарики на ножках, работавшие на солнечных батареях и расставленные на лужайке вокруг бельведера. Место было защищенным от ветра, и тут она могла немного почитать без помех.

Тори устроилась на скамье, включила электронную книгу. Страница, на которой Тори закончила чтение, заполнила экран. На холмах подали голос койоты. Она начала читать. Сумерки не мешали, потому что экран светился.

«Она убедила маньяка в том, что ребенок от него.

Это не помешало ему насиловать ее, но он перестал ее избивать. Она поняла, что у него тоже есть слабое место: он хотел увидеть, как будет расти «его» ребенок. Его интересовало собственное потомство. Он дорожил ее беременностью, а это значило, что у Сары появилось оружие.

Она начала думать, что он, возможно, оставит ее в живых. По крайней мере, до рождения ребенка. Это питало ее надежду, ее веру в то, что она выберется.

Но однажды мрачным утром, когда все как будто застыло в глубоком зимнем молчании, маньяк вошел к ней в сарай и сказал ей, что его отец никогда не разрешал убивать беременную олениху. А он всегда хотел поохотиться на беременную олениху и убить ее. Так он сказал. Чтобы выпотрошить ее, вонзить нож ей в живот, распороть его и увидеть, как копытца олененка появятся из плодного мешка.

И тогда она поняла, почему он перестал избивать ее и почему позволял расти ребенку...»

Негромко ухнула сова.

Тори подняла глаза.

Ветер гнал по лужайке шуршащие листья. Шептались камыши. Наступающая темнота становилась пугающей, вещи приобретали странные очертания. Тори нагнулась над экраном. Но когда она возобновила чтение, на берегу материализовался мужчина с удочкой. Тори вздрогнула от испуга.

Он остановился у воды прямо под ней и забросил удочку, развернув леску вытянутыми овалами. На нем были болотные сапоги и рыбацкий жилет поверх куртки. Бейсболка скрывала лицо.

Словно почувствовав взгляд Тори, рыбак посмотрел вверх.

Она напряглась.

Память подсказала Тори слова, которые она недавно прочла.

«Он снова забросил удочку и позволил приманке дрейфовать, когда почувствовал чужое присутствие. Ощутил, что за ним наблюдают... Он медленно перевел взгляд через плечо. Примерно в пятидесяти ярдах от него в воде стоял мужчина. Он не издал ни единого звука и как будто материализовался из лесной чащи...»

– Прости, я не хотел тебя напугать, – сказал мужчина, подходя по берегу чуть ближе к бельведеру. Тори все еще не видела ни его лица, ни его глаз.

– Интересное чтение? – Он кивком указал на электронную книгу в ее руке.

– Ну... да. – Тори посмотрела на свой домик. С бельведера его не было видно. В горах завыл волк. От этого по коже побежали мурашки. Тори хотела уйти, но мужчина повернулся спиной, перестав обращать на нее внимание, и занялся своей леской. Девочка какое-то время наблюдала за ним. Он забрасывал удочку даже лучше, чем Оливия. Это напоминало балет. Так красивы были круги лески и капли воды, сверкавшие в сумерках, словно бриллианты.

Тори была заинтригована, она забыла о своем страхе, спустилась вниз по узким ступенькам бельведера и подошла чуть ближе к воде, крепко сжимая в руке ридер. Мужчина чуть отодвинулся от нее, уходя дальше по берегу, ближе к деревьям, где снова забросил удочку. Он

ждал и наблюдал за приманкой на поверхности воды, его руки не двигались. Снова негромко ухнула сова.

– Я видел тебя в лодке. Ты поймала рыбу, – заговорил рыбак. – Я был на своем понтоне, чуть дальше. Во всяком случае, я думаю, что это была ты.

– Оливия, наш инструктор, поймала рыбу, я только вытащила ее.

– Что ж, вытащить рыбу – это так же сложно, как и поймать ее на крючок.

Он поднял удилище, и леска натянулась. Конец удилища резко согнулся. У Тори сильнее забилось сердце. Она подошла еще ближе, возбуждение забурлило в ней, когда она вспомнила свои собственные ощущения. Из воды выскочила огромная форель и с громким плеском шлепнулась обратно.

– Крупная рыба! – подала голос Тори. – Боец.

Мужчина не произнес ни слова, играя с рыбой. Он отпустил ее поплавать, позволил нырнуть глубже, разрешил подумать, что она в безопасности. Наконец рыба устала, и он вытащил ее. Она лишь слабо трепыхалась.

– Так просто, – пробормотала Тори, не веря своим глазам. – Вы только забросили приманку, и – бам! – рыба поймана.

– Время суток помогает. – Рыболов указал на воду. – Видишь этих насекомых над самой водой? Присмотрись, за ними охотятся летучие мыши.

Тори моргнула, глядя в темноту. Она даже не поняла, что там были летучие мыши. Они напоминали ласточек.

– Это говорит еще и о том, что надвигается холод. Плохая погода.

Мужчина сунул руку в карман, достал серебристый мультитул и ударил форель по голове.

Тори в ужасе смотрела на переставшую шевелиться рыбу.

– Вы убили ее, – прошептала она.

– Точно. Это мой ужин. – Незнакомец сунул пальцы в жабры и вытащил форель из воды. – Человеку нужна еда.

Тори сглотнула.

– Так это твой отец был в лодке вместе с тобой и Оливией? – спросил рыбак.

– Ага.

– Вы часто приезжаете сюда на рыбалку? И всегда обращаетесь к одному и тому же инструктору? Вы хорошо ее знаете? – Задавая вопросы один за другим, он пристально смотрел на Тори, но в темноте она не могла толком рассмотреть его лицо и глаза, прятавшиеся под козырьком бейсболки.

Тори занервничала. Неожиданно стало совсем темно. Она посмотрела вверх, на домик. Оттуда ее не было видно.

– Я подумал, может, мне тоже ее нанять. – Мужчина как будто объяснил причину своих вопросов.

– Мы сюда приехали впервые, – ответила Тори, – и впервые были с Оливией на рыбалке. Моя мама умерла в апреле, а мой папа только что вышел на пенсию, поэтому привез меня сюда. А еще я в школе сожгла учебники одной девочки. – Слова сами сорвались у нее с языка.

Рыбак как будто оживился.

– Соболезную. Это ужасно – так рано потерять мать.

У Тори защипало глаза. Она отвела взгляд. Глупые слезы были всегда так близко, стоило только подумать о матери.

– Не позволяй этому мучить тебя, – негромко заговорил мужчина, голос у него был низким и успокаивающим. – Мне понятно желание причинить кому-нибудь боль, когда тебе самому больно.

Она посмотрела на него.

– А почему бы тебе завтра не прийти к нам в кемпинг, в гости ко мне и моей жене? Я собираюсь закоптить половину этой форели. Ты когда-нибудь пробовала копченую форель?

Тори покачала головой.

– Тогда я тебя угощу. *Если* ты к нам придешь. – Он медленно улыбнулся, в угасающем свете сверкнули зубы. Мужчина нагнулся, чтобы положить форель в плетеную корзину для рыбы, которую Тори заметила только что. – И чем занимался твой отец? До выхода на пенсию? – поинтересовался рыболлов, закрывая крышку корзины.

– Он был копом.

Его голова резко дернулась.

– Конная полиция? Или другие силы?

– Конная полиция. В Ванкувере. Он служил в отделе расследования убийств. А до этого работал в Форт-Тэпли, где я родилась. Еще раньше он был штабным сержантом в Уотт-Лейк.

Что-то изменилось в воздухе. Взгляд незнакомца, казалось, пронзал ее насквозь. Налетел ветер.

Тори вдруг стало холодно.

– Тори!

Папа... Она вздрогнула и быстро спрятала электронную книгу под куртку.

– Тори, где ты?

Отец вышел из-за бельведера и пошел по берегу, тяжело дыша.

– Господи, Тори, как же ты меня напугала... Какого черта ты здесь делаешь?

– Я смотрела, как мужчина удил рыбу.

– Какой мужчина?

Тори обернулась. На берегу никого не было. Только тени, раскачивающиеся на ветру ветки и рябь на воде в том месте, где он стоял. Ее отец начал вглядываться в темноту.

Бом, бом, бом! Взлетела утка, где-то закричала гагара. Под порывами ветра зашептались на берегу листья.

Отец схватил Тори за руку.

– Идем. Это сигнал к ужину. Представляешь, они до сих пор делают это в ковбойском стиле.

Гейдж пошел по берегу широким шагом, крепко вцепившись пальцами в руку дочери.

– Ой! – Она выдернула руку. – Ты делаешь мне больно.

– Кто был тот мужчина? – сурово спросил отец.

– Не знаю. Просто рыбак. Из кемпинга.

Он резко остановился.

– Ты с ним говорила?

Тори промолчала.

– Что он сказал тебе, Тори?

– Ничего. Он видел, как я поймала рыбу. Спрашивал о тебе и Оливии.

Гейдж насторожился. Она почувствовала, как от него волнами исходит темная, странная энергия. На его лице отразился свет солнечных фонариков, и Тори поняла, что отец вспотел. Что-то было не так. Папа явно испугался, запаниковал.

– Ты ведь не сказала ему, как тебя зовут и все такое?

– Нет.

– Не смей больше приближаться к нему, слышишь меня? Вообще больше ни к кому здесь не подходи.

– Почему?

– Просто не надо.

– Я не понимаю, в чем проблема! Он мне показался милым.

– Приманка тоже кажется рыбе приятной, Тори. И посмотри, что происходит с рыбой. Мы здесь никого не знаем. Это уединенное место. Вокруг нас – леса на многие мили. Охотники с ружьями. Всякое может случиться.

– Ты говоришь так только потому, что ты коп, потому что считаешь, будто все затевают нечто страшное, а меня от этого *тошнит!*

– Просто я видел, на что способны люди. Тебе нужно быть осторожнее. С хорошими людьми могут произойти ужасные, ужасные вещи.

Тори подумала о несчастной женщине в сарае из романа матери. Но это была всего лишь история. Вымысел. Хотя мама всегда брала сюжеты из газетных статей. Об этом писали критики. Что-то темное, холодное, маячившее на краю сознания, придвинулось ближе.

– Идем.

Отец повел Тори по тропинке, ведущей к большому дому, чьи окна сияли в темноте желтым теплым светом. Но он сделал всего лишь пару шагов, потом ахнул, согнулся пополам и прижал руку к виску.

– Папа? Что случилось?

Он открыл рот, как будто пытаясь что-то сказать. Но ничего не получилось.

Тори вцепилась в его рукав.

– Папочка, пожалуйста, скажи мне, что происходит.

Отец помахал рукой, пытаясь заставить язык работать.

– Я... в порядке. – Гейджу явно не хватало воздуха. – Ничего страшного, дорогая, это... пустяки.

Он медленно выпрямился, слегка покачнулся и ухватился за ее плечо, чтобы устоять на ногах. Ее замечательный папа тяжело оперся на дочь, ища в ней опору.

– Я... в порядке. Просто... очень устал.

Он выдавил улыбку, сделал несколько глубоких вдохов и попытался снова двинуться в путь. Но Тори ухватила его за рукав и

остановила.

– Ты болен? – прямо спросила она.

Отец долго смотрел на нее. В деревьях у них над головами заухала сова.

– Тори, любовь моя. – Он нагнулся и убрал с лица дочери прядь длинных волос. – Все будет в порядке, только...

– Я слышала твой разговор с тетей Луизой, – призналась Тори. – Ты сказал ей, что слишком молод для выхода на пенсию. А она ответила, что в любой день может что-то случиться, поэтому мне придется поехать к ним на восток и пожить у них. Приезд на это ранчо никак не был связан с тем, что я натворила в школе, верно? Все дело в том, что ты болен и хочешь провести время со мной. Ты умираешь? Ты тоже меня бросаешь?

Гейдж негромко выругался и перевел взгляд на огни большого дома, как будто они могли помочь ему избежать разговора, к которому он не был готов. Но он оказался в ловушке, в темноте.

– Да, – наконец сказал он. – Я болен.

У Тори задрожали губы.

– Что с тобой?

– У меня рак.

– Рак?

Он взял дочку за руку и повел к скамье, стоявшей возле тропинки. Сел сам, привлек к себе Тори, заглянул ей в глаза. В неярком свете солнечных фонариков его глаза казались черными дырами, лицо осунулось.

Тори чувствовала дым костров, который приносил ветер. Она сосредоточилась на этом запахе, на том, как потрескивали на ветру сухие листья и ветки. Ей захотелось убежать, чтобы не слышать страшную правду.

– В январе прошлого года у меня диагностировали меланому. – Голос отца был низким, спокойным. Он явно был раздавлен. – Все начинается с маленькой родинки на теле, но этот рак может дать метастазы и быстро распространиться на другие части тела, если его вовремя не остановить.

Взгляд Тори остановился на отце, и она спросила:

– Он распространился?

На тропинке раздались шаги. К ним кто-то приближался. Сердце Тори забилось чаще.

– Гейдж? Это вы? – раздался голос Оливии, она подходила к ним со стороны домиков для персонала.

Тори железной хваткой вцепилась в руку отца, ее трясло.

– Скажи мне, – прошипела Тори, в отчаянии стиснув пальцы отца. – Быстро скажи мне, пока *она* не подошла к нам.

– Когда рак обнаружили, он уже распространился. На лимфатические узлы. На органы. И даже на мой мозг. Там у меня опухоль.

– Что это *значит*? Ее можно удалить?

Оливия подходила к ним все ближе.

– Да, – быстро ответил отец. – Все будет хорошо, но давай поговорим об этом после ужина, ладно?

– Ты врешь. Если все можно исправить, тогда зачем мне ехать к тете Лу?

Оливия вышла из тени.

– Гейдж, Тори, это вы, ребята?

– Позже, договорились? – прошептал отец. – Я все тебе расскажу.

Тори вырвалась и быстрым шагом направилась к большому дому.

– Тори! – позвал ее Гейдж.

Она стиснула кулаки и зубы и лишь ускорила шаг.

– Привет, Тори! – сказала Оливия.

Девочка сердито толкнула ее, проходя мимо по тропинке.

* * *

– Тори! – Гейдж с трудом поднялся со скамейки, когда между деревьями появилась Оливия.

Она бросилась к нему.

– Что случилось? Вы в порядке?

– Да. Я просто немного задохнулся. Иногда такое случается.

– Я только что видела Тори, она шла по тропинке, – сказала Оливия.

Он крепко прижал руку к губам, его глаза сверкали от сдерживаемых чувств. Когда-то он чувствовал себя сильным, ему все

было подвластно. Хороший коп. Хороший защитник своей семьи, которую он хорошо обеспечивал. Он чувствовал себя счастливым. А теперь он еле держится, стал похож на тряпичный мяч. Внутри он чувствовал себя напуганным, маленьким мальчиком с фермы в Альберте, каким был пятьдесят шесть лет тому назад. Все эти годы он вытаскивал себя из прерий, он стал офицером полиции, опытным детективом, расследовал убийства, руководил отделением, и все заканчивается вот так? Конец. Как справиться с этим, когда ты видишь, что этот Конец надвигается на тебя, словно товарный поезд?

Мелоди помогла бы ему все спланировать. Они обсудили бы, как с этим справиться, выработали бы стратегию. И Тори осталась бы с матерью. Мелоди не должна была умирать первой.

Оливия осторожно коснулась его руки.

– Хотите поговорить, Гейдж?

Он едва сдержался, чтобы не расколоться, не рассказать ей обо всем. За этой женщиной он издали следил все эти годы, с того дня, как ее нашли на той лесовозной дороге. Полуголую, в бреду. Она была бойцом. Эта женщина знала, что такое боль, и понимала, что такое травма. Она была так тесно связана с его собственным прошлым, а теперь еще и с будущим. Желание поделиться с ней, немедленно признаться во всем было неожиданно сильным и поглощающим.

– Я могу вам чем-то помочь?

Гейдж встретился с ней взглядом. Красивые глаза. Даже в темноте он ощущал ее красоту, внутреннюю и внешнюю.

– То, что вы сегодня сделали для Тори... это неоценимо. Спасибо.

Его искренность и серьезность, казалось, пригвоздили Оливию к месту. Она не отвела своего взгляда.

– После смерти матери в ней появилась агрессия, и это меня по-настоящему беспокоило. Но то, как вы с ней обращались, как вышли из ситуации со стрекозой, то, что она решила в конце концов выпустить рыбу... – Голос Гейджа задрожал от эмоций и прервался. Бертон смутился.

– Всегда пожалуйста, – негромко ответила Оливия.

Она взяла Гейджа под руку.

– Идемте. Я завтра покажу ей, как вязать мушку в форме стрекозы. Или, возможно, ей захочется помочь Эйсу находить

оставленные предметы. Мне показалось, они друг другу понравились, – с улыбкой сказала Оливия.

У Гейджа дрогнуло сердце. В этом мире еще была любовь для Тори. У его дочери *будет* возможность двигаться дальше.

«Ты все сделал правильно, Гейдж, привезя ее сюда. Решив довести дело до конца...»

В кустах хрустнула ветка. Гейдж и Оливия застыли. Прислушались. Должно быть, кошка пробежала в темноте.

* * *

Коул поставил ноутбук на зарядку. В библиотеке царил полумрак, свет шел только от огня в камине и от единственной лампы с абажуром из шкуры. Коулу не терпелось зарядить компьютер, чтобы закончить поиск материалов по убийствам в Уотт-Лейк и больше узнать об Оливии.

Он подошел к большому панорамному окну библиотеки, глубоко засунул руки в карманы, задумался, всматриваясь в сгущавшиеся сумерки.

Звон старинного металлического треугольника, созывавшего гостей к ужину, вернул Коула в прошлое, в то время, когда Джимми был жив. Тогда им обоим позволяли работать вместе с ковбоями, и к вечеру мальчишки были голодными, словно волчата. Им разрешали ужинать вместе со взрослыми ковбоями, и это доставляло особое удовольствие. В то время Коул мечтал пасти скот, работать на этом ранчо вместе с отцом и братом. Его охватила ностальгия.

Коул ненадолго задумался о возможности выбора и о том, смог бы он на самом деле работать на ранчо, если бы захотел. Губы дрогнули в кривой улыбке. От него не ускользнула ирония происходящего. Теперь, когда он обдумывал мысль о том, чтобы остаться, земля отходила Оливии.

Женщине, которая когда-то была Сарой Бейкер и которая сумела выжить.

«Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании...»

Да, теперь ему стало понятно, почему она так сказала, теперь он знал, кто она такая.

Все остальное в ней тоже приобрело смысл. Шрамы. Неприятие прикосновений. Ее возвращения в прошлое и то, почему новости об убийстве у реки Биркенхед спровоцировали их. Мысли вернулись к словам отца о том, как ранчо Броукен-Бар помогло исцелить ее. Коул задумался о том, что произошло с ее мужем Этаном, с ее семьей. Может быть, она так тщательно вычеркнула свое прошлое, пытаясь уничтожить любое напоминание о пережитых мучениях? Или для того, чтобы забыть, ей нужно было исключить из жизни все, чтобы было связано с Уотт-Лейк? Коул понимал это желание забыть. Он сам уехал с этого ранчо и из этого дома, чтобы стереть плохие воспоминания. Хотя их нельзя сравнить с тем, что пришлось пережить Оливии. В сравнении его проблемы казались почти банальными.

За окном уже почти стемнело, маленькие солнечные фонарики слабо освещали тропинки между деревьями. Вглядываясь в темноту, он вдруг понял, почему с такой готовностью согласился продать ранчо, когда Джейн это предложила. Потому что это место все еще не давало ему покоя, и продажа стала бы способом избавиться от плохих воспоминаний, показать нос отцу.

Но что-то начало совсем незаметно меняться. Коул вспомнил и хорошие времена, а не только плохие. И эти хорошие времена были основными, сформировавшими его характер, тем, что он сам о себе забыл. И теперь, когда он оказался на перепутье, дорога жизни привела его обратно в Броукен-Бар. И это выглядело почти как знак.

Да, ранчо пришло в упадок. Да, оно потребует усилий и серьезных капиталовложений, если попытаться вернуть на ранчо скот. Но возможность начать новую главу манила Коула.

К чему еще он мог вернуться в этот момент? Если муза когда-нибудь снова схватит его за шиворот, он сможет писать и в Броукен-Бар.

Мысли вернулись к Оливии, и Коул негромко фыркнул. Если он захочет остаться на ранчо, то это будет возможно только с ее согласия. Этим местом управлять ей. Тогда почему его это совершенно не волнует? Потому что она этого заслуживает, вот потому, черт побери.

Изображение с экрана монитора заполнило его мозг. Фотография Сары Бейкер, сделанная незадолго до ее исчезновения двенадцать лет

назад. Та самая, которую использовали для плакатов «Ушла из дома и не вернулась».

Те же каштановые, красиво подстриженные волосы, пухлые губы. Глаза цвета мха. Но на том снимке она была простодушной молодой женщиной, которой жизнь обещала многое. У нее были надежды. Смелые мечты. До того как ее похитили, искалечили, изнасиловали, избили.

По коже побежали мурашки, когда Коул вспомнил о шраме вокруг ее шеи.

«Ее нашли с обтрепанной веревкой, крепко завязанной вокруг шеи, и с обмороженными ступнями...»

Последняя жертва. Единственная выжившая. Та, которая отчаянно сражалась, чтобы убежать от маньяка и передать его в руки правосудия. Но какой ценой? Ценой жизни в Уотт-Лейк? Ценой потери мужа и семьи?

В какой страшный момент она попыталась убить себя?

«Она была словно срезанный цветок, когда приехала. Это место излечило ее. Шрамы на ее руках были такими красными и воспаленными, сейчас они начали бледнеть...»

Коул посмотрел на часы. Нужно спуститься вниз, к ужину. Ноутбук подождет. Коул не станет говорить с Оливией о том, что узнал. Он хотел, чтобы она сама рассказала ему правду. У него появилась новая цель: завоевать доверие Оливии, пусть она почувствует себя в безопасности и сама поделится с ним своим прошлым.

Он уже собирался покинуть свой наблюдательный пост у окна, когда его внимание привлекло движение среди деревьев. Из теней вышла пара и направилась к освещенному крыльцу, отбрасывавшему свет на лужайку. Оливия и Бертон. Она держала его под руку, они склонили друг к другу головы и о чем-то разговаривали. Коул напрягся.

Он смотрел на них, и в нем разгоралось любопытство с примесью ревности. Но прежде чем он начал это обдумывать, зазвонил телефон на длинном низком столике перед окном.

Не сводя глаз со сцены внизу, Коул протянулся руку и снял трубку.
– Ранчо Броукен-Бар.

– Коул? Это я, Джейн. Тебе известно, сколько времени я пытаюсь до тебя дозвониться? Что, ради всего святого, у вас происходит?

Он снова посмотрел на часы. В Лондоне было возмутительно рано.

– Джейн? Какого...

– Я узнала новости. – Сестра перешла на визг. – Почему ты мне сразу не позвонил?

– Я собирался. Я...

– Я же *говорила* тебе, чтобы ты остерегался этой женщины. Я *предупреждала* тебя, что она им манипулирует, оказывает ненужное влияние. Это чревато уголовными обвинениями, ты об этом знаешь? Эксплуатация старого и больного человека. И теперь он оставляет ей все это проклятое ранчо? Ты *обязан* что-то сделать. Ты обязан от нее избавиться.

Коул медленно вздохнул, его взгляд не отрывался от пары, беседовавшей под окном в тени деревьев.

– Откуда ты об этом узнала, Джейн?

– Мне позвонил Клейтон Форбс. Он предложил нам разобраться с этим до папиной смерти, чтобы отец согласился изменить завещание. Потому что если мы этого не сделаем, то потратим целое состояние на длительные судебные тяжбы с этой женщиной. Мы можем навечно застрять в суде.

– Откуда Форбс узнал о том, что папа изменил завещание? – спокойно поинтересовался Коул. Он подался вперед, глядя, как Оливия и Бертон подошли к крыльцу и скрылись под навесом. Коула охватили сомнения, появившиеся вместе с желанием защитить. Его чувства к Оливии становились все сложнее. Он снова вспомнил о газете и приманке, которые Бертон оставил в офисе. Случай приобрел зловещую окраску в свете того, что Коул теперь знал об Оливии.

– Я не знаю, откуда он узнал. Думаю, ему сказал один из служащих.

Коул неожиданно вспомнил слова Адели, стоявшей в чулане под лестницей.

«Ты должен найти способ избавиться от нее...»

Мысли перескочили на то, что экономка сказала чуть позже, передавая ему ключи от «Доджа».

«Продажа ранчо принесет большую выгоду всему району... Ходят разговоры о новом проекте. Это всего лишь предложение, но здесь будут дорогостоящие участки земли и коммерческие предприятия. Появятся рабочие места, туристов будет больше...»

В душе Коула зародились подозрения. Адель стояла на пороге библиотеки с подносом в руках. Она слышала, как отец сказал, что оставляет все ранчо Оливии.

– Это не имеет никакого отношения к Форбсу, Джейн. Это не его дело.

– Еще как *имеет*. И к нам тоже. Если мы не унаследуем собственность, то продажа не состоится. Не будет финансирования нового строительства... Как и аванса, впрочем. Ты понимаешь, какая серьезная сделка поставлена на карту?

Пальцы Коула сжали телефонную трубку.

– Форбс ищет финансирование для еще не состоявшейся сделки?

– В его распоряжении наше письмо, в котором мы согласились вести добровольные переговоры о продаже. Это можно представить в банке как гарантию. Господи, Коул, ты не принимаешь это всерьез? Ты хотя бы понимаешь, насколько это серьезно? Ты представляешь, сколько денег мы сможем на этом заработать?

– Может быть, я больше не хочу продавать ранчо, Джейн.

Мертвая, оглушительная тишина.

– Коул? – Голос сестрицы дрогнул. Джейн откашлялась. – Ты все портишь.

– Я не спешу. Мне некуда ехать на данный момент.

Опять молчание.

Когда сестра заговорила снова, ее голос изменился.

– Ты подписал тот документ. Мы оба его подписали. У меня есть знакомые юристы и в Британии, и в Канаде. Это обещание.

Коул выругался про себя. Ему нужно поговорить с Форбсом и с адвокатом, выяснить, как выкрутиться из этой ситуации.

– Послушай меня. Если ты сейчас попытаешься соскочить, я подам на тебя в суд. Мы с Клейтоном оба это сделаем. Мы опротестуем в суде законность папиного нового завещания. Клейтон устроит тебе и Оливии судебный кошмар. Процесс разорит вас обоих. Обещаю тебе.

– Боже, Джейн, ты только послушай себя.

– Вот только не надо меня учить. Нам с Тодди очень нужны эти деньги. Я... Это долгая история. Нам необходимо это наследство. А вот тебе ранчо совершенно ни к чему. Ты никогда не хотел иметь с ним ничего общего.

Коул подумал об Адели и ее муже с ничтожной пенсией по инвалидности. Джейн нужны деньги. Клейтон Форбс по горло увяз в авансовом финансировании. А городу Клинтону и окрестностям обещаны рабочие места и туристы.

Мечты скольких людей зависят от продажи Броукен-Бар и обещанного нового строительства?

Коул подумал об Оливии.

– Мне нужно позвонить. До свидания, Джейн. – Он повесил трубку.

Теперь Коул был готов провести свою границу на песке. Что бы его отец ни сделал с этим ранчо, Форбсу оно не достанется. Только не при жизни Коула. Это было делом принципа. Раньше Коулу было плевать. Теперь ему не все равно. Это ранчо относилось к Резерву сельскохозяйственных земель. По закону, на нем можно было заниматься только фермерством. Строительство невозможно без разрешения правительства. И Коулу вдруг стала нестерпима мысль о том, что ранчо распродадут по кускам.

Возможно, все дело в его давнишней неприязни к Форбсу. Или в Оливии. Коул пока ни черта не понимал, но в нем зажегся прежний огонь. И это ощущение ему понравилось.

В ноутбуке, стоявшем на зарядке, Коул нашел домашний телефон Клейтона Форбса и набрал его. Звонок сразу переключился на голосовую почту.

Коул оставил сообщение:

– Форбс, это Коул Макдона. Я вернулся в Броукен-Бар. Наша сделка не состоится. Нам нужно поговорить.

Почти сразу после того, как он положил трубку, телефон в библиотеке зазвонил. Это был Форбс.

– Коул! Добро пожаловать домой, приятель. Я слышал...

– Послушай, не стоит сотрясать воздух, сделки не будет. Во всяком случае, с моей стороны. Мне все равно, о чем вы там договорились с Джейн, но, если мне достанется хотя бы часть ранчо, продажи не будет.

– Ладно тебе, Макдона. Не кипятись. Послушай. У меня есть документ, составленный моими юристами. И...

Разговор прервался.

– Алло?

Тишина.

Коул постучал по рычажкам аппарата.

– Форбс, ты меня слышишь?

Телефон «умер».

Коул быстро перешел к телефону в кабинете отца. Гудка тоже не было. Должно быть, что-то случилось с телефонным кабелем. Ветер дул все сильнее, бил ветками по окну библиотеки. Ставня ритмично стучала. Приближался буран, а они потеряли связь с внешним миром. Коул посмотрел в темноту за окном.

Небо окрасил внушающий страх зеленый свет, отражаясь в черной поверхности озера. Северное сияние. Коул замер, заметив человека, свернувшего за угол дома. Впрочем, возможно, это была всего лишь игра света и темноты.

* * *

Юджин перерезал кабели и посмотрел вверх, проверяя, какой кабель идет к спутниковой тарелке. О телефонных кабелях он уже позаботился. Он взял кусачки, висевшие у него на бедре, но замер, услышав, как кто-то вышел из кухни на улицу. Юджин нырнул в тень, дожидаясь, пока кто-то выбросит мусор в бак. Звякнула крышка, потом закрылась дверь кухни. Снова стало темно и тихо. Юджин занялся кабелем. Свет ему не требовался, хватало зеленовато-голубого сияния, расплывавшегося по небу. Это ненадолго. На горизонте нарастала чернота, она приближалась. Тучи несли с собой снег. Нетерпение пробежало по коже как слабый разряд тока.

Юджин взялся за кусачки...

Глава 15

Коул вошел в гостиную, совмещенную со столовой. Эйс лежал перед камином на старом персидском ковре, ставшем совсем тонким за долгие годы. Абажуры из шкур и колеблющееся пламя свечей отбрасывали в комнату теплый свет. Деревянные панели на стенах, тяжелые балки сводчатого потолка, побелевшие рога над входом в кухню – все это создавало атмосферу старого охотничьего домика.

У камина сидел в своей коляске отец. Он смотрел в огонь, отпивая из большого стакана с виски. На диване ссутулилась дочка Гейджа Бертон. Казалось, на ее юные плечи давил тяжелый груз.

Возле бара оживленно беседовали две пожилые пары. Одну пару Коул узнал. Этих супругов он видел в кемпинге, им принадлежал пудель, которому перерезали голосовые связки. К компании присоединился и Гейдж Бертон.

За барной стойкой в сельском стиле мужчина под тридцать разливал гостям напитки. Худенькая белокурая женщина примерно того же возраста, что и бармен, расставляла фужеры для вина. Негромко играл спокойный джаз.

Коул подошел к отцу.

– Как ты?

Майрон только проворчал что-то. Он уже был достаточно пьян, а щеки ввалились еще больше.

Коул глубоко вздохнул, в нем нарастала тревога. Отцу становилось хуже. Нужно позвонить врачу и выяснить, какие шаги необходимо предпринять, чтобы обеспечить уход за отцом.

Телевизор с плоским экраном, на котором они раньше увидели ужасные новости об убийстве, переключили на канал о погоде, но звука не было. Коул некоторое время смотрел на метеорологические знаки сильной снежной бури, стремительно надвигавшейся с юга. Пилот в нем поморщился при виде такого прогноза. Буря будет сильной. Она могла начаться к утру. Он слышал, как долго и устрашающе завывает ветер в старой каменной трубе камина.

На Коула посмотрела дочка Бертон. Он повернулся к ней и улыбнулся. Под панцирем плохого настроения скрывалась красивая

девочка. И Коул задумался о том, где ее мать, почему они с отцом вдвоем на ранчо в День благодарения.

– Эй, – улыбка Коула стала шире, – меня зовут Коул. Я вырос на ранчо.

Глаза девочки сузились. Она как будто решала, отвечать ему или нет.

– Я – Тори Бертон.

– Я видел тебя с отцом и Оливией в лодке. Что-нибудь поймали?

– Оливия поймала. Она позволила мне подтащить рыбу к лодке.

– Большая попалась?

– Достаточно большая, чтобы оставить ее себе, – ответила Тори. – Но я ее отпустила.

Экран телевизора неожиданно моргнул и погас. Коул подошел к нему, выключил, потом снова включил. Это не помогло. Он проверил провода. Все было подключено.

– Не работает? – спросила Тори.

– Совсем, – ответил Коул. – Приближающаяся непогода, должно быть, нарушила сигнал со спутника и телефонную связь.

А это означало, что Интернета у него больше нет. Больше никаких поисков информации об убийце из Уотт-Лейк или Саре Бейкер, пока все снова не заработает. Стоило заряжать ноутбук... Теперь они отрезаны от цивилизации, и это в тот момент, когда надвигается сильная снежная буря.

Словно нарочно, ветер завыл снова, где-то застучали ставни.

Неожиданно распахнулась дверь кухни. Появилась Оливия с двумя бутылками вина в руках. Заметив Коула, она замешкалась. Его пульс участился, когда их глаза встретились.

Она воспользовалась косметикой, волосы ниспадали на плечи блестящими волнами. Мягкий джемпер с высоким воротом, на вид кашемировый, скрывал шрам на шее. Оливия надела чистые джинсы по фигуре и ковбойские сапоги.

В ее глазах промелькнула быстрая улыбка, и это отозвалось у Коула в животе, его охватил водоворот чувств: уважение, восхищение, сострадание и... необходимость защитить. И просто доброе старое желание. Он хотел ее. Вот так. И этот факт нокаутировал его.

Но она не из тех, с кем мужчина может действовать поспешно. Только не с ее прошлым.

Когда Оливия ставила вино на столики, к ней подошел Гейдж Бертон и тронул ее за локоть. Она обернулась и широко улыбнулась.

У Коула сдавило грудь от ревности. Тори тоже напряглась на диване, она внимательно наблюдала за отцом и Оливией. Глаза девочки потемнели.

Ветер снова завыл, и в трубе раздался глубокий таинственный стон, как будто непогода пыталась пробраться в дом.

– Моя мама умерла, – неожиданно сказала Тори, ее внимание по-прежнему было приковано к отцу и Оливии.

Коул посмотрел на девочку.

Она повернулась к нему, и у Коула защемило сердце от сочетания гнева и отчаяния в ее глазах, на ее лице.

– Мама задохнулась в снежной яме под деревом. Это была моя вина. Я каталась на лыжах вместе с ней, когда она туда провалилась, и не смогла ее вытащить.

О боже...

Коул медленно опустился на диван рядом с девочкой.

– Мне так жаль, Тори. – Коул замялся. – Но ты не можешь винить себя за несчастный случай.

Ее глаза повлажнели, она сцепила руки.

Коул почувствовал, что на него смотрит Майрон, и у него возникло невероятное чувство, будто время раскручивается в обратную сторону. Думал ли отец о Джимми? О Тае, которого он никогда не видел?

– В моей жизни тоже был несчастный случай, – негромко заговорил Коул. – В то время мне было всего шестнадцать. Я въехал на грузовике на речной лед, в кабине вместе со мной сидели моя мать и младший брат. Машина проломила лед. Мне удалось выбраться через окно водительской дверцы, а их я вытащить не смог. Я пытался. Господи, я старался изо всех сил. Но... – Голос прервался, когда на него нахлынули страшные воспоминания. – За этот день я винил себя всю свою жизнь, Тори. – Коул снова покосился на своего отца. – И совсем недавно понял одну вещь. Когда слишком цепляешься за чувство вины, оно просто не дает тебе жить. Это не вернет твою мать.

Коул подался вперед и заглянул в глубокие зеленые глаза девочки.

– Тебе нужно простить себя. *Нужно* найти способ.

По ее щеке побежала слеза. Коул сунул руку в карман джинсов за носовым платком, но его там не оказалось.

– Держи.

Коул удивленно поднял глаза. Его отец протягивал свежий носовой платок. Коул встал и взял платок у него из руки. Их глаза на мгновение встретились. Между ними встало прошлое, хотя они не произнесли ни слова.

– Прости меня, сын, – очень тихо сказал Майрон, его глаза слезились от выпитого. – За то, что я так и не отпустил.

Коул почувствовал боль и сострадание. В груди стало тепло. Любовь, черт бы ее побрал. Он любил своего отца. По-настоящему любил. Ему нужно было прощение отца так же, как нужен был воздух для дыхания. Коул сглотнул. Ему вспомнились слова Оливии.

«Я думала, что вы достаточно взрослый, чтобы взять на себя инициативу, попросить прощения, помириться до того... как он умрет...»

Отец его опередил.

– И ты меня прости.

«Ты никогда не узнаешь, как я скорблю».

Майрон отвернулся, крепко вцепился в стакан с виски и сделал большой глоток.

Коул передал носовой платок Тори. Она вытерла глаза и высморкалась.

– Лучше?

Она посмотрела на скомканный носовой платок в своих руках, потом ее взгляд вернулся к отцу и Оливии. Взгляд Коула устремился туда же.

Бертон нагнулся к Оливии и что-то говорил ей в ухо. Она слушала, склонив к нему голову. Потом медленно улыбнулась, потом откинула голову назад и засмеялась.

И Коул вдруг застыл, словно зачарованный. Он впервые видел, как Оливия смеется. Даже через комнату в ее глазах отражалось пламя камина, и они сверкали. На щеках цвел здоровый румянец. На короткий миг она расслабилась и засияла, излучая жизненную энергию. Счастливая она выглядела волшебным образом. Может быть, ей каким-то образом удалось справиться с возвращением в прошлое, и этим вечером в ней торжествовала выжившая.

В крови Коула запульсировал тестостерон, и Бертон неожиданно превратился в соперника. Коул понимал, что именно волнует дочку Бертона. Она тосковала по матери, и то, что она видела отца в такой ситуации с другой женщиной, убивало ее. Коул почувствовал во рту горечь отвращения.

Он повернулся к Тори.

– Я оставлю тебя на секунду? Мне нужно поговорить с Оливией.

Девочка долго и умоляюще посмотрела ему в глаза, потом кивнула.

Коул встал и постарался приглушить бойцовую энергию, которая зажгла его.

Оливия подняла глаза, увидев, что он подходит к ним.

– Коул! – Она протянула руку, приглашая присоединиться. – Иди сюда, позволь мне познакомить тебя со всеми и рассказать, кто есть кто.

Этим вечером она по-настоящему сияла. Был ли тому причиной Бертон? Его компания оказалась настолько приятной? Что произошло в лодке, чтобы все так быстро изменилось между ними?

Коул почувствовал стеснение в груди.

– Это Ким, – представила Оливия, когда молодая белокурая женщина, до этого расставлявшая бокалы на столах, прошла мимо с подносом. Ким улыбнулась и кивнула.

– А за стойкой бара – жених Ким, его зовут Зак. Оба недавно окончили Северный университет и проработали в Броукен-Бар все лето. День благодарения – это их последний день на ранчо, потом они уедут в Европу. Джейсон Чен, как ты знаешь, наш замечательный шеф-повар. Его дочка Нелла помогает Ким накрывать на столы.

– Мы уже встречались, – сказал Коул. Нелла была той самой девочкой, которая сидела с Тори на диване, пока они смотрели кошмарные новости.

– Родители Неллы разведены. Этот День благодарения она проводит с Джейсоном. Возле бара – Брэнниган, он говорит с Заком. Это наш грум, последний из ковбоев Броукен-Бар, так сказать. Остальные – это гости из кемпинга и из домиков. Ты встречался с парой, которой принадлежит пудель. Они из Келоуна. Пара постарше – из России. Высокий мужчина рядом с ними – это лесник из Дома Тысячи миль.

Коул посмотрел на угрюмого лесника, который, казалось, тоже их рассматривал.

– А это Гейдж Бертон. Ты разговаривал с его дочерью Тори. – Оливия повернулась к Бертону. – А это Коул Макдона, сын Майрона.

Глаза мужчин встретились. У Гейджа оказались железное рукопожатие и прямой взгляд ясных голубых глаз. В нем было нечто такое, что заставило Коула сразу подумать о военных. Бертон мог быть полицейским или наемником. У Коула было чутье на этих парней. Бертон принадлежал к числу альфа-самцов, о которых он часто писал. На руке у Гейджа было обручальное кольцо.

В груди Коула зашевелилась неприязнь, когда он выпустил руку Гейджа. И вместе с ней появилось еле ощутимое чувство неловкости.

Бертон, в свою очередь, как будто оценивал Коула, словно перед ним был противник.

– Принести вам что-нибудь выпить? – спросил Бертон с улыбкой, которая никак не изменила выражение его глаз. Он пытался контролировать территорию, которая принадлежала Коулу. И явно что-то чувствовал к Оливии. Между мужчинами нарастало враждебное напряжение.

Но Коул не стал нагнетать обстановку.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Мне скотч со льдом. И лучше двойной.

Бертон направился к бару, Коул проследил за ним взглядом.

– Я тебе говорила о Гейдже. Это он оставил в офисе газету и приманку, – объяснила Оливия.

Коул повернулся к ней. Глаза у нее были ясные, глубокого зеленого цвета. Его взгляд переместился на ее губы, чуть тронутые блеском. Она стояла достаточно близко, чтобы Коул снова мог почувствовать запах ее шампуня и намек на какой-то еще аромат. Ее бледно-розовый джемпер казался мягким, как сахарная вата, ворот доходил почти до подбородка, закрывая шрам.

Когда Оливия встретилась с Коулом взглядом, ее зрачки расширились, и Коул ощутил прилив желания и почти горячее удовольствие. Он ее возбуждал. И осознание этого подогрело плотские мысли и сексуальное желание, уже горевшее в нем.

Но тут же прозвучал сигнал предупреждения. *«Не торопись. Обдумай все»*. И правильно ли было двигаться в этом направлении?

Коул видел ее интерес, видел, как она реагирует в стрессовой ситуации. Ему уже довелось почувствовать, насколько ей отвратительны чужие прикосновения, он уже видел ужас в ее глазах. И знал, почему это так. Сексуальное насилие, совершенное над ней, было ужасным.

Проклятье. Как же трудно. Коул не ожидал, что приедет домой и найдет такое.

– Странная она, эта приманка Бертона, – негромко заметил он. – Больше похожа на мушку для стальноголового лосося или кижуча.

В глазах Оливии почти незаметно проскользнуло колебание. Ее пальцы крепче сжали бокал с вином. Коулу не хотелось давить на нее, потому что приманка и без того выбила ее из колеи. Но почему? Любопытство перевесило осторожность.

– Судя по всему, это был подарок в честь выхода на пенсию, – сказала Оливия. – Вместе с удилищем и другими искусственными приманками. Бертону передали ее перед самым отъездом. Думаю, именно поэтому она оказалась у него с собой.

Коул посмотрел ей в глаза.

– Перед отъездом откуда?

– Из Ванкувера.

– Ты с ним раньше встречалась?

Ее лоб прорезала морщина.

– Нет. А что?

Коул пожал плечами и повернулся, чтобы посмотреть на Бертона, заказывавшего напитки в баре.

– Он быстро работает.

– У тебя к нему предубеждение, – заметила Оливия.

– У меня предубеждение к тому, как он подлизывается к тебе.

Ее рот приоткрылся от изумления. Потом губы изогнула медленная, понимающая улыбка.

– Если бы я не знала тебя лучше, Коул Макдона, я бы сказала, что ты ведешь себя как собственник.

– Может быть, так оно и есть.

В ее глазах появилась настороженность.

– Например, мне не нравится то, как его интерес к тебе отражается на его дочери, сидящей на диване, – добавил он.

Улыбка Оливии погасла. Она несколько секунд выдерживала его взгляд, потом медленно повернулась, посмотрела на Тори и сглотнула.

– Его жена погибла в апреле, – продолжал Коул. – Полагаю, прошло много времени, чтобы он залечил раны и начал болтать с другой женщиной на глазах у дочери, которая все еще страшно тоскует по матери.

В глазах Оливии вспыхнуло возмущение.

– Это не то, что ты думаешь. Ты прав, Тори *действительно* страдает, но Гейдж попросил меня помочь ей...

– Поощряя Бертон, ты ей не поможешь.

– Господи, ты и в самом деле точная копия своего отца, знаешь об этом?

Она развернулась, чтобы уйти.

– А может быть, я знаю, что такое потерять ребенка, – негромко сказал он вслед.

Оливия резко остановилась и медленно повернулась к нему. Коул продолжал:

– Может быть, я просто хочу сказать им, что нужно держаться за то, что у них есть, потому что это не будет длиться вечно.

Она застыла в нерешительности. Взгляд метнулся к Бертону у барной стойки.

– Он сказал тебе, чем зарабатывал на жизнь до выхода на пенсию? – надавил Коул.

– Нет. Я не спрашивала. Я не устраиваю гостям ранчо допрос с пристрастием. Единственное, что я знаю, так это то, что он днем попросил меня помочь ему с дочерью. Ей нужна женская компания, так он сказал. Тори проявила агрессию в школе. Так она отреагировала на смерть матери. Гейдж только спросил, смогу ли я провести с ними некоторое время.

Коул изогнул бровь.

Черты Оливии исказило раздражение.

– Послушай, сегодня я сумела помочь Гейджу и его дочери. Они оба одиноки, им больно. Благодаря мне они почувствовали себя чуточку счастливее, пусть на короткое мгновение. И от этого мне стало хорошо, понял? *Только и всего*. Я не знаю, что ты имеешь против него. Я не обязана все это выслушивать.

Она собралась было снова отвернуться, но добавила:

– Горе – непростое чувство, Коул. Уверена, ты об этом знаешь. И я не собираюсь отвечать на твой упрек в том, что я его поощряю. Прошу меня простить, я...

Рука Коула импульсивно взлетела, он ухватил ее за рукав. Оливия замерла, ее лицо исказило напряжение. В глазах появился холодок.

– Будь осторожна, Лив, я ему не доверяю. – Коул помолчал. – Я не верю в совпадения.

– Что это значит?

Но прежде чем он успел ответить, к ним подошла Адель, без фартука, с сумочкой в руке.

– Если я больше не нужна, – обратилась она к Оливии, – то я поеду домой. Услышала по радио в кухне, что уже завтра утром пойдет снег. Возможно, завтра мне придется заночевать в одной из гостевых комнат, если погода совсем испортится.

– Почему бы вам не позвонить на ранчо завтра утром, перед выездом из Клинтона? – ответила Оливия. – Если к завтрашнему вечеру разыграется буран, то у нас, возможно, никого не останется на ужин в честь Дня благодарения. Гости могут отменить заказы на столики.

– Завтра вам едва ли удастся позвонить, – вмешался Коул. – Телефонный кабель поврежден. Как и спутниковая антенна.

Адель и Оливия одновременно посмотрели на телевизор. Его экран оставался черным.

Еще один порыв ветра застучал ставнями и завыл в высокой трубе камина. Адель подошла к телефону на стене возле барной стойки и сняла трубку.

– Вы правы, – констатировала экономка, возвращаясь к ним. – Гудка нет.

– Ладно, тогда вам вообще не следует завтра приезжать, – решила Оливия. – Просто оставайтесь дома, в тепле и безопасности. Я справлюсь.

Экономка замялась.

– Честное слово, – улыбнулась Оливия. – С нами все будет в порядке.

– Хорошо. Я позвоню завтра в телефонную компанию, – пообещала Адель. – Просто чтобы проверить, что это общая поломка, а не только наша.

– Спасибо.

– Тогда хорошего вечера. – Она кивнула Коулу.

– Передайте от меня привет мистеру Каррику и Такеру, – сказал он и, повинуясь порыву, добавил: – Вы его скоро увидите?

Экономке явно стало не по себе.

– Сын часто к нам приезжает. Так что да, вероятно.

– Вы упомянули, что он занимается финансами. На кого он работает? Клинтон – такой маленький город.

– На девелоперскую компанию.

– Форбса, вероятно?

Лицо Адели покраснело. Она посмотрела на Оливию.

– Ну да, он выполняет кое-какую работу для компании Форбса. Он помогает ему и с предвыборной кампанией на пост мэра.

– *Форбс* баллотируется в мэры?

Адель кивнула и быстро, натянуто улыбнулась.

– Вы верно сказали, городок маленький, возможностей мало. Каждый берет то, что может. – Экономка повернулась к Оливии. – Джейсон сказал, что готов подавать ужин через пять минут. Ладно, спокойной ночи, Оливия, Коул.

Кивком головы Адель попрощалась, не встречаясь с Коулом взглядом.

Коул посмотрел вслед экономке, направившейся в холл. Она сняла с крючка пальто и бросила быстрый взгляд назад. Их взгляды встретились на короткое мгновение. Она открыла дверь, порыв ветра захлопал ее юбкой, и Адель вышла в ночь. По полу потянуло холодом, пламя в камине затрепетало. Дверь хлопнула.

Оливия резко повернулась к Коулу:

– Что это было?

– Ты знала, что Такер Каррик работает на Форбса?

– Нет.

– Но ты знаешь, что Форбс хочет купить ранчо.

– Все в Клинтоне знают об этом. – Она нахмурилась. – А ты всегда так рассматриваешь присутствующих? Как будто анализируешь их? Или ты всегда всех подозреваешь? – В ее голосе явственно прозвучало раздражение.

– Старые привычки долго умирают, Оливия, – спокойно сказал Коул, глядя ей в глаза.

– Ты как будто ищешь повод всех ненавидеть.

Вернулся Гейдж с напитком для Коула.

– Прошу меня простить, – холодно сказала Оливия, – мне нужно проверить, как дела у Джейсона и готов ли он подавать ужин.

Она направилась в кухню. Спина выдавала напряжение. Коул снова заметил легкую хромоту.

«...закутана только в вонючую медвежью шкуру и джутовый мешок. На ней были дорожные ботинки на босу ногу. В руке она несла ружье. Женщина сильно обморозилась, была вся в синяках и порезах, говорила какую-то чушь. На шее у нее была крепко завязана обтрепанная веревка. Это была Сара Бейкер, чудесным образом выжившая...»

Он бездумно потягивал виски, глядя, как за Оливией закрывается дверь кухни.

«Отлично, приятель. Этот раунд ты точно проиграл. Попал в молоко. Умеешь ты вызывать доверие».

Бертон тоже смотрел на дверь, за которой скрылась Оливия. Он встретился взглядом с Коулом, и что-то темное и злое промелькнуло между ними.

Глава 16

Майрон сидел во главе стола, словно больной старый ворон, глаза у него ввалились и затуманились от лекарств, алкоголя, болезни или всего этого, вместе взятого. Старик сгорбился над своим ужином. Казалось, он был в странном настроении. Его взгляд все время метался между Оливией, Коулом, Тори и Бертоном. Да и пил Майрон в этот вечер больше обычного. В нем что-то изменилось. Оливия как будто слышала тиканье метафизических часов, пока за окном завывал ветер, подгоняя буран.

Коул сидел справа от отца. Гейдж занял место рядом с Оливией. Тори сидела наискосок от нее. Девочка, кипя от ненависти, теребила угол льняной салфетки.

Оливия почувствовала себя виноватой. Она посмотрела на Коула. Он наблюдал за ней из-под темных ресниц, пока ел и запивал еду бургундским вином. Хотя блюда были как всегда великолепными, а из-за соседних столиков доносились оживленные голоса других гостей, за их столиком настроение было нерадостным.

– Мои поздравления шеф-повару. – Коул вытер губы салфеткой и положил ее рядом с тарелкой.

– Форель в закуске была из этого озера. – Оливия попыталась завести разговор и рассеять мрачную атмосферу за столом. – Оленина – с ранчо по соседству, а осенние овощи, приготовленные на гриле, с нашего огорода.

– Это тот самый огород, который завела еще твоя мать, – пробормотал Майрон, обращаясь к сыну и протягивая руку за третьим бокалом красного вина. – У нас тогда только вывелись первые цыплята. Твоя мать сама занималась огородом. Посадила горох у задней ограды, справа. Поливала дождевой водой.

Рука Коула с бокалом вина замерла на полпути.

– Теперь за огородом присматривает Джейсон Чен, – вмешалась Оливия, пытаясь снять напряжение.

Ким убрала тарелки из-под закуски и принесла главное блюдо. Зак вышел из-за барной стойки и поставил на их стол еще две бутылки вина, красного и белого. Играла хорошая музыка. Разговоры за

другими столиками стали громче, там от души смеялись. Ветер без устали стучал ставнями и жалобно завывал в каминной трубе.

Оливия подняла глаза и увидела, что взгляд Тори прикован к ней. Их глаза на мгновение встретились.

– Как дела, Тори? – спросила Оливия. – Тебе понравилась форель?

– Да, – ответила Тори, посмотрела на отца и снова начала вилкой гонять еду по тарелке. Оливия переглянулась с Коулом. Между ними что-то промелькнуло. Невысказанное.

Она сглотнула.

– Гейдж, – неожиданно заговорил Коул, беря бутылку и доливая вина в бокал Бертона, – Оливия говорила, что вы только что вышли на пенсию.

Тот слегка напрягся.

– Да.

– А чем вы занимались? – продолжал Коул, предлагая вина Оливии. Она покачала головой и бросила на него горячий, вопрошающий взгляд.

– Консультировал, – ответил Гейдж.

Нож Тори упал на пол. Все вздрогнули. Открыв рот, она уставилась на своего отца.

– Подними его, Тори, – отрывисто приказал Гейдж.

– Нет-нет, все в порядке, – быстро сказала Оливия. – Оставь его, пожалуйста. Ким!

Она позвала молодую женщину, стоявшую за стойкой бара.

– Принеси нам, пожалуйста, другой нож.

Ким торопливо вышла в кухню.

– Консультировали? – переспросил Коул, разрезая мясо и поднося кусок оленины ко рту. Оливия свирепо посмотрела на него. Он не обратил на нее никакого внимания.

– Я занимался системами безопасности.

Тори резко отодвинула стул и порывисто встала.

– В чем дело? – спросил ее отец.

– Я возвращаюсь в домик, лягу спать. Я устала. – Она направилась в холл.

– Тори, вернись! – прорычал Гейдж. – Где твои манеры?

– Зачем? Зачем *мне* притворяться? Зачем притворяться *тебе*? Я не хочу здесь находиться.

Оливия вскочила.

– Тори, иди сюда. Почему бы тебе не посидеть у камина? Ким принесет тебе десерт туда.

Тори злобно зыркнула на нее.

– А почему я должна слушать *тебя*? Ты не моя мать. И откуда у тебя этот уродливый шрам на шее, который ты пытаешься спрятать?

За столом воцарилось гробовое молчание. В камине затрещало полено, посыпались искры. Даже разговоры за соседними столиками прекратились. Ветер бился в стены дома.

Коул встал, готовый вмешаться, но Оливия спокойно ответила:

– Несчастный случай во время ловли крабов. Я работала один сезон в Датч-Харбор. У меня вокруг шеи обмотался провод от ловушки, когда ее собирались бросить за борт. – Она сделала над собой усилие и улыбнулась. – Я чудом осталась жива.

Тори смотрела на нее во все глаза. На лице девочки появилось такое выражение, словно ей хотелось считать Оливию классной, но необходимо было хранить верность матери. С поджатыми губами, прижав руки к бокам, Тори развернулась и промаршировала в холл. Там она схватила свою куртку, распахнула дверь и исчезла в темноте. Дверь за ней захлопнулась.

Поколебавшись, Гейдж встал, швырнул салфетку на стол.

– Прошу прощения. После смерти матери ей приходится несладко.

– Если мы можем что-то сделать... – сказала Оливия.

– Все в порядке.

– Уверен, вам *обоим* сейчас несладко, – заметил Коул.

Бертон встретился с ним взглядом, в его глазах плескалась враждебность. Но он промолчал и направился к двери, его сапоги громко стучали по деревянному полу.

– Какого черта ты решил вмешаться? – резко поинтересовалась Оливия.

– Тебе это отлично известно. Внимание этого типа к тебе причиняет боль его дочери. Это ясно как день.

– Теперь *ты* заделался местным психотерапевтом? Арбитром, который решает, как человеку следует переживать горе?

Она выскочила из-за стола и бросилась в кухню, толкнув дверь обеими ладонями.

Крамбл с черникой был разложен по тарелкам, которые стояли рядами на столе, готовые к подаче. Темно-фиолетовый сок черники стекал, словно кровь, на белоснежное мороженое. Оливия как будто налетела на стену. Ягоды. Кровь. День благодарения. Надвигающийся буран.

«Он наклонился ниже, и у меня пересохло во рту. И он сказал мне о дикой чернике. На берегу реки.

Я заглотнула наживку.

Я пошла за ягодами.

Домой я не вернулась».

Она попыталась выдохнуть, перечислить окружающие предметы, чтобы не провалиться в прошлое.

Нелла загружала посуду в посудомоечную машину. В кухне было тепло. Джейсон, сидя на подоконнике, потягивал вино из бокала. Следом за Оливией вошла Ким, взяла четыре тарелки с десертом и направилась обратно к двери.

По радио негромко играла музыка.

Оливия заставила себя отвести глаза от «окровавленного» мороженого и откашлялась.

– Джейсон, ты сегодня превзошел себя.

– Подожди до завтрашнего праздничного ужина, – с улыбкой ответил Джейсон.

Она посмотрела в окно. На черном небе было хорошо видно зеленое сияние, и это значило, что погода пока еще была ясной.

– Если буран начнется завтра, то нам, возможно, придется все отменить.

– Там видно будет. – Джейсон отпил еще глоток вина. – То, что я приготовлю, можно будет отправить в морозильник, если мы отменим ужин. Будешь всю зиму есть пирог с индейкой.

– Помочь вам с уборкой?

– Все под контролем.

– Вам, ребята, наверное, не терпится уехать? – обратилась она к Нелле и ее отцу. – Вы уже все собрали?

Мать Неллы планировала увезти ее на неделю в Мексику, а Джейсон после выходных должен был улететь в Новую Зеландию, на работу в зимний период. Едва ли он оттуда вернется. Оливия задумалась о том, будет ли это ранчо существовать в следующем году.

– Я почти собралась, – ответила Нелла. – Но мне еще нужно купить крем от загара.

– Мы будем скучать по Броукен-Бар. – Джейсон посмотрел в глаза Оливии, как будто читая ее мысли. В теплой атмосфере кухни что-то изменилось.

– Я знаю, – ответила Оливия. – Я тоже. Что ж, как только последний гость уйдет, я скажу, удался ли вечер.

Оливия задержалась у двери.

– Ах да, Нелла, спасибо тебе за корзинку с ягодами.

– Какую корзинку?

– Ту самую, которую ты оставила на крыльце моего домика.

– Не оставляла я никакие ягоды, – улыбнулась Нелла. – А зря. Мы набрали тонны для десерта, и у нас еще много осталось про запас. Ягоды были по всему лесу. Созрели как раз для крамбла ко Дню благодарения.

– Вот как... Ладно, спасибо. – Оливия попятилась, развернулась и деревянным жестом толкнула дверь.

Должно было существовать простое объяснение, но мозг внезапно отказался ей служить. В голове вертелись слова Коула.

«Будь осторожна, Лив... Я не верю в совпадения...»

Предупреждение неожиданно показалось зловещим. Но он не успел объяснить свои слова. Оливии захотелось спросить, что он имел в виду.

* * *

На крыльце сгустились тени. Юджин взялся за дверную ручку, удивившись до крайности, когда дверь оказалась не запертой. Его дичь по-прежнему вела себя слишком смело. Ему стало не по себе. Неужели она все еще не получила посланную им приманку? Газету? Почему она не стала боязливой? Ничего, у нее еще будет время испугаться.

Ветер усиливался, деревья гнулись и стонали. Он вошел в дом, привыкая к темноте комнаты. Тревога вернулась, когда он вспомнил, что Сара рыбачила в лодке с девочкой и ее отцом. Все было не совсем таким, каким казалось на первый взгляд. Ребенок вызывал тревожные

мысли о собственной матери. И хотя Юджин не узнал в отце копа из Уотт-Лейк, ему надо было обдумать ситуацию.

Кто был добычей и кто охотником?

Кровь забурлила от настойчивого желания.

Юджин нашел спальню Сары, вошел туда, слегка приоткрыв рот, вдыхая ее запах. Пробуя на вкус. Заново знакомясь с ней. Он подошел к кровати. За окном скрипели на ветру ветки. Юджин замер, прислушиваясь, не раздадутся ли приближающиеся шаги. Никто не пришел.

Он взялся за покрывало.

* * *

Ким поставила одну тарелку с черничным крамблом перед Коулом, другую – перед его отцом.

– Какая муха тебя укусила? – проворчал Майрон, когда Ким отошла.

– Я не доверяю Бертону. – Коул взял ложку и зачерпнул мороженое.

– Не похоже, чтобы он собирался сбежать с нашим фамильным серебром.

– Есть что-то странное в том, как он смотрит на Оливию. – Коул взглянул на отца.

Тот внимательно посмотрел на сына, потом нахмурился, кустистые брови низко нависли над глазами.

– Что в этом странного?

– Именно Бертон оставил в офисе газету с именем Оливии и с приманкой внутри, которая ее так напугала. Приманка рассчитана на крупного стальноголового лосося. Для местной форели она не годится.

– Ну и? – В затуманенных выпивкой глазах старика засверкали искры интереса.

– Совпадение странное, только и всего. Бертон приезжает в Броукен-Бар именно в тот момент, когда становится известно о женщине, найденной повешенной в лесу. Это пугает Оливию, у которой тоже есть шрам на шее. Потом он оставляет газету с ее именем, написанным над заголовком этой истории.

Большого Коул сказать не мог, не раскрывая прошлого Оливии. Только она сама могла рассказать об этом.

– Мне это не кажется особенно опасным.

– Ты видел, как отреагировала девочка на слова отца о том, что он занимался системами безопасности. У нее и глаза вытаращились, и нож упал. Потом она заговорила о притворстве. Думаю, этот тип лжет.

– Думаю, это ничего не значит, – пробормотал себе под нос Майрон. – Всего лишь совпадение.

– В том-то и дело. – Коул вздохнул. – Я не верю в совпадения.

– Тогда что ему нужно, *по-твоему*? Что тебе подсказывают интуиция журналиста и умение наблюдать и делать выводы?

Коул поднял бровь.

– Я не знаю, – тихо ответил он.

Отец узловатой рукой покрутил виски в стакане, несколько капель упали на льняную салфетку, словно кровь.

– Ты что-то выяснил о ее прошлом, верно? – сказал отец слегка заплетающимся языком. – Что-то такое, о чем ты мне не говоришь.

Коул не ответил. Он потянулся за своим стаканом, отпил глоток.

Майрон долго смотрел ему в глаза.

– Что-то изменилось. Что ты узнал? Ты собираешься мне рассказать?

– Нет.

Старик сделал большой глоток и тяжело вздохнул.

– Она сама должна об этом рассказать, – объяснил Коул. – Это не моя тайна.

– Но ты же ей поможешь, так? Ты проследишь за тем, чтобы с ней ничего не случилось, чтобы она сама управляла ранчо?

Какая-то эмоция – что-то близкое к любви – захватила Коула, когда он заглянул в слезящиеся глаза отца и увидел невероятную серьезность в осунувшемся лице старика. И ему стало отчаянно стыдно, когда он подумал о Форбсе, о Джейн, о том документе, который он подписал. Память вернула Коула к крупной ссоре с отцом тринадцать лет назад, когда Майрон снова обвинил его в том, что он убил мать и брата, разрушил семью и ранчо.

Все это вдруг показалось далеким. Глупым. Коулу следовало тогда понять, что отец попал в ловушку собственного горя. Что он не способен простить сыну грехи, не способен хотя бы попытаться

двигаться вперед. Теперь-то Коул понимал, что мог бы подойти к этому иначе.

И у него мгновенно появилась новая цель. К черту поврежденный телефонный кабель. Завтра же утром он поедет в город, найдет Клейтона Форбса и проведет на песке свою линию сражения.

– Ранчо будет в безопасности, – спокойно ответил Коул. – Я сделаю для нее все, что смогу.

Отец долго и пристально смотрел на него, потом резко развернул свое кресло и покатил по направлению к холлу.

– Я иду спать, – бросил он через плечо.

Коул вскочил.

– Подожди, давай я помогу.

– Только через мой труп. Зак! – рявкнул старик. – Зак, увези меня отсюда к чертовой матери.

Коул смотрел, как Зак выкатывает отцовское кресло в холл и подъезжает к лифту. И словно волны во время прилива, в сердце бились боль, сострадание, любовь – весь этот незнакомый коктейль чувств.

– Из-за чего сыр-бор?

Коул развернулся и увидел Оливию. Она снова застала его врасплох. Он постарался придать лицу нормальное выражение.

– Он просто вел себя как дурак.

– Будь с ним помягче. Это все лекарства.

– Перестань за него извиняться.

Она посмотрела ему в глаза.

– Нальешь мне выпить? – попросила Оливия. – Я бы не отказалась от стаканчика, и мне необходимо тебя кое о чем спросить.

* * *

Тори быстро шагала в темноте под порывами ветра, она не хотела, чтобы отец догнал ее, сердце гулко стучало в груди. Кожа горела.

В кустах рядом громко треснула ветка. Что-то большое шевельнулось там. Тори в ужасе застыла на месте. На небе переливалось северное сияние. Ветер шевелил листья. И тут на лужайку выбежал отец.

Треск раздался снова, как будто крупный зверь продирается сквозь сухие кусты и листья. Медведь или олень.

Отец положил руку на плечо Тори.

– Кто здесь? – повелительно спросил он, поднимая другую руку к кобуре.

Налетел ветер. В воздухе закружились листья. Больше в кустах никто не шевелился.

– Идем, – прошептал Гейдж, не сводя глаз с темных зарослей.

– Зачем ты солгал? – спросила Тори, когда они направились к домику. – Ты сказал, что занимался системами безопасности. Ты не сказал, что был полицейским.

Они дошли до крыльца. Гейдж нагнулся, обнял дочь за плечи, но его внимание все еще занимала темнота за ее спиной. Он всматривался, пытаясь понять, кто шумел.

– Иногда легче *не* говорить, что ты коп. Стоит только сказать людям, что ты работаешь в полиции, все меняется. Я не хотел говорить о своей работе. Я не хотел говорить о твоей маме. О том... что причиняет боль.

Он глубоко, прерывисто вздохнул. В темноте его глаза влажно поблескивали.

– Иногда легче ничего не говорить посторонним людям, не повторять это снова и снова. Просто держать все при себе.

Тори внимательно смотрела на него, у нее щипало глаза, губа дрожала.

– Почему ты с ней такой милый? С Оливией? А как же мама?

Вода зашлепала о причал под бельведером.

– Ох, Тори... Это не то, о чем ты подумала. Совсем не то. – Отец убрал волосы со лба дочери. – Когда-нибудь ты поймешь. И это будет скоро. Я обещаю.

– Ты не сказал мне, почему я должна уехать к тете Луизе, если тебя можно прооперировать и все исправить.

– Знаю. Я собирался сказать. Я никогда не хотел ничего утаивать от тебя или заставлять тебя волноваться. Я думал, что лучше будет отпраздновать День благодарения, а потом уже все объяснить. Потому что я хотел сначала все уладить между нами. Насчет тети Лу... – Отец замялся. – После операции мне потребуется пара месяцев на полное восстановление мозга и двигательных функций. Мне потребуется

физиотерапия... У таких операций бывают разные последствия. Поэтому во время восстановительного периода тебе будет лучше уехать на восток и пожить с Лу и ее семьей, походить там немножко в школу.

– Я не хочу.

– Ты действительно хочешь вернуться в свою старую школу в Ванкувере? Я не уверен, что это будет легко после того случая с поджогом. Или драки с Джулией Борсос. Ты уверена, что хочешь этого?

Тори посмотрела на свои сапоги.

– Наверное, нет.

Гейдж откашлялся.

– А потом, когда я полностью восстановлюсь, я смогу приехать на восток и остаться там. У Лу и Бена огромный дом на озере. Там есть маленький домик, в котором мы с тобой могли бы жить. И школу ты могла бы окончить там.

– Ты тоже переедешь?

Отец улыбнулся, его зубы сверкнули в темноте.

– Да. Для тебя, Тори, я на все готов. Однажды ты это увидишь.

Начать сначала. Как стрекоза. Получить второй шанс. В этом было слабое и далекое обещание. Тори и в самом деле не хотела возвращаться в старую школу. И даже в их старый дом. Они причиняли ей боль.

Гейдж обнял дочь за плечи. Его объятие было теплым, успокаивающим. Рядом с ней снова был ее надежный, непобедимый папа.

– Посмотри! Ты только посмотри туда. – Он указал рукой вверх.

Звезд на темном своде неба было бесчисленное количество. Бесшумно мерцали неяркие зеленые и голубые всполохи с персиковым отливом по краям. Как будто шевелились шторы богов.

– Думаю, она смотрит на нас оттуда.

По щекам Тори потекли слезы. И в это мгновение она осознала, что оттуда, сверху, все должно выглядеть так, как будто существует план. Замысел. Узор. Ей просто не видно этого с того места, на котором она стоит.

* * *

Усаживаясь у камина в ожидании Коула, который должен был принести ей выпить, Оливия потеряла колена. Это был нервный тик.

Коул поставил бутылку скотча и два стакана с кубиками льда на низкий стол перед огнем, налил виски и передал один стакан Оливии.

Она взяла стакан, и их пальцы соприкоснулись. По ее руке пробежал ток, и Оливия почувствовала прилив желания, которое перекрыло даже нервное напряжение. Коул так на нее действовал...

– Приятно видеть, что ты все еще разговариваешь со мной. – Он сел на диван рядом с ней. Близко. Коул улыбался, но глаза смотрели устало. Пламя камина отбрасывало резкие тени на его лицо. Казалось, Коул нервничал или, возможно, просто был немного пьян. Но в нем было что-то крепкое и надежное.

– Мне нужно дождаться, пока уйдут все гости, – сказала Оливия. – И у меня есть несколько вопросов.

Он смотрел на огонь, грея стакан крупными ладонями.

– Спрашивай.

Она собиралась расспросить Коула о том, почему ему не нравится Гейдж Бертон, но при этом ей не хотелось объяснять, почему ее так испугали газета и приманка.

– Что случилось с Майроном? – Оливия не решилась спросить напрямую и задала совершенно другой вопрос. – Ты снова вызвал его раздражение?

Великолепные губы Коула изогнула кривая улыбка, он помолчал какое-то время, как будто что-то взвешивал. Выпил весь свой виски, потянулся вперед и налил себе еще.

– Я сказал отцу, что меня беспокоит Бертон и его интерес к тебе.

Она почувствовала, как от щек отлила кровь. Пульс участился.

– И *это* его так огорчило?

Коул фыркнул.

– Отец не был огорчен. Он просто спросил, может ли рассчитывать на то, что я верну тебя обратно.

Оливия глотнула виски.

– А ты что сказал?

Он посмотрел на нее и ответил после паузы:

– Я сказал «да».

Оливия поперхнулась под его пристальным взглядом. Он как будто поглощал ее, владел ею. Она подавила желание слегка отодвинуться.

– Он тебе нравится? Бертон?

– Я думаю, что он... добрый. Уверена, он пытается сделать для Тори все, что в его силах, даже если при этом совершает ошибки. Но я чувствую, что он настоящий.

«Я не чувствую к нему того, что чувствую к тебе».

– Но теперь ты кажешься обеспокоенной, – нажал Коул. – Ты задаешь вопросы.

Она отвернулась. В ее памяти всплыли слова Тори, сказанные в лодке.

«Зачем ты взял два револьвера? Один сейчас у тебя в сапоге...»

У Оливии тоже было оружие. Но она владела им незаконно. В этой части света на ношение легкого огнестрельного оружия существовали ограничения. Для него требовалось специальное «разрешение на ношение».

– Случилось что-то... необычное, Лив? Кроме эпизода с газетой и приманкой, который так тебя напугал?

Ее сердце забилося быстрее. Она почувствовала себя в ловушке. *Проклятье.* Оливии одинаково сильно хотелось рассказать все и не говорить ничего. Она уже решила встать и уйти, но Коул положил тяжелую руку ей на колено, не давая этого сделать.

– Послушай, мы оба знаем, что в твоём прошлом произошло нечто ужасное. Я не собираюсь давить на тебя. Только если ты сама захочешь рассказать. Мне не понравился Бертон, и я задумался о том, есть ли связь между ним и твоим прошлым.

В животе Оливии затрепыхались мотыльки паники. Мысли вернулись к ягодам, шарфу, ощущению, что за ней наблюдают, ее преследуют. Совпадения между этим безумным убийством у реки Биркенхед и убийствами в Уотт-Лейк. Да, Оливия видела в них совпадения. В ней нарастало желание обо всем рассказать Коулу. Но она не могла.

Какой бы соблазнительной ни была потребность в утешении или желании иметь того, кто по-настоящему защитит ее, она не могла снова стать Сарой Бейкер.

Оливия сделала большой глоток виски, крепко сжимая стакан, чтобы Коул не заметил, как дрожат у нее руки.

– Поэтому просто будь с ним осторожна, ладно?

Ее взгляд вернулся к его лицу. Властное выражение глаз Коула заставило ее занервничать еще сильнее.

– И помни, что я рядом, если вдруг тебе понадобится.

Она сглотнула. Щеки у нее пылали. Оливия чувствовала, что оказалась на перепутье, что она вот-вот расскажет Коулу все – что ей хочется прижаться к нему, быть с ним во всех смыслах, – но она была не способна на это.

Смех за столиком возле барной стойки напугал их обоих. Взгляд Оливии метнулся туда. Последние гости вставали, собираясь уходить.

Они помахали рукой и крикнули «до свидания». Как только дверь за ними закрылась, в комнате стало тихо. Остались только рев пламени в камине и буйство ветра снаружи.

– Я хочу, чтобы ты знала кое-что еще. – Коул потянулся к Оливии и взял ее руку в свою. Мышцы Оливии напряглись. Ее тело разрывалось от желания вырваться и от порыва перевернуть руку ладонью вверх, переплести свои пальцы с его. У нее пересохло во рту. В голове зазвенело.

– Я согласен с тем, что сделал мой отец. Я хочу, чтобы ты получила ранчо в доверительное управление. Я хочу, чтобы ты им управляла.

– Коул, я же говорила тебе, что не хочу...

Большой палец его руки проник под рукав ее джемпера, нежно коснулся шрамов. Их глаза встретились. Оливия напряглась, почти отпрянула, но остановилась. Ее мир сузился. Краем сознания она заметила Ким и Зака, которые направлялись на кухню с оставшейся посудой.

– Это будет правильно, – прошептал Коул.

– Почему? – Голос Оливии звучал сипло.

– Потому что я думаю о том, чтобы остаться и помочь. Ты сама говорила, что управление ранчо – это тяжелый труд. А покупка скота и его разведение потребуют больших капиталовложений. Я мог бы заняться этой частью бизнеса, если ты сосредоточишься на круглогодичном туризме.

Несколько мгновений Оливия молча смотрела на него.

– Это в тебе виски говорит. Ты действительно *похож* на своего отца.

Глаза Коула потемнели, его энергетика изменилась. Оливия почувствовала исходящую от него мощную волну. Он сделал глубокий вдох, как будто впитывая Оливию, поглощая, захватывая, пытаясь что-то решить. Потом отвернулся, все еще держа ее за руку, его мозолистый большой палец нежно поглаживал ее ладонь. Оливия едва могла дышать. И она сделала это: повернула руку ладонью вверх, сплела свои пальцы с его. Он крепче сжал ее руку, их взгляды встретились. В его глазах Оливия видела желание, отчаянную потребность в ней.

Она сама чувствовала то же самое.

Он медленно провел ладонью вверх по ее руке до самой шеи, обхватил затылок, его пальцы запутались в ее густых волосах. Он наклонился к Оливии, привлек ее к себе и коснулся теплыми губами ее губ.

В ней вспыхнул огонь.

Оливия резко отстранилась, вскочила с сильно бьющимся сердцем. Она посмотрела в серые глаза Коула. Он не отвел взгляд. Между ними встало невысказанное. То, чего она не хотела касаться. Слишком близко, слишком интимно, и не только на физическом уровне. Куда бы он ее ни вел, она туда пойти не могла.

– Оливия? – Его голос немного хрипел.

– Теперь мы можем запереть столовую. Все гости ушли, – резко сказала она. – Если, конечно, ты не хочешь остаться и выпить еще виски. Тогда, пожалуйста, запри за собой.

Оливия щелкнула пальцами, сонный Эйс поднял голову и неохотно встал со своего места у камина.

– Я тебя провожу. – Коул встал и пошел за ней.

– Нет. Я в порядке. – Она дрожала, словно лист.

Он коснулся ее руки. Оливия вырвалась.

– Ты в порядке, Лив. Ты в полном порядке, но я не позволю тебе возвращаться одной.

– Коул... – Ее голос прервался. Глаза жгло. Сексуальное желание болезненно пульсировало во всем теле, соски напряглись и жаждали прикосновения, между ног стало горячо. Это было сильнее ее. Она... она не знала, как с этим справиться.

– Все в порядке. – Коул поднял руки вверх. – Никакого давления. Никаких обязательств. Я просто провожу тебя через темный лес. – Он улыбнулся. – Я понимаю.

– Знаешь ли, я многие годы справлялась одна.

– Но теперь рядом есть я.

Глава 17

Они дошли до домика Оливии.

Сапоги Коула громко застучали по деревянным ступеням крыльца.

– Вот ты и дома. – Он улыбнулся в темноте, засунул руки глубоко в карманы, но не ушел и как будто ждал, что она пригласит его войти. Во всех смыслах.

Оливия, чувствуя напряжение, повернула ручку и открыла дверь.

Коул склонил голову к плечу.

– Ты не запираешь дверь?

– Здесь мне нечего бояться. – Но ее голос звучал смелее, чем она себя чувствовала. Эйс просочился в домик через приоткрытую дверь.

Коул подошел к перилам крыльца, положил на них руки, посмотрел на озеро и лесную чащу за ним. На небе полыхало северное сияние. Космос танцевал.

– Волшебное зрелище, – негромко сказал Коул. – Мне всегда казалось, что северное сияние должно издавать какой-то звук. Потрескивание, может быть, или шорох. Но оно такое молчаливое.

А вот ветер не молчал. Он прорывался через сухие ветки, звенел на флагштоке дальше по берегу, шлепал волнами о пристань, взбивал похожую на привидение белую пену на волнах озера.

Оливия ничего не могла с собой поделать. Она встала рядом с Коулом, почти касаясь плечом его руки, подтянула повыше «молнию» на куртке и подняла воротник, спасаясь от усиливающегося холода. Стоя бок о бок, они молча смотрели на переливы цвета на небе и на воде. На горизонте с южной стороны скапливались и упорно надвигались тучи.

Коул подвинулся чуть ближе, чтобы их руки соприкасались. И позволил своему мизинцу дотронуться до ее пальцев на перилах. Сердце Оливии забило быстрее.

– Мне этого не хватало, – признался Коул.

Она сглотнула. Боже, ей тоже отчаянно этого не хватало. Прикосновения. Физического контакта с другим человеческим существом. Она так долго боролась с собой, а ей так хотелось, чтобы ее обнимали, любили, просто принимали такой, какой она была. И теперь его прикосновение открыло в самой глубине ее существа

глубокую зияющую пропасть, которая, казалось, только росла, причиняя ей боль.

– Ты наверняка видел северное сияние в других местах, – хриплым голосом заметила Оливия.

– Это не просто огни, – прошептал он.

В животе стало тепло. Коул нерешительно коснулся мизинцем ее мизинца, потом подцепил ее палец своим. У Оливии перехватило дыхание.

Она стояла не шевелясь. Казалось, поле ее зрения сузилось, сократилось, она видела только их и происходящее между ними. Они одни. Касаются друг друга под завораживающими переливами цвета на темном небе. У Оливии было такое ощущение, будто каждая молекула ее тела устремилась к Коулу, увлекаемая невидимым, но мощным магнитом, а северное сияние управляло электрической бурей вокруг них.

Оливия на мгновение закрыла глаза, пытаясь включить логику, но ей не удавалось отрешиться от плотских желаний.

– Дело в том, что мне не хватало дома, знаешь, настоящего дома. Корней. Того места, где ты вырос. Северное сияние символизирует для меня это ранчо. Не у каждого есть такое место. Иногда ты понимаешь, чего тебе не хватает, только когда возвращаешься. – Некоторое время Коул просто смотрел, потом добавил: – Подумать только, этот вид, отражающийся в озере, Мраморный хребет вдали, все это моя семья видела более сотни лет. Начинаешь гадать, может, и в самом деле это остается в твоём ДНК. И оно создает физическое томление по этому месту, в котором ты чувствуешь себя целым.

Коул надолго замолчал.

– Мне бы хотелось привезти сюда Холли и Тая. Чтобы они познакомились с папой. Я совершил много ошибок. И эти ошибки нельзя исправить.

Оливия глубоко вздохнула, ей было страшно заговорить. Он был так откровенен с ней, а ей совершенно не хотелось открываться.

– Но ты можешь начать все сначала, – осторожно заметила она. – Ты можешь вырасти из этих ошибок.

Коул резко повернулся к ней:

– Что-то вроде второго шанса?

Она облизала губы и выдержала его взгляд в мерцающем свете, внушающем суеверный ужас.

– Расскажи мне о своей семье, Оливия.

– Я не лажу со своей семьей.

Коул смотрел на нее несколько секунд, потом на его губах появилась улыбка.

– То есть ты бросаешь камни из стеклянного дома, так? Пытаешься научить меня ладить с моей семьей?

– Тушэ, – негромко ответила Оливия. – Ты прав. Не мне говорить тебе, как вести себя с отцом. Но точно так же как Бертону каким-то образом удалось задеть тебя тем, как он обращается с дочерью, так и вы с отцом задели меня. Вы оба были упрямыми быками, ни один не хотел отступить первым. И когда ты знаешь, как одно «прости» могло бы все изменить в твоей собственной жизни, тебе хочется вмешаться в жизнь других людей, если все еще есть возможность что-то наладить. Тебе отчаянно хочется сказать людям, что они могут спасти ту семью, которая у них еще осталась.

– Что случилось с твоим отцом, с твоей семьей?

Оливия подняла глаза к волшебному небу.

– Я правда не хочу говорить о них.

Она позволила ему подобраться слишком близко.

Как скоро он – они все – обо всем догадаются? Адель тоже видела шрам у нее на шее. Адель, главная городская сплетница. Адель, чей сын работает у Форбса, а тот, в свою очередь, связан со всеми. И Нелла видела шрам. Если не утихнут разговоры об убийце из Уотт-Лейк, кто-нибудь обязательно догадается, что она с ним связана. Нетрудно покопаться в архивах и почитать статьи восьмилетней давности. До этого времени Оливия была в безопасности, потому что ни у кого не было повода рассматривать ее прошлое под этим углом. До этого кошмарного нового убийства. Пока она не сорвалась и не повела себя как дура. Пока Коул не обнажил ее ужасный шрам.

– Послушай, я позвонила тебе во Флориду по той же причине, по которой ты вмешался в ситуацию с Гейджем и Тори. Теперь дело сделано, ты здесь и можешь позаботиться о своем отце, поэтому пришло время и мне подумать о новых планах.

– Например?

– Надо двигаться дальше, надо найти новое место для жизни.

– Повторяю: я хочу, чтобы ты осталась. Это твое место.

Ее глаза встретились с его глазами.

– Почему? Почему ты *передумал* и хочешь, чтобы это ранчо работало? Ты приехал сюда с готовностью продать его.

Коул рассмеялся. Звук был низким, глубоким, и в животе Оливии что-то напряглось.

– Как ты недавно мило заметила, Оливия, я *похож* на своего отца. Я такой же упрямый. И в моей ослиной голове появилась мысль о том, что я не хочу, чтобы Форбс наложил лапы на это ранчо и раздробил его на участки для богатеньких. Я вот что хочу сказать. Ты посмотри вокруг, посмотри на этот вид... – Он замолчал, потом с силой выдохнул. – Хочешь правду? Это произошло незаметно.

– Поэтому ты серьезно настроен на то, чтобы поднять ранчо и завести скот?

– Мне бы хотелось использовать этот второй шанс. Мне бы хотелось зарыться пальцами в землю, почувствовать опору, ощутить свои корни.

Голос дрогнул от эмоций, но Коул взял себя в руки.

– Я потерялся, Лив. И мне хочется посмотреть, что выйдет, если я перестану убегать. Если постараюсь осесть. Я хочу увидеть, узнаю ли я себя, если буду просыпаться утро за утром в одном и том же месте. Трезвый.

– Ты наконец решил прекратить погоню за смертью?

Он долго молчал, прежде чем ответить:

– Я на перепутье. И мне некуда спешить. Не к кому возвращаться. У меня есть средства.

После паузы Коул заговорил снова:

– Возможно, дело в моем отце. В сожалениях. В прощении. Или все это из-за глубокой неприязни к Форбсу. – Он посмотрел на Оливию. – А возможно, все дело в тебе.

Она сглотнула, услышав его слова. Это и смутило ее, и доставило удовольствие, и напугало.

Она откашлялась.

– А как насчет твоей сестры?

– Если ты останешься на условиях завещания, проблемы едва ли возникнут. Если ты уедешь, Джейн получит свою долю. Но я надеюсь,

что ты не уедешь, а я останусь и буду тебе помогать. – Коул улыбнулся. – Видишь? Я останусь, только если ты мне разрешишь.

Он повернулся к Оливии и медленно провел рукой по ее руке. Шелестели сухие листья. У причала громче заплескалась вода.

Оливии хотелось вырваться, сказать ему, чтобы он оставил ее в покое, но она не смогла. Потому что не хотела этого с такой же силой, с какой и хотела. И эти две стороны ее натуры вели между собой войну.

Коул коснулся ладонью ее лица, другая его рука легла Оливии на поясницу, привлекая к себе медленно, неотвратно. Он был сильный, теплый, глаза превратились в темные водоемы. Но Оливия чувствовала вопрос в его прикосновении. Коул спрашивал, этого ли она хочет. Не давил на нее, но и не скрывал своего намерения.

Пульсировало северное сияние, спокойные оттенки мерцали на резких чертах его лица, и молчаливый, примитивный вопрос повис в воздухе, холодном и потрескивающем от обещания и опасности. На мгновение Оливия позволила вернуться запретным мечтам. Ей нужно было лишь подчиниться, отдать себя. Взять у Коула то, чего она так хотела.

Но, несмотря на это желание, Оливия почувствовала, как в жаркой глубине ее живота, словно змея, поднимает голову страх.

Ладонь Коула легла ей на затылок, он нагнул голову, чуть повернул лицо и нерешительно коснулся губами ее губ.

В голове Оливии за клубился жаркий туман, оживляя спящие нейронные связи и забытые физические желания. И это было восхитительно, всепоглощающе, но ее мучил страх, уютно устроившийся внутри и опасно пробудившийся от этого жара. Он поднял на поверхность мрачное воспоминание о том дне, когда Этан попытался заняться с ней любовью. Это произошло много, много месяцев спустя после ее возвращения.

Хотя она исцелилась физически, ее мозг продолжал страдать. Сердце болело после расставания с ребенком, которого Этан не захотел принять. Ребенка, которого он осыпал бранью.

И желание Этана тоже остыло.

Его холодные сексуальные авансы попадали на свежие воспоминания о насилии над ней. Она сжималась от его прикосновений, хотя изо всех сил старалась этого не делать. Да и его

не слишком тянуло к ней. Потому что в те редкие моменты, когда Оливии удавалось справиться с воспоминаниями, она замечала в глазах мужа отвращение. И еще в них был страх перед тем, что один человек может сделать с другим. Страх перед тем, что другой мужчина сделал с его женой, и перед тем, что случившееся сделало с ним и их браком.

В глазах мужа Оливия видела и сомнения, и вопросы: случилось бы с ними такое, если бы она не поощряла убийцу?

Их брак закончился в тот день, когда Себастьян Джордж вошел в магазин и выбрал ее в качестве следующей жертвы.

Они с Этаном больше не могли смотреть друг другу в глаза. Между ними всегда стоял Себастьян Джордж. Так жить было невозможно. Поэтому они расстались.

С тех пор Оливия ни разу не была с мужчиной.

Коул крепче прижал ее к себе, его рот надавил на ее губы. И когда ее губы приоткрылись под его напором, Оливию охватило ослепляющее желание, стирая все мысли, все воспоминания. Язык Коула скользнул ей в рот, пробуя ее на вкус, и она прижалась к нему, растворилась в этом поцелуе, в его крепком теле. Ее язык яростно сплетался с его языком, и собственный голод поглотил Оливию.

Его щетина царапала ей лицо. От этого Оливия стала еще яростнее, еще голоднее. Она ощутила его эрекцию, когда его член прижался к ее животу. Коул двигался вместе с ней к ее домику.

Он провел Оливию через слегка приоткрытую дверь, и она распахнулась настежь. Коул захлопнул ее ударом ноги, пока его язык переплетался с ее языком, скользил по нему и соединялся с ним.

В комнате было тепло, угли в печке пульсировали мягким оранжевым светом, отбрасывая в комнату медный отблеск. Коул направил Оливию к дивану. Ноги у нее подогнулись, когда край дивана ударил ее под колени, Коул опустил ее на диван и лег сверху.

* * *

Сквозь ветки Юджин наблюдал, как они, сплетаясь в объятии, вошли в домик. Кровь стучала у него в висках, член напрягся. И это причиняло ему боль. Кулаки Юджина сжались, он заскрипел зубами.

Помеха. Только и всего. Это ничего не изменит. Потом он накажет ее за предательство. Самки во время течки непостоянны. Хороший охотник должен быть готов к неожиданностям, если охотится на самку.

Просто сначала он убьет самца.

* * *

Тори дождалась, пока погаснет желтая полоса света под ее дверью – значит, отец лег спать. Она сунула руку под матрас, нашла свою электронную книгу. Зеленое сияние, пробивавшееся сквозь щели в жалюзи, было пугающим. Ветка стучала по жестяной крыше домика, с елей летели шишки.

Тори включила ридер. Она плотнее завернулась в одеяло, слова ее матери снова ожили.

«До нее донесся крик возвращающихся гусей. На четвереньках, не щадя голых коленок, она подползла к щели в дощатой стене. Натянула веревку, пытаясь увидеть кусочек неба. И тут она увидела его. Он стоял на полоске старого снега, широко расставив сильные ноги.

Вокруг него шумел лес: звенела капель, что-то трескалось и падало. Это были звуки таяния. Дыхание вырывалось из его рта белыми клубами. Он посмотрел на ее сарай.

Она уползла в свой угол, стараясь не звенеть оковами и не тереть шею веревкой еще сильнее. Свернувшись калачиком на шкурах, она прикрыла живот руками и коленями, словно защитным панцирем, и притворилась спящей.

Дверь распахнулась. Сара почувствовала свет на лице.

– Пора, – объявил он.

Пульс у нее участился. Она медленно повернула голову и моргнула, когда полоса белого света, ворвавшись в лачугу, ударила по глазам.

– Вставай.

– Пора для чего? – Голос, заржавевший от длительного молчания, напоминал карканье. Этот звук напугал ее. Кем она стала? Во что превратилась?

Он не ответил.

Он присел на корточки в центре сарая, разглядывая ее. Его запах заполнил ее ноздри. Она заставила себя сосредоточиться, мысленно уйти из этого сарая. Но он не разделся. Поставил рядом с ней пару ботинок. Она моргнула. Это были ее ботинки. Те самые, которые она надела в тот день, когда он ее похитил.

Он переместился ближе к ней. Как животное. Она затаила дыхание, когда он снял мешковину с ее голых ног. Коснулся ее ступни. Она сжалась, стиснула зубы. Но он снял с нее кандалы. Цепь звякнула. Он подобрался еще ближе и, тяжело дыша, достал нож. Ее сердце забилось еще быстрее. На коже выступил пот. Лезвие блеснуло в луче света, пробивавшемся через дыру в стропилах. Вот оно. Вот что он имел в виду, когда сказал: «Пора». Сара сжалась в комок, готовая отбиваться, бороться за свою жизнь и жизнь ребенка. Он поднял нож... и перерезал веревку, которой она была привязана к стене. Отрезанный кусок упал на пол. Сара уставилась на него. Ее затрясло.

Он ушел. Хлопнула дверь сарая.

Тишина. Только шум леса. Капель. Из-за таяния снега бормотание небольшого ручейка где-то неподалеку стало громче.

Сара ждала знакомого скрежета задвижки с другой стороны двери.

Его не последовало.

Она напряглась, совершенно сбитая с толку.

Он не запер дверь?

Что-то изменилось.

Пора.

Она ждала и не знала, как долго ждет. Потом она перестала слышать его снаружи. Вернется ли он? Следует ли ей убежать? И куда? Или он ждет у сарая, пока она попытается это сделать? Она встала на колени, подползла к своим ботинкам, дотронулась до них, ожидая, что он войдет.

Он не пришел.

Задышавшись, она негнуцимися пальцами попыталась сунуть распухшие, потрескавшиеся ступни в холодные кожаные ботинки. Она дрожала, обливалась потом, неуклюже пытаясь завязать шнурки.

Попыталась осторожно встать. Тело пронзила боль. Сара оперлась рукой о стену сарая, ноги у нее подгибались. Она посмотрела в щели. Деревья. Лес без конца и края. Вверху – полоска голубого неба.

Свобода?

Сквозь страх пробилась яростная решимость.

В крови бушевал адреналин. Сара быстро вернулась в свой угол, схватила джутовый мешок, обернула им свою обнаженную раздавленную талию, завязала его веревкой, которую нашла на полу. Она думала об Этане. О доме. О возвращении домой. О ребенке внутри нее. О надежде. Ее снова затрясло. По щекам покатились слезы.

Надежда может быть невероятно мощным стимулом. Именно она заставила ее двигаться.

На голые плечи она накинула медвежью шкуру и долго стояла у двери, не зная, как поступить.

Потом она осторожно открыла дверь и заморгала, словно крот, увидев дневной свет.

У стены сарая, почти у самой двери, стояло ружье. Сара могла взять его.

Где он?

Чего он хочет?

Что это за игра?»

* * *

Коул поцеловал ее глубоким поцелуем, высвобождаясь из куртки, сбрасывая ее на пол и расстегивая куртку Оливии.

Головокружительный калейдоскоп черных и красных завитков стирал мысли Оливии, волны жара затопили грудь. Оливия провела руками по талии Коула, по животу, чувствуя железную крепость мышц. Она впитывала его запах, его вкус, заполняя себя, погружая себя в бездонное примитивное удовольствие.

Коул поднял край ее джемпера и положил руки ей на живот. Ладони у него были горячие, кожа загрубевшая. Его пальцы поднялись выше и расстегнули застежку лифчика, которая была спереди. Из глубины его тела вырвался стон, когда он обхватил ладонью ее грудь и принялся водить большим пальцем по затвердевшему соску. Потом его

пальцы коснулись шрама в виде полумесяца, след от укуса, который оставил на ней Себастьян Джордж.

Оливию как будто пронзили ледяным мечом.

Она застыла.

Именно эту отметину эксперты сравнивали с отпечатком зубов Себастьяна. Просто один из следов, которые он оставил на ее теле и которые стали уликой. Душная темнота наполнила легкие. Оливия накрыла руку Коула своей, останавливая его, а воспоминания хлынули потоком.

Она не могла дышать. Не могла видеть. Клаустрофобия усилилась. Сердце сбилось с ритма.

Оливия крепко вцепилась в его запястье, борясь с возникающими картинками, со своим прошлым. Она задрожала, тело покрылось потом. Нет.

Нет!

Она *не* позволит Себастьяну вернуться. Она справится с прошлым. Она вернет все назад. Станет целой, станет женщиной. Коул будет с ней. Она покажет самой себе, что свободна. Если она не сделает этого сейчас, она никогда на это не решится. Она навсегда останется получеловеком.

А самой большой мечтой Оливии, самой отчаянной ее надеждой было снова стать целой. Она столько боролась, чтобы пройти весь этот путь, но до конца она его еще не прошла. На подсознательном уровне она понимала, что только тогда станет по-настоящему свободной.

– Лив? – прошептал Коул, его теплое дыхание коснулось ее уха.

Она отпустила его запястье и начала выбираться из-под него, судорожно расстегивая джинсы и стягивая их и трусики. Ее джинсы застряли над сапогами. Она высвободила одну ногу. С каким-то безумием дикарки, трясущимися руками она перевернула Коула на спину и оседлала его. Задыхаясь, почти ничего не видя, она опустила «молнию» на его джинсах. Ее тело намокло от пота, дыхание стало прерывистым. *«Не думай, не думай, не впускай его обратно...»*

Она спустила джинсы с бедер Коула. Его восставший член оказался в ее руках. Большой, твердый. Горячий. Влажный на округлом кончике. У нее перехватило дыхание. Руки Коула схватили ее за запястья.

– Оливия, – произнес он напряженным шепотом. На его лице был вопрос, в глазах – тревога. – Что ты делаешь?

Из ее глаз хлынули слезы. Она попыталась вырваться, одновременно раздвигая бедра над ним, чтобы захватить гладкую горячую головку его члена. Предвкушение, гнев, страх, все смешалось в ней, когда она крепко зажмурилась и опустила на его член, все шире раздвигая бедра, опускаясь по горячему твердому стержню все ниже и ниже. Она ахнула, ощутив его внутри себя. Не обращая внимания на боль, она вобрала его в себя до предела, пока не прикоснулась к нему самой сокровенной своей частью. Оливия ощутила сладостное, восхитительное извержение влаги, когда привыкла к его размеру. Это была изысканная, возбуждающая боль, которая сводила с ума, увлекая на вершину наслаждения.

Прерывисто дыша, Оливия начала расстегивать пуговицы мягкой фланелевой рубашки Коула, продолжая двигаться вверх и вниз по его члену. Пуговицы отлетели, застучали по деревянному полу, некоторые закатились под диван. Оливия двигалась все быстрее. Она становилась все более влажной, все более скользкой, все более горячей. Она провела ладонями по груди Коула, наслаждаюсь жесткостью волос, тем, как они узкой полосой спускались к чреслам, где создавали еще более жесткую, пружинистую массу. Прикосновение этих волос к внутренней поверхности ее бедер разжигало огонь, а мягкость яичек восхитительно ощущалась ее ягодицами.

В следующее мгновение Оливия как будто ослепла, мышцы ее влагалища сжались вокруг его члена, словно тиски, умоляя о разрядке. Она задвигалась еще стремительнее, еще быстрее, ее ладони скользнули Коулу на плечи, ногти впились в его кожу. Краем сознания она ощутила его крупные руки на своих обнаженных бедрах, эти руки пытались контролировать ее, пытались замедлить ее движение. Остановить ее. Но она переборола его. Сейчас она доминировала и владела им. Каждым движением бедер она стирала прошлое, пока не застыла. Ее спина выгнулась.

В ушах нарастал шум.

Оливия откинула голову назад, и мышцы неожиданно расслабились во взрывном спазме, охватившем все тело, заставляя громко кричать и хватать ртом воздух, пока она не обессилела.

Оливия рухнула на обнаженную грудь Коула. Ее лицо было мокрым от слез, сердце билось часто-часто, кожа стала скользкой от пота. Оливия дрожала всем телом.

Коул обнял ее, удержал.

Потом, очень медленно ее сознание начало проясняться. Она застыла.

Его член все еще был внутри ее. По-прежнему твердый. Но он не двигался.

Реальность обрушилась на нее вместе с холодом тревоги. Оливия подняла голову, посмотрела ему в глаза. Коул взял ее лицо в ладони и принялся рассматривать его в фантастическом, мигающем свете северного сияния, льющемся через окно. По его лицу пробегали тени от деревьев.

Коул по-прежнему не сделал ни одного движения для собственного оргазма.

Она сглотнула, осознавая, что Коул почти полностью одет. Она сама была в свитере и носках, джинсы спущены и держатся на одной ноге.

И хотя при таком освещении Оливия не могла рассмотреть выражение его глаз, она это почувствовала. Беспокойство. Вопросы. И ощутила, как его член стал мягким.

Ее охватило смущение.

Стыд.

– Лив, – прошептал Коул.

В отчаянии она попыталась подвигать бедрами, чтобы вернуть ему былую твердость.

– Не надо, пожалуйста. Подожди. Позволь мне отнести тебя в постель. Я хочу быть с тобой там. Как положено. Я хочу, чтобы в моих объятиях ты была полностью обнаженной.

– Просто... – Она сглотнула, пытаясь напрячь мышцы влагалища. Из ее глаз катились слезы. – Просто кончи... Пожалуйста... Вот так...

Оливия изо всех сил старалась оживить его умирающую эрекцию, вращала бедрами, у нее в груди копилось рыдание. *Пожалуйста, пожалуйста.*

Она почувствовала, как его пенис выскользнул из нее.

– Пожалуйста... – Оливия продолжала сжимать мышцы, пытаясь удержать его в себе. Но не смогла. Слезы снова покатались по ее

щекам.

Коул крепко удержал ее за бедра.

– Оливия! Прекрати.

Ее тело задрожало.

Он ее не хочет. Он не кончил. Его эрекция пропала внутри ее...

Она убила его желание.

Как убила желание Этана, внушила отвращение собственному мужу, который не мог кончить, когда смотрел на нее.

Оливия слезла с Коула. Прыгая на одной ноге, сунула другую ногу в джинсы. Эмоциональные стены закрылись. Холодные, прочные. Безопасные.

Коул сел, потянулся к ее рукам.

– Лив, иди сюда. Пойдем к тебе в спальню.

Оливия не могла.

У нее уже не осталось той храбрости, которая была еще минуту назад. Она чувствовала себя униженной и не способной полностью раздеться, показать ему себя и свои шрамы. Она не могла открыть ему, что была Сарой Бейкер.

Она потеряла рассудок, была не в своем уме. Ее ослепило что-то иррациональное. Как она могла пожертвовать восемью проклятыми годами ради кратких мгновений жаркой похоти?

Оливия сделала шаг назад, застегивая джинсы. Спутанные волосы свисали ей на лицо.

– Это было ошибкой. Пожалуйста, уходи.

Она была готова сломаться. Она забыла о собственных принципах, о контроле. Стена между Сарой и Оливией, прошлым и настоящим, была тоньше стекла, покрытого трещинами, и эти трещины разбегались во всех направлениях. Преграда вот-вот разлетится на куски. Оливия не позволит Коулу увидеть это.

– Послушай меня, Оливия, я знаю, что...

– Прошу тебя, иди к черту. Сейчас же!

Глава 18

– Нет, – сказал Коул, впившись в нее взглядом. – Это *не* было ошибкой. Ты напрасно винишь себя. Объясни мне, что происходит.

– Ты абсолютно ясно дал мне понять, что происходит. Ты даже не смог трахнуть меня. А теперь будь добр, сделай одолжение и не унижай меня еще больше. Просто уйди. – Оливия швырнула Коулу его куртку. Она приземлилась у него на коленях.

– Дело не в этом.

– Вот как? А в чем тогда?

Коул встал, застегнул «молнию» на джинсах.

– Не притворяйся. И не пытайся свалить все на меня. – Он потянулся к ее руке, но Оливия резко отступила назад и налетела на стол. В ее глазах заплескалась паника.

Проклятье. Вот это точно *было* ошибкой. Большой ошибкой.

– Послушай меня. Я хочу заниматься с тобой любовью, медленно, в твоей постели. Я хочу провести с тобой всю ночь, а не сражаться. – Коул указал на диван. – Ты *не меня* хотела. Ты трахала кого-то другого. Я был просто сексуальной боксерской грушей. Мне такого не нужно.

Оливия сглотнула, ее глаза блестели. Она была напугана.

Коул поднял обе руки.

– Все в порядке. Я ухожу... Мне просто не хочется оставлять тебя вот так, только и всего. Что бы это ни было, ты можешь мне сказать. Я помогу.

Она молчала и свирепо смотрела на него, крепко сжав губы.

Коул выругался про себя, потянулся за своей курткой. Подошел к Оливии и поцеловал ее в щеку. В ней чувствовалось напряжение, она держалась очень прямо и опиралась на стол.

Коул вышел в ночь, аккуратно закрыл за собой дверь. Надел куртку, спасаясь от леденящего холода.

Он задержался на крыльце и услышал звук задвигаемой щеколды на двери.

«Мне здесь нечего бояться...»

И вот теперь Оливия боялась.

Она боялась Коула. И того, что он собой олицетворял.

Но пока он спускался по ступенькам и шел по грунтовой тропинке к своему домику, он понял, что Оливия боялась не его. Она боялась себя и того, что чувствовала.

* * *

Тори перевернула электронную страницу.

«К спусковой скобе ружья был привязан мешок. Сара оглядела поляну, потом осторожно присела на корточки и схватила ружье. В мешке лежали патроны.

Сара ничего не понимала. Она посмотрела на лес, сделала робкий шаг. Ничего не произошло. С сильно бьющимся сердцем, с ружьем в руках она добралась до центра поляны. Все ее чувства напряглись от новых ощущений, ведь она не была на улице всю зиму.

Где-то у нее за спиной он вздернул затвор на помповом ружье. Звук эхом отозвался в лесу. Она застыла. Он выстрелил. Грохот спугнул птиц на деревьях. Она с криком бросилась к лесу. Ей пришлось пробираться через голые кусты ивы, которые царапали ее голые белые ноги.

Она слышала, что он устремился за ней. Она бежала все дальше и дальше в лес, дыхание стало прерывистым. Совсем задохнувшись, она присела на корточки в канаве с подтаявшим снегом. Острые кристаллы ледяной корки царапали ее голени.

Она ждала, задыхаясь, с открытым ртом, на глаза упали волосы.

Он тоже ждал. Прислушивался. Или отстал? В чем его игра?

В неярком свете густого леса она проверила ружье. Заряжено. Он дал ей оружие и патроны.

«Никакая охота не сравнится с охотой на вооруженного человека». Так он однажды сказал.

Она встала, пригнувшись. Ноги у нее дрожали. Потом медленно, тихо, стараясь не наступать слишком часто на ледяной наст, она направилась туда, где на земле плотным слоем лежали еловые иголки. Там от нее будет меньше шума, и она оставит меньше следов.

Он нашел ее в сумерках. Она съежилась между корнями огромного кедра.

Он беззвучно материализовался из тени между ветками. Его глаза, смотревшие на нее, напоминали глаза кугуара. Он медленно поднял ружье к плечу и выстрелил. Пуля прошла справа от нее. Сара ахнула, на четвереньках поползла прочь. Ветки рвали мешковину, поэтому, уползая в туннель из веток, она сверкала обнаженными ягодицами. Сара услышала приближающиеся шаги.

Она оказалась в ловушке.

– Что тебе нужно? – крикнула она. По лицу текли слезы, смешиваясь с грязью, порезы на икрах сочились кровью.

– Беги!

– Иди к черту!

– Беги! – Он выстрелил, и пуля двенадцатого калибра вошла в землю у ее ступни. В стороны полетели суглинок и камни. Сара вскрикнула...»

* * *

Оливия закрыла дверь ванной и заперла ее. Разделась и посмотрела на свое тело в большое зеркало. Изрезанное, избитое, искусанное Себастьяном Джорджем. С его клеймом. Принадлежавшее ему. Она не могла смотреть на себя обнаженную без того, чтобы не оживить его.

Она медленно подняла руки и коснулась следов от его укусов, потом провела пальцами по шраму на шее. Ее взгляд опустился вниз, на ноги со шрамами, на отмороженные пальцы – двух не хватало, еще у двух были ампутированы верхние суставы. Потом внимание переключилось на шрамы от попытки самоубийства.

Оливия испытала прилив стыда и отвращения. Ей неприятно было смотреть на себя. Как она могла ждать любви от кого-то еще? Как она могла надеяться возбудить мужчину?

Ее самой насущной потребностью было снова стать свободной, нормальной, настоящей женщиной. Но теперь она понимала, что такая свобода предполагала необходимость показать себя, обнажиться. Это означало необходимость открыть Коулу свое прошлое, в котором она была Сарой Бейкер.

Коул был бомбой с часовым механизмом. Он не мог не задавать вопросы. Он уже увидел достаточно, чтобы кое-что понять. Он был галантным и замечательным, потому что не давил на нее.

Но ей не хватало чертовой храбрости поверить в то, что, даже увидев ее такой, он все еще будет считать ее привлекательной. Безумием было думать, что он не станет задавать сложные вопросы, когда увидит, насколько она изуродована.

Да и стоило ли оно того? Краткий момент похоти? Насколько сильно ей необходимо сексуальное самоутверждение? Коул – перекачиполе. Да, в данный момент он на перепутье, но как только он получит свое наследство, что дальше?

Стоило ли вождение того, чтобы снова предстать перед средствами массовой информации, перед своей семьей, перед жителями города? Взгляды, любопытство, вопросы... Переживать все это снова и снова? Потому что обязательно вернутся воспоминания. А ведь именно их она старалась уничтожить, когда пыталась покончить с собой.

Оливию охватила паника, начался приступ клаустрофобии, к горлу подступила желчь. Она нагнулась над унитазом, желудок сжался, и ее вырвало. На коже выступил пот, она задыхалась. Ей пришлось обхватить себя руками, пока желудок и грудная клетка не перестали сокращаться.

Отдернув занавеску душа, Оливия пустила обжигающую воду.

Броукен-Бар когда-то был безопасным местом. Ее святилищем. Ее мечтой о будущем. Но всего лишь за несколько дней злые ветры принесли с собой зимний холод и сумели все изменить. Это убийство, выпуск новостей. Майрон и его завещание. Коул. Лучше бы она не брала свой проклятый телефон и никогда ему не звонила.

Но она сделала это.

И теперь ей надо было принять тот факт, что с этой главой, этим этапом, этим святилищем покончено.

Потому что, если даже Коул оставит ее в покое, все видела Адель. Нелла и Джейсон теперь тоже знали о ее шрамах и о ее воспоминаниях. Будут другие новости об убийстве у реки Биркенхед, станет больше напоминаний об убийце из Уотт-Лейк. Какой-нибудь репортер или кто-то из Клинтон из любопытства заглянет в старое дело, увидит выжившую жертву. И ее сразу узнают.

Ее найдет Этан. И родители... Нет, этого она не вынесет. Ей нельзя больше оставаться здесь.

Оливия забралась в ванну. С сухими глазами она уселась на дно, крепко обхватив руками колени, позволяя воде литься на спину и на голову, обжигая плоть, пока кожа не стала красной, как у вареного рака, пока не закончился газ и вода не начала остывать.

* * *

У Тори сильно билось сердце, когда она перешла к следующей странице электронной книги.

«В воздухе появились крошечные снежинки. Они припорошили землю.

Это помогло скрыть ее следы, когда она карабкалась, словно беременная первобытная, в медвежьей шкуре и с голыми ягодицами, с ружьем в руках и безумием в голове. Он позволил ей убежать. В этот раз. И теперь она ползла с открытым ртом, ее ноздри раздувались, когда она втягивала воздух, пытаясь уловить его запах, прислушиваясь к его звукам.

И тут она услышала это.

Пронзительный, предупреждающий свист бурундука.

Маньяк был рядом.

Где-то здесь.

Она застыла, медленно повернулась, сделав полный круг. Во рту пересохло. Сердце гулко стучало в груди.

Потом она увидела медвежий помет. Маслянистый, зеленовато-черный. Зловонная фекальная пробка, выпущенная после долгой зимней спячки и отсутствия еды. Взгляд Сары метнулся в лес. Она нашла то, что искала. Отметины у основания массивного болиголова и снова помет. Встав на четвереньки, она заползла под ветки болиголова. Она видела следы когтей в нижней части ствола. Медведь пометил свою территорию.

И вот она, берлога в основании огромного старого дерева.

Сара осторожно сунула туда руку, ощупала края. Да, берлога. Теплая. С мягкой подстилкой из иголок, веток и сухого мха. Медведя в ней не было.

Сара залезла внутрь, стараясь не сжимать живот. Места оказалось достаточно, чтобы она смогла свернуться клубочком. Она прикрылась остатками коры, сухого мха и сухих листьев, которые принес в берлогу медведь.

Если зверь вернется, она с ним разберется. Все лучше, чем иметь дело с *маньяком*.

Она обхватила руками живот, подтянула колени, защищая своего ребенка, и наконец перестала дрожать.

Снег пошел сильнее. Тяжелый, укутывающий, скрывающий ее следы, ведущие к берлоге».

* * *

Коул вошел в свой домик. Там было темно и холодно. Он подумал, не развести ли огонь. Но вместо этого зажег маленькую газовую лампу и налил себе выпить. В спортивной сумке он нашел шерстяную шапку и поглубже натянул ее на голову. Он взял выпивку и уселся на крыльце. Он смотрел, как меркнувшее северное сияние отражается в беспокойной поверхности воды.

На юге небо потемнело, оттуда надвигались тучи, закрывая звезды.

Он был дураком, когда попытался поцеловать ее.

Он понимал, что происходит. Она хотела его, это так, но не была к этому готова. Ее переполняли стыд и страшные воспоминания. Он потягивал бренди, гадая, может ли быть готовой женщина, пережившая такое. Возможно, полученные ею повреждения навсегда оставят ее искалеченной во многих отношениях – эмоционально, психически, физически. И что это может значить для того, кто влюбится в нее?

Коул вдруг осознал, что *влюбился* в нее, и это повергло его в шок. Он от нее без ума. Ему хотелось узнать ее с разных сторон, и это не имело никакого отношения к этому ранчо.

Именно поэтому он отстранился от нее, хотел увести ее в спальню и действовать медленнее. Но теперь он все испортил. И, скорее всего, у него не будет возможности вернуться назад и начать все сначала.

Он сделал еще глоток. В груди, разогретой выпитым бренди, зрел еще более важный вопрос.

Что это значит для него? Влюбиться в женщину, с которой, возможно, он никогда не сможет иметь отношения?

Коул услышал вой волков. От этого звука волосы на шее встали дыбом. Ветер подул сильнее, меняя направление.

Коул посмотрел в сторону домика Оливии. Там все еще горел свет. Он видел его между похожими на привидения, светлыми стволами деревьев. Коул негромко фыркнул. Возможно, он наконец, после стольких лет, нашел того самого *выжившего*, которого искал, человека, выжившего вопреки всему. И этот человек помог ему на каком-то глубочайшем уровне понять, почему и он тоже выжил. Возможно, если бы он мог быть рядом с Оливией, помогать ей спокойно и комфортно двигаться вперед, строить с ней что-то на этом ранчо, то смог бы искупить свою вину за то, что столько лет назад украл жизни матери и брата.

Целибат мог быть платой за отпущение грехов.

Коул негромко выругался и сделал еще глоток. Это алкоголь говорил в нем. Оливия права. Он похож на отца.

Он точно так же цеплялся за несчастье, случившееся двадцать три года назад, как делал это его отец. Или оно цеплялось за них. За всех. Даже за Джейн.

* * *

Оливия набросила махровый халат и крепко завязала пояс. Волосы свисали мокрыми прядями, с них капала вода. Оливия подошла к шкафу и вытащила свои сумки. Открывая ящики, она начала выбрасывать вещи. Все до одной. Быстро, яростно.

Она закрыла «молнии» на сумках и остановилась. Эйс все так же крепко спал перед железной печкой, ничего не замечая вокруг, и Оливия любила его за это. Он был ее душевным равновесием. Она подошла к нему, присела на корточки и уткнулась лицом в его шерсть, впитывая его запах, смесь попкорна и псины. Эйс заворчал и перевернулся на спину. Оливия почесала ему живот. На нее неожиданно навалилась усталость.

Как только рассветет, она закончит упаковывать то, что осталось от ее скудных пожитков. Затем сложит вещи в свой грузовичок, предупредит оставшихся гостей о приближающемся буране, попрощается с Майроном и поедет по лесовозной дороге, пока снег не станет слишком глубоким. Когда наладят телефонную связь, она позвонит на ранчо и договорится о транспортировке Спирит туда, где найдет новый дом.

Оливия потушила керосиновые лампы, оставив только одну – возле кровати. Она откинула одеяло.

И у нее остановилось сердце.

На белой простыне лежала веточка шиповника с красными ягодами.

Ниже пылающей красной помадой были написаны слова:

«Пора заканчивать охоту, Сара.

Беги, беги...»

Оливия рванулась вперед и сорвала одеяло с кровати. Она смотрела на постель. Его запах, казалось, поднимался от постельного белья и заполнял ее ноздри. Он был здесь. Она чужла его. Он лежал в ее постели. Она отпрянула назад, ударилась о шкаф. Прошлое было готово поглотить ее.

Из груди вырвался нечеловеческий крик.

Она снова была в лесу. Бежала на онемелых обрубках, в которые превратились ее ступни в холодных, мокрых кожаных ботинках.

Он нагонял ее. Тяжело дышал. Она слышала его шаги – негромкий стук на пружинящей подстилке из мха и иголок. Она упала. Она не могла двигаться дальше. Она понятия не имела, сколько времени пряталась в берлоге, но когда она из нее наконец вышла, он ее поджидал.

Она упала на спину, на еловые иголки. Он поднимался вверх по холму, глядя на нее в прицел ружья. Она знала, что время пришло. Он собирался сделать последний выстрел и убить ее. Он собирался вырезать ребенка из ее живота. Она была беременной оленихой, на которую его долбаный папочка никогда не позволял ему охотиться.

Лежа, она перевернулась на живот, подняла ружье. Дрожь всем телом, прицелилась, согнула палец на спусковом крючке и без колебаний нажала на него. Отдача ударила ее в плечо.

Пуля вонзилась в дерево у самого его лица. Кусочки коры и древесины полетели в него. Он застыл, опустил ружье, пошатнулся.

И упал.

Сердце билось у нее в горле. Она ждала. Но он лежал без движения. Она медленно поднялась на колени, потом встала. Он не шевелился. Она подумала о том, что шрапнель попала ему в голову. Она понятия не имела, умер он, цел или ранен. Она просто побежала. Вниз по лощине, заросшей ольхой и ивами. Продираясь сквозь ветки, увязая в глубоком подтаявшем снегу, она пошла на юго-запад. Если она не ошиблась и правильно оценила положение солнца, то на юго-западе находился ее дом.

* * *

Крик прорезал ночь.

Коул вскочил, развернулся, с грохотом поставил стакан на перила.

Оливия!

Он помчался по тропинке через рощицу качающихся на ветру деревьев. Ветер швырял в него сломанные ветки.

Одним прыжком он оказался на ее крыльце. В домике было темно. Коул только нащупал ручку двери, как чья-то рука крепко обхватила его за шею, перекрывая дыхание, оттаскивая назад. К горлу прижалось холодное лезвие.

– Стой там, где стоишь, мать твою. Думаешь, что можешь пугать меня, ублюдок...

– Оливия, – спокойно, негромко сказал Коул, но сердце предательски выскакивало из груди. – Все в порядке. Это я. Тише, тише, просто опусти нож.

Оливия не шевельнулась. Из ее горла вырывалось хриплое дыхание. Казалось, она не могла даже думать, она была не в силах вернуться из того места, куда ее увели воспоминания.

Очень медленно Коул протянул руку, сжал запястье той руки, в которой Оливия держала нож, и с трудом отвел лезвие от своей шеи. В ней была сила безумия.

– Тише, – повторил Коул. – Тише.

Он развернулся к Оливии лицом.

Она крепко прижала руки к бокам, по-прежнему сжимая нож в правой руке. Ее рот был открыт. Оливия задыхалась. Взгляд дикий. Волосы спутались и были мокрыми.

Ее банный халат распахнулся. Под ним на ней ничего не было. По шее Коула потекло влажное тепло. Он коснулся шеи пальцами и увидел на них свою кровь.

Оливия уставилась на кровь на его пальцах, потом вгляделась в его черты. На ее лице отразилось смущение.

– Поговори со мной, Оливия, – негромко попросил Коул. – Что произошло?

Оливия как будто не знала или не могла сосредоточиться. Она покачнулась, словно собиралась упасть в обморок.

– Вот. – Коул протянул руку. – Я собираюсь дотронуться до тебя. Согласна? Я сейчас уведу тебя в дом. Можно? Ты позволишь мне дотронуться до тебя?

Коул медленно подошел к ней, обнял за плечи и повел в дом, закрыв за собой дверь. Он вынул нож из руки Оливии и положил его на шкафчик.

В гостиной лампы были потушены, только оранжевое пламя печи освещало комнату. Из-за двери в спальню раздалось царапанье и подвывание.

Коул напрягся.

– Где Эйс, Лив?

– Т... там.

Он быстро подошел к двери и открыл ее.

– Нет! – закричала она. – Туда... нельзя. Моя спальня.

Коул замер.

Она так и не запахнула халат. В медном свете огня он увидел большие шрамы на ее грудях. Страшный шрам вокруг шеи. Шрамы на бедрах и голенях. Его взгляд медленно опустился к ее ступням.

О боже.

Не хватает нескольких пальцев, другие частично ампутированы. Это объясняло ее неловкую походку.

Весь ужас того, что Себастьян Джордж сотворил с ней, предстал перед Коулом, отпечатанный на ее теле.

У него свело мышцы. В нем кипели сострадание и слепая ярость. И в это мгновение он понял, что готов на все, только бы защитить эту

женщину. Эту сильную, невероятную, соблазнительную, добрую, щедрую женщину, которая была настолько разрушена и охвачена стыдом, что даже не могла позволить ему любить ее.

Оливия осознала, что Коул ее разглядывает, и вздрогнула. Она побелела и начала завязывать халат. Ее пристыженное, смущенное лицо убило Коула.

– Что у тебя в спальне? – мягко спросил он.

– Пустяки. Убирайся отсюда. Я в порядке.

Это он уже слышал.

– Эйсу надо выйти. Можно я открою дверь и выпущу его? Мне нужно убедиться, что с ним все в порядке.

На лице Оливии снова появился ужас, когда ее взгляд упал на дверь спальни. Коул даже испугался, что Оливия может броситься вперед.

Он осторожно открыл дверь. Из спальни, виляя хвостом, выбежал Эйс и направился напрямиком к хозяйке.

Оливия присела на корточки, обняла его, обхватила, прижала к себе, уткнулась в его шерсть. Пес принялся лизать ее лицо.

Глаза Коула повлажнели от эмоций, а в крови бурлил адреналин. Он быстро вошел в спальню и в ужасе застыл.

Поперек белой простыни губной помадой были написаны слова:

«Пора заканчивать охоту, Сара.

Беги, беги...»

Рядом с надписью лежала ветка шиповника с красными ягодами.

Коул быстро осмотрел комнату. Окно было закрыто. На полу стояли сумки. Ящики были пусты. В ванной сыро и жарко после недавно принятого душа, пол был мокрым.

Коул вышел из спальни Оливии, закрыл за собой дверь и пошел ставить чайник.

– Лив?

Коул вернулся к Оливии и положил руку ей на плечо. Оливия подняла голову: белое лицо, пустые глаза. Сухие глаза.

– Иди сюда. Посиди у огня. – Он подтащил к печке огромное мягкое кресло.

– Коул, я...

– Иди, – повторил он, помогая Оливии встать. – Тебе *нужно* поговорить со мной, Лив.

Ее тело затрясло крупной дрожью. Коул сел рядом с ней, крепко обнял и просто прижал ее к себе.

Когда Оливия успокоилась, он сказал:

– Ведь это не был несчастный случай во время ловли крабов, верно?

Глава 19

Тори забралась с электронной книгой под одеяло. В домике становилось все холоднее, несмотря на топившуюся в соседней комнате дровяную печку. Под крышей завывал ветер. Но Тори не могла отложить ридер в сторону и заснуть. Она начала читать следующую главу из рукописи матери.

«Водитель грузовика включил противотуманные фары. Туман кружился и стелился среди мрачных хвойных деревьев, стоящих по обеим сторонам крутой лесовозной дороги. Весенний снег все еще лежал на обочинах.

Увидев фигуру в тумане, водитель моргнул. Она появилась прямо перед его грузовиком.

Господи Иисусе. Женщина? Голые ноги, медвежья шкура, спутанные волосы. В руках ружье. Водитель ударил по тормозам. Покрышки лесовоза завизжали, он пошел юзом по направлению к фигуре в тумане. Водитель изо всех сил жал на тормоз, пытался остановить занос, чтобы не вывалить груз и не задавить это существо.

Лесовоз остановился в нескольких дюймах от женщины. У водителя на лбу выступил пот. Женщина повернулась и посмотрела на кабину. У него замерло сердце. Она была бледной, словно привидение, глаза – темные провалы. Кожа испачкана кровью и грязью. На шее веревка. Трусов нет.

Водитель выбрался из кабины и спрыгнул на дорогу. Она вскинула ружье, прицелилась прямо ему в сердце. Водитель поднял руки.

– Эй, все в порядке. Я не причиню тебе вреда.

Она разглядывала его в прицел и не шевелилась.

Водителю стало страшно.

– Пожалуйста, не надо. Я могу тебе помочь?

Она смотрела на него целую вечность. Словно первобытное существо, решающее, бежать или нет. Или убить. Вокруг ее голых ног клубился туман. На ней были ботинки на босу ногу.

И тут до него дошло. Это же та женщина, которая пропала прошлой осенью. Он видел постеры.

– Сара? – спросил он. – Сара Бейкер?

Ее рот приоткрылся. Она опустила ружье и, казалось, зависла в воздухе на несколько секунд, прежде чем бесформенной кучей опуститься на гравий.

Водитель бросился к ней. Пульс слабый, кожа ледяная. От нее воняло. Это была она, женщина из Уотт-Лейк. Он повсюду видел постеры с ее фотографией и сообщение о том, что она пропала. Это было месяцев пять-шесть назад, еще до зимы.

Водитель, со своей больной спиной, все-таки сумел поднять ее и втащить в кабину. Она была закутана в старую, сгнившую медвежью шкуру. Его едва не вырвало от исходящего от женщины запаха. В кабине он снял с нее медвежью шкуру и пришел в ужас. Она была беременна. На грудях, руках, ногах были большие гниющие раны. Он быстро закутал ее в одеяло из набора для оказания первой помощи. Сверху набросил на нее свой пуховик и натянул ей на голову свою вязаную шапку.

Она застонала от боли, когда он снял с нее мокрые ботинки. У него сжалось сердце. Обмороженные пальцы на ногах почернели. Некоторые придется ампутировать.

Ее щиколотки были исцарапаны до крови. Из глубоких порезов сочился гной.

Трясущимися руками водитель взял рацию, вызвал диспетчера.

– Звони 911, – сказал он ему. – Думаю, я нашел ее. Я нашел Сару Бейкер. Ей нужна «Скорая». Я еду напрямик в городскую больницу Уотт-Лейк. Медики могут встретить меня по пути».

Тори сглотнула. За окном завывал ветер. В стекло стучала ветка, как будто кто-то пытался проникнуть внутрь.

* * *

Коул накинул одеяло на плечи Оливии и принес ей чай. Она крепко обхватила горячую кружку. Кожа у Оливии была липкой и холодной, дыхание поверхностное, зрачки расширились. Она все еще пребывала в состоянии шока.

Коул помешал угли в печке, подбросил еще одно полено.

– Сейчас я принесу тебе какие-нибудь носки. – Он ушел обратно в спальню.

В ящиках совсем не осталось ее вещей. Коул нашел носки в одной из собранных сумок. Оливия явно собиралась уехать. И все из-за него. Ему не следовало целовать ее. На него навалились угрызения совести и чувство вины.

Вернувшись в гостиную, он опустился перед Оливией на колени, чтобы растереть ступни и только потом надеть носки. Она заерзала, пытаясь спрятать искалеченные пальцы ног.

– Пожалуйста, не трогай мои ступни, – тихонько попросила Оливия.

Но он взял их в руки и принялся мягко массировать и согревать, не обходя внимание и обрубки пальцев. Он встретился с ней взглядом.

– Тебе нужно согреться. Я привожу кровообращение в норму.

Ее взгляд упал на искалеченные пальцы ног в его руках, и Коул понял, что она почувствовала. Смушение. Стыд.

Коул надел на нее носки.

– У тебя кровь на рубашке, – сказала она. – Я ранила тебя. Прости.

– Это всего лишь неглубокий порез. Все в порядке.

Она смотрела на кровь.

– Выпей чай. Он сладкий, горячий, и ты немного расслабишься, пока адреналин не разбушевался.

Оливия посмотрела ему в глаза и начала пить чай.

У Коула защемило сердце, когда он увидел ее уязвимость. Она предстала перед ним обнаженной, и телом, и душой. Ее физические секреты раскрылись. И это ее убивало.

– Тебе нечего стыдиться, Лив, – прошептал Коул, забирая у нее кружку и ставя ее на маленький столик рядом. – И тебе не надо от меня прятаться. Ты самая сильная и самая красивая женщина из всех, кого я встречал. И это не просто слова.

И впервые после его появления в домике в глазах Оливии появились эмоции, она заплакала.

Коул подвинул стул, сел рядом с ней, нагнулся и почесал Эйса.

– Тебе незачем собирать сумки и уезжать отсюда из-за этого. Ну и из-за меня тоже не стоит этого делать.

Она сглотнула, отвернулась.

– Ты ведь знаешь, кто я такая, верно?

Коул промолчал.

Оливия медленно повернулась, посмотрела ему в глаза.

– Я знаю, что на твоей простыне написано другое имя, не Оливия. Ему было нужно, чтобы она сама обо всем рассказала. До конца Коул нутром чувствовал, что это должно произойти именно так, знал, что это будет лучше для нее.

– Я не Сара, – тихо сказала она. – Сара Бейкер – это уже не я.

– Я знаю.

– Я оставила ее в прошлом.

– Бóльшую ее часть, – негромко отозвался он. – Но ее сильные стороны ты взяла с собой. Ты привезла с собой сюда, в Броукен-Бар, свое умение выживать. И ты кое-чему научила меня. Ты оказалась права. Я ни хрена не знаю о выживании. – Коул улыбнулся.

Оливия смотрела на него.

– Это моя реакция на новости стала для тебя подсказкой, так? Ты пошел и проверил историю об убийце из Уотт-Лейк. Ты узнал о Саре и понял, что я – это она.

– Верно.

– Проклятье, – прошептала Оливия. Она отвернулась и долго смотрела на пламя за стеклянной дверцей маленькой дровяной печки. На улице усилился ветер.

Коул не ответил ей, он просто был с ней рядом, позволяя ей самой делать шаги. И не существовало на свете другого места, где бы ему хотелось быть в эту минуту.

– Я выстроила новую жизнь. Я не хочу, чтобы кто-то знал. – Ее затрясло, это было адреналиновое последствие шока. – Он был *здесь*. В моем домике. В моей *спальне*. В моей постели. Откуда он здесь взялся, как он *смог* вернуться?

– Он не вернулся, Оливия. Себастьян Джордж мертв. Это что-то другое или кто-то другой.

Ее глаза расширились, на лице появилось выражение отчаяния.

– *Кто* мог это сделать? *Зачем*?

Она сильнее укуталась в одеяло и потянулась за кружкой с чаем. Сделала глоток, пролив немного на халат. Ее сильно трясло.

– Ягоды шиповника... – Оливия судорожно вздохнула. – Это символ осени. Как дикая черника и крики гусей, улетающих на юг, как запах приближающегося снега. *Пора заканчивать охоту...*

Голос Оливии прервался. Она помолчала, беря себя в руки.

– Эти слова сказал мне *он*. Откуда кто-то другой мог обо всем этом узнать: о ягодах шиповника, о чернике и о том, что они значат для меня?

Оливия уставилась в пустоту, в прошлое, в глазах метался страх.

– Он продержал меня всю зиму. Я поняла, что пришла весна, когда дни стали длиннее. Я видела свет через щели в досках сарая. Слышала звон капли и звук просачивающейся в лачугу воды. Чувствовала по запаху леса и земли вокруг сарая. Он держал меня в темноте, и у меня обострился нюх. Когда он приближался, я всегда слышала его запах. Я *знаю* его запах, я бы узнала его где угодно. Я почувствовала это зловоние на простынях моей постели.

– Это иллюзия, Лив. Он никак не мог здесь оказаться. Он мертв. Кто-то другой сделал это.

Оливия с грохотом опустила кружку на маленький столик возле кресла.

– Кто?! Черт подери, *кто*? Зачем?!

– Я не знаю, зачем и кто, но знаю вот что: я посмотрел историю убийств в Уотт-Лейк и увидел фото выжившей жертвы. Я узнал тебя мгновенно. Если я это смог, то сможет и любой другой. Думаю, кто-то узнал тебя и теперь использует это, чтобы тебя напугать. Это *единственное* объяснение.

– А шиповник?

– Наверняка в истории об убийствах найдется упоминание о шиповнике.

В ее глазах промелькнуло сомнение.

– Зачем меня пугать? Что я сделала?

Коул провел рукой по волосам.

– Возможно, виной всему мой отец, который переписал завещание. Если ты будешь управлять ранчо, ясно как божий день, что никакой продажи не будет, как не будет и нового строительства. Кто-то, вероятно, решил тебя запугать, чтобы ты собрала вещи и уехала. Тогда Броукен-Бар перейдет ко мне и Джейн. И здесь начнется строительство.

«А документ, который я подписал, обеспечит продажу...»

Коул ощутил свою вину. Вместе с чувством вины пришло и нетерпение. Утром первым делом ему надо будет увидеться с Форбсом.

Коул вытянул ноги и откинулся на спинку стула, положив руки на колени.

– Насколько я понял из слов моей сестры, в проект большого строительства в Броукен-Бар уже вложены большие деньги. Возможно, для кого-то ставки слишком высоки, и ему просто необходимо, чтобы продажа состоялась. Ты не можешь позволить им выиграть, Лив. Ты не можешь позволить им запугать тебя.

– Кто знает о том, что твой отец изменил завещание? Ведь все это случилось совсем недавно.

– Адель все слышала. Помнишь, она вошла в библиотеку? Она видела и шрам у тебя на шее, и твою реакцию на новости об убийстве у реки Биркенхед. А ты слышала то, что она сказала перед ужином: ее сын занимается вложениями для компании Форбса. Если Адель сообщила Такеру то, о чем узнала, Форбс, возможно, уже знает и о завещании, и о тебе.

Ему в голову вдруг пришло еще более страшное предположение. О завещании знала Джейн. Джейн и Тодд многое поставили на продажу ранчо. Его сестра – это доморощенный Макиавелли, она всегда такой была. Приобретение вещей стало ее способом справиться со смертью матери и жизнью на этом ранчо с ожесточившимся отцом. Джейн вполне могла нанять кого-то, чтобы так поступить с Оливией, и от этой мысли решимость Коула только окрепла. Он почувствовал свою ответственность.

– Послушай, я с этим разберусь, – пообещал он. – Завтра же утром я сразу отправлюсь в Клинтон и поговорю с Форбсом, скажу ему, что ранчо не продается. Я его проинформирую о том, что нужно остановиться и не увеличивать потери. А еще я выясню, кто это сделал. Кто-то ведь должен был пробраться сюда, пока мы все сидели за ужином. Это могла быть Адель...

– Она бы не стала этого делать.

– Думаю, в этом деле экономка слишком много поставила на карту. Ее муж на инвалидности. Работа на ранчо самой Адель под вопросом, так как мой отец умирает. Она вложила в Броукен-Бар всю свою жизнь. Скорее всего, Адель уверена, что имеет право хотя бы на его часть. А ее сыну не поздоровится, если инвестиции не оправдаются. Отчаявшиеся люди способны на страшные поступки. И ты только облегчила им задачу. Ты не заперла дверь.

– Я никогда ее не запираю, потому что я *отказываюсь* бояться. После сообщения о том, что Себастьян Джордж повесился, я дала себе клятву быть свободной. Здесь я чувствовала себя в безопасности. Это был мой способ выстоять, дать отпор.

Оливия негромко, уничижительно фыркнула.

– Ты только посмотри на меня сейчас. – Она повернула к нему руки ладонями вверх, стерла кровь, засохшую на них. Кровь Коула. На шрамы упал медный отсвет огня. – Я – жалкая жертва посттравматического синдрома, которая теряется во времени.

Она медленно подняла глаза.

– Я едва не убила тебя. Я... я решила, что ты – это он. Я много лет не возвращалась в прошлое. Психотерапевт сказал, что воспоминания могут вернуться и даже усилиться из-за нового стресса или травмирующего происшествия.

Оливия потеряла висок, словно ей было больно.

– Но я искренне поверила в то, что с этими воспоминаниями покончено. Пока позавчера утром не почувствовала, что за мной кто-то следит. Прокладывая тропу для Эйса, я увидела следы сапог, параллельные моим. И кто-то бросил там вот этот шарф. – Она кивком указала на мягкий шарф, висевший на крючке у двери. Коул посмотрел на него.

– Вернувшись в то утро к домику, я нашла на крыльце маленькую корзинку с дикой черникой. Именно этими ягодами Себастьян заманил меня к реке. Потом пришло сообщение об убийстве у реки Биркенхед, и страшные воспоминания вернулись.

Оливия сглотнула.

– А потом еще эта газета с искусственной приманкой внутри. «Хищник». Это я придумала такую приманку. И подарила ее Себастьяну... – Ее голос прервался, лицо исказилось от жутких воспоминаний.

Коулу стало нечем дышать.

– Кто еще знал о приманке?

– Только полицейские, приехавшие из Сюррея, которые занимались расследованием убийств, и криминалист, консультант из Оттавы. Они часами спрашивали меня о том, что произошло, о том, как он пришел в магазин, как преследовал меня, заставляли вспоминать день за днем. Что он сказал и что сделал. Я рассказала им

о «Хищнике» и о том, как я подарила приманку Себастьяну. А он вроде как в знак благодарности рассказал мне о том, что у реки много дикой черники.

Оливия покачала головой.

– Черника. Он заманил меня обыкновенной черникой. Потому что я хотела испечь пирог для Этана.

Оливия снова замолчала на несколько долгих секунд. В печи потрескивали и, сгорая, рассыпались искрами дрова.

– Все из-за моей любви к Этану, который так и не смог снова полюбить меня после случившегося. После того что со мной сделал он. – Оливия потерла губы рукой. – Этан даже смотреть на меня не мог.

Коулу стало страшно. Об *этой* стороне ее стыда он не думал. Собственный муж заставил ее почувствовать себя уродливой. И даже в каком-то смысле ответственной за то, что произошло.

– А как «Хищник» попал к Гейджу Бертону? – негромко поинтересовался он. – Как это произошло?

– Я уже говорила тебе. Он сказал, что получил приманку в подарок в честь выхода на пенсию.

Коул прикусил губу.

– И по чистой случайности он оставил именно эту приманку на странице с упоминанием об убийствах в Уотт-Лейк?

– Это могло быть всего лишь совпадением. Я вот о чем. Как только люди начинают копировать дизайн мушки, она может оказаться где угодно.

Он кивнул. Ему нужно поговорить с Бертоном. Что-то в этом парне Коулу не нравилось. Как сказал отец, Бертон мог оказаться совершенно ни при чем. И весь сценарий придумал Форбс, чтобы напугать Оливию ее собственным прошлым, пригрозить раскрыть ее настоящее имя, заставить уехать из города. Чертов ублюдок.

Но с Бертоном Коул все равно поговорит, как только вернется из Клинтона.

Он протянул руку и убрал прядь волос, упавшую на лицо Оливии. Высыхая, прядь превращалась в мягкую темную спираль. Он спрятал ее за ухо.

– Я докопаюсь до правды, Лив, – негромко пообещал Коул. – Я найду того, кто это сделал. Но ты не можешь им позволить одного:

чтобы они победили и прогнали тебя. Ты должна распаковать сумки.

– Я не могу жить здесь, если люди знают, кто я такая. Если, как ты считаешь, Форбсу об этом известно, то скоро весь этот чертов городишко будет в курсе. Я так не могу. Я должна уехать туда, где смогу снова похоронить Сару Бейкер.

– Тогда тебе придется бегать всю жизнь, – вздохнул Коул. – Он – Себастьян – даже после смерти будет иметь над тобой власть.

– И это говорит человек, который бегает всю свою жизнь?

– Я остановился.

Оливия посмотрела ему в глаза.

– Правда. Я действительно хочу здесь остаться, пустить корни. И запомни вот что: ты красивая. Ты сильная. В тебе всего в меру. Тебе не нужно быть чем-то большим или чем-то меньшим.

Ее глаза затуманились от слез, и она смахнула их рукавом халата.

Коул встал.

– Где у тебя чистое постельное белье? Или ты все упаковала?

– Вон в том шкафу. – Она кивком указала на дальнюю стену.

Коул открыл дверцу и взял свежую простыню.

– Что ты делаешь?

– Стелю тебе постель, чтобы ты могла немного поспать, – с улыбкой ответил он.

От ужаса глаза Оливии расширились, взгляд метнулся к двери в спальню. Она открыла рот, чтобы запротестовать. Но Коул приложил два пальца к ее губам, нагнулся и очень нежно поцеловал в лоб.

– Не беспокойся, – прошептал он ей в волосы, – я останусь с тобой до утра.

* * *

Оливия проснулась и с ужасом обнаружила, что ее обнимает мужская рука. Она быстро заморгала в темноте, затаила дыхание, пока полностью не пришла в себя и не поняла, где она находится и что случилось. Она лежала в собственной постели на чистых простынях. Полностью одетый Коул лежал рядом и обнимал ее.

Его нос уткнулся ей в шею возле шрама, согревая теплым дыханием. Руки были крепкими и мускулистыми, и она чувствовала

ровное, успокаивающее и мощное биение его сердца.

Оливия очень медленно вздохнула. Невероятное ощущение, когда тебя вот так обнимают. Любят. Не давят на тебя. Принимают. Не поносят из-за жутких увечий на теле.

«В тебе всего в меру...»

* * *

У Тори все плыло перед глазами. Из соседней комнаты доносился громкий и ритмичный храп отца. Но Тори была не в силах отложить электронную книгу.

«Мужчина, сказавший, что его зовут Себастьян Джордж, был арестован после пятнадцатичасового поиска на удаленной ферме в глубине долины Беа-Кло. У Джорджа не оказалось удостоверения личности. Для системы он не существовал. У него были такие же странные янтарные глаза, какие смотрели на штабного сержанта на каменистом берегу Стина-ривер, когда он принял в подарок мушку «Хищник».

Теперь Себастьян Джордж сидел напротив двух следователей в комнате для допросов в Уотт-Лейк.

Через стекло штабной сержант видел, как один из офицеров положил на стол приманку, которую неизвестный рыбак дал сержанту на берегу реки. Сара Бейкер уже сказала, что точно такую же приманку она придумала, связала и отдала Джорджу, когда тот заходил к ней в магазин.

– Вы узнаете приманку? – спросил офицер у Джорджа.

Подозреваемый покачал головой. Глаза у него были пустыми.

– Эту приманку вы отдали рыбаку на берегу Стина-ривер?

Джордж продолжал молчать.

Штабной сержант нагнулся вперед и включил микрофон, соединенный с наушником одного из офицеров в допросной.

– Спроси о книгах в его лачуге.

Офицер нахмурился. Штабной сержант не должен был вмешиваться. Делом об убийстве занялись большие шишки, это было совершенно ясно.

Но офицер все же кивнул головой. Он спросил:

– Расскажите мне о ваших книгах. В вашем доме много серьезной литературы.

Себастьян Джордж молча уставился на офицера. В его глазах не было ни малейшей искорки истинного огня, той интеллектуальности, которую сержант заметил в глазах мужчины у реки.

– Вы, должно быть, любите читать, – предположил офицер.

– Не умею читать, – сказал Джордж.

– Но вы умеете писать, – нажал офицер.

– Не умею писать, – ответил Джордж.

Но ведь в правой глазнице у всех жертв, выкопанных из могил на принадлежащей Джорджу земле, были записки.

– Он лжет! – рявкнул сержант в микрофон. – Надави на него.

Офицер бросил на него гневный, предупреждающий взгляд через стекло и больше ничего спрашивать не стал.

Джордж заявил, что не умеет ни читать, ни писать, хотя полки в его доме были полны качественных книг, включая томики Хемингуэя, Торо, Элджернона Блэквуда, трактат о свободе воли Уильяма Годвина. Книги не были упомянуты в протоколе.

Присяжные так и не узнали о них.

Это показалось мелким несовпадением, о котором лучше забыть на фоне других исчерпывающих улик: ДНК, отпечатки пальцев, отпечатки зубов. Джордж уже признал свою вину по всем пунктам обвинения. Сара Бейкер тоже узнала его во время процедуры опознания. Именно его запечатлела видеокамера, когда он заходил к Саре в магазин спортивных товаров в Уотт-Лейк.

Когда штабной сержант вышел за пределы своих полномочий и спросил об этом упусти, ему напомнили, что Себастьян Джордж был скользким, лживым социопатом, пытавшимся их всех надуть. Дело стало политическим. Нужно было, чтобы обвинение вышло гладким. Этакая победа над преступностью перед следующими федеральными выборами. Чем меньше осложнений в судебном процессе, тем лучше.

Гладкое обвинение было еще и тем конем, на котором начальник группы по расследованию убийств, сержант Хэнк Гонсалес, занимавший такую же должность, что и штабной сержант, помчался к следующему повышению по службе».

Тори оторвалась от книги, по спине пробежал холодок. Гонсалес был начальником ее папы в Сюррее. Теперь он стал помощником комиссара. Сколько ее мать взяла из газетных статей? С сильно бьющимся сердцем она стала читать дальше...

«Но штабной сержант продолжал давить на Гонсалеса. Сержанту опять велели не вмешиваться, придерживаться официальной линии. На этот раз приказ пришел от большого босса из Оттавы. Это чертовски разозлило сержанта и только укрепило его уверенность в том, что полиция схватила не того человека.

Затем пришел приказ о переводе сержанта в далекое отделение в Форт-Тэпли. Его перевели и лишили командной должности из-за явного нарушения субординации.

Но, несмотря на все улики или умозаключения, штабной сержант продолжал считать, что мужчина с берега реки остался на свободе...»

* * *

Ванкувер. Воскресенье, раннее утро.

Накануне Дня благодарения.

На рассвете небо было низким, свинцовым, шел проливной дождь. Это был основной удар непогоды, пришедшей с Тихого океана и устремившейся на север, где дождь превратится в снег. Мэк стоял со стаканом кофе на пороге домашнего кабинета Бертона, борясь с чувством вины за то, что находится тут, в доме Мелоди и Гейджа. Но его старый друг не в себе. Возможно, у него приступы психоза. И он был их *единственным* подозреваемым в убийстве у реки Биркенхед. У него были и извращенный мотив, и возможность. Нужно было найти его.

– Ты наверняка захочешь на это взглянуть. – Эксперт позвал Мэка к компьютеру Бертона.

Джен Мартинелло тоже подошла, и они оба уставились на экран поверх плеча эксперта.

– Судя по всему, Бертон использовал фейковый аккаунт, чтобы посещать сайты, посвященные усыновлению. Он использовал тэг

«Оливия Уэст». Получается, что он притворялся матерью, которая ищет своего ребенка, отданного на усыновление.

– Какого...? – Мэк нагнулся ближе, когда эксперт вывел на экран другую страницу. – Забирай все к нам, – резко сказал Мэк. – И компьютер из офиса его покойной жены тоже.

Якима взял телефон, нажал на кнопку быстрого набора.

– Джерри, ты отследил телефон Бертона?

– Результат отрицательный. Либо он вне зоны действия, либо вытащил из телефона батарею.

Мэк отсоединился, посмотрел на Мартинелло. Но прежде чем он смог сказать хотя бы слово, зазвонил ее телефон.

Она послушала, кивнула, потом повернулась к Якиме:

– Они установили личность жертвы по протезу коленного сустава. Это женщина из США, штат Вашингтон. Ее зовут Мэри Соренсон. Пятьдесят три года. Она и ее муж, Алгор Соренсон, путешествовали по Штатам в трейлере. Они рано вышли на пенсию. Дети давно ничего о них не слышали, с того момента, как фото Мэри Соренсон прислали из Аризоны через сотовый телефон Алгора. Дети не увидели в этом ничего странного. Родители им не звонили неделями, поэтому дети не заявили об их исчезновении.

– Так каким же образом Мэри Соренсон оказалась на дереве у реки Биркенхед по эту сторону границы, выпотрошенной и частично разделанной? И где, черт подери, Алгор Соренсон?

– И где их грузовик и трейлер?

– Мы должны поговорить с пограничной службой.

Глава 20

Воскресное утро.

Накануне Дня благодарения.

Тори проснулась рано. Она привсталала и выглянула в окно. На улице только рассвело, облака висели низко. Ветер нес крошечные кристаллы снега. Тори забралась обратно под одеяло и включила ридер. Когда она начала читать, стук ветки в стекло стал настойчивее. И более настойчивыми стали вопросы, не дававшие ей покоя. Сердце забилося чаще.

«— Расскажи, на что были похожи первые дни в сарае? – спросила журналистка с намеренным спокойствием, чтобы не волновать Сару Бейкер. Журналистке повезло: ей позволили побеседовать с единственной выжившей жертвой убийцы из Уотт-Лейк, которая теперь помогала упрятать Себастьяна Джорджа за решетку на несколько пожизненных сроков. Эта журналистка была одной из тех немногих, с кем Сара говорила в это время. Саре было трудно общаться и с мужем Этаном, и с родителями. Журналистке нравилось думать, что эти интервью были для Сары исцеляющими. Ей нравилась Сара. Журналистка восхищалась ею и уважала ее. И боль Сары стала ее собственной болью за те дни, что она навещала ее, слушала и записывала ее историю, шаг за шагом переживая страшные испытания, выпавшие на ее долю.

Журналистка когда-то работала репортером в газете, но теперь она зарабатывала на жизнь рассказами о настоящих преступлениях и пыталась написать роман. Она планировала использовать эти интервью для книги.

Но во время встреч с Сарой наступил такой момент, когда журналистка поняла, что все-таки не сможет написать эту книгу. Или, по крайней мере, опубликовать ее ради денег. История стала для нее слишком личной.

– В самом начале зимы, – заговорила Сара, отсутствующим взглядом уставившись в окно, – я иногда слышала шум вертолетов где-то над облаками... Потом наступила тишина. И темнота. Я думала, что слышать, как они ищут меня, это самое ужасное. Но я ошиблась. Стало

еще хуже, когда я поняла, что меня перестали искать. – Она помолчала. – Я выжила только благодаря ребенку. Я была готова на все ради ребенка Этана и ради того, чтобы вернуться к нему.

Сара замолчала, ее взгляд стал еще более отсутствующим.

Журналистка почувствовала, что ей тоже не по себе.

– Хочешь, чтобы я принесла ее? – спросила она. – Хочешь ее увидеть?

– Нет.

– Сара, она всего лишь невинная красивая маленькая девочка, ей только один день от роду.

Сара сжала губы, ее руки, лежавшие на одеяле, напряглись. Она сосредоточилась на колибри за больничным окном. Деревья покрылись пышной листвой. Это был жаркий июльский день.

Журналистка подалась вперед в своем кресле.

– Прошу тебя. Хотя бы взгляни на нее. Ты нужна ей. Возможно, она плод насилия, но в этом крошечном тельце нет ни капли дурной крови. Она воплощенная невинность.

Глаза Сары наполнились слезами. Пальцы скомкали одеяло. Она явно боролась с собой.

Журналистка встала и позвала медсестру. Может быть, она совершала страшную ошибку, вот так вмешиваясь. И все же она не могла остановиться, уже слишком вовлеченная эмоционально.

Медсестра вкатила колыбель. Сара родила дочь меньше суток назад. Ее грудь набухла от молока, натягивая швы на рубцах и оставляя влажные следы на ночной сорочке. Но психически она была мертва для своего ребенка. Она стала такой с того дня, когда анализ ДНК показал, что ребенок не от Этана. Тесты сделали после того, как водитель лесовоза привез ее в больницу. Тогда она была примерно на пятом месяце беременности, и у нее подозревали инфекцию в околоплодной жидкости. Врачи хотели выяснить, как развиваются легкие ребенка на тот случай, если у нее начнутся преждевременные роды. Прокурору и копам тоже нужен был этот анализ. Результаты показали, что отец ребенка – Себастьян Джордж. С этой минуты Сара была обречена носить до срока ребенка чудовища и знать об этом. Лечение от бесплодия, проведенное перед ее похищением, помогло забеременеть.

Копы и прокурор были довольны результатами теста. ДНК ребенка, без сомнения, поможет обвинить Себастьяна Джорджа в сексуальном насилии.

Но Этан был опустошен этой новостью.

Когда у Сары начались роды, ее муж в больницу не приехал. Журналистка через окно увидела его на улице. Под дубом. Кажется, он хотел войти. Но так и не вошел. Мать Сары и ее отец, богобоязненный пастор, тоже не пришли. Это привело журналистку в ярость.

Какой истинно верующий человек отвернется от собственной дочери в такой момент? Как он может обращаться к душам жителей этого города и наставлять их на путь истинный, если не смог поддержать дочь, собственную плоть и кровь, остро нуждающуюся в его помощи?

Журналистка кивнула медсестре, и та тихо вышла из палаты. Тогда журналистка подкатила колыбель к больничной кровати и села возле, молча наблюдая за ребенком. У нее заболело сердце, напряглась грудь. Она знала, через что пришлось пройти Саре и Этану, когда они пытались зачать ребенка. Эту потребность родить журналистка ощущала каждой клеточкой собственного тела.

Сара медленно повернула голову, сглотнула, ее взгляд уперся в крошечное существо в колыбели. Потом она очень медленно протянула дрожащую руку, дотронулась до малышки. У девочки были темные мягкие волосы. Губы, похожие на бутон розы. Темные ресницы. Как у него.

Крошечные пальчики девочки крепко обхватили указательный палец Сары. У нее перехватило дыхание. Тихие слезы покатались по щекам.

Журналистка не произнесла ни слова. Она старалась не заплакать. У нее ныли руки, ныла грудь от желания обнять их обеих. Соединить вместе навсегда. Чтобы все было правильно.

– Она прекрасна, – прошептала Сара.

– Твоя дочь.

У Сары задрожала губа.

– Хочешь поддержать ее?

Она кивнула.

Журналистка положила спеленатого ребенка на руки Саре. Через несколько секунд, едва заглянув дочке в глаза, Сара спросила:

– Ты поможешь мне? Поможешь мне покормить ее?

Журналистка помогла ей спустить рубашку с плеча и приложить крошечный ротик девочки к материнскому соску. Раны на груди Сары все еще были заклеены пластырем. Ей явно было больно, когда девочка начала сосать. Сара откинула голову на подушку и закрыла глаза. Из-под ресниц потекли слезы.

– Господи, – прошептала она. – Господи, прошу тебя, помоги мне. Пожалуйста, помоги моему ребенку...

Но Господь давно оставил Сару Бейкер.

Надежда покинула тоже. Журналистка считала, что надежда умерла в Саре в тот день, когда Этан не смог обнять ее и снова заняться с ней любовью. В тот день, когда муж продемонстрировал ей свое отвращение и смущение. Сара так долго продержалась из любви к нему, но, когда он ее отверг, она перестала бороться.

Журналистка не сомневалась в том, что Сара оставила бы дочку у себя, если бы мир оставил ее в покое. Если бы Этан открыл ребенку свое сердце. Если бы ее отец-пастор показал пример другим, как можно прощать, как можно принимать... как можно радоваться этому невинному ребенку. Этого не произошло, и Сара приняла решение отдать ребенка – безымянного – на усыновление.

– Я хочу лучшего для нее. Я никогда не смогу освободиться от него, но я хочу, чтобы она была свободной. Единственный способ этого достичь – позволить ей начать с чистого листа. Ни о чем не знать.

– Во время заточения тебе хотя бы раз приходило в голову, что ребенок может быть от Себастьяна?

– Никогда, – прошептала Сара. – Думаю, сама мысль об этом была бы для меня невыносимой.

Она помолчала и добавила:

– Думаю, тогда я не выжила бы. Мы бы не выжили».

Тори отложила электронную книгу, вылезла из постели и слегка приоткрыла дверь в гостиную. Отец все еще громко храпел. Тори добралась до полки, на которую он сунул скомканную газету. Девочка аккуратно расправила ее на столе и прочла анонс статьи на странице шесть. «Убийство у реки Биркенхед – эхо убийств в Уотт-Лейк? Смотрите страницу 6».

Она открыла газету на шестой странице. Отец заворчал во сне. Взгляд Тори метнулся к приоткрытой двери в его спальню. Но отец что-то пробормотал, повернулся на другой бок. Раздалось его спокойное дыхание. Падавшего из окна света было достаточно для чтения. Тори водила по строчкам пальцем, останавливаясь на именах жертв, которых похитил и убил человек, получивший прозвище убийцы из Уотт-Лейк. Когда она увидела последнее имя, у нее сдавило горло.

Сара Бейкер.

Имя из романа, написанного матерью.

* * *

Аромат только что сваренного кофе и звук укладываемых в печку поленьев пробудил Оливию от глубокого сна. Сон был настолько тяжелым, что ей потребовалась пара минут, чтобы сориентироваться. Она полежала минуту, вспоминая комфорт объятий Коула. Он оставался с ней всю ночь. Его сторона кровати все еще была теплой. И все же, когда Оливия полностью проснулась, в ней начало расти чувство неловкости.

Оливия встала с постели, схватила халат, надела его поверх пижамы, в которую облачилась перед тем, как лечь в одну постель с Коулом. Она замешкалась, когда снова осознала, что ему известно, кто она такая.

Он был в курсе всего, что произошло с ней.

Ее пронзило острое чувство наготы, уязвимости. Оливия пошла в ванную, сполоснула лицо, вытерлась и посмотрела в зеркало. У нее защемило сердце.

Она не знала, сможет ли это сделать – снова вый-ти в мир как Сара Бейкер, выжившая жертва знаменитого убийцы из Уотт-Лейк, ведь она так старалась это скрыть. Оливия грубо выругалась, увидев испачканную простыню, комом валявшуюся на крышке корзины для грязного белья.

Коул не один знал об этом. Знал и тот, кто оставил для нее это послание.

Оливии нужно было посмотреть Коулу в лицо. Она должна была выйти в гостиную и посмотреть ему в глаза.

Шаг за шагом...

Из-за присутствия Коула кухня казалась крохотной. Он стоял спиной к Оливии. Эйс лежал у его ног и без сомнения ждал, когда упадут крошки. Коул подбросил дрова в печку, и дом стал теплым, его наполнил аромат свежесваренного кофе. За окном светало, но рассвет был серым. Крошечные снежинки пролетали мимо стекла.

Оливия остановилась на мгновение, рассматривая сцену. Она никогда не представляла мужчину в своем маленьком домике. В своей постели. Она вдруг вспомнила ощущение его тела под ней, внутри ее, его мускулы, жесткие волосы на обнаженной коже. Щеки Оливии вспыхнули. Чувство неловкости нарастало, в груди появилось напряжение.

Он обернулся.

– Привет, соня. – От улыбки морщинки вокруг его глаз и рта стали глубже. Темные волосы падали на лоб. Коул был одет в белую футболку, облегавшую его тело и подчеркивавшую мускулатуру на животе и на груди. Бицепсы перекачивались под упругой загорелой кожей, когда он взял с полки две кружки и поставил их на стол перед Оливией. Он выглядел еще восхитительнее, чем раньше: отдохнувший, серые глаза блестят и смотрят внимательно. Его переполняла жизнь. Но при этом он казался слишком внушительным и крупным в ее крошечном доме. Его было слишком много для этого пространства.

– Я не собирался будить тебя. Пошел снег, но я хотел бы съездить в город и обратно, пока не начнется настоящий снегопад, – сказал Коул. Радио было включено, играла музыка, создавая фон, пока они смотрели друг на друга в маленькой кухне.

Оливию раздирали противоречивые чувства, и она почти позволила себе посмотреть на диван, где выставила себя полной дурой. Она знала, что Коул тоже об этом думает. У нее сильно заколотилось сердце, стало жарко. Что дальше? Что сказать?

Появилось такое ощущение, будто она опасно балансирует на точке опоры, и одно слово или движение могут направить ее жизнь в одном направлении, а другое слово или движение – совершенно в противоположном. Желание вернуться в зону комфорта неожиданно стало нестерпимым.

Коул как будто понял ее нерешительность.

– Ты в порядке?

Оливия плотнее запахнула халат и откашлялась.

– Да. Спасибо тебе... за все.

Коул несколько секунд смотрел ей в глаза. Ее сердце забилось еще быстрее.

– Я собираюсь сначала зайти в большой дом и проверить, как там отец. Заодно узнаю, заработал ли телефон. Если он работает, то мне, возможно, не придется ехать в Клинтон. Если связи по-прежнему нет, то я отправлюсь туда немедленно, пока не навалит слишком много снега и дороги не закроют.

Вот так. Просто. С ней происходило такое, что пошатнуло самые основы ее личности и жизни. А он казался таким расслабленным.

Оливия отошла к двери, позвала Эйса и выпустила его на улицу. Потом вернулась к окну гостиной, сложила руки на груди и стала наблюдать, как пес спускается к озеру.

– Лив? – Коул подошел к Оливии сзади, обнял и положил подбородок ей на плечо. Его дыхание согревало щеку. Оливия напряглась. Сердце билось все быстрее и быстрее.

Ей хотелось оттолкнуть его. Она вдруг не смогла справиться с этим интимным напоминанием о прошедшей ночи, с тем, что они стояли возле того самого дивана, на котором все произошло. Коул спал в ее кровати, он испытывал к ней сострадание, и Оливии вдруг показалось, что это еще бóльшая степень близости, чем секс. Она попыталась справиться с нарастающей клаустрофобией. Но всего было слишком много, все шло слишком быстро, и на Оливию навалилась черная, удушливая паника. Сердце затрепетало, в мозгу поднялась темная волна, порождая тревогу и страх, которые всегда предвещали длительное возвращение в прошлое.

Оливия резко отстранилась, повернулась и посмотрела Коулу в лицо.

– Ты себя неважно чувствуешь, верно? – спросил он.

Она провела дрожащей рукой по спутанным после сна волосам, отвела глаза, потом снова встретилась взглядом с Коулом.

– Мне бы хотелось, чтобы я была в порядке. Мне бы хотелось быть нормальной. Господь свидетель, я стараюсь. Но сказать по

правде, я не знаю, как я чувствую себя именно сейчас. – Оливия помолчала и добавила: – Или кто я такая. Или кем я смогу быть.

Коул потянулся к ее рукам, но она резко отшатнулась, прижалась к подоконнику, ею снова овладела паника.

Оливия вцепилась в подоконник.

– Я... Прости меня, Коул, я не могу делать это с тобой. Не сейчас.

– Это? – переспросил Коул, склоняя голову к плечу.

У Оливии запылало лицо. Она сама не знала, что значит «это».

– Я о нас, – робко сказала она.

Он выдержал ее взгляд, его потемневшие глаза несколько секунд оставались непроницаемыми. Потом его губы медленно изогнула улыбка, великолепное загорелое лицо сморщилось, лучики морщин вокруг глаз стали заметнее.

– Как насчет кофе?

Оливия с облегчением кивнула.

Коул подошел к столу, налил в кружку дымящийся кофе.

– С чем ты его пьешь?

– С капелькой сливок.

Коул нашел в холодильнике сливки для кофе, налил немного в ее кружку и отнес кофе Оливии. При резком дневном свете, без шейного платка или джемпера с высоким воротом она чувствовала себя обнаженной. Но Коул сумел отвести глаза от мелких шрамов вокруг ее шеи.

Когда Оливия взяла из его рук кружку с кофе, Коул заговорил:

– У меня есть друг, Гэвин Блэк. Он бросил заниматься фотожурналистикой из-за посттравматического синдрома. После того как Тай едва не погиб, он мне сказал, что нужно просто проживать день за днем, пока не начнешь жить снова.

Он помолчал.

– Я не верил его словам, пока твой телефонный звонок не вытащил меня в тот вечер из бара. Потому что я не проживал день за днем, ничего подобного. Я просто убивал дни. Но теперь я начинаю жить именно так. И это нелегко. Это значит, что ты даешь волю чувствам, которые причиняют боль. И я больше не хочу никуда спешить, Лив. Буду жить одним днем. Вот сейчас у меня есть только одно срочное дело, мой единственный шаг для этого дня. Я собираюсь

встретиться с Форбсом и прояснить ситуацию. Я намерен ясно дать ему понять, что из проекта нового строительства ничего не выйдет.

Коул посмотрел на Оливию и спросил:

– Ты не против?

Она покачала головой.

– Теперь это *наша общая* работа на этот день, наш общий шаг. – Он улыбнулся и потянулся за курткой, висевшей у двери. – Тебе лучше взять сегодня выходной, просто отсидеться дома, в тепле. Расслабиться.

– Почему? Ты думаешь, мне следует волноваться из-за...

– Нет, – твердо ответил он. – По-моему, здесь тебе ничего не угрожает. Уверен, Форбс и его дружки нуждаются в этом строительстве, но я не думаю, что они могут причинить кому-то физический вред. И выходной в воскресенье – это нормально.

– Я должна убедиться в том, что гости разъезжаются, раз пошел снег.

– Ладно, отправляйся по делам. Но потом возвращайся сюда и оставайся дома. Или побудь в большом доме с Майроном. Пока я не вернусь. Обещаешь?

Оливия негромко фыркнула и не смогла сдержать улыбку.

– Я даже и не знаю, оскорбиться из-за того, что ты мне приказываешь, или быть благодарной за то, что кто-то за мной присматривает.

– Для этого и нужны друзья. Они присматривают друг за другом.

Ее улыбка погасла.

Коул надел куртку и вышел, впустив в дом струю холодного воздуха.

Оливия увидела в окно, как он идет по траве. Ей вдруг вспомнилось, как его маленький желтый самолет появился в южной части неба. И как все изменилось.

«Нужно просто проживать день за днем...»

Вот только Оливия не знала, есть ли у нее время. Скоро ее секрет станет известен всем в городе. Глотнув кофе, она пошла в кухню, чтобы сделать себе тосты.

Оливия сунула хлеб в тостер и прибавила громкость радио, когда прозвучали позывные новостей.

Снег пошел сильнее, над озером сгустились тучи, и вода приобрела цвет пушечной бронзы. Ели на другом берегу напоминали солдат с пиками, устремленными в небо.

«Ты сильная. В тебе всего в меру...»

Эти слова Коула стали для Оливии подарком. Эти слова ей должны были сказать родители, муж, соседи, но так и не сказали. Даже близко такого не было.

Только журналистка Мелоди Вандербильт просто сидела с ней много дней и позволяла говорить. Мелоди слушала ее, *по-настоящему* слушала. Она предложила ей столько сочувствия без осуждения, что Оливия не могла остановиться и все время говорила с ней. Она просто вывалила на нее все. С Мелоди она никогда не чувствовала себя сумасшедшей или ужасной. Мелоди показала ей путь вперед.

И за это Оливия была ей безмерно благодарна. Она ждала, когда тостер выбросит подсушенный хлеб, и пила кофе, гадая, где теперь Мелоди.

«Ты всегда сможешь связаться со мной. Найти меня. Либо через агента по усыновлению, либо по этому номеру на моей карточке...»

Мелоди дала ей свою визитную карточку.

«Никогда не бойся позвонить, хотя бы просто для того, чтобы узнать, как у нее дела...»

Оливия не сохранила карточку. Она не оставила ничего из прошлого. Но теперь она смотрела в окно на Эйса, обнюхивавшего ледяную корку у берега озера, и думала о своей дочке. Как она выросла. Какой стала.

В груди нарастала боль, и Оливия неожиданно остро ощутила свое одиночество. И сожаление.

Потом Оливия отбросила эти мысли. Она намазала тост сливочным сыром, напомнив себе, что поступила так ради дочери.

Если верить сводке метеорологов, то фронт непогоды оказался намного интенсивнее, чем предполагали, и приближался быстрее. В южных районах внутреннего плато уже выпало много снега. Оливия посмотрела на настенные часы. Нужно пошевеливаться, нужно предупредить гостей, оставшихся в кемпинге, чтобы у них было достаточно времени для сборов. Им нужно уехать до того, как дороги станут непроходимыми. Судя по всему, ужин в честь Дня благодарения, назначенный на этот вечер, придется отменить.

Потом диктор перешел к убийству.

– Пресс-секретарь ИГРУ, констебль Айла Ремингтон сообщает, что полиция назначила пресс-конференцию на десять часов утра. СВС удалось узнать, что на этой пресс-конференции полиция сообщит, кто стал жертвой убийцы на берегу реки Биркенхед, и обновит данные о продвижении расследования. Согласно источнику СВС, жертва недавно перенесла операцию по замене коленного сустава, и полиция нашла хирурга, делавшего операцию, по серийному номеру искусственного сустава. Ремингтон не стала комментировать сходство между убийством у реки Биркенхед и убийствами в Уотт-Лейк, происходившими больше десяти лет назад. Сара Бейкер, единственная выжившая жертва убийцы из Уотт-Лейк, молодая жена Этана Бейкера, опознала в Себастьяне Джордже своего похитителя и истязателя. Впоследствии Бейкер свидетельствовала против Джорджа. Около трех лет тому назад Себастьяна Джорджа нашли мертвым в тюремной камере. По мнению криминального аналитика, доктора Гарфилда Барнса, убийство у реки Биркенхед мог совершить подражатель, кто-то, кто идентифицирует себя с...

Оливия протянула руку, нажала на кнопку и выключила радио. У нее тряслись руки. Во рту было сухо, как в пустыне. В ушах застучала кровь. *Бум, бум, бум, бум...* Так стучал о землю совок, когда она выглянула в щель сарая. Она видела, как маньяк копается в черной суглинистой земле. Она чувствовала запах земли, сырого леса, гнилых досок в обшивке сарая.

Маньяк обернулся и посмотрел на ее сарай. Его глаза, светло-янтарные, встретились с ее глазами, смотревшими в щель. У нее свело желудок.

Оливия ухватилась за кухонный стол, попыталась взять себя в руки, мозг напрягся, когда она попыталась остаться в настоящем.

Тик, тик, так, тик... звук капающей воды. Весна приближается.

«Пора охотиться, Сара... никогда не охотился на беременную олениху, Сара...»

Она повернулась и столкнула кружку с кофе на пол. Та разбилась, и осколки разлетелись по полу. Горячий кофе обжег ногу. Больно, но ничего похожего на боль воспоминаний.

Оливия нагнулась, обхватила руками колени и постаралась дышать неглубоко, короткими вздохами. К опущенной голове прилила

кровь. Оливия медленно пришла в себя и выпрямилась. Кожа повлажнела от пота. Оливия почувствовала исходящий от ее тела едкий запах страха, сглотнула и сохранила равновесие, схватившись за спинку стула.

Как, черт подери, она собирается контролировать эти воспоминания? Они окружали ее все более плотным кольцом. Ее охватил внезапный и настоящий страх: что, если она сойдет с ума? Закончит свои дни в лечебнице? В ней взбунтовалась ярость. *Нет.*

Ни за что на свете она не поддастся и не останется пленницей собственного прошлого. Однажды она едва не убила себя. Она бы умерла, если бы какой-то парамедик случайно не наткнулся на нее и не оказал ей помощь. Теперь она хотела жить. Кто-то в Броукен-Бар устроил заговор против нее и теперь пытался отправить ее обратно в оживший ночной кошмар. Она не позволит им победить. Она *не* сможет так жить.

Широким шагом Оливия вернулась в спальню и начала бросать в сумки оставшиеся вещи. Быстро переделась в джинсы и свитер, сложила туалетные принадлежности в другую сумку. На мгновение остановилась посреди комнаты.

«Сосредоточься.

Ты можешь это сделать.

Двигайся дальше.

Уезжай с этого ранчо».

Майрон умирал, в любом случае с ранчо покончено. И у нее совсем мало времени до того момента, когда снег запрет ее тут. Тогда придется остаться на многие дни и даже недели в Броукен-Бар.

Куда ехать?

Не важно куда. На восток. Ехать на восток. В Альберту. В соседнюю провинцию. Через Скалистые горы. Там много ранчо, рек и озер. И большие пространства. И люди, которые ее не знают.

Оливия надела куртку, собрала сумки и начала грузить свои пожитки в грузовик. Как только все оказалось внутри, Оливия накрыла кузов непромокаемым брезентом и мысленно проверила список дел. Оставалось только поговорить с Брэнниганом в конюшне и сказать, что она позвонит, когда будет знать, как и куда перевезти Спирит. А пока Оливия ему заплатит, чтобы он ухаживал за кобылой. Она прокатится на Спирит, пока не начался буран, проедется вокруг озера и

заодно проверит, все ли гости уехали. Потом попрощается с Майроном и отправится в дорогу.

Оливия застыла. *Коул*. Обеими руками она провела по волосам. Нужно оставить ему записку, все объяснить.

Оливия торопливо вернулась через рощу к своему домику и вошла внутрь. Нашла ручку и лист бумаги, написала:

«Спасибо тебе за все. Спасибо за то, что показал мне, что во мне всего в меру. Ты вернул мне часть самой себя, и я возьму это с собой туда, куда я еду сейчас. От всего сердца я желаю тебе успеха с Брукен-Бар. Приглядывай за ранчо вместо меня...»

Оливия остановилась, неожиданно охваченная острой тоской. Потом взяла себя в руки.

«Я знаю, что Майрон сам не попросит тебя об этом, но он заставил меня пообещать ему кое-что. На горном хребте есть одно место, это самая высокая точка, где растет высокая трава. Оттуда открывается вид на лес и озеро. Там я пообещала Майрону развеять его пепел, рядом с каменным мемориалом, который он возвел в память о твоей матери и Джимми. Я буду помнить о нем. Пожалуйста, сделай это вместо меня. Для него...»

Эмоции загнали ее в ловушку. *Проклятье*. Оливия остановилась, потеряла лоб, поморщилась, задев порез от удара о столик для пикника.

«Коул, мне жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах. Мне хочется думать, что все могло бы сложиться по-другому, если бы наши пути пересеклись в другое время. Еще раз спасибо тебе. Береги себя. С любовью, Оливия».

Она уставилась на торопливо нацарапанную записку.

«С любовью».

Она могла бы любить такого мужчину, как он. Возможно, она уже любила его. Чуть-чуть. Она прижала уголок записки кактусом в

горшке, чтобы ее не унесло ветром, когда она откроет дверь домика.

Выйдя на улицу, Оливия пошла вниз, к озеру.

– Эйс! – Она была уверена, что пес выскочит из кустов. Вокруг нее мелькали мелкие снежинки. Пес не появился.

Оливия свистнула и еще раз позвала его.

Ветер стих, все замерло и застыло, трава побелела от инея. Завтра День благодарения. А сегодня годовщина ее похищения. Оливию охватила тревога, добавившаяся к адреналину и нетерпению, уже бушевавшим в ее крови. Она должна уехать.

Эйс, скорее всего, где-то бегаёт, делает свои дела. С ним ничего не случится, а она пока выведет Спирит и проедется на ней вокруг кемпинга. Да и лапам Эйса в любом случае лучше отдохнуть. Оливия слишком сильно нагружала его в последнее время.

Она пошла по тропинке, направляясь к конюшням, кристаллы снега щекотали ей лицо. Ее преследовали мысли о Коуле. Воспоминания о его руках, обнимавших ее, о выражении его глаз. Он нравился ей. Слишком сильно. Слишком рано. Оливия судорожно вздохнула, подходя к конюшням.

Если она уедет, то ему и Джейн будет легче. Это она может для него сделать. Она вернула его домой, к Майрону. Она не сомневалась, что добилась крошечных, крошечных изменений. Потому что теперь Коул мог остаться. Он сможет исполнить мечту Майрона. Слишком мало, слишком поздно, но Оливия дала им это.

* * *

Читая, Тори содрогнулась, но не только от холода. В ее груди росло тяжелое ощущение. Сара Бейкер была реальной. Ее упоминали в газете. Журналистка из Уотт-Лейк записывала историю Сары. Штабной сержант, которого перевели в Форт-Тэпли, считал, что полиция поймала не того человека. Тори родилась в Форт-Тэпли...

«Журналистка переложила яичницу со сковородки на две тарелки, на которых уже лежали тосты и бекон. Она отнесла тарелки на стол, за которым ее муж читал газету.

Одну тарелку она поставила перед ним. Он улыбнулся. Красивый мужчина в форме. От его улыбки ее жизнь всегда становилась как будто светлее. Она любила его.

Сев рядом, она поставила перед собой тарелку и потянулась за чайником. Налила чаю им обоим. В широко открытое окно вливался летний утренний бриз, сочные зеленые листья шуршали на дереве за окном.

– Как ваши встречи? Она все еще говорит?

– Ее психотерапевт согласился, что для нее это катарсис. – Журналистка затихла, глядя в свою тарелку.

– Не хочешь есть?

– Она отдает ребенка на усыновление.

Муж положил в рот кусок яичницы, прожевал.

– Я знаю. Это лучший выход при таких обстоятельствах.

– Мы могли бы взять девочку.

Он перестал жевать и уставился на жену.

Она нагнулась к нему.

– Мы уже говорили с тобой об усыновлении. Мы согласились на это... после анализов. У нас никогда не будет своего ребенка. Почему не взять эту малышку?

– Но это...

– Мы можем дать ей жизнь, которой она заслуживает. Мы знаем ее историю, ее происхождение. Когда она достаточно подрастет, чтобы понять, мы лучше других поможем ей пройти через это.

– Ты говоришь серьезно? – негромко спросил он.

– Более чем.

– Дело...

Она накрыла его руку своей.

– Официально ты над делом не работаешь. И тебя ждет перевод. Мы могли бы использовать это, чтобы начать все сначала. Все трое. Мы можем действовать через агента. Это будет закрытое усыновление. Никому не нужно об этом знать.

Она видела по его глазам, что он слушает внимательно, и радовалась этому.

– Я могу уехать с девочкой прямо сейчас, – быстро заговорила она. – Устрою для нас дом в Форт-Тэпли, и ты сможешь к нам присоединиться. Мы можем сказать всем, что она родилась там.

Он посмотрел ей в глаза. В его взгляде было сомнение. Он покачал головой и дотронулся ладонью до ее щеки.

– Я не думаю...

– Пожалуйста, – прошептала она. – Этому ребенку потребуется вся любовь, которую она сможет получить. И Саре это тоже нужно. У них больше никого нет. Мы пытались завести ребенка...

– Ты уже поговорила с Сарой, верно?

Она сглотнула.

Журналистка успела всем сердцем прикипеть к малышке, к малюсеньким пальчикам, сжимавшим ее пальцы, к мягким темным волосикам, крошечному роту, похожему на бутон розы, к ее запаху... Она жалела этого ребенка. Ей хотелось дать этой новорожденной девочке ту жизнь и любовь, которые ей не могла дать Сара Бейкер.

– Думаю, ее глаза останутся зелеными, – сказала она. – Как у Сары. Она вырастет красавицей. Как и ее мать.

Штабной сержант отвернулся.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, но она не вырастет похожей на него.

Сержант не смог сказать «нет». И, когда он приехал в Форт-Тэпли и его жена вложила в его большие сильные руки только что удочеренную девочку, его захлестнули эмоции. Мир внезапно изменился, стал большим и просторным. Сержант вдруг понял, что эта человеческая капелька, лежащая у него на руках, была воплощением невинности и уязвимости. Она была квинтэссенцией причин, по которым он пошел работать в полицию, захотел быть копом.

Защищать и оберегать. Не дать причинить боль невинному. Справляться с плохими парнями.

И в этот день сержант дал обещание своей маленькой дочке. Он поклялся крошечному, невинному, уязвимому существу у него на руках.

– Я поймаю его, – прошептал он. – Я найду этого типа с берега реки, сколько бы времени мне ни пришлось на это потратить. И обязательно убью его...»

Тори откинула одеяло и бросилась в ванную. Желудок свело судорогой, но рвоты не было. Только сухие спазмы, от которых болел

живот и саднило горло. Дрожа, она умылась холодной водой, спустила воду в унитазе.

Тори стояла в ванной комнате, босиком на холодном полу, и смотрела на себя в зеркало. В собственных глазах она увидела страх. Посвящение из рукописи матери крутилось у нее в голове.

«Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда будешь готова...»

Тори затрясло. Страх и смущение терзали ее мозг, и она почувствовала новый приступ тошноты.

Вернувшись в свою комнату, Тори торопливо оделась, надела куртку и шапку, взяла ридер и тихонько выскользнула в гостиную. Повернув ручку двери, Тори дождалась, когда отец снова захрапит, и вышла из домика. Все вокруг было холодным и укутанным в разнообразные оттенки серого. Мягко кружился снег. Она спустилась по ступенькам и побежала по траве, все быстрее и быстрее, пока у нее не заболело в груди.

Глава 21

Гейдж поставил чайник на огонь и присел на корточки, чтобы открыть дверцу печки. Он положил поленья на угли и разворошил их. Когда пламя занялось, Гейдж закрыл маленькую дверцу с окошком из дымчатого стекла.

– Тори! – позвал он, собираясь заварить чай.

Тишина.

Гейдж застыл, неожиданно ощутив пустоту в домике. Он немного встревожился.

– Тори, где ты? – Гейдж распахнул дверь в ее спальню. Комната была пуста. Куртки и сапог дочери не было.

– *Тори!*

В ванной комнате ее тоже не оказалось.

Бертон запаниковал.

Тори исчезла. На улице холодно, идет снег. Почему она ушла? Куда она могла пойти? Он приказал себе сосредоточиться, пока не начал снова слышать голоса в голове. Возможно, все в порядке. Он проспал слишком долго. Честно говоря, он спал так, словно накачался снотворным. Его здоровье ухудшалось. И он понимал это. Болезнь постепенно овладевала им. Должно быть, Тори отправилась в большой дом в поисках завтрака или компании.

И тут Гейдж увидел на столе газету. Она была открыта на странице со статьей о схожести убийства у реки Биркенхед и убийств в Уотт-Лейк. Он точно помнил, что записал газету на полку. Он распахнул дверь домика, обвел взглядом поросший травой берег озера, воду, причал. В холодном воздухе кружились снежинки. Облака висели низко, небо было темным. Между деревьями клубился туман.

– Тори!

Кемпинг. Этот мужчина, о котором она говорила... Она могла пойти к нему! Гейдж проверил оружие, зашнуровал ботинки, схватил куртку и торопливо вышел на улицу.

В голове раздавались голоса, они кружились и смеялись вместе со снежинками.

«Что ты наделал? О чем ты думал, когда привез ее сюда? Он добрался до нее! Он ее забрал! Ты привез ее прямо к нему в лапы...»

Это он заманил тебя...»

Гейдж развернулся, прижав ладони к ушам.

– Тори! Где ты?

Он побежал, споткнулся, но устоял на ногах. Он должен держаться. Ему нужно добраться до машины и доехать до кемпинга.

* * *

Коул вел машину по главной улице Клинтона. Он искал здание корпорации Форбса. На подъезде к городу Коулу удалось дозвониться Форбсу на мобильный. Форбс сказал, что будет в офисе, хотя это воскресенье и канун Дня благодарения, когда многие семьи предпочитают собраться вместе, чтобы приготовить праздничную еду. В городе снегопад только начался, так как Клинтон был ниже над уровнем моря, чем ранчо. Улицы украшали оранжевые с голубым баннеры с надписью «Форбса в мэры – голосуйте за рабочие места, производство, развитие, туризм».

Он нашел здание на углу Мейн-стрит и Поплар-стрит, въехал на парковку возле расположенного по соседству старого музея, в котором были собраны экспонаты времен золотой лихорадки. В окне офиса Форбса были выставлены рисунки масштабного строительства. Коул оставил отцовский «Додж» на парковке и, плотнее кутаясь в пуховик, подошел к окнам. Коула охватило изумление, когда он понял, что изображено на рисунках и планах. Это был бутик-отель категории люкс и частная клиника пластической хирургии прямо на берегу озера в Броукен-Бар, на месте существующего кемпинга. Вокруг главного здания клиники располагались коттеджи пациентов. На другом здании была надпись «СПА», еще на одном – «дорогой ресторан», а еще на одном – «фитнес-центр». Коул присвистнул. Проект был впечатляющим...

В тексте под рисунками говорилось о том, что частная клиника привлечет «гостей» со всего мира, которые будут прилетать на самолетах или приезжать на автомобилях. Им предложат «лечение» и «чистый, сельский воздух Карибу», и они смогут восстанавливаться в уединении отдельных коттеджей. «Медицинский туризм» был главной приманкой. Гостям предложат прогулки верхом, плавание, наблюдение

за птицами, походы с инструктором, а зимой желающих будут ждать катание на сани, прогулки на снегоступах и катание на лыжах по пересеченной местности. В Коуле зашевелилось раздражение.

Он подошел к другому окну, в котором стояли рисунки с изображением остальной части его семейного ранчо, разрезанной на вытянутые участки по несколько акров, одни – на берегу озера, другие – с видом на него. Цены на самые маленькие участки превышали миллион долларов.

Что, черт подери, Джейн заставила его подписать? *Это?* У его отца случился бы сердечный приступ, если бы он увидел это дерьмо. Неужели Форбс уже принимает депозиты за продажу земли, которую у него нет права продавать?

Коул толкнул стеклянную дверь, ведущую в корпорацию Форбса. Внутри все было в приятных голубых тонах. Следующее потрясение ожидало Коула, когда он увидел женщину за столом секретаря.

– *Амелия?* – изумленно спросил он.

Она подняла глаза, улыбнулась, потом ее глаза расширились, и она вскочила на ноги.

– Коул? Боже мой, я... Как *поживаешь?* Что ты здесь делаешь? – Ее щеки порозовели. – Господи, поверить не могу. Я читала все твои книги. Видела твои фильмы.

Пока Амелия говорила, из двери за ее спиной вышел Форбс и замер на месте.

– Господь всемогущий. Это же Макдона. Собственной персоной.

В его глазах промелькнуло что-то неприятное, но тут же появилась широкая улыбка, открывшая отбеленные зубы. Он обошел стол секретарши.

– Как поживаешь, парень? – Он крепко сжал правую руку Коула, левую руку положил ему на рукав. – Рад тебя видеть.

Коул посмотрел на Амелию, ту самую, из-за которой они с Форбсом подрались тогда в амбаре. Первая девчонка, которую он поцеловал. И язык тел подсказал Коулу, что старая история все еще в силе и между Форбсом и Амелией по-прежнему что-то происходит. Его взгляд упал на обручальное кольцо Форбса. У Амелии кольца не было. Интересно, зачем она тут и почему осталась наедине с Форбсом в воскресенье?

– Тебе лучше пройти в мой кабинет, – сказал Форбс и повел Коула за собой. На Форбсе были элегантный костюм, сланцево-серый с едва заметной полоской, рубашка льдисто-голубого оттенка, красный галстук, дизайнерские туфли с острыми носами.

Левую стену кабинета Форбса занимали полки и большой телевизор с плоским экраном, работавший без звука и настроенный на канал новостей. На экране сменяли друг друга спутниковые картинки приближающегося бурана. Бегущая строка внизу информировала об официальном штормовом предупреждении. На стене позади письменного стола висела дорогая на вид картина с изображением ранчо и золотистых холмов.

Форбс указал на одно из кожаных кресел, стоявших перед его столом.

– Садись, пожалуйста.

Он закрыл дверь, вернулся к письменному столу, деревянному, массивному, блестящему, и сел в свое кресло.

Коул садиться не стал. Его взгляд упал на фотографию в рамке: белокурая женщина и двое детишек.

– Ты женат?

Форбс облизал губы и чуть заметно покосился на закрытую дверь, за которой сидела Амелия. Это подтвердило мысли Коула. Амелия так и не стала невестой, осталась только любовницей. Интересно, почему Амелия согласилась на это?

– Женат, – ответил Форбс. – И мне это нравится. Как насчет тебя?

– Я так и не женился.

– Послушай, насчет твоего вчерашнего звонка... – заговорил Форбс.

– Я не собираюсь тратить время на преамбулу. Я лично приехал к тебе, чтобы сказать, что сделка не состоится.

Улыбка Форбса не изменилась, но он слегка побледнел, в глазах появилось удрученное выражение. Коул понимал почему. Если судить по выставленным в окнах фирмы рисункам и по баннерам на главной улице, Форбс чертовски много поставил на продажу ранчо Броукен-Бар. Коул даже испытал легкий приступ вины. В конце концов, он сам поставил электронную подпись под документом, вымостившим путь к этой сделке. Но потом Коул подумал об Оливии. И о своем отце. И о

земле. Коул думал о наследстве Макдона, о своих предках, которые обжили это место.

– Послушай, у меня есть официальный документ, подписанный и тобой, и Джейн. Официальное письмо, в котором вы выражаете добровольное согласие на то, чтобы начать со мной переговоры о продаже Броукен-Бар, если оно станет вашим. Такое письмо равноценно сделке с недвижимостью. Это мой залог в банке.

– Мне жаль, но я отзываю свою подпись под документом.

Форбс рассмеялся, потом его улыбка увяла.

– Ты не можешь этого сделать.

– А ты можешь делать то, что делаешь? Ты начал предварительную продажу участков земли, которая тебе не принадлежит.

– Пока не принадлежит.

– Даже если бы мы продали тебе землю, ранчо Броукен-Бар входит в Резерв сельскохозяйственных земель. По закону, его можно использовать только для фермерства. Оно не может быть использовано для коммерческого строительства. Дальняя часть ранчо – это болота, важные для экологии. Я не понимаю, как ты мог вообще начать...

– У меня есть гарантии министра по охране окружающей среды, что изменение назначения этой земли пройдет гладко. Ожидается исключение Броукен-Бар из Резерва сельскохозяйственных земель и разрешение на строительство от всех необходимых департаментов.

Коул смотрел на Форбса, в нем нарастал гнев.

– И как же министр может давать какие-либо гарантии, если проект не прошел обязательные процедуры изучения, обжалования, публичных слушаний?

Форбс уперся в столешницу костяшками пальцев, едва скрывая тот факт, что его терпение на исходе.

– Это в твоих *интересах*, Макдона. Не нарывайся. Начнем с того, что ты нашел «золотое дно», и, по словам Джейн, тебе не хочется возиться с разорившимся ранчо.

Коул глубоко вздохнул.

– Тебе лучше задуматься о компенсации убытков, – спокойно сказал он. – Потому что при моей жизни этого строительства не будет.

– Встретимся с тобой в суде. Я тебя сломаю. Попомни мои слова.

Коул сухо улыбнулся.

– Тебе придется довольно долго ждать победы в суде, потому что на данный момент ситуация такова: мой отец передал ранчо в доверительное управление Оливии Уэст.

– Если она уедет, этого не случится. Если она уедет, то ранчо перейдет к тебе и Джейн.

– То есть тебе *известно* об изменении в завещании?

Глаза Форбса сузились.

– Кто тебе сказал об этом?

– Это неважно. Если...

– Это Адель Каррик? Или Такер?

Форбс нахмурился, глаза превратились в щелочки. На шее забила жилка.

Коул подался вперед, оперся ладонями о его письменный стол.

– Я пришел к тебе только для того, чтобы сказать одну вещь. Не пытайся запугать Оливию своими фокусами, вынуждая ее уехать с ранчо. Если ты или твои люди ступят на землю Макдона, если ты окажешься рядом с Оливией, ты труп, приятель. Я прослежу, чтобы за это тебя наказали по всей строгости закона.

Форбс, явно удивленный, вскинул подбородок.

– Какие фокусы?

В Коуле что-то изменилось.

– Преследование. Оставленные... вещи.

– О чем, черт подери, ты толкуешь? – Форбс явно ничего не понимал.

Телевизор на стене слева от Коула начал показывать новости об убийстве у реки Биркенхед. Бегущая строка внизу информировала, что это прямое включение с пресс-конференции. Перед наставленными на нее микрофонами сидела молодая женщина. В окошке слева появилось фото женщины средних лет. Они идентифицировали жертву. Под фото было написано *Мэри Дж. Соренсон*. Коул на мгновение отвлекся от Форбса. Что-то привлекло его внимание на экране. Бегущая строка поясняла, что снимок был сделан в Аризоне мужем убитой и отправлен детям по мобильной связи. Это было последнее фото Джейн, сделанное при жизни.

Коул нахмурился, ему не давало покоя какое-то воспоминание. Мэри Соренсон выглядела достаточно обычно. Квадратное лицо. Милые глаза. Здоровая, загорелая. Каштановые волосы с проседью

обрамляли ее лицо. Она была одета в черный топ без рукавов. Мягкий шарф в теплых золотистых, желтых и бронзовых тонах вокруг ее...

– Не знаю, что за чертову игру ты затеял, но учти: если твой отец оставит это ранчо Оливии Уэст, пусть даже в доверительное управление, мы с Джейн затаскаем ее по судам. И я *прослежу* за тем, чтобы ты выполнил свою часть сделки.

Коула неожиданно охватило нетерпение, его внимание снова вернулось к Форбсу. *«Если Клейтон Форбс ни при чем, значит, Лив пугает кто-то другой. А она осталась на ранчо одна. Приближается буря».*

– Я сказал все, что хотел. Советую тебе по доброй воле отступить и начать считать убытки до того, как я обращусь к прессе и расскажу о своих намерениях *не* продавать ранчо. Это станет для твоих инвесторов холодным душем. Журналисты обрадуются, когда я расскажу им о лучших участках, которые ты пообещал членам правительства за одобрение изменений в назначении земли, важной для сохранения окружающей среды.

Форбс побледнел.

– Откуда ты знаешь?

Коул фыркнул.

– Это, друг мой, была всего лишь догадка. Спасибо за то, что ты все подтвердил. Откажись от этого проекта, пока еще можешь избежать тюрьмы. – Он развернулся и направился к двери.

– Это угроза, Макдона?

– Обещание. – Он взялся за ручку двери.

– Это что-то вроде дурацкой вендетты, так, что ли? – вдогонку поинтересовался Форбс. – Ты пытаешься нагадить мне из-за того дня в амбаре? Это все из-за того грузовика. Ты не можешь об этом забыть, верно? Ты уехал и пропивал свои мозги на Кубе, как какой-нибудь старый дурак, и это все, что у тебя осталось?

Коул застыл, так и не открыв дверь. Он повернулся к Форбсу.

Лицо Клейтона стало зловещим, кожа туго натянулась на скулах, плечи напряглись. У него был вид змеи, свернувшейся кольцом. Смертоносной змеи. Их взгляды встретились.

– Какой грузовик? – тихо, спокойно, холодно спросил Коул.

Форбс тут же отступил под его натиском.

– Послушай, что бы мы с Такером ни сделали, это все давно похоронено. Забудь.

Коул метнулся через комнату, перегнувшись через письменный стол, схватил Форбса за воротник и галстук и поднял с кресла.

– *Какой грузовик?* – прорычал он. – Что вы с Такером сделали?

Взгляд Форбса заметался по кабинету, лицо побагровело.

– Теперь ты не сможешь ничего доказать...

– Ты и Такер Каррик в тот день что-то сделали с грузовиком? Вы трогали тормоза? Это все было из-за Амелии?

– Отпусти меня. Или я вызову копов. – Форбс сумел дотянуться до мобильного телефона.

– Что ж, я буду только рад, если все это услышат копы. Значит, ты и Такер Каррик испортили тормоза моего грузовика как раз перед тем, как я потерял управление на том спуске и вместе с матерью и братом улетел в реку?

– Ты расскажешь им и о том, что выпил?

Коул содрогнулся.

Такер всегда был на побегушках у Форбса, еще со школы. На ранчо он жил в тени Коула. Скорее всего, именно Такер рассказал Форбсу о новом завещании Майрона и о том, что ранчо получит Оливия.

– Такер по-прежнему твой приспешник? Он устроил все это для Лив, да? Пытается запугать ее и выжить с ранчо, чтобы получить тот кусок земли, который, по его мнению, они с матерью заслуживают? Это ты им пообещал?

На экране телевизора, справа от выступающей женщины-копа появилось следующее фото. Мужчина с коротко подстриженными, очень белокурыми волосами. Коул почти не обратил на это внимания, его занимал только Форбс. Но все же информация отложилась в голове, и мозг начал ее обрабатывать.

– Где сейчас Такер? – процедил Коул сквозь зубы.

Форбс засмеялся.

– И что ты сделаешь? Пойдешь к нему? Убьешь? Изобьешь? Закопаешь меня? Это ведь очень справедливо. После всех этих лет. Ты столько лет жил с чувством вины за смерть матери и маленького Джимми. Они утонули в ледяной реке.

Коула ослепила ярость. Почти ослепила.

Ему потребовались невероятные усилия, чтобы сдержаться. Именно этого Форбс и добивался: чтобы Коул вышел из себя и напал на него. Преступил закон. Это была провокация, и Коул не знал, не лгал ли Форбс, говоря об испорченных тормозах, не придумал ли он это. Он долго смотрел в глаза Форбса, потом медленно отпустил его. Форбс сполз обратно в кресло, поправил галстук. Его лицо исказила ярость.

– Ты покойник, – прошептал Коул. – В бизнесе.

Он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

– Коул? – вставая, окликнула его Амелия. Коул быстро прошел мимо нее, толкнул стеклянную дверь и оказался на улице. Весь каркас, вокруг которого он строил свой мир, внезапно рухнул.

Возможно ли такое? Неужели не он один виноват в аварии с грузовиком? В смерти матери и брата? Или Форбс все выдумал на ходу, пытаясь вывести Коула из равновесия?

Валил густой снег. Падали крупные снежинки. Они садились на черный «Додж» отца. Коул подумал об Оливии. Ему нужно вернуться как можно быстрее. К ней. К отцу. Потому что ему в голову пришла другая страшная мысль. А что, если Такер *действительно* пугал Оливию? Делал за Форбса грязную работу? Способен ли он убить ее?

Люди умирали и за меньшее, чем многомиллиардное строительство и политические карьеры, связанные с ним.

* * *

Спирит шла галопом по свежему снегу. Оливия направлялась к западному краю озера, возвращаясь в большой дом. В кемпинге никого не осталось. Домики тоже опустели. Пришла зима, накрыв белым покрывалом сухие травы, красные ягоды, золотистые листья. На какое-то время ветер стих, и все вокруг казалось застывшим, пугающе молчаливым и суровым.

Над черной водой поднимался туман. Копыта Спирит стучали по замерзшей земле, из ноздрей вырывался пар. Оливия чувствовала себя сосредоточенной, лишенной эмоций. Как будто она миновала переломный момент осени, и теперь перед ней открылся ясный путь в новый сезон, и ничто не могло поколебать ее решимость.

Ей оставалось только поставить Спирит в конюшню. С Брэнниганом она уже договорилась. Ее кобыла будет в хороших руках. У Оливии достаточно времени, чтобы попрощаться с Майроном и выехать с ранчо по лесовозной дороге, пока снега не стало слишком много. Через два часа она будет в Клинтоне. Там она заправит грузовик, а потом направится на юго-восток, к Скалистым горам. Циклон двигался на север. Если ей повезет, то на востоке будет сухо. К ночи она уже будет в Альберте.

Оливия заметила следы на свежем снегу. Отпечатки маленьких ног. И рядом – крупные мужские следы. Она натянула поводья, останавливая Спирит, от жуткого предчувствия по коже поползли мурашки. Большие следы были примерно того же размера, как и те, которые она видела рядом со своими следами, когда устраивала тропу для Эйса. Как те, которые шли к болоту через разрезанную сетку ограды. Оливия подняла глаза, но никого не увидела. Хотя следы были свежими, учитывая только что выпавший снег.

Она направила кобылу к воде, туда, куда уходили следы. Большие следы неожиданно свернули в лес, а маленькие следы вели к причалу в уединенной бухте на западном конце озера. Когда Оливия объехала сосны, плотно растущие вдоль берега, она увидела маленькую темную фигурку, съезжившуюся на самом конце длинного, узкого причала. Оливия прищурилась, пытаясь сквозь туман и медленно падающие снежинки разглядеть, кто это.

Тори?

Оливия быстро осмотрела причал, воду, линию деревьев. Никого. Возможно, большие следы были следами Бертона. Оливия спешила, привязала Спирит и пошла по причалу. Ее мучило предчувствие.

– Тори? Это ты?

Тори обернулась.

Оливию как будто ударили под дых. В свете дня лицо девочки было пепельным, глаза ввалились. Она явно плакала.

– Что случилось? Где твой отец?

– Спит.

Оливия присела на корточки рядом с Тори, которая сидела на мокром снегу, свесив ноги вниз. Ее сапоги доставали почти до самой воды.

– Что случилось?

Тори потянула за шнурок внизу куртки. Снежинки стали крупнее, красивее. Они опускались на причал, на черные волосы Тори, на ее куртку.

– Идем. Позволь мне отвести тебя в дом. Мы можем поехать верхом на Спирит. Хочешь?

Тори не ответила.

– Тори, поговори со мной.

Налетел ветер, заставив снег кружиться над водой. Буран приближался. Шансы Оливии выбраться стремились к нулю. И очень быстро.

– Пожалуйста, позволь мне отвести тебя в дом и дать тебе выпить чего-нибудь теплого. Я найду твоего папу. Он был с тобой, когда ты шла сюда?

– Он не мой папа.

– Что?

У Тори задрожала губа.

– Я думаю, что это все неправда. Они меня обманывали...

Ее зеленые глаза наполнились слезами.

– Кто тебя обманывал?

Тори сунула руку под куртку и вытащила электронную книгу в розовом чехле.

– Я читала последнюю рукопись мамы. Она была писательницей. Писала романы на основе газетных историй. Триллеры и детективы. Мрачные книги. Мама не позволяла мне их читать, но я брала книги в библиотеке. Эту рукопись она закончила перед несчастным случаем. Она посвятила ее мне. На первой странице написано: *«Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда ты будешь готова...»* Я... – Голос Тори прервался. Она так сильно прикусила губу, что выступила кровь. Оливия смотрела на нее с изумлением.

– Я не понимаю, Тори.

Тори шмыгнула носом и вытерла глаза.

– Я думаю... Я думаю... в романе... в больнице. Там, в Уотт-Лейк...

– В Уотт-Лейк? История, которую придумала твоя мама, происходит в Уотт-Лейк?

Тори кивнула.

– И о чем эта история?

– Персонаж в книге... это не ее ребенок. Это ребенок очень плохого человека. Серийного убийцы. И муж жертвы не захотел на него посмотреть... и... она отдает его на усыновление. Потому что тоже не хочет на него смотреть. Она в замешательстве. Журналистка привозит ребенка к кровати матери... И мать берет ребенка на руки, кормит грудью и просит Господа помочь ей. А потом журналистка идет к своему мужу-полицейскому и говорит, что хочет усыновить ребенка. Я думаю, что это не выдумка. Мой папа был там копом.

Оливия похолодела. Лента памяти мгновенно раскрутилась в обратную сторону, до того дня, когда она лежала на больничной кровати, и Мелоди принесла ей новорожденную дочку. И она взяла малышку на руки.

– Копом? *Где?*

– В Уотт-Лейк. Он был штабным сержантом, как и в книге. А моя мама была журналисткой до того, как начала писать романы. Вся история может быть о них. И... мне страшно, потому что они говорили мне, что я родилась в Форт-Тэпли.

Оливия не могла дышать. Пелена снега и тумана стала плотнее, время ускользало между пальцами.

– Как... – Оливия откашлялась. – Как ее звали? Полное имя твоей матери?

Удивленная ее напряженностью, Тори резко подняла глаза, встретила с Оливией взглядом и ответила:

– Мелоди. Мелоди Вандербильт. Для работы она использовала девичью фамилию.

Оливия почувствовала вкус желчи во рту. На коже выступил пот. Снег падал на лицо. На Оливию навалилось замешательство, окружая ее, загоняя в ловушку, время сомкнулось.

– А... у жертвы в романе есть имя?

– Сара Бейкер, как у женщины в папиной газете. – Тори смотрела в глаза Оливии, уязвимая, напуганная. – Дочка Сары... Журналистка и коп удочерили ее и отвезли в Форт-Тэпли. Но это же *роман*, правда? Мама всегда создавала собирательных персонажей. Она так работала. Использовала идеи, подлинные факты из газет, из жизни и соединяла их с вымыслом. Так всегда писали критики и рецензенты. Она брала факты за основу, а потом вокруг них придумывала свою историю. И

здесь тоже было так, правильно? Она использовала историю в Уотт-Лейк для вдохновения.

– *Покажи мне.*

Тори моргнула, потом нерешительно протянула ей электронную книгу.

Трясущимися руками Оливия смахнула снег с чехла и открыла книгу. Коснувшись иконки «пуск», защищая экран своим телом, Оливия начала читать.

«Это началось, как начинаются все истории, когда пересекаются пути. Молчание, приветствие, взгляд, прикосновение... И вы необратимо изменились благодаря этому прикосновению. Иногда это прикосновение очень легкое, подобное прикосновению переливающейся стрекозы, присевшей на тыльную сторону руки. Но оно может оказаться и землетрясением, которое покачнет ваш мир, врежется в самые основы и направит вас по новому пути. Этот момент настал для Сары, когда он впервые вошел в магазин.

Звякнул колокольчик, ворвался поток холодного воздуха. Чувствуя, что вошло нечто необычное, она подняла глаза.

Его глаза задержались на ее лице. Он ее рассматривал, и от этого у нее похолодело в животе. Обычно она улыбалась и здоровалась, но в этот раз инстинктивно отвела глаза и продолжала заниматься счетами. И все же она чувствовала на себе его взгляд: грубый, откровенный, ощупывающий...»

Ее слова. Ее история. Та самая, которую она рассказала Мелоди Вандербильт.

Взгляд Оливии метнулся к Тори. Оливия смотрела на нее во все глаза, голова шла кругом. Зеленые глаза Тори смотрели в ответ. Глаза цвета мха, как ее собственные. Иссиня-черные волосы, такого же цвета, как у Себастьяна...

– Ты – дочка Мелоди?

Тори кивнула, она ничего не понимала.

– Ты единственный их ребенок?

Она снова кивнула.

– Мелоди была замужем за *копом*?

Тори глотнула, в ее глазах заплескался страх. Она задрожала.

- Мой папа полицейский... Был полицейским.
- Не консультантом по системам безопасности?
- Он соврал.

Оливия хрипло спросила:

- Когда твой день рождения, Тори? Сколько тебе лет?
- Семнадцатого июля мне исполнится двенадцать.

Двенадцать лет назад накануне Дня благодарения Сару Бейкер похитил убийца из Уотт-Лейк. Их ребенок родился следующим летом, жарким, душным июльским днем.

17 июля...

* * *

Он наблюдал из-за деревьев. Слова женщины и девочки были хорошо слышны в холодном воздухе, среди снежной неподвижности. Этот ребенок его. Именно сходство заставило его вспомнить свою мать, когда он увидел их тогда в лодке на озере. Теперь перед глазами встали старые снимки, которые мать сохранила с юности. Ее прямые черные волосы.

Коп вырастил *его* дочь. И теперь коп привез девочку сюда, к ее настоящей матери.

Тошнотворное ощущение свело внутренности. Неужели и его заманил сюда коп? Был ли сайт об усыновлении хитростью? Мог ли коп использовать Сару Бейкер как приманку? Зачем?

Чтобы поймать его?

Как давно коп играет в эту игру? С того времени, как удочерил девочку?

Игра. Приманка должна быть чем-то важным для добычи...

В крови забурился адреналин. Возбуждение. Удовольствие. Наконец-то начинается настоящая охота. Интересный вызов в самом конце. Теперь все поставлено на карту. Словно по сверхъестественному замыслу, всем путям было предначертано сойтись тут.

А коп где? Наблюдает? Из укрытия?

Юджин настороженно прислушался, пытаясь уловить характерный шум шагов, потрескивание сухих листьев под снегом,

взведенный курок ружья. Юджин чувствовал засаду. Он медленно сглотнул. Ему пора уходить. Снега становилось все больше, снег отрезал пути для отхода. Ему нужно действовать, чтобы успеть выбраться, а снег скроет их следы.

Юджин вышел из-за дерева и направился по узкому, длинному причалу туда, где на самом краю сидели Сара и девочка.

Пора.

Пора возвращаться домой.

* * *

На обратном пути в Броукен-Бар Коул все прокручивал в голове мысль о том, что не он в ответе за неисправные тормоза. Лесовозную дорогу уже почти на пару дюймов засыпало снегом... «Дворники» работали, расчищая скапливающийся на ветровом стекле снег. Коул чувствовал, что машина то и дело идет юзом.

Его мысли вернулись к разговору с Форбсом, потом устремились в прошлое, к драке с Клейтоном и Такером в амбаре много лет назад.

Такер и Форбс вместе приехали из Клинтон, чтобы разобраться с Коулом из-за Амелии. Враждебность между Коулом и Клейтоном сохранилась на все лето и не исчезла зимой. Они еще дважды дрались. Драка после Рождества была особенно жесткой. Форбс набросился на Коула, а Такер обеспечивал поддержку. В тот раз Коул сломал Форбсу ребро. Такер в то время жил с родителями в одном из домиков на ранчо. Он мог в любое время пробраться в амбар и испортить тормоза. Коул стукнул кулаком по рулю «Доджа» и выругался.

Он *знал*, что не мог напортачить с тормозами. Его заставили усомниться в самом себе. А потом поверить, что это он убил мать и брата и, по какой-то странной случайности, сам остался жить.

Да, Коул немного выпил, но к моменту поездки он был в порядке. Он бы никогда не повез маму и Джимми, если бы знал, что перебрал. И все же... Это объясняет поломку тормозов, но его не оправдывает. Напрашивается вопрос: *а если бы?* А если бы с тормозами все было в порядке?

«Теперь ты ничего не сможешь доказать...»

Столько лет, и все напрасно? Из-за какой-то девчонки? Все это горе, чувство потери, вины, развалившаяся семья, отец, спрятавшийся в раковине горечи. Коул и Джейн стали такими, какие они есть теперь, бизнес на ранчо пришел в упадок.

От гнева пальцы Коула крепче схватились за руль, когда он преодолевал поворот на крутом спуске. Внизу «Додж» занесло. Сердце пропустило удар. Машина поползла в сторону. Коул нажал на тормоза, контролируя занос, и сумел выровнять автомобиль перед самым кюветом.

«Сосредоточься».

Теперь его беспокоило то, что Такер, возможно, не только занимается сомнительными вложениями Клейтона Форбса, но и замешан в запугивании Оливии. Кто еще это мог быть? Если бы Коул был азартным человеком, он бы поспорил на то, что при неприятном повороте событий Такер станет для Форбса козлом отпущения.

Этот человек опасен, эти люди опасны.

По радио мелодия в стиле кантри сменилась позывными выпуска новостей. И сразу прозвучал прогноз погоды. Первая волна циклона добралась до плато. К ночи высота снега может достигнуть нескольких футов. Машину Коула снова занесло. Если бы он выехал позже, он бы вообще застрял в Клинтоне.

Диктор новостей начал рассказывать об убийстве у реки Биркенхед.

– Сегодня утром на брифинге для прессы полиция раскрыла личность жертвы. Это Мэри Дж. Соренсон, пятьдесят три года, жительница города Блэйн, штат Вашингтон.

Коул протянул руку и прибавил громкость, мысленно возвращаясь к фотографии Мэри Соренсон, которую видел на экране телевизора в офисе Форбса.

– У нас есть для вас свежая новость. СВС выяснила, что муж Мэри, Алгор Соренсон, пересек границу между США и Канадой. Это произошло пять дней назад в пункте пропуска Пис-Арч. Он воспользовался картой NEXUS и ехал один в семейном автофургоне. Трейлер «Эдвенчер» прикреплен к серому «Форду»-пикапу с длинной рамой. Полиция обнародовала вашингтонский номерной знак кемпера и просит всех, кто видел трейлер или Соренсона, немедленно позвонить 911.

Когда диктор назвал номер разыскиваемого автомобиля, Коул вздрогнул.

Соренсон. Фамилия показалась ему смутно знакомой. И что-то на фото женщины тоже было знакомым. Трейлер «Эдвенчер»... У Коула замерло сердце. Он справился с еще одним спуском, ему стало жарко. Какую фамилию назвал тот мужик, у которого Оливия взяла плату за место в кемпинге? У него точно был жилой автофургон «Эдвенчер» и серый «Форд»-пикап с длинной рамой. Но у его грузовика были номера Британской Колумбии. У Коула была почти фотографическая память на такие вещи, отточенная годами работы в журналистике и наблюдением в напряженных ситуациях. И тут он вспомнил.

На автофургоне сзади была табличка радиолобителя, и выдали ее в штате Вашингтон.

Снег спускался с неба плотной пеленой, и Коулу пришлось сбросить скорость, когда он приблизился к очередному спуску на лесовозной дороге. Коул неожиданно почувствовал укол в сердце.

Шарф.

Вот что показалось ему знакомым! Шарф на фото Мэри Соренсон выглядел близнецом того шарфа, который он видел накануне в домике Оливии. Она сказала, что этот шарф подбросил ей на тропу тот, кто следил за ней. Шарф зверски убитой женщины. Женщины, чей труп был оставлен так, как оставлял тела своих жертв убийца из Уотт-Лейк.

И в этот момент не осталось никаких невинных совпадений в появлении газеты с приманкой внутри или ягод на крыльце. Шарф. Надпись на простыне Оливии. Никаких совпадений.

Коул вытащил телефон из кармана и набрал 911. Он помнил позывной с таблички радиолобителя. Копы смогут его проверить, узнать, действительно ли лицензия радиолобителя зарегистрирована на Соренсонов из Блэйна, штат Вашингтон.

Но связи не было. Коул выругался. Он выехал за пределы действия вышки в Клинтоне. Ему оставалось проехать еще половину пути до Броукен-Бар. Возвращение в город заняло бы слишком много времени, да он мог туда и не доехать в такой снегопад. Коул нажал на газ. Ему нужно добраться до Оливии. Точка.

Он быстро вел машину по опасным лесовозным дорогам. Валил густой снег, мертвые ели стояли в тумане, словно уродливые черные скелеты.

* * *

– Зачем отец привез тебя сюда? Почему *сейчас*? – спросила Оливия. Ее голос был низким, настойчивым. Она вспомнила о недавнем убийстве, о том, что Бертон оставил газету и приманку. Более сложные, острые и болезненные эмоции проступили сквозь необходимость действовать. Ее ребенок. Ее девочка. Вот тут, рядом с ней. После всех этих лет. Все казалось хрупким, словно стекло.

– Зачем он привез тебя на рыбалку, Тори?

– Он умирает, – тихо ответила она. Снежинки таяли на ее волосах, лице, ресницах. – У него опухоль мозга. Он... он сказал, что нам нужно приехать сюда и кое-что закончить. Он мне сказал, что его могут прооперировать и вылечить... Но теперь я ему не верю.

Скрип доски и внезапный шум на причале заставили их обеих поднять глаза.

К ним приближалась черная фигура, появившаяся из тумана и пелены серого снега.

Лица не было видно под бейсболкой, куртка была застегнута доверху, руки глубоко засунуты в карманы. Он преградил им путь к отступлению на узком причале. Оливия вдруг запаниковала, возникло ощущение клаустрофобии.

Но тут же наступило облегчение, потому что она узнала мужчину. Алгор Соренсон из кемпинга.

Оливия поднялась на ноги. Взволнованная, она убрала с лица влажные волосы.

– Я думала, вы уехали, – обратилась она к нему. – В кемпинге никого не было, когда я заезжала.

– Привет, Оливия, – поздоровался мужчина, подходя ближе. – Я искал вас. У вас ведь немецкая овчарка, верно?

Внутри все похолодело.

– Да. А что?

– Пес пропал?

– Я... *в чем дело?*

– Мы с женой видели похожую собаку. Он бежал по тропинке к болоту. Гнался за чем-то. Мы слышали лай, потом визг.

Эйс.

Где же Эйс?

Глава 22

– Где именно вы видели Эйса? – спросила Оливия, адреналин стучал в ее крови. Она оставила пса на улице, возле домика. Эйс обнюхивал ивовые кусты вдоль берега. Обычно пес далеко не уходил. Он всегда ждал ее на крыльце, на своей подстилке возле двери.

– Мы с женой перед отъездом гуляли по болоту, где живут выдры. Решили пройтись напоследок. Мы уже все собрали. – Соренсон сунул руки еще глубже в карманы и посмотрел на небо. – Снегопад начался.

– Где Эйс?! – повторила Оливия.

– Мы его встретили около тропинки, которая идет вокруг болота. Сначала мы услышали оживленный лай. Потом увидели немецкую овчарку, она на кого-то охотилась. Затем раздался визг. Вой. Думаю, он свалился в овраг. Мы прошли немного вперед, но ничего не увидели. Нам пора ехать, но я хотел найти вас и рассказать об этом.

Проклятье. Эйса подвело зрение. Чего-то подобного она и боялась.

– Вы мне покажете, где конкретно его видели?

– Мы волнуемся, сможем ли выехать, пока дорогу совсем не занесло, и...

– Пожалуйста.

Он явно колебался.

– Тори, – быстро сказала Оливия, обнимая девочку за плечи. – Где сейчас твой отец?

– В домике. Он спал, когда я уходила.

– Ладно, ты пойдешь со мной в большой дом. Там я оставлю тебя с Майроном, а сама пойду искать Эйса. Договорились?

– Я хочу помочь. – Тори вцепилась в руку Оливии, в ее зеленых глазах плескалось отчаяние. Ее глаза. Ее дочка. У Оливии перехватило горло. Она внимательно посмотрела в глаза Тори.

– Нет, я хочу, чтобы ты осталась с Майроном. Алгор поможет мне. – Оливия бросила взгляд на высокого мужчину. Бейсболка затеняла его глаза, на козырьке скапливался снег. – Вы покажете мне, где видели Эйса? – обратилась она к нему. – Это займет несколько минут, потом вы уедете. Все будет в порядке.

Алгор снова посмотрел на небо, потом на причал, на который ложился снег.

– *Пожалуйста*, – попросила Оливия. – Вы мне только дорогу покажите. Я вернусь через минуту. Мне нужно лишь отвести Тори в большой дом.

– Да, конечно. Я оставил машину под деревьями. К отъезду все готово. Схожу и предупрежу жену. – Он посмотрел на Тори. – Я подожду вас у начала тропы.

* * *

Майрон подвинул к себе лист бумаги. Он хотел написать письмо Коулу, попроситься с ним. Сказать, как он сожалеет о том, что все время пытался наказать своего сына. Сказать, что любил его и что простил. Но старик согнулся от страшной боли. На лбу выступил пот, несмотря на холодный ветер и снег, врывавшиеся в комнату через распахнутое окно.

Дрожь, Майрон уронил ручку и схватил пузырек с таблетками. Пора. Он должен сделать это теперь, пока его не отвезли в больницу, пока он не потерял способность двигаться, пока его не подключили к аппаратам. Тогда он уже не сможет сказать сыну, что простил его. Если принять несколько таблеток, то, возможно, перестанет трясти и удастся написать письмо. Майрон открыл окно, чтобы впустить Грейс. Ему хотелось ощутить ее присутствие вместе с холодным ветром. Он хотел, чтобы ее руки обняли его.

– Майрон!

Удивление, смущение охватили его. Он поднял глаза. Это была Оливия. С дочкой Бертона. Обе промокшие. Они стояли на пороге библиотеки.

– Майрон... Что происходит? – Оливия бросилась к старику. – Вы в порядке? Вам нужно лекарство?

Он кивнул, чувствуя прикосновение ее рук.

Она открыла пузырек, высыпала две таблетки на ладонь, вложила в рот Майрона и поднесла к его губам стакан воды. Старик проглотил лекарство.

– Еще... две... пожалуйста.

Оливия замаялась, заглянула ему в глаза. Потом достала еще две таблетки и помогла ему запить их.

– Тори, закрой, пожалуйста, окно, – обратилась она к девочке.

Оливия присела на корточки у колен старика. Красавица Оливия, которую он успел полюбить. Ему хотелось дотронуться до ее лица. Но от боли он не мог пошевелиться.

– Вы *нужны* мне, Майрон. Мне необходима ваша помощь. Можете помочь мне?

Что-то в лице Оливии заставило его сосредоточиться. Он перевел взгляд на девочку. Та стояла у окна, дрожащая, с побелевшим лицом. Что-то было не так. Неправильно.

Старик кивнул. Он почувствовал, что болеутоляющее средство начало действовать. Может, это был только первый звонок. Может быть, он сможет продержаться.

– Послушайте меня. Мне нужно найти Эйса, пока снега не стало слишком много. Думаю, он свалился с тропы и не может выбраться. Я хочу, чтобы вы присмотрели за Тори. Просто побудьте с ней.

Оливия бросила взгляд на девочку, потом снова посмотрела на Майрона. Ее явно волновало то, что он собирался сделать с таблетками.

– У нее есть с собой книга. Я хочу, чтобы вы это прочли, Майрон. Это важно. Пожалуйста, прочтите, если можете. И просто побудьте с ней рядом. Не оставляйте ее и никого не впускайте в дом. Вы понимаете? – Она замаялась. – Даже ее отца.

– Что происходит, Оливия? Что не так с Бертоном?

– Он плохо себя чувствует. Прошу вас, мне надо идти. Просто держите двери на замке. Тори должна быть в безопасности. И вы должны меня дождаться, слышите? Поговорим позже.

И она ушла, оставив его с темноволосой девочкой, смотревшей на него во все глаза. Они остались в доме одни.

– Ты в порядке? – спросил старик.

Тори не ответила.

– Я должен прочесть книгу, которая у тебя.

– Он не мой отец.

– Кто не отец? Бертон?

– Мой отец – убийца из Уотт-Лейк.

У Майрона от удивления приоткрылся рот. Он собрался с силами.

- Почему ты так говоришь?
- Она протянула ему какую-то розовую штуку.
- Что это?
- Электронная книга.

* * *

Оливия гнала Спирит галопом к тропе вокруг болота. Там никого не было.

– Алгор! – позвала Оливия. Кобыла резко остановилась, когда Оливия натянула поводья.

Ни звука. Она увидела следы сапог на тропе. Их быстро заметало снегом.

– Эйс! – крикнула Оливия, двигаясь по следам. Она свистнула, потом снова позвала: – Эйс! Где ты, мальчик?

Она не спускала глаз со следов, уходя все дальше по сужающейся, извилистой тропе между поросших мхом деревьев. Почва здесь была болотистой. Через ручей перебрался бобер. Вокруг было много поваленных деревьев.

– Сюда! – вдруг услышала она голос Алгора. – Он здесь!

Оливия остановилась, прислушалась, пытаясь понять, откуда доносится голос. Ее окутывали туман и снег. Спирит негромко фыркнула, нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Сюда! – снова долетел до нее голос. – Я нашел пса! Он здесь! Под насыпью. Не шевелится.

Паника, худший вид страха, охватила Оливию. Она пустила лошадь рысью, наклоняя голову, чтобы не задеть поникшие под снегом ветки. Тропа стала чуть шире, и Оливия заставила кобылу бежать быстрее, слишком быстро для такой погоды. Но Оливию приводила в отчаяние мысль о том, что она потеряет Эйса. Что-то ударило ее, словно стрела арбалета.

Прямо поперек шеи.

Веревка.

Оливия задохнулась и свалилась с лошади.

Она приземлилась на спину. Удар был настолько сильным, что Оливия не могла ни вздохнуть, ни шевельнуться. От боли из глаз

посыпались искры, подступила темнота. Спирит умчалась прочь.

Лишь через несколько секунд Оливия смогла втянуть в себя воздух. Ребра, по ощущениям, были сломаны.

Пытаясь понять, что произошло, она попыталась перекинуть руку через туловище и перекатиться на бок. Ей удалось лечь на живот, потом встать на четвереньки. Перепуганная Спирит ускакала. Вокруг было тихо.

Оливия встала на одно колено и потянулась к ветке, чтобы, ухватившись за нее, подняться, но что-то с силой ударило ее сбоку по голове, и она почувствовала, как отрывается ухо. Удар отозвался в носу, в мозгу, к горлу подступила желчь. Оливия едва не потеряла сознание. По шее потекло что-то горячее. Боль была ослепляющей. Оливия ошеломленно дотронулась рукой до уха. Оно было частично оторвано. От слабости у нее подогнулись колени. Оливия упала вперед, ошарашенно глядя на кровь, окрасившую снег в ярко-красный цвет. Она выбросила руку вперед, пытаясь ползти, двигаться вперед.

Но кто-то вцепился ей в волосы и рывком поставил на колени. Оливия вскрикнула от боли, волосы рвали с корнем. Еще один удар, на этот раз в лицо, кто-то разбил ей нос. Оливия поперхнулась, выплюнула комок крови и слюны. Нападавший опрокинул ее на спину.

Над Оливией нависла расплывчатая тень.

Он.

Алгор.

Оливия потянулась к нему, пытаясь одними губами позвать на помощь.

Но он нагнулся и крепко зажал ей рот рукой в перчатке. Оливия захлебнулась, кровь стекала из носа в горло. Оливия замотала головой, забила руками, чтобы получить возможность дышать. Алгор нагнулся к ней ниже. Совсем низко. Оливия застыла. Его дыхание обжигало ее лицо. Она заглянула ему в глаза, прямо в глаза. Они больше не были голубыми. Это были светло-желтые глаза кугуара. Глаза охотника. Хищника.

– Ты скучала по мне, Сара? – прошептал он ей в окровавленное ухо, прежде чем поднять руку и снова ударить по голове. Наступила чернота.

* * *

Коул въехал на ранчо через деревянную арку с побелевшими от времени рогами лося. Густой снег не позволял увидеть большой дом. Еще двадцать минут, и дороги станут непроходимыми для обычных автомобилей.

Когда он подъезжал к дому, из тумана выскочила лошадь и рванулась через дорогу. Коул нажал на тормоз, сердце забилося чаще. Он быстро опустил стекло. *Лошадь Оливии?* Оседланная, но без всадника. Кобыла галопом поднялась на холм и исчезла за пеленой снега и тумана на хребте.

Коул нажал на акселератор и поехал к большому дому. Через заросли ольхи он увидел грузовичок Оливии, припаркованный около тропы. Голубой брезент прикрывал кузов. Коул опять затормозил, распахнул дверцу, побежал к ее машине и откинул угол брезента. В кузове были сложены сумки.

Оливия собралась уезжать.

А что случилось с лошадью?

Коул добежал до домика Оливии. Дверь была не заперта, дом пуст.

В шкафах тоже пустота.

Он развернулся, увидел записку под горшком с кактусом и схватил ее.

«...Спасибо тебе за все. Спасибо за то, что показал мне, что во мне всего в меру. Ты вернул мне часть самой себя, и я возьму это с собой туда, куда еду сейчас. От всего сердца я желаю тебе успеха с Броукен-Бар. Приглядывай за ранчо вместо меня...»

Коул выругался. Оливия все-таки уезжала. Но грузовик все еще стоял тут, ее перепуганная лошадь скакала без всадника. Что-то случилось.

Коул бегом вернулся к «Доджу», проехал по засыпанной снегом траве и нажал на тормоз у парадного входа в большой дом. «Додж» занесло. Коул распахнул дверцу, перескакивая через две ступеньки, взбежал на крыльцо и попытался открыть дверь.

Заперто.

Коул заглянул в окна.

Внутри темно.

Он громко забарабанил в дверь кулаком.

– Эй! Откройте! Это Коул!

Тишина. Сухая трава из венка урожая на крыльце шелестела и похрустывала на ветру за его спиной.

Он забарабанил снова, настойчивее, громче. Его охватил новый страх, превратившийся в панику. *Жив ли отец?*

– Это я, Коул! Откройте!

Его остановил звук отодвигаемой задвижки. Дверь распахнулась. Коул опустил глаза. Через приоткрытую щель на него снизу вверх смотрела темноволосая дочка Бертонна. Она выглядела... странно.

– Тори? А... Майрон в порядке? Кто в доме? – Коул распахнул дверь, прошел мимо Тори и начал подниматься по лестнице. – Папа!

– Сюда, сын. Я в библиотеке.

Тори побежала по лестнице следом за Коулом.

– Я только что видел лошадь Оливии! Где она? – Он замер на месте, когда увидел выражение отцовского лица. – Где Оливия?

– Она поехала верхом, чтобы найти Эйса. К болоту, в котором живут выдры.

– Что?

– Эйс упал с откоса в овраг, – объяснила Тори. – Мужчина из кемпинга видел, как он туда побежал, и пришел сказать нам. Он помогает Оливии искать собаку.

Коул опустился на корточки, схватил ее за плечи. Куртка у нее промокла, волосы тоже были мокрыми.

– *Какой* мужчина?

– Алгор, – ответила Тори. – Тот, с женой.

Паника обрушилась на него, словно томагавк. От адреналина закипела кровь.

* * *

Оливия пришла в себя, закашлялась, выплевывая кровь и слюну. Все это растеклось, липкое и густое, под ее лицом, которое

прижималось к чему-то мягкому. Матрас. Тело ее покачивалось. То приходя в себя, то снова теряя сознание, она поняла, что лежит в движущемся автофургоне. Руки связаны за спиной, ноги стянуты в лодыжках. Голова раскалывалась от боли. Матрас под щекой был горячим и мокрым от крови.

Оливия была в смятении и пыталась вспомнить, что произошло. Она попала в какую-то ловушку. Он протянул веревку поперек тропы. Она попробовала вспомнить то, что он говорил ей, когда тащил за волосы по снегу к поджидающему фургону. Он подогнал фургон к болоту через дыру в сетке ограды.

«Это ведь не ты искала дочку через Интернет, верно? Это коп привел меня сюда, к тебе. Восхитительно, тебе не кажется? Замысел. У всего в природе есть узор. А о ней что думаешь? Красивая девочка у нас получилась...»

Оливия снова закашлялась, выплевывая кровь. Он изменил внешность. Хамелеон. Она этого не поняла. Но теперь она его разглядела. Он стал старше, исхудал, выкрасил волосы в блондинистый цвет и сбрил их почти под ноль. Отрастил эспаньолку. Голубые контактные линзы скрыли его янтарные глаза. Он был социопатом, поэтому улыбался и сумел провести их всех.

Но это точно был он. Теперь она знала это. Его запах. Эти глаза, преследовавшие ее в ночных кошмарах больше десяти лет. Но как? Как это могло быть, если он умер в тюремной камере? Она указала на него на опознании, когда он стоял среди других мужчин. Никаких сомнений, это был тот самый человек, который мучил ее целую зиму. Его ДНК совпала с ДНК ребенка, которого она носила.

О боже, как это могло повториться? Это невозможно.

Это был он и не он.

Вдруг Оливия вспомнила.

Жена.

Она оглядела фургон. Дом на колесах принадлежал убитой женщине? А он выдает себя за мужа, которого тоже убил? На кредитной карточке было написано Алгор Соренсон. Что случилось с настоящим Алгором Соренсоном?

«Настоящий хищник умеет сливаться с природой, Сара. Он знает, как затаиться, как создать приманку. Так устроено в природе.

Но и добыча может использовать камуфляж, чтобы попробовать спрятаться, разве не так, Сара?»

Фургон покачивало и потряхивало. Оливия была надежно привязана к кровати. Она чувствовала, как скользят колеса машины. Они шли юзом. Мотор ревел. Они поднимались вверх по холму, по ухабистой грунтовой дороге. Должно быть, он свернул на север по старой лесовозной дороге, которая проходила за болотом. Он вез ее на север. Прочь от цивилизации. Валил густой снег. Все как в прошлый раз. От следов ничего не останется.

В годовщину похищения все повторяется. Она возвращается назад, к началу.

У Оливии защипало глаза от слез. Боль накатывала на нее удушливыми волнами. Больше десяти лет она убегала. И решила, что наконец в безопасности.

Она думала, что все закончилось, но это оказалось лишь частью продолжающейся игры.

Тори, ее дочка. Гейдж Бертон, коп, удочеривший ее ребенка, ребенка убийцы. Почему? Мелоди тогда сказала, что они с мужем пытались зачать. Но она не знала, что муж Мелоди коп. Это журналистка от нее утаила. Оливия почувствовала себя преданной. Сознание периодически покидало ее. Она никак не могла выстроить логическую цепочку.

Оливия вспоминала все события перед тем, как он напал на нее у болота. Он использовал Эйса как приманку. У Оливии горели глаза, в крови бушевал адреналин. Убил ли он ее пса? Забрал ли у нее самое дорогое в ее теперешней жизни? Оливия в приступе паники попыталась разорвать путы. Она попробовала было дотянуться связанными руками до пояса, но потом вспомнила, что он забрал ее спутниковый телефон и положил к себе в карман. И нож он у нее тоже отобрал.

В такт тошнотворному покачиванию и подпрыгиванию фургона Оливия то впадала в небытие, то снова приходила в себя.

Он собирается продержат ее еще одну зиму? И весной снова будет на нее охотиться?

У нее не осталось сил, чтобы пройти этот путь еще раз...

* * *

Коул достал из оружейного сейфа дробовик и несколько коробок с патронами. Он выбежал через парадную дверь, обогнул дом и направился к гаражу, где стояли снегоходы. Он видел их, когда утром брал отцовский «Додж». Тут он заметил перерезанные провода на стене кухни и застыл. Его взгляд устремился вверх, проследив провода до самой крыши. Они вели к спутниковой тарелке. Его пронзила зловещая дрожь. Это было сделано намеренно. Неужели то же самое случилось с телефонной линией?

Телефоны отключились почти в то же самое время, что и телевидение. Как раз перед ужином. И тогда же кто-то вошел в домик Оливии и оставил послание на ее простыне.

Все ранчо осталось без связи перед началом сильного снегопада.

Коул повесил дробовик на плечо и распахнул двери гаража. На полках у дальней стены он видел несколько канистр с горючим.

Он торопливо вывел один из снегоходов, проверил двигатель. Тот взревел и ожил. Коул перенес ногу через седло и отпустил дроссель. Траки заскрежетали по бетону. Когда он наткнулся на металлическую раму, полетели искры. Наконец он выехал на снег, прибавил скорость, включил противотуманные фары и помчался к болоту. У него не было времени искать шлем и защитные очки.

Когда он подъехал к узкой тропе, ведущей к болоту, где когда-то играли они с Джимми, время изогнулось и сложилось. Коул направил машину на узкую тропу и полетел по ней. Тут уже лежал толстый слой снега. Он скрыл все следы, которые могла оставить Оливия. Потом Коул увидел зазубрины, похожие на следы копыт ее лошади. Он остановил снегоход, выключил мотор и затаил дыхание, прислушался. Возможно, что-то укажет ему направление.

Но он ничего не услышал.

Коул снова завел мотор, проехал немного дальше по густо заросшему деревьями болоту, следуя за тем, что он считал следами от копыт.

Потом снова остановился и прислушался. На этот раз он услышал звук. У него ухнуло сердце. Он опять затаил дыхание, подождал и

снова услышал тот же звук. С запада, из оврага за густыми кустами донесся лай.

Коул слез со снегохода, пробрался через кусты туда, где откос резко уходил вниз. Коул лег на живот и заглянул в овраг.

Эйс.

– Привет, приятель! Подожди. Я иду к тебе!

Пес гавкнул.

Коул спустился по склону, держась за ветки. Из-под его сапог летели мелкие камешки. Он плюхнулся на землю рядом с Эйсом. Тот облизал ему лицо. Коул ощупал его шерсть, проверил лапы. Как будто никаких повреждений. И тут Коул увидел валяющуюся в снегу кость с остатками сырого мяса. Пса заманили в овраг едой.

Чтобы поймать в ловушку Оливию?

– Где твоя хозяйка, мальчик? Поможешь мне найти ее? Покажешь мне ее следы?

Коул посмотрел вверх, на заснеженный склон, пытаюсь сообразить, как вытащить из оврага Эйса. Он снял с плеча ружье, скинул куртку, потом снова повесил оружие на плечо.

Коул подсунил куртку под живот Эйса и завязал рукава у него на спине на манер упряжи.

– Вот так! Ну что, ты готов, большой мальчик? Тебе остается только спокойно сидеть, пока я потихоньку потащу тебя наверх.

Коул одной рукой ухватился за ветку и подтянул себя по склону, уперся каблуками в землю, а другой рукой начал осторожно поднимать Эйса.

Коул выбрался наверх. Мышцы горели, пот заливал глаза, смешиваясь с тающим снегом. Он помог Эйсу выбраться. Пес карабкался, как мог. Потом он лизнул Коула в лицо, когда тот снимал с него импровизированную упряжь. Пес явно испытывал стресс, он тяжело дышал.

– Ладно, мальчик, где Оливия? Ищи ее! – приказал Коул, натягивая куртку и снова вешая дробовик на плечо. – Ищи Оливию!

Эйс втянул носом воздух, высоко подняв морду. Ноздри его раздувались, пока он принюхивался к окружающим запахам. Голова пса резко повернулась, как у быка, которого дернули за кольцо. Он рванулся через кусты, негромко пофыркивая. *Он взял ее след.*

Коул нырнул в кусты следом за псом. Он отводил в сторону ветки, иногда становился на четвереньки, чтобы проползти под валежником или перелезть через корни. Пес ориентировался по запаху, оставшемуся в воздухе, а не по следам на земле, а запахам наплевать на снегопад. Ветки цеплялись за волосы Коула, шлепали его по лицу. Упавший с них снег сыпался ему за шиворот и таял.

– Вперед, мальчик! Не останавливайся!

Коул тяжело дышал, руки без перчаток замерзли.

Они выбрались из густых кустов на тропу. Эйс застыл, потом как-то странно взвизгнул и лег на снег.

Коула наполнил ужас.

На снегу была кровь, много крови. Вокруг крови – углубления, сломанные ветки, следы борьбы. Сердце гулко стучало в груди, от тревоги Коул почти ослеп. Он пробежал по снегу до конца тропы, следуя за тем, что выглядело как углубление. Кого-то явно тащили волоком. Снова кровь. Повсюду были клоки волос, волос Оливии, вырванных с корнями.

Коул добрался до конца тропы и оказался у дороги, которой никто не пользовался. Она вела от разрезанной сетки на ограде, которую они видели раньше. Кто бы ни увез Оливию, он к этому явно готовился. Должно быть, нападавший изучил ситуацию, разрезал сетку, подъехал на машине к этому месту, припарковал ее и стал ждать, пока Оливия придет на болото. В качестве приманки он использовал самое дорогое, что было в ее жизни, – Эйса.

Следы заканчивались там, где начинались свежие следы от колес, глубокие, с черной землей внизу.

Ее увезли.

Куда?

Коул знал, что эта дорога шла вдоль болота. Там водитель мог свернуть на юг по лесовозной дороге и поехать в Клинтон. Или повернуть на север, выбирая почти не используемые грунтовые дороги, которые в конце концов выведут его на автостраду.

Коул бегом вернулся к своему снегоходу, помог Эйсу забраться на сиденье и сел сам, обхватив собаку ногами и руками.

– Держись, приятель. Мне без тебя не обойтись.

Если он найдет Лив, то пес ей понадобится.

Коул включил двигатель и пулей полетел по тропе к тому месту, где нашел отпечатки колес. Он проехал по ним до лесовозной дороги и остановился.

Автомобиль с Оливией повернул на север. Коул выругался, на мгновение охваченный нерешительностью. По этим следам можно двигаться многие мили, дорога идет по диким местам и землям ранчо. Но бензин у него кончится намного раньше, чем у автомобиля похитителя. А потом что? У Коула нет никаких средств связи. Он ничем не может ей помочь. Он ее потерял.

Оставался только один выход. Коул нажал на газ, отпустил дроссель и помчался вокруг озера к большому дому.

* * *

Ванкувер. Воскресенье.

Около полудня.

– Тебе нужно это увидеть. – Эксперт жестом подозвал сержанта Мэка Якиму и показал то, что он нашел в компьютере Гейджа Бертон.

– Бертон не просто использовал псевдоним на этих сайтах по усыновлению, он выбрал имя реальной женщины.

Эксперт отодвинулся от стола вместе с креслом, чтобы Якима увидел на экране привлекательную темноволосую женщину с зелеными глазами.

– Оливия Уэст, – назвал эксперт ее имя. – Работает инструктором по рыбной ловле на ранчо Броукен-Бар. В последнем сообщении Бертон от имени Уэст написал девочке, которая, судя по всему, ищет мать, что она – Оливия Уэст – отдала в приемную семью дочь, рожденную семнадцатого июля в Уотт-Лейк. Бертон дал адрес этой Уэст в Броукен-Бар. Этот снимок с сайта ранчо.

Мэк Якима посмотрел на фото, и у него застыла кровь.

– Уотт-Лейк, – прошептал он.

Эксперт поднял на него глаза.

– Это она, – пояснил сержант. – Оливия Уэст – это Сара Бейкер, выжившая жертва Себастьяна Джорджа. Та женщина, которая сдала его. Бертон был одержим ею и этим делом. – Мэк выругался. – И Гейдж все это время не мог не знать, что она сменила имя и работает

на ранчо. Господи Иисусе. Он следил за ней, создавал фейковые аккаунты от ее имени, делая вид, что ищет ребенка, отцом которого был Себастьян Джордж.

Джен Мартинелло встала рядом, посмотрела на экран через плечо эксперта.

– Проклятье, – прошептала она, потом посмотрела на Якиму. – Что, черт подери, Бертон пытается сделать?

– Не знаю, – ответил Мэк, когда к компьютеру подошел еще один офицер.

– Сержант, – обратился он к Якиме, – Алгор Соренсон недавно оплачивал покупки кредитной картой. Он воспользовался ею в Клинтоне, оплатил в спортивном магазине покупку клейкой ленты, ножа для снятия шкур и всего, что необходимо для вязания мушек. До этого он оплатил картой проживание в кемпинге на ранчо Броукен-Бар в часе езды к северу от Клинтона. У нас есть записи, согласно которым карточкой пользовались в Аризоне, Неваде, Орегоне и Вашингтоне. Покупали продукты и напитки, цветные контактные линзы, краску для волос. Несколько раз картой оплатили приобретение снотворного, которое Алгору Соренсону выписал врач.

Якима резко повернулся к Мартинелло.

– Позвони в отделение Клинтона. Нам нужно поговорить с кем-нибудь оттуда. И отправь заявку на вертолет.

– В том районе сильный буран, – сказала Мартинелло.

– Заявку все равно отправь. Мы будем готовы к вылету.

* * *

Коул бросил снегоход у большого дома и побежал вверх по ступеням. Он уже собрался открыть дверь, когда увидел сгорбленную фигуру, ковыляющую к дому через туман и снег. Коул оперся на перила, снял с плеча дробовик и посмотрел в прицел.

– Стой, где стоишь! Еще шаг, и я стреляю.

Человек поднял руки вверх.

– Это я, Бертон. Гейдж Бертон. Я... Мне нужна твоя помощь.

Он споткнулся, упал на четвереньки, прополз несколько футов по снегу, потом снова поднялся на ноги.

Коул опустил дробовик.

Бертон, пьяно пошатываясь, доковылял до крыльца. Лицо у него побелело. Щеки ввалились.

– Что случилось? – спросил Коул.

Бертон прижал руку к виску, лицо исказилось, как будто от сильной головной боли.

– Это... я виноват. Я... заманил его сюда. Убийцу из Уотт-Лейк. Он где-то на ранчо. Я не знаю где. Он забрал Тори.

– Что ты хочешь сказать? Какой убийца из Уотт-Лейк? – Коул ошарашенно замолчал. Копы искали Соренсона или, возможно, человека, который выдавал себя за Соренсона. – Себастьян Джордж мертв.

– Я всегда считал, что они взяли не того парня. Я... – Гейдж протянул руку и ухватился за перила, чтобы не упасть. – Я служил штабным сержантом в Уотт-Лейк, когда похитили Сару Бейкер. Я уверен, что посадили не того человека. И с тех пор я охочусь за настоящим убийцей. Я заманил его сюда, используя в качестве приманки Сару. Он где-то здесь.

Коула охватило волнение.

– Но улики...

Бертон покачал головой.

– Пожалуйста, помоги мне. Он увел... Тори. Она – дочь Сары Бейкер. Боже, помоги мне...

Бывший коп рухнул на снег.

Коул сбежал по ступенькам, поднял Гейджа, закинул его руку себе на плечо и обхватил за талию.

– Сможешь подняться по ступенькам и войти в дом?

Бертон кивнул.

Коул помог ему подняться на крыльцо.

– Объясни мне, – попросил он, – почему ты говоришь, что взяли не того человека?

– Они скрыли кое-что. То, что Себастьян не умел читать. А это значит, что он не мог написать записки, оставленные в глазницах жертв.

– *Какие записки?*

– Записки с цитатами об охоте... – Бертон дышал с трудом. – Эту улику утаили. Пресса об этом не узнала. Знали только следователи и я.

В суде... это не прозвучало.

Они добрались до двери.

– Им нужно было чистое обвинение. Они заткнули мне рот, перевели в Форт-Тэпли. Моя жена и я, мы удочерили девочку Сары, увезли ее в Форт-Тэпли. Я... я *знал*, что настоящий убийца рано или поздно появится.

Коул прислонил Бертона к стене.

– Ты хочешь сказать, что все это время держал ее дочь как приманку? Ты хотел, чтобы он вернулся за ребенком, за его матерью?

– Все совсем не так...

– А *как*, черт подери!?

Бертон вздрогнул.

– Тори в безопасности, – бросил Коул. – Она в доме с моим отцом. Но тот, за кем ты охотишься, увез Оливию. Кстати, я знаю, что она Сара Бейкер.

Гейдж закрыл глаза, помолчал, как будто произносил про себя благодарственную молитву за спасение жизни дочери, потом произнес:

– Как он добрался до Сары?

– До Оливии. Теперь ее зовут Оливия. Он заманил ее в болото с помощью Эйса, ее пса. Она серьезно ранена, если судить по количеству крови на тропе. Он увез ее на машине. Возможно, это был тот грузовик и трейлер, которые стояли в кемпинге. Он направился на север.

– Как только запахнет первым снегом...

– Что?

Гейдж открыл глаза.

– Он всегда выходит на охоту перед сильным снегопадом. Я знаю, куда он везет ее. Он возвращается домой, обратно в долину Беа-Кло. Он собирается закончить работу.

Глава 23

– Где это, Беа-Кло? – спросил Коул.

– Примерно в шестидесяти километрах к северо-западу от Уотт-Лейк. Индейская территория. Глубокая долина по другую сторону от хребта Пиннакл.

– Ты ранен или болен? Что с тобой происходит?

– Меня мучают головные боли. У меня опухоль мозга. Время от времени приступы повторяются. Я умираю. – Бертон оттолкнулся от стены, на которую опирался. Покачнулся, но смог устоять без поддержки. – Мне нужно увидеть Тори.

Глаза Коула и отставного полицейского встретились.

– Ты заманил убийцу, используя Оливию и свою дочь как приманку?

Гейдж сглотнул.

– Когда Тори только родилась, я дал ей обещание. – Голос у него дрожал. – Я поклялся добиться справедливости, достать этого ублюдка, сделать мир безопаснее. Мать Тори умерла, и я должен был что-то предпринять. Девочка стала агрессивной. Я боялся, что она останется совсем одна, когда после моей смерти узнает, кто ее настоящий отец. Она подумает, что в ней течет кровь опасного социопата.

Бертон повело вперед, и Коул подхватил его.

Гейдж сделал глубокий вдох, сосредоточился.

– Мне... нужно было, чтобы она встретила со своей настоящей матерью. Мне хотелось, чтобы Тори увидела, что в ней есть и хорошая половина. Красивая, добрая и справедливая половина. Она должна была увидеть, какой *может* стать. И я верил, что как только Сара встретится со своей дочерью... – Его голос прервался. – Что я натворил?!

– Ты больной на всю голову, знаешь об этом?

– Знаю. И уже давно. Наверное, даже дольше, чем кажется.

Коул смотрел на Бертон. Мозг кипел. Коул перевел взгляд на снег, оценил направление ветра. Перед глазами прокручивались метеорологические картинки со спутника, которые он видел по

телевизору. Рискнуть? Возможно, поднявшись в воздух, он сможет опередить циклон. *Если* повезет. Или погибнет, и это куда вероятнее.

Впервые в жизни мысль о смерти напугала Коула. Он не хотел погибать. Только не в этот раз. Ему надо было выжить, чтобы спасти Оливию. Коул хотел получить этот чертов второй шанс. Ради нее. И ради самого себя. Ради этого ранчо. Он нуждался в нем так же остро, как нуждался в воздухе, чтобы дышать.

– Насколько ты уверен, что он направляется в Беа-Кло?

– Даже раненный в живот олень возвращается домой. Он много раз повторял это Саре. Она говорила об этом во время бесед, за которыми я наблюдал. Этот парень помешан на ритуале охоты, на убийстве. Он хочет закончить этот ритуал там, где начал его. Где всегда убивал. На земле Первых Наций, желательно на принадлежащей ему территории. В этом смысле он как зверь.

Коул должен был рискнуть. Не делать ничего – хуже смерти.

– Ты со мной, – неожиданно сказал он.

– Куда?

– Мы отправляемся в Беа-Кло и берем с собой пса. Мы остановим убийцу.

– На чем?

– На моем самолете.

Бертон посмотрел на кружащийся снег. От тревоги черты его лица заострились. В глазах появился страх.

– А как же Тори?

– Здесь она будет в безопасности. Иди и садись на снегоход. Возьми Эйса. Ждите меня. Мне нужно сказать отцу, куда я лечу, и сообщить ему номер лицензии радиолобителя, который я видел на автофургоне, на тот случай, если у него появится возможность поговорить с копами.

Бегом поднимаясь по лестнице в библиотеку, Коул молился всем богам, о которых только мог вспомнить, чтобы они защитили Оливию от невыносимой боли.

«Держись, Лив, дождись меня, я найду тебя. Держись...»

* * *

Джип Королевской канадской конной полиции свернул со скоростного шоссе, ведущего из Клинтон, возле указателя на ранчо Броукен-Бар. Офицер, который вел машину по лесовозной дороге, пытался ориентироваться в снегопаде. Колеса заскользили, когда включился полный привод. Они проехали меньше трех километров, и джип встал намертво. Валил густой снег, облака низко нависли над лесом.

Четыре офицера вышли из джипа и вытащили из трейлера, прицепленного к джипу, два снегохода. Один из офицеров сообщил о местонахождении и назвал новое ожидаемое время прибытия на ранчо, остальные надевали шлемы и толстые перчатки. Доложив обстановку, офицер тоже надел шлем и сел на один из снегоходов позади водителя.

Они направились по лесовозной дороге к ранчо старика Макдона.

Копы отреагировали на звонок сержанта Мэка Якимы из интегрированной группы по расследованию убийств, которая занималась убийством у реки Биркенхед. Кредитная карта Алгора Соренсона, мужа жертвы, последний раз использовалась на ранчо. Было поразительное сходство между убийством у реки Биркенхед и убийствами в Уотт-Лейк. Управляющей на ранчо работала Сара Бейкер, единственная выжившая жертва убийцы из Уотт-Лейк. Та самая, которой удалось убежать.

К тому же на ранчо, возможно, находился детектив Гейдж Бертон, сам в прошлом работавший в составе группы по расследованию убийств и недавно вышедший на пенсию. Он был ключевым подозреваемым в деле об убийстве у реки Биркенхед. Он служил штабным сержантом в Уотт-Лейк в то время, когда похитили Сару Бейкер. Судя по всему, Бертон, несмотря на все имевшиеся улики, не сомневался, что полиция арестовала не того человека, и, вполне вероятно, с тех самых пор охотился за убийцей. По словам сержанта Якимы, медики полагают, что у Бертона могло развиваться психическое расстройство. Пока не до конца было понятно, как все это связано, но Бертон взял с собой маленькую дочь. Полиции Клинтон рекомендовали действовать с чрезвычайной осторожностью.

* * *

Коул присел на корточки и положил руки на плечи девочки.

– Тори, присмотришь за Майроном, хорошо? – Он знал сто первую заповедь выжившего. Когда в угрожающей жизни ситуации ты заботишься о ком-то еще, твои шансы уцелеть увеличиваются в сотни раз. – Приготовь ему чай и что-нибудь поесть. И себе тоже. Справишься на кухне?

Она кивнула.

– Двери держи на замке. Подкладывай дрова в огонь. Если ты что-то не знаешь или тебе что-то нужно, спроси у моего отца, слышишь?

Глаза у нее были огромные и сухие, лицо бледное. Она кивнула.

Коул замялся.

– И давай ему таблетки... По две каждый час, не больше. Понимаешь? Даже если он будет сходить с ума. Это важно.

Потому что отец должен быть рядом с Тори. Коулу *нужно* было, чтобы он продержался до его возвращения.

– Коул, – позвал его старик из своего кресла.

Коул поднял глаза.

– У тебя лицензия только на полеты в нормальных условиях.

– Ага.

– Это небезопасно.

– Мы должны попытаться.

Их взгляды встретились. Повисло молчание.

– Прости меня, – сказал Майрон. – Я был дерьмовым отцом. Мне жаль, что я не смог справиться с горем, что я продолжал наказывать тебя.

Коул подошел к отцу, присел на корточки, держась одной рукой за подлокотник инвалидной коляски. Он хотел сказать отцу, что Форбс и Такер испортили тормоза грузовика, но передумал. Это не меняло того факта, что он сел за руль нетрезвым и повез мать и Джимми. От этого ему никуда не деться. И он примет свою часть вины. А Форбс и Такер свое получают, когда Коул предупредит полицию о придуманной ими коррупционной схеме с участием высоких правительственных чиновников. Это будет правосудие Коула. Так он хоть как-то оправдается за то, что вместе с Джейн подписал то проклятое письмо о продаже.

– Папа, – негромко заговорил он, – я хочу, чтобы ты знал, просто на всякий случай, что мне очень-очень жаль. И твое прощение... –

Голос у него прервался, глаза защипало от слез. – Оно для меня все.

Майрон посмотрел на сына, сглотнул. Потом его глаза медленно наполнились слезами. Они потекли по морщинистому лицу. Старик протянул руку с искривленными пальцами и коричневыми пятнами на коже, коснулся щеки сына. Холодная. Он открыл рот, но слова так и не появились.

– Мне пора.

Майрон кивнул. Когда он заговорил, его голос был хриплым:

– Ладно, лети. И возвращайся целым. Привези домой Оливию. Вы оба должны вернуться сюда, потому что я не позволю Форбсу заполнить это чертово ранчо.

Кривая улыбка изогнула губы Коула. Он отсалютовал отцу:

– Есть, сэр.

Ему хотелось добавить что-нибудь абсурдное, типа «я люблю тебя, папа».

Он пообещал себе, что обязательно скажет эти слова, когда вернется.

И Коул отправился вниз, где его ждали Эйс и Бертон.

В кабине «Пайпер Каб» не слишком много места для двух мужчин и собаки, но он выкинет кое-что ненужное, чтобы снизить общий вес. Надо пошевелиться, предстояло еще надеть лыжи на колеса. Без помощи Бертона не обойтись. Им надо подняться в воздух до того, как ветер снова изменится и начнет дуть с севера. Необходимо опередить циклон, иначе их будет бросать, словно пробку в бурном море облаков.

И света маловато. Для маневра почти не остается места.

Единственный козырь в том, что «Каб» – классический самолет для полетов на малой высоте, с наклонными лопастями пропеллера для невероятно короткой дистанции при взлете и быстрой посадке. Крылья расположены высоко, специально для жесткой посадки. Покрышки для тундры легко справляются с гравием. Если надеть на них лыжи, то самолету нипочем снег, земля и лед.

Но все это ничего не значило, если не будет видимости. Или если буран их догонит.

* * *

– Парни из Клинтонна уже едут. Наша вертушка готова. – К Якиме подошла Мартинелло с двумя кружками кофе. Одну она поставила перед Мэком. – Они кое-что нашли в файлах Бертона, – добавила она, присаживаясь на край металлического стола.

Увидев выражение ее глаз, Якима решил, что это серьезно. Он взял кружку, не сводя с констебля взгляда.

– И?

– Это документы об удочерении, – ответила она. – Тори Бертон – дочь Сары Бейкер и Себастьяна Джорджа.

Мэк застыл с кружкой у рта. Потом медленно опустил ее.

– Вот дерьмо, – прошептал Мэк. – Гейдж повез ее к родной матери. – Якима посмотрел на Мартинелло. – Насколько он болен? Что он вытворяет? И где Алгор Соренсон?

– Эксперты нашли кое-что в ноутбуке Мелоди Вандербильт. Что-то вроде мемуаров, которые она писала перед смертью. В них рассказана вся история удочерения Тори, есть подробности о похищении Сары. В основном сведения взяты из бесед с Сарой Бейкер в больнице. Эксперт нашел все ее записи. Судя по всему, Мелоди была единственной журналисткой, которой Сара согласилась дать интервью, и Мелоди не опубликовала ни единого слова. Вместо этого они с Бертоном удочерили девочку и уехали из города.

* * *

Встречный ветер налетел на маленький желтый самолетик, когда тот поднимался в плотных облаках, высоко задрал нос. Снег залепил ветровое стекло, и на какое-то страшное мгновение Коулу показалось, что он ничего не увидит. Потом ветер и скорость начали сбрасывать снег со стекла кабины, и он ручейками стал стекать по боковым стеклам, давая пилоту возможность видеть хоть что-то. Коул изо всех сил старался выровнять крылья, а встречный ветер на высоте бросал самолет, словно лодку на волнах.

Коул набрал высоту, прибавил скорость, чтобы подняться над циклоном. Двигатель протестующе завыл. Вес был слишком большим. Пропеллер исправно вращался, но облака были высокими и плотными. Коул выровнял самолет и летел вслепую в темной, серой массе. Во рту

пересохло. Он летел по памяти и по компасу. Если он прав, то горный кряж справа от них. Если же ошибся... Они врежутся в гору и погибнут, не успев ничего понять.

Подняла голову паника, но Коул справился с ней.

Паника – это для дураков. Она их погубит. Если погибнут они, умрет и Оливия. Они – ее единственная надежда. Но страх не отпускал его, словно дракон.

«Без страха не бывает подлинной храбрости...»

Не он ли написал эти слова?

Коул взял микрофон, включил радио, вызвал диспетчера.

Ему никто не ответил.

Коул искал другую частоту, попробовал еще раз. По-прежнему ничего. Он вернул микрофон на место. Дальше к северу он попробует еще раз выйти на связь. Если радио заработает, то он наверняка найдет того, кто сможет передать сообщение полиции Уотт-Лейк. В кармане лежал мобильный телефон. Когда они подлетят ближе к Уотт-Лейк, возможно, окажутся в зоне действия вышки.

Коул спросил у Бертона через наушники:

– Ты уверен, что Тори – дочка Оливии?

Бывший полицейский сидел в кресле позади него, пристегнутый ремнями безопасности. Эйс еле поместился между его ногами. Майрон отдал Коулу поводок и шлейку для пса, которые Оливия хранила в большом доме.

– В этом нет никаких сомнений, – раздался в наушниках ответ Гейджа. Бертон явно был подавлен.

Сбоку налетел новый порыв ветра. Началась болтанка. С колотящимся сердцем Коул попытался снова взять под контроль свою «птичку». Но он по-прежнему летел вслепую в густом тумане и облачности.

– Я сделал это, потому что люблю ее, – снова зазвучал голос Бертона в наушниках Коула. – Я привез Тори сюда, потому что у нее больше никого нет. Я правильно поступил.

Гейдж явно пытался убедить самого себя.

Коул стиснул зубы. *«То, что мы делаем ради любви...»*

То, что они с Холли сделали для Тая, тоже было сделано из любви. В то время они оба думали, что поступают правильно, беря его с собой в поездки, обучая его дома в экзотических местах. В опасных местах...

Внезапно перед самолетом возник темный силуэт, несшийся на них. Сердце забило в горле. Коул резко поднял нос самолета. Подъем оказался слишком крутым. Взревел двигатель. Они поднимались все выше и выше, но черная тень становилась все ближе.

Проклятье. Они летели прямо на скалу, все кончено...

* * *

«Можешь ли ты точно указать момент, когда твоя жизнь сталкивается с жизнью другого человека? Можешь ли ты вернуться к тому дню, когда ваши жизни пересеклись, а потом вновь разошлись в разные стороны...»

Тори смотрела в окно, думая о словах из рукописи матери. Мир за стеклом напоминал какой-то сумасшедший снежный водоворот. Это не слишком отличалось от того, что было у нее внутри: ее мысли кружились, словно эти крупные холодные снежинки, ложившиеся белым покрывалом на землю и деревья, меняя внешний вид всего вокруг.

В библиотеке было тепло, но Тори зябко потерла руки. Ее пуховик висел на спинке кресла и сох у огня, который шипел и потрескивал.

Майрон сторбился в инвалидной коляске у камина. Его седая голова склонилась над электронной книгой: он читал рукопись ее матери. Тори пришлось показать ему, как включить устройство и как переворачивать страницы, потому что старик никогда раньше не видел ридер.

Тори бросила взгляд через плечо.

Майрон почувствовал ее взгляд и посмотрел на нее поверх очков для чтения. Ему было явно не по себе.

– Хочешь положить еще полено? – спросил Майрон.

Тори молча подошла к огню, отодвинула решетку, взяла расколотое полено из гигантского медного ведра, стоявшего сбоку от камина, и бросила его в огонь.

– Можешь подбросить еще парочку, – подсказал Майрон.

Она подбросила. Пламя зашипело, полетели искры, запахло еловой смолой. Тори закрыла решетку.

Старик, глубоко задумавшись, внимательно смотрел на огонь, потом он сказал:

– Твоя мать – хорошая писательница.

У Тори задрожала губа. Она хотела сказать, что Мелоди не ее мать, но не смогла.

Он почесал бороду.

– Сумеешь заварить нам чай? И сделать сэндвичи?

Тори кивнула.

– Я пью крепкий черный чай с тремя кусочками сахара.

Она спустилась вниз, нашла кухню. Там был ящик с хлебом, чайник. В холодильнике лежало холодное мясо, сыры. Тори отыскала кружки, вскипятила воду, намазала маслом хлеб, чувствуя какое-то оцепенение. Дом казался огромным и пустым. На улице становилось темнее.

Тори отнесла поднос наверх, осторожно балансируя, чтобы ничего не пролить. Поднос она поставила на буфет в библиотеке.

Майрон потянулся за пузырьком с таблетками, стоявшим на столике рядом с ним, высыпал в ладонь четыре штуки.

– Вам можно только две, – сказала Тори.

Взгляд Майрона метнулся к ней, их глаза встретились.

Тори вдруг стало жарко, но она стояла на своем.

– Так сказал Коул. Он сказал, что это важно.

Старик помедлил, потом вернул две таблетки в пузырек. Оставшиеся две он запил водой и, проглотив, поморщился.

Тори принесла ему тарелку с двумя сэндвичами и кружку горячего чая.

– С чем они? – поинтересовался Майрон, поднимая верхний кусок хлеба на одном из сэндвичей.

– Сыр, салями и немного салата-латука, – сказала Тори, садясь напротив него.

– Тебе такие нравятся?

Она покачала головой.

– Не знаю. Но мой папа любит сыр и салями.

Неожиданно старик задохнулся и сложился пополам в своем кресле.

Тори вскочила.

– Что с вами? – Ее взгляд метнулся к столику. – Дать вам еще таблетки?

Он помахал рукой, в его глазах появились слезы. Майрон пытался вдохнуть.

Тори запаниковала. Она положила руку ему на плечо.

– Мистер Макдона, прошу вас... Чем я могу вам помочь?

Он ахнул, закашлялся, со свистом втянул в себя воздух и попытался выпрямиться в своем кресле.

– Чай, – сумел выговорить Майрон. – Горячий чай мне поможет. От него проклятые таблетки растворятся быстрее.

Тори протянула ему полную кружку, держа ее обеими руками, и, только убедившись в том, что его узловатые пальцы крепко держат кружку, она разжала руки. Их взгляды снова встретились. Старик сделал глоток чая. Горячая жидкость как будто действительно помогла ему, потому что на лицо вернулись краски.

– Просто отличный чай, Тори Бертон.

Тори промолчала, только медленно отступила к своему креслу и снова села. Ей было не по себе при мысли о том, что он умрет или с ним что-то случится, а она одна в этом большом пустом доме среди дикой природы.

Старик некоторое время изучал ее.

– А ты не будешь пить чай?

Тори покачала головой.

– Знаешь, тебе придется трудно. – Он кивком указал на электронную книгу, лежавшую на маленьком столике возле его кресла. – Не верь, если тебя будут уверять в обратном. Чтобы со всем этим смириться, понадобится время, много времени. Но твой папа совершил невероятный поступок, когда привез тебя сюда. Ты понимаешь, зачем он это сделал?

Тори покачала головой.

– Тебе известно, что дальше случилось с Сарой Бейкер?

– Нет, – тихо ответила она.

– Думаю, я знаю.

С сильно бьющимся сердцем Тори ждала продолжения. Но Майрон отвернулся и снова уставился на огонь, поглаживая усы. Он медленно покачал головой, кустистые брови нависли над глубокими серыми глазами.

– Себастьян Джордж умер в тюрьме, – медленно и негромко начал он, словно осторожно подбирая слова. Старик снова встретился взглядом с Тори. – Именно он похитил Сару Бейкер.

Она кивнула.

– А три года назад я получил сообщение от молодой женщины с просьбой предоставить ей место работы. Она была особенная. Я сразу это увидел. Только не спрашивай меня как. – От печальной улыбки вокруг глаз глубже прорезались морщины. – Я превратился в очерстевшего старого скрягу, которому почти на все наплевать. Но она каким-то образом тронула мое сердце. У нее на запястьях были страшные шрамы.

Тори едва дышала от волнения. Она внимательно смотрела в глаза старика.

– Я решил, что эта женщина пыталась покончить с собой. С ней была немецкая овчарка не самого лучшего вида, и я сказал себе, что этим двоим здорово досталось. Я проверил ее резюме. Все было правильно, но все сведения в определенный момент заканчивались. История этой женщины уходила в прошлое только на восемь лет. Знаешь почему?

Тори мотнула головой.

– Ты понимаешь, о ком я говорю?

– Об Оливии, – ответила Тори, – и об Эйсе.

Старик кивнул.

– Я думаю так: о ней нет никаких сведений только потому, что в тот момент она сменила имя и перестала быть Сарой Бейкер.

Тори уставилась на него и попыталась сглотнуть.

Майрон подался вперед в своем кресле.

– Я никогда не спрашивал Оливию о прошлом, о ее семье или о том, где она выросла. Вопросы я стал задавать лишь в последнее время. Но я подозревал нечто ужасное, и постепенно картинка начала складываться. Уверен, твой отец именно для этого привез тебя сюда. Чтобы ты встретила с ней.

У Тори внутри все задрожало. Ее глаза начали наполняться слезами. Она хотела отвернуться, но не смогла и продолжала смотреть в глаза старику.

– Оливия, или Сара, – это одна из лучших женщин, которых мне довелось встретить. У нее такое же большое сердце, как эти леса и

горы. Она смелая и сильная, отважная, как горный лев. И все это есть в тебе, Тори Бертон, если написанное в этой книге правда. Поэтому твой папа приехал сюда вместе с тобой. Чтобы ты встретила со своей матерью, чтобы ты поняла, сколько всего хорошего есть в тебе, какая кровь в тебе течет, какое сердце бьется в твоей груди.

Слезы полились из глаз Тори. Она не могла дышать.

Заговорить она смогла только через несколько минут.

– Я ненавижу его.

– Кого?

– Папу. Моего...

– Я не знаю, кто виноват в этом страшном убийстве, о котором сообщили в новостях, Тори. Или кто увез Оливию, но... – Майрон посмотрел на ридер. – Судя по этой книге, твой отец – достойный человек. Человек с принципами. Он готов противостоять сильному течению реки, когда все остальные пытаются плыть по течению. Что бы твой папа сейчас ни предпринимал, думаю, он пытается все наладить. Ради тебя.

– Он бросает меня. Он умирает. У меня больше никого нет.

– Значит, у него еще больше причин обустроить для тебя правильный мир, девочка. Еще больше причин для того, чтобы привезти тебя к твоей биологической матери.

Она потерла коленку. Гнев и страх мешали мыслить ясно, лицо и шея напряглись.

– Я понимаю, что легче отгородиться стеной гнева, детка. Господь свидетель, кому, как не мне, знать об этом. Намного легче отвернуться от мира и лелеять свое горе. Но я дорого заплатил за это. Вместо того чтобы открыть свое сердце и попытаться построить что-то новое после трагедии, я ожесточился и оттолкнул от себя собственных детей, свою семью. И посмотри на меня сейчас.

Тори медленно подняла глаза.

– Старый барсук, у которого нет друзей. Нет семьи. Нет внуков. Нет того, кому я могу оставить мою ферму. А только это и имеет значение... – Голос Майрона прервался, старик откашлялся. – Но иногда жизнь дает второй шанс.

– Как тем нимфам, – тихонько сказала Тори.

Старик нахмурился.

– Ты говоришь о...

– О стрекозах. У них начинается вторая жизнь.

– Тебе об этом рассказала Оливия?

Она снова потеряла коленку.

– Думаете, она вернется? – прошептала Тори. – Думаете, с ней будет все в порядке? Эйс, Коул... мой папа...

От слез у нее снова защипало глаза, и она сердито смахнула их рукавом.

Майрон долго молчал. В каминной трубе завывал ветер. Тори не могла смотреть на старика. Она чувствовала, что ему не по себе.

– В моем кабинете есть белая пластмассовая коробочка, – неожиданно сказал он. – Похожа на ящик с инструментами. У нее серо-голубое днище и голубая ручка. Коробочка стоит на нижней полке, ближе к окну, которое выходит на озеро. Принеси мне ее, пожалуйста.

– Зачем?

– Хочу тебе что-то показать.

Тори нашла коробочку и принесла старику. Он попросил подвинуть ближе большой стол и взять себе стул.

Тори послушалась.

– А теперь налей мне виски вон из той бутылки. Не слишком много.

Она взяла бутылку, рядом с которой стоял стакан. Тори открутила пробку, налила.

– Да. Вот так хорошо, – подал голос старик.

Тори принесла ему стакан. Майрон выпил все залпом, втянул воздух, его глаза увлажнились. Потом вытер рукавом лоб.

– Вам больно?

– Да.

– А что с вами?

– Старость, вот что. Мое время на земле подошло к концу. Даром потраченное, проклятое время. – Майрон попытался открыть крышку коробочки узловатыми пальцами, голубые вены проступили на тыльной стороне рук, усыпанных старческой «гречкой».

Тори несколько секунд смотрела на то, как он возится с застежками, потом протянула руку и помогла ему.

Коробочка открылась. Внутри оказались полки. Они разошлись в стороны, словно гармошка, открывая расположенные ступенями отделения. Это напоминало ящик для шитья, который когда-то был у

ее матери. Множество маленьких отделений на каждой полке были заполнены сверкающими бусинами, мерцающими нитями всех цветов радуги на деревянных шпильках. Блестящие серебристые крючки разного размера. Перья и шерсть животных, часть выкрашена в яркие тона.

Старик взял очки для чтения и водрузил их на нос.

Потом установил на столе металлические тиски и закрутил крепежный винт, чтобы тиски не двигались. Дрожащими пальцами он поместил крошечный серебристый крючок в зажим наверху и закрутил еще один винт, чтобы закрепить крючок.

Майрон поднял глаза и посмотрел на Тори поверх очков.

– Мне бы не помешало еще немного виски. От боли, учти. Умиряющему такое можно. И не каждый день, ты же понимаешь.

Она улыбнулась.

– Мне почти двенадцать.

Слова вырвались сами собой. Ей хотелось это сказать. Поделиться информацией о себе.

– Я знаю.

Тори налила виски в стакан. Она принесла его Майрону, и тот снова сделал глоток, на этот раз отпив намного меньше.

Тори склонила голову к плечу, наблюдая за ним. Старик был сварливым, но она решила, что он ей нравится. Он называл вещи своими именами. Это она ценила высоко.

– А вам сколько лет? – спросила Тори.

Он хихикнул. Потом его улыбка увяла.

– Я достаточно стар, чтобы как следует набегаться по этой земле, детка. Садись рядом со мной.

Тори села.

– А что, если они не вернуться?

– Вернутся.

– Откуда вы знаете?

– Дружок, верить *необходимо*. А теперь давай мы с тобой свяжем мушку.

– Какую?

Он посмотрел на нее поверх очков.

– Стрекозу.

Майрон показал ей, как выбирать цвета и прочно обматывать крючок нитью, чтобы получилось мерцающее тельце с голубыми и черными полосками. Потом он сделал «стрекозе» крылья и позволил Тори самой намотать нить и выбрать бусины для глаз. Они связали несколько мушек, некоторые получились совсем плохо, но постепенно девочка набила руку. Они работали. Тикали большие напольные часы. Старик выпил еще виски, Тори подложила дрова в огонь.

– Как ты думаешь, Тори, они смотрят на нас сверху, те, кто умерли?

– Я... – Она глубоко вздохнула. – Я думаю, моя мама смотрит.

Майрон кивнул.

– И моя жена Грейс тоже.

– Думаю, умершие все видят. И если смотреть оттуда, где столько звезд, все имеет смысл. У всего есть замысел.

Он удивленно изогнул седую кустистую бровь.

– Они прощают нас оттуда, сверху, как по-твоему?

Тори немного подумала над этим.

– Да, прощают. Они понимают, что мы видим гораздо меньше, чем они, поэтому мы делаем ошибки. Мы принимаем неправильные решения, даже если думаем, что они верные.

– Значит, ты простишь своего отца? За любые ошибки?

Тори опустила глаза на мерцающую, прозрачную голубую нить, которую крутила в пальцах. Она вспомнила, как стрекоза села ей на джинсы... Но прежде чем Тори успела ответить, в дверь дома кто-то забарабанил.

Тори напряженно застыла. Майрон резко повернул голову к двери библиотеки, его глаза расширились.

Внизу продолжали стучать. До них донеслись голоса. Мужские. Они кричали, звали.

Старик быстро подкатил свое кресло к стене, снял с крючков дробовик.

– Оставайся здесь.

– Вы куда?

Снова раздался громкий стук в дверь, эхом отозвавшийся в пустом доме. Сердце Тори забило еще быстрее.

Майрон распахнул окно, посмотрел вниз.

В библиотеку ворвались голоса:

– Королевская канадская конная полиция Клинтона. Полиция!
Откройте!

Глава 24

Пытаясь еще выше поднять нос самолета, Коул мысленно приготовился к удару. Неожиданный порыв ветра ударил самолет сбоку, заставляя резко уйти влево. Еще один порыв ветра обрушился сверху, и самолет полетел вниз, словно камень.

Когда Коул уже думал, что самолет свалится в смертоносный штопор, очередной порыв ветра подкинул машину вверх и прочь от горы, появившейся перед ними. Самолет подпрыгнул, словно пробка в бурном потоке. Коул старался держать крылья ровно, он использовал ветер как волну, состязаясь с ним в скорости, и они внезапно выскочили из облаков.

Сердце Коула громко стучало.

Кожа и рубашка намокли от пота.

В наступившей тишине громко гудел мотор самолета. За хвостом самолета Коул видел серые беспокойные тучи. Это была буря, через которую они только что прорвались. Непогода клубилась позади них, словно опасный дым, пытаясь добраться до самолета и снова затянуть в свою середину, но они летели на север. Теперь Коулу оставалось только опережать циклон.

А еще ему нужно было найти грузовик и трейлер до того, как снегопад-монстр снова поглотит их.

Коул вытер лоб рукавом.

– Дерьмо, – услышал он в наушниках.

И фыркнул.

– Правильно понял.

– Я вижу.

Под ними лежала сверкающая лента дороги, которую еще не завалило снегом. Северная автострада. Машины спокойно ехали по ней в обе стороны. Коул сбросил высоту и полетел над дорогой, чтобы не пропустить серый грузовик с трейлером. Он догадывался, что тот, кто похитил Оливию, давным-давно избавился от лодки и прицепа.

Коул попытался прикинуть расстояние от Броукен-Бар, сколько времени потребуется трейлеру, чтобы преодолеть заснеженные лесовозные дороги. Если Оливию увезли три часа назад, то на большей части пути грузовик мог идти при максимальной скорости

шестьдесят километров в час, а при той скорости, которую трейлер мог развить на автостраде, ублюдок, похитивший ее, уже мог проехать около 180 километров на север.

– Вот он! – заорал в наушниках Бертон. – Фургон! Едет на север возле следующего поворота впереди.

Коул увидел автомобиль похитителя. Он снова сбросил высоту и теперь летел низко над шоссе, едва не касаясь колесами крыш автомобилей.

– Бинобль в боковом кармане рядом с твоим креслом, – сказал он Бертону. – Нам нужен автофургон «Эдвенчер» на сером «Форде»-пикапе с номерными знаками Британской Колумбии.

Бертон нашел бинобль и приложил его к глазам, а Коул тем временем повел самолет еще ниже, следя за тем, чтобы не задеть линии электропередачи. Облака плыли высоко в небе, их было не так много. Крошечные кристаллы застучали по ветровому стеклу. Буран неотвратимо надвигался.

– Видишь номерные знаки Британской Колумбии?

– Вижу. – Но потом Бертон выругался. – Это автофургон «Сайтейшн».

Коул немного набрал высоту. Они продолжали лететь над сверкающей лентой шоссе. Нарастало напряжение. При усиливающейся облачности стемнеет через несколько часов. Им нужно найти фургон до наступления темноты.

Коул снова сбросил высоту, когда его внимание привлек другой автомобиль. Но это был автофургон на красном грузовике.

– Вон там грунтовая дорога, которая ведет от автострады на территорию Первых Наций. – Бертон указал через плечо Коула. – Смотри.

– Вижу.

– Она идет мимо Уотт-Лейк и уходит дальше в леса и горы. Она ведет к хребту Предэтор, а затем к долине Беа-Кло.

Взгляд Коула заметался между автострадой и извилистой ниткой грунтовой дороги, убегаящей в густой лес. Это рискованно. Похититель Оливии мог не поехать в эту сторону.

– Это единственное место, куда он направится, – услышал Коул голос Бертона в наушниках.

– На карту поставлена жизнь Оливии. Если ты ошибаешься...

– Я хочу ее спасти куда сильнее, чем ты можешь себе представить, – спокойно ответил Бертон. – В этом смысл всего.

Коул сглотнул, потом резко увел самолет влево, оставляя автостраду позади, чтобы следовать за грунтовой дорогой, уходящей в густые дикие леса. Вдали поднимались холмы. За ними прятался в облаках хребет Пиннакл. Необходимо найти Оливию до того, как Соренсон увезет ее в горы.

– Там! – неожиданно завопил Бертон как раз в ту секунду, когда Коул заметил хвост пыли, поднимавшейся среди деревьев. – Там что-то едет!

Коул снизил самолет, и они пролетели над крышей автофургона и грузовика. За автомобилем, покачивавшимся из стороны в сторону на узкой дороге, клубилась тонкая серая ледяная пыль.

Бертон приник к биноклю. У Коула сердце билось где-то в горле. Он осмотрел окрестности. Ничего подходящего для посадки, если не считать этой извилистой грунтовой дороги, по бокам которой выстроились гигантские мрачные ели. По ветровому стеклу чуть настойчивее застучал снег. Коул быстро оглянулся. Жуткая темная туча висела у них на хвосте.

– «Эдвенчер», – доложил Бертон. – Серый «Форд»-пикап, длинная рама, номерные знаки Британской Колумбии.

– Сейчас спустимся еще ниже. Поищи еще одну табличку на автофургоне сзади, слева от двери. Там должна быть табличка лицензированного радиолюбителя.

Коул вел самолет так, что едва не касался макушки деревьев.

– Есть табличка. Я ее вижу!

Коул сразу поднял нос самолета чуть выше. Автофургон прибавил скорость. Он мчался по дороге, земля летела в стороны. Грунтовка приближалась к каньону, по дну которого текла серебристая речка.

Коул снова попытался выйти на связь с диспетчером, проверил несколько каналов. Ответа не было.

– У тебя есть мобильный телефон? – крикнул Коул.

– Нет. Я оставил его в домике.

Он сунул руку в карман, достал свой телефон и передал назад, Бертону.

– Звони с моего. Узнай, сможет ли полиция Уотт-Лейк выслать группу немедленного реагирования и поднять вертолеты, пока не

начался снегопад и совсем не стемнело.

Коул не успел договорить, дракон непогоды высунул язык ветра, и тот смел в сторону маленький желтый самолет.

– Черт!

Коул заложил вираж, пытаясь вернуть контроль над машиной. Телефон упал между креслами. Аппарат проскакал по полу и остановился где-то в хвосте.

Они остались без связи. Коул глубоко вздохнул, снова сбросил высоту. В крови бушевал адреналин. Автофургон приблизился к первому спуску в каньон. Он опасно накренился, проходя поворот, сбросил в реку камень.

«Форд» снова прибавил скорость. Водитель явно догадался, что самолет его преследует. Коул не знал, как поступить. Продолжить погоню, и тогда они разобьются. А маньяк убьет Оливию. Прекратить погоню, и с наступлением темноты и непогоды для нее в любом случае все будет кончено.

Стиснув зубы, Коул держал самолет над крышей автофургона. Автомобиль трясло на спуске, он приближался к новому повороту, нависавшему над рекой. Когда «Форд» входил в поворот, левая его сторона оказалась в опасной близости от обрыва. Словно при замедленной съемке часть дороги обвалилась под левыми колесами. Машина повисла над грохочущим водопадом камней, посыпавшихся в реку. Пыль столбом поднялась вверх, и ветер унес ее прочь. «Форд» накренился.

Коулу показалось, что сердце провалилось в желудок. Фургон закачался, опрокинулся набок и вместе с камнями, булыжниками и вырванными корнями пополз вниз, все ближе и ближе к бурлящей зеленой воде с белыми гребешками.

Наконец «Форд» остановился, опасно балансируя на скале, нависшей над водой.

Матерь Божия.

Необходимо посадить самолет. Немедленно.

Коул заложил крутой вираж, спустившись к самой воде, и полетел вверх по течению, едва не касаясь крыльями росших по берегам деревьев. Ветровое стекло залепило снегом. При минимальной видимости Коул пытался найти берег, гравийную отмель, что угодно,

только бы посадить самолет. Пусть это будет аварийная посадка, но приземлиться он должен немедленно.

* * *

– Оливия называла его Алгор, – сказала Тори копам, которые были в библиотеке вместе с ней и Майроном.

Один из офицеров показал ей фотографию на электронном устройстве.

– Этот человек?

Тори сморщила лоб.

– Да. Нет. То есть я хочу сказать, что выглядел он примерно так. Очень короткие белесые волосы, растительность на лице. Я не знаю.

Она подняла глаза на офицера. Тот был молодым и приятным.

– Он низко надвинул бейсболку, – объяснила Тори. – Поэтому лицо оказалось в тени. Но это мог быть он.

– Какого он роста?

Она посмотрела на темноволосого копа, который говорил с Майроном.

– Примерно вот с этого офицера.

– То есть около шести футов двух дюймов?

– Думаю, да. Он сказал, что у него есть жена, но я ее ни разу не видела.

Полицейские переглянулись.

– Спасибо, Тори, – поблагодарил ее офицер.

Он подошел к окну, посмотрел на снег и достал мобильный телефон.

– Сержант Якима, – сказал он в трубку, – да, это мог быть Соренсон или тот, кто выдает себя за него. Внешне похож. Он похитил управляющую ранчо Оливию Уэст. Судя по всему, она ранена. Много крови на тропе в том месте, где он ее схватил. Есть предположение, что он направился на север, в долину Беа-Кло.

Офицер помолчал, потом добавил:

– Да, эту информацию через своего отца передал Коул Макдона, сын владельца ранчо. Также он сообщил, что на грузовике теперь номерные знаки Британской Колумбии, но на автофургоне осталась

табличка с номером лицензии радиолобителя, выданная в штате Вашингтон. – Он продиктовал цифры.

Снова пауза.

– Я знаю. Да. Это Бертон настаивал на том, что ее увезли в Беа-Кло, да, я знаю, что состояние рассудка Бертона вызывает вопросы. Но сейчас это наша единственная ниточка. Все указывает на то, – офицер посмотрел на Тори, потом на Майрона, – что похититель везет женщину на север. Возможно, для того, чтобы завершить начатое Себастьяном Джорджем.

Еще пауза.

– «Пайпер Каб». Желтый. Нет, я не знаю. – Он откашлялся. – Дочь Бертона утверждает, что ее отец вооружен двумя револьверами, а Макдона взял с собой дробовик. Она говорит, что ее отец приехал на ранчо, чтобы «завершить одно дело». Я бы рекомендовал поставить в известность отделение в Уотт-Лейк и отправить группу немедленного реагирования в долину Беа-Кло.

* * *

Впереди показалась узкая полоска гравия – островок, омываемый рекой. Он был коротким. Коул скептически оценивал шансы остановить «Каб» до того, как он въедет в воду в конце острова. Как только лыжи, которые он надел на шины, коснутся камней, самолет может перевернуться.

– Держись! – крикнул Коул Бертону, принимая мгновенное решение посадить самолет. – И пса держи!

Колеса чиркнули по воде. Он поработал закрылками, держа нос самолета, и «Каб» ударился о камни. Самолет подпрыгнул, пролетел немного, снова шлепнулся. Его мотало из стороны в сторону, пока Коул изо всех сил пытался остановить этот идеальный самолетик на крошечном кусочке суши. И тут он увидел бревно. Удар был сильный, самолет рванулся вперед и в сторону, упал на левое крыло и остановился. Пропеллер наткнулся на скалу и разлетелся на мелкие щепки, которые забарабанили по ветровому стеклу.

Коул ушиб плечо, налетев на дверцу. Сердце частило.

– Бертон?

– Я в порядке.

– Эйс?

– Кажется, нормально, только дышит тяжело... от стресса.

Коул расстегнул ремень безопасности. Дверца была на правой стороне, поэтому он сумел ее открыть и выбраться из самолета.

Потом помог вытащить Эйса, которого Бертон подталкивал сзади. За псом выбрался и Гейдж. У него был сильный порез на лбу. Кровь текла по виску.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Бледный как мел Бертон кивнул.

Коул схватил Эйса за шлейку и пристегнул длинный поводок. Передал поводок Бертону, потом снова нырнул в кабину. Коул попытался опустить спинку кресла, но в конце концов сломал ее и забрался в кабину. Он лег на живот, перегнувшись через сломанное кресло и принялся шарить по полу, пытаясь обнаружить упавший мобильный. Найти его не удавалось. Должно быть, аппарат улетел в самый хвост, который был разрушен. Времени на поиски не было. Возможно, Оливия еще жива, возможно, ранена, возможно, умирает. На счету каждая минута.

Коул отстегнул с боковой панели набор для оказания первой помощи, снял его и прикрепил к поясу своих джинсов. Потом спрыгнул на землю, сморщившись от острой боли в лодыжке. Он сунул руку в кабину, достал свой дробовик и повесил его на плечо. На первый взгляд с оружием все было в порядке. Коул пошарил под приборной доской, ища коробки с патронами, нашел, рассовал по карманам куртки и закинул дробовик за спину. Потом протянул руку, чтобы взять поводок Эйса.

– Вон на той развилке река кажется мельче. – Гейдж указал на место, где вода текла по камням. – Мы можем перейти вброд, потом пройти по берегу вниз.

Небо становилось темнее, опускалось ниже, снег постепенно прикрывал землю. Дул сильный ветер, принося с собой холод.

Сделав первый шаг в воду, Коул поскользнулся и с плеском упал на бок. От ледяной воды замерло сердце и остановилось дыхание. Он поднялся на ноги и предпринял еще одну попытку, на этот раз осторожнее выбирая дорогу.

– Будь осторожен. Камни покрыты илом, – крикнул он через плечо Бертону и повел Эйса в воду.

* * *

Море боли. Красный прилив. Она тонула в нем. Словно густая краска, которую пытались размешивать, чернота медленно окрашивалась багрянцем в ее мозгу. От этого голова кружилась, Оливию тошнило. Где-то на периферии сознания она услышала треск и скрежет металла, потом звон разбитого стекла, потом движение. Со стоном она попыталась повернуть голову, открыть глаза, чтобы увидеть, что это такое. Оливия почувствовала, как расстегнулись ремни, сковывавшие ее тело. Чужие пальцы крепко сжали ее руку и дернули.

Она вскрикнула от боли. Пронзительный животный крик, вырвавшийся из груди, полностью вернул сознание. Сердце трепетало. По задней стенке горла текла кровь. Похититель тащил ее за руку, и, словно молния, ударило воспоминание. Каждая мышца в ее теле сжалась, сердце едва не рвалось от адреналина и страха. Оливия попыталась открыть глаза, сфокусировать взгляд, встать.

– Эй, – маньяк шлепнул ее ладонью по лицу, – ты должна встать.

Он ударил сильнее.

Голова Оливии дернулась, она выплюнула кровавую слизь, закашлялась. Он снова попытался поднять ее, и волна боли, пронзившая левую сторону тела, оказалась невыносимой, Оливия едва снова не потеряла сознание.

– Нет... моя рука, – сумела простонать она. – Рука... сломана. Отпусти мою руку.

Он подхватил ее под мышки и поднял. Все завертелось перед глазами. Все покосилось. Потом она моргнула, пытаясь сориентироваться, и поняла, что они в задней части фургона, который лежит на боку.

– Полегче, – буркнул похититель, пытаясь вытащить ее наружу. – Вся штука может перевернуться.

Оливию охватила паника. Она вспомнила, как машина накренилась, опрокинулась на бок, заскользила вниз, упала. Слава

богу, он привязал Оливию к кровати, иначе она сломала бы не только руку.

Похититель вытащил ее через искореженную дверь. Как только ее ноги миновали дверцу, под действием силы тяжести они упали на камни. Оливия снова задохнулась от страшной боли. Но боль была реальной. И это значило, что она жива. Если Оливия чему-то и научилась в жизни, так это тому, что человек может вытерпеть невероятную боль, и она его не убьет.

Оливия пыталась держать глаза открытыми, несмотря на слепящий свет, который проникал ей в череп. Похититель положил ее на камни. Вода. Оливия слышала шум реки. Они находились на выступе скалы, над бурлящей водой. Руки Оливии были по-прежнему связаны за спиной.

Похититель присел на корточки, развязал ей щиколотки и ту же веревку завязал ей вокруг шеи наподобие ошейника.

«Пожалуйста, нет... Только не все сначала... Я не вынесу повторения... На этот раз просто дай мне умереть. Я позволю себе умереть...»

Перед ее мысленным взором возникло лицо. Она видела его так четко, как будто посторонняя сила вложила ей в голову это изображение. Красивые зеленые глаза, опущенные темными ресницами, смотрели на нее, заглядывали ей в душу. Они были наполнены тоской и звали ее. Лицо обрамляли абсолютно прямые волосы, иссиня-черные, цвета воронова крыла.

Тори.

Ее дочь.

Ее одиннадцатилетняя дочь, у которой не останется никого на свете, если Оливия умрет. Слезы, горячие, яростные, обожгли глаза. Один раз она уже боролась за жизнь ради своего ребенка. Она билась, как свирепая медведица, только бы родить своего малыша. Она отдала свою девочку на удочерение, сломалась под нажимом Этана, родителей, окружающих. Ей не хватило силы противостоять им всем и оставить малышку себе. Даже если бы пришлось растить ее одной.

На этот раз она *не предаст* Тори. Ни за что. Она снова *станет* драться за свое дитя. И с помощью бога или дьявола выиграет и на этот раз. Она убьет этого ублюдка.

Оливия стерпела очередной приступ боли, когда он снова подхватил ее под мышки и поставил на ноги. Она покачнулась, попыталась обрести равновесие, стараясь справиться с приступом тошноты и рвоты.

– Шевелись. – Похититель пошел вперед и потянул за веревку. Та впилась Оливии в шею.

– Развяжи мне руки, сволочь! Если я споткнусь, то не сумею удержаться на ногах! – Оливия снова сплюнула слизь и кровь. Плевок приземлился на скалу розовато-красным шариком.

Похититель развернулся к ней, свирепо пробуравил взглядом. Казалось, вокруг него вибрирует сила. Потом его губы дрогнули в медленной широкой улыбке. Зубы у него остались прежние – две идеальные белые линии, чуть выступающие клыки, придававшие ему сходство со зверем. Этими зубами он откусывал куски от ее тела.

Глаза оставались глазами хищника, теми самыми, которые преследовали ее в ночных кошмарах на протяжении двенадцати лет.

– Ты изменилась, Сара. Раньше ты была такой нежной.

– Кто ты такой, черт тебя дерит? Ты умер! Ты *мертвый!*

Он подошел к ней так близко, что коснулся грудью ее груди, нагнул голову к плечу, почти коснулся губами ее губ и выдохнул:

– Не я, Сара! Себастьян умер, не я, – прошептал он. – Это Себастьян был расходным материалом. Он был получеловеком, и моя мать всегда говорила, что мне следовало сожрать его еще в ее утробе. Себастьяну следовало стать частью меня, частью моего тела еще до моего рождения. Это называется *эмбриональная утилизация*. Ты слышала о таком, Сара? Исчезающий близнец. Но, увы, он все-таки родился. Как выяснилось, у него было другое предназначение. Ему предстояло стать моим рабом, я использовал его. Он должен был поддерживать и кормить меня, и он со всем справился. До самого конца. Брат-тень. Брат-слуга. Изначально предполагалось, что в живых должен остаться только один.

Он высунул язык и быстро облизал ее губы, словно змея. Оливия отпрянула, закашлялась.

Он резко повернулся к ней спиной и дернул за веревку. В шее что-то щелкнуло, и Оливия подалась вперед, запаниковала, что упадет, попыталась сохранить равновесие. Если она упадет со связанными за спиной руками, то разобьет о камни лицо. Пока он вел ее вверх по

берегу, она бросила быстрый взгляд на оставшиеся позади грузовик и автофургон.

Машина лежала на боку на самом краю маленького скалистого выступа. Они чудом не свалились в реку. Оливия посмотрела на небо, пытаясь разглядеть самолет, звук которого она слышала над головой, когда автофургон прибавил скорость и начал заваливаться на бок. Но она ничего не увидела, кроме свинцовых облаков и орла с белым пятном на голове, то появляющегося из тумана между деревьями, то снова пропадающего в нем. Крошечные кристаллы снега нежно коснулись ее лица.

Она знала еще кое-что. Можно месяцами прислушиваться к шуму самолетов. Но это ничего не значит. При низкой облачности, учитывая приближающийся буран, она будет предоставлена сама себе.

Оливия сосредоточилась на том, чтобы осторожно ставить одну ногу перед другой; стараясь держать равновесие, она шла по гравию, камням и прочим остаткам селя. Сосредоточилась она и на боли. Она знала, что есть способ отвлечься от нее. Не надо бороться с болью, пусть она захватит тебя целиком. Пусть пульсирует в каждом нервном окончании с каждым ударом твоего сердца, каждым толчком крови в венах. Если с ней бороться, боль станет невыносимой. Вместо этого Оливия приняла боль, начала перечислять места, которые были повреждены. Вероятный перелом плечевой кости. На надорванном ухе запеклась кровавая корка. Местами содрана кожа на голове. Он, должно быть, сломал ей нос. Оливия споткнулась, упала на колени. Похититель дернул за веревку, и она снова с трудом поднялась на ноги.

Оливия увидела, что он тоже смотрел на небо, и вид у него при этом был встревоженный.

Он нашел тропинку, идущую вверх по откосу, повел по ней Оливию, потом они свернули в чашу, где было темнее и холоднее. Снег валил по-настоящему. Постепенно наступала темнота. Потом на Оливию нахлынула волна отчаяния. Оливия снова споткнулась и упала на правый бок. Ей не удалось сдержать крик, вырвавшийся из груди при новом приступе боли. На глаза навернулись слезы. Из уха опять пошла кровь. Извиваясь, Оливия сумела сесть и попыталась отдышаться.

– Далеко идти? – спросила она.

Похититель не ответил и принялся внимательно разглядывать ее, как будто оценивая.

– Ты никогда не охотилась за нашим ребенком, верно, Сара?

Она выдержала его взгляд, сглотнула.

– Я думал, ты будешь ее искать. Был в этом уверен. Я расставил силки и ждал.

Оливия смотрела ему в глаза, бросая вызов, в груди росло смешанное чувство вины и сожаления и боль, знакомая только матерям, потерявшим ребенка.

– Я хотела освободить ее от тебя, – прошептала она. – Я освободиться не смогла. Наименьшее, что я могла сделать, это спасти ее. – Оливия снова сплюнула кровь, стекавшую в горло из носа. – Кажется, я поступила правильно.

Он криво улыбнулся и наклонил голову к плечу.

– Что ж, тот коп, штабной сержант, которого я встретил на берегу Стина-ривер холодным ноябрьским днем, он прочел меня лучше, чем я прочел тебя. Он знал, что я на свободе и продолжаю искать тебя. Он забросил наживку в Интернет. И привел меня к тебе, Сара.

Его улыбка стала шире, он нагнулся к самому ее лицу, но Оливия продолжала смотреть ему в глаза, отказываясь отступить.

Она больше никогда перед ним не отступит.

Он взялся за веревку, обвивавшую ее шею, и туго натянул. Оливия хватала ртом воздух. Но воздуха не было. У нее заслезились глаза. Похититель душил ее до тех пор, пока у нее перед глазами не замелькали крошечные белые мушки. Потом он отпустил веревку, и Оливия упала на землю, судорожно втягивая в себя воздух.

– Вставай, – приказал маньяк, его голос внезапно стал невыразительным и холодным. – Идем. Нам надо найти место, чтобы переночевать и немного развлечься.

Он тащил ее за собой в лесную чащу, а Оливия судорожно работала пальцами правой руки, пытаясь расстегнуть ремешок часов на левом запястье. Она беззвучно уронила их на мягкий суглинок у себя за спиной. Оливия намеренно волочила ноги, стараясь оставить как можно больше следов на земле и еловых иголках, не привлекая к себе его внимания, молясь, чтобы падающий снег не свел к нулю все ее усилия.

Глава 25

Снежинки, словно конфетти, сыпались на лежавший на боку фургон. Коул осторожно вошел внутрь, стараясь не раскачивать машину, чтобы та не полетела в реку.

Внутри никого не оказалось, ни в кабине, ни в самом фургоне. Матрас был пропитан кровью. Коул нашел пряди волос Оливии. Если это можно было считать утешением, то она все еще была жива и могла передвигаться, раз ушла отсюда. Ее похититель не смог бы убраться отсюда так быстро, если бы ему пришлось нести тело.

Неожиданно залаял Эйс, потом пес завыл у фургона. Коул напрягся, когда услышал крик Бертона.

Он высунул голову из машины.

– Сюда! Эйс что-то учуял! Думаю, это ее запах.

Овчарка скулила и тянула поводок, пытаясь вскарабкаться вверх по откосу.

Коул спрыгнул на землю, торопливо подошел к Бертону и присел на корточки, чтобы посмотреть, что всполошило Эйса. Розовато-красный комок... Это выглядело как плевок. На камне по соседству еще капли крови. Коул стиснул зубы и посмотрел вверх.

– Возьми поводок. – Бертон не мог удержать пса на месте. Он по-прежнему был белым как полотно, щеки у него ввалились. Ему было плохо и становилось все хуже.

Коул взял у Гейджа поводок, намотал его на руку. Эйс взвизгивал и подвывал от нетерпения, так ему хотелось броситься по следу хозяйки.

– Готов? – спросил Коул у Бертона.

Бывший коп кивнул.

– Ищи ее, мальчик! Вперед!

Эйс вскарабкался по откосу, метнулся влево, потом вправо, затем его нос резко опустился вниз, и пес помчался вперед, вниз по течению реки, под утес. Коул спотыкался о камни, голыши летели из-под его сапог, он старался не отстать от пса. Снег повалил сильнее, камни стали скользкими.

Бертон тащился сзади. Он тяжело дышал и цеплялся за ветки кустарников, чтобы не упасть.

Эйс резко остановился, поднял голову, вид у него был смущенный. Он начал ходить по кругу, нюхая землю. Потом завил хвостом, коротко взвыл и снова натянул поводок, обнаружив запах Оливии.

К тому времени, когда пес вывел их сначала на берег, а потом в лес, они прошли вниз по течению почти километр. Под деревьями было темно. Фонарики они с собой не захватили. Ориентироваться они не смогут, им придется полагаться только на нюх немецкой овчарки.

Коул ждал, пока Бертон его догонит, но Эйс неожиданно рванул поводок, едва не вырвав руку из сустава. Коул поморщился от боли, которая от плеча перешла в шею. Пес пробежал несколько футов вперед, потом лег на землю.

– Что случилось, мальчик?

Бертон нагнал их.

– Пес подает сигнал. – Он согнулся пополам, уперся руками в бедра, с трудом втягивая воздух. Немного придя в себя, он продолжил: – В моем отделении в Уотт-Лейк были два парня с полицейскими собаками. Один пес был из К-9, умел находить наркотики. Его обучили подавать таким образом сигнал. Почуввав запах, он ложился.

Коул присел на корточки и принялся изучать суглинок между лапами Эйса. И тут он увидел наручные часы Оливии. Коул поднял их, и в груди стало тесно от нахлынувших чувств.

– Хороший мальчик, – шепнул он Эйсу, глядя пса по голове. – Ты такой хороший мальчик. Как думаешь, ты сможешь снова найти ее? Ищи хозяйку, ищи Оливию.

Эй вскочил, обнюхал суглинок, словно свинья, натренированная искать трюфели, и рванулась в просвет между деревьями. Коул и Гейдж бросились следом, перебираясь через поваленные стволы, пригибаясь под опущенными ветками, продираясь сквозь кусты и спотыкаясь о спутанные корни в сумраке заснеженного леса.

Вдруг Эйс снова лег. Коул присел рядом с ним и принялся в сгущающейся темноте ощупывать землю между лапами пса. Он нашел что-то твердое, поднял, насторожился. Это были ключи от грузовика Оливии. Должно быть, они лежали в заднем кармане ее джинсов.

– Можешь еще поискать, мальчик? Ищи. – Эйс был готов работать, но он явно начал уставать. Бертон ковылял позади них, падал

и снова поднимался на ноги.

– Ты как, выдержишь? – спросил Коул у бывшего полицейского. Тот вытер лоб, тяжело дыша.

– Я выдержу. Я сюда ради этого приехал. – Он задыхался.

Коул всмотрелся в лицо сержанта.

– Ты мне нужен, – тихо сказал он. – Ты нужен нам обоим.

Гейдж кивнул.

– Я в порядке. Идем.

Коул снова отпустил поводок Эйса, и они снова побежали за собакой. Пес немного замедлил бег, нюхал дольше, потому что снега становилось все больше, в лесу дул ветер. Коул догадывался, что ветер уносит запах. Эйс вел их вверх по хребту. Они остановились у полосы деревьев на самой вершине. Внизу они увидели долину. И хотя уже совсем стемнело, на открытых участках сохранялась какая-то видимость. Падающий снег хорошо отражал свет, придавая маленькой долине фантастическое сияние. Стояла глубокая тишина, если не считать звуков падающего с деревьев снега. В дальнем конце долины они увидели ольховую рощицу, растерявшую листья, она теснилась вокруг ветхого и заброшенного бревенчатого домика и нескольких почти развалившихся надворных построек.

Через щели в одной из стен пробивался мигающий желтый свет.

– Выглядит как покинутая ферма, – негромко сказал Коул.

– Или приют трапперов.

Эйс взвизгнул.

– Тсс, – сказал ему Коул и погладил пса.

Он говорил тихо, потому что звук в таких условиях разносится слишком далеко. Но Эйс не находил себе места, он постанывал, его ноздри раздувались, втягивая ветер, дувший в их сторону от домика.

– Они там, – прошептал Коул. – Эйс ее чувствует.

– Маньяк, скорее всего, вооружен, – так же тихо ответил Бертон. – Мы не знаем, насколько серьезно они оба или один из них ранены, но они добрались сюда достаточно быстро, поэтому мы можем предположить, что оба относительно мобильны.

– И Оливия ясно мыслит, раз оставляет для нас подсказки как Мальчик-с-пальчик.

Это означало, что она не потеряла надежду. Коула это подстегнуло. Но действовать следовало осторожно, без спешки.

– Идеи есть? – спросил он бывшего копа.

– Что у нас есть? Твой дробовик, мои «смит-вессон» и «таурус» калибра 22. – Гейдж посмотрел на Эйса. – И ее собака.

– Нет, – не согласился Коул, прищуриваясь, чтобы лучше рассмотреть дом-развалюху. Его сердце билось часто-часто. – Собака не должна пострадать. Эйс в этом не участвует.

Бертон сменил позу, чтобы сидеть на корточках было удобнее. Его правая рука странно повисла вдоль тела.

– Что с рукой? – спросил Коул.

– Стала какая-то вялая.

Коул нахмурился, пытаясь разглядеть в темноте выражение глаз Гейджа.

– Это болезнь?

– Думаю, да.

– Как она себя ведет, твоя опухоль?

– Быстро растет. У меня могут возникнуть проблемы с координацией, если она надавит на те или иные нервные окончания.

Коул негромко выругался. Бертон разваливался у него на глазах. Он может физически не продержаться до решающего момента. Коул перевел взгляд на Эйса. Если оставить пса привязанным к дереву в лесу, то, как только они с Бертоном направятся в долину, Эйс начнет лаять и выть, и им не удастся подойти незамеченными.

И тут его осенило.

– У меня появилась идея, – шепнул он Бертому. – Вот как мы поступим.

* * *

Ветхое строение сильно напоминало старый сарай, в котором он продержал Оливию в оковах всю зиму, – холодное, сырое. Внутри сильно пахло гнилью и мхом. У Оливии так зачастил пульс, что она боялась потерять сознание.

«Сосредоточься. Сделай это ради Тори. Играй в его игру, но делай это лучше, чем он...»

Маньяк толкнул ее в угол.

– Как в старые времена, да, Сара? – прошептал он.

– Как тебя зовут? – спросила она, зубы у нее стучали. Оливия старалась оставаться в настоящем, чтобы он не превращался в зверя как можно дольше. – Если ты не Себастьян, то у тебя должно быть другое имя.

– Юджин.

– Юджин Джордж?

Он заглянул ей в глаза. По спине Оливии пробежал холодок.

– Да, – подтвердил Юджин, глядя ей в глаза и привязывая веревку, стягивавшую ей шею, к тяжелой железной перекладине в углу.

– Значит, ты близнец? Одинайцовый?

Он фыркнул.

– Себастьян был моим генетическим эхом, моим отрождением. Одноразовое существо. Он родился, чтобы поддерживать меня. Мать с самого раннего детства говорила мне об этом.

– Как вышло, что я никогда его не видела?

– Ты его видела. Он помогал разделять тела. Ты, наверное, думала, что это был я? Он жил в другом сарае, далеко от дома. Себастьяну следовало находиться на периферии моей жизни. Впрочем, как и моим родителям под старость.

– Поэтому твой брат сказал в суде, что не умеет читать? Учили только тебя?

– Ложись, – приказал он.

Но Оливия осталась стоять со связанными за спиной руками. Из уха снова потекла кровь.

– Почему ты раньше никогда не называл мне своего имени?

Юджин заглянул ей в глаза, потом медленно и тихо сказал:

– Имя не имеет значения. Себастьян и Юджин, Ромул и Рем, Кастор и Поллукс, Сэм и Эрик из «Повелителя мух», время от времени мать использовала любое из них. Имена – это всего лишь символ, который стал способом бюрократического контроля. Понимаешь, Сара-Оливия? Мы не связаны именем и можем стать тем, кем захотим. Как хамелеоны, мы можем слиться с новыми людьми, можем играть их роли. Так и я много лет назад притворился лесным жителем, умершим, кстати. Я использовал его имя и фамилию, чтобы въехать в Штаты двенадцать лет назад, после того, как арестовали Себастьяна. Под его

именем я отсидел в тюрьме за то, что застрелил человека в Рейнджер-парке в штате Аризона двумя годами позже. Суд счел это непредумышленным убийством. Дурачье. Я убил его потому, что он увидел, как я поступил с оленихой, прелестной маленькой жертвой с белокурыми волосами и округлыми грудями. – Он улыбнулся. – Думаю, они так и не нашли ее тело. Я сбросил его в глубокий овраг в том месте, где много голодных диких зверей.

Оливия почувствовала во рту горький вкус желчи. В ней горела чистая, незамутненная ненависть.

– А где настоящий Алгор Соренсон? – поинтересовалась Оливия сквозь стиснутые зубы.

– Этот? Они, должно быть, уже нашли его. Я оставил его в пустыне. Птицы растаскали его кости, я уверен. Милая Мэри... Мы же знаем, что они нашли ее, правда, Сара-Оливия? Соренсоны были идеальным вариантом. Я выбрал их после того, как мы разговорились в кемпинге в Аризоне вскоре после моего выхода из тюрьмы. Я узнал, что у него есть карта NEXUS и что он часто ездит в Канаду на охоту. У него было все, что нужно: подходящие рост и фигура, снаряжение. А цвет волос – это не проблема.

Она содрогнулась, ее затошнило.

– Ложись, – повторил Юджин свой приказ. Голос был равнодушным, холодным, выражение глаз – непонятым.

Оливия медленно опустилась на колени, на сгнившие доски пола. Юджин вытащил из чехла отобранный у нее охотничий нож и разрезал веревку, которой были связаны запястья. Оливия поморщилась, когда левая рука безвольно повисла вдоль тела. Юджин взялся за язычок «молнии» на ее пуховике, резким движением дернул его вниз, распахнул куртку, спустил ее с плеч Оливии. Пуховик упал на пол. Юджин легко ударил ее в живот, заставляя сесть на куртку. В ушах у нее застучала кровь. Оливия забилась дальше в угол, веревка царапала шрам на ее шее.

Лицо Юджина расплылось в улыбке, зубы сверкнули в свете небольшого огня, который он развел в круглом каменном очаге посреди комнаты. Дым уходил в дыру в крыше. Через нее падали снежинки, они шипели, попадая в пламя.

– У нас впереди целая ночь, Сара-Оливия, долгая ночь, – сказал Юджин, опускаясь перед ней на колени. Он поднес лезвие ножа к

самому ее лицу, легко провел холодным кончиком по распухшему носу, по губам, подбородку, вниз по шее. Оливия затаила дыхание, стараясь не глотать, пока нож двигался по ее горлу. Она знала, насколько он острый, она сама его наточила. Резким движением Юджин схватил ее свитер и разрезал его спереди сверху донизу.

Оливия ахнула и крепко зажмурилась, когда свитер распахнулся, открывая бюстгальтер.

Юджин поддел кончиком ножа ткань между чашечками, резко дернул, и ее груди оказались на свободе. Оливия отчаянно захотела в туалет. Мочевой пузырь, кишечник требовали освобождения. Соски затвердели от холода.

– Вы только посмотрите на это, – прошептал Юджин, обводя сосок кончиком ножа. Оливию затрясло. Она знала, что он может сделать. Юджин нагнул голову к ее груди, по очереди лизнул соски. Она приготовилась к укусу, ожидая, что его зубы вопьются в ее плоть, пробив кожу, и он начнет сосать ее кровь, откусывая кусочки мяса. Но этого не произошло. Кончиком языка он провел по старому шраму от укуса, лаская впадину, которую сам и оставил. Юджин убрал нож в чехол на бедре, положил обе руки на ее обнаженную талию, потом спустился ниже, к поясу ее джинсов.

Оливия отвернулась, чтобы не смотреть, отчаяние поднималось в ней удушливой волной. Она поняла, что Юджин освободил ей руки только для того, чтобы она отбивалась, выдирая на нем волосы. Это сводило его с ума, он сильнее возбуждался и причинял ей еще больше боли. У Оливии замерло сердце, когда ее взгляд упал на рукоятку охотничьего ножа на его левом бедре. Пока он облизывал и сосал ее грудь, она медленно протянула правую руку к ножу. Его руки расстегивали джинсы, сначала пуговицу, потом «молнию». Он отодвинул в сторону ее трусики и запустил в Оливию палец.

Она затаила дыхание, стиснула зубы и схватила рукоятку ножа. Оливия вытащила его из ножен и с рычанием воткнула нож в бок Юджину. Тот замер, его палец оставался у нее внутри. Оливия воткнула нож глубже и повернула, в глазах у нее потемнело, когда веревка впилась ей в шею.

Его левая рука, словно тисками, сжала ее запястье. Он вытащил из нее палец. Оливия застыла, тяжело дыша, по ее обнаженному телу тек пот. А Юджин улыбнулся, потом облизал свой палец. У Оливии упало

сердце. Юджин занес руку и ударил ее по лицу. От удара она откинулась назад, ударившись о доски. Она лежала и смотрела на него, из ссадины у нее на щеке текла кровь.

Юджин вытащил нож из своего бока. Лезвие было красным и блестящим, Юджин крепко зажал рану левой рукой. Между его пальцами сочилась кровь. Он снова посмотрел на Оливию, и она приготовилась к новому удару. Но он спрятал нож в чехол. Приподняв куртку и рубашку, Юджин осмотрел рану. Кровь стекала вниз, на его джинсы. Он схватил свитер, который срезал с Оливии, свернул в комок его часть и крепко прижал к ране, завязав рукава вокруг талии.

Потом Юджин повернулся к Оливии, и в его глазах она увидела свою смерть. Он подполз ближе. Оливия попятилась, веревка не позволяла ей выбраться из угла, но тут какой-то звук остановил Юджина. Его голова дернулась, он прислушался.

Это был зверь, волк. Нет, собака. Она лаяла, визжала, выла.

Юджин посмотрел на Оливию, дернул веревку, проверяя, крепко ли она привязана, затем потянулся за дробовиком, который он поставил у стены возле помпового ружья. Пригнувшись, подобрался к двери лачуги и выглянул в темноту.

Собака завывала снова, потом завизжала. Оливия похолодела. Звук показался ей знакомым. Неужели... Нет, это невозможно. Она на мгновение закрыла глаза, голова кружилась.

Юджин присел в проеме двери, словно зверь. Казалось, прошла целая вечность, пока он смотрел, слушал. Потом он очень медленно распахнул пошире сгнившую дверь и, пригнувшись, вышел в снежную ночь.

* * *

Коул тихонько крался вдоль края леса. Он хотел обойти поляну под прикрытием деревьев, чтобы по оврагу подобраться к лачуге сзади. Коул застыл, дыхание паром вырывалось из его рта. Он внимательно рассматривал домик. Сквозь щели был виден оранжевый свет небольшого мерцающего огня. Коул чувствовал запах дыма, но в падающем снеге рассмотреть его не мог. Судя по всему, это было обычное строение с одной комнатой. Коул мог бы поспорить, что дверь

там только одна. Окна были заколочены досками. Бушевавший в крови адреналин вызывал непреодолимое желание пробежать по открытому пространству и ворваться в дом.

Если он так поступит, все будет кончено.

Его смерть Оливии никак не поможет.

Взяв себя в руки, он, пригнувшись, вернулся под прикрытие деревьев и тихонько двинулся к обрыву, поросшему облетевшими деревьями.

Спрятавшись в овраге среди сухих осин, ивы, ольхи, Коул в снежных сумерках рассматривал заднюю стену обветшавшего строения. Он обнаружил на этой стене одно заколоченное досками окно. По его прикидкам, до дома было метров двести, не меньше. И все равно оставалось большое открытое пространство между ним и лачугой.

С другой стороны поляны раздался жалобный вой Эйса. Он эхом отозвался в лесу, напоминая вой волков. Коул замер, услышав громкий скрип. Неужели открылась дверь домика? С того места, где он стоял, Коул не мог видеть этого.

Он подобрался чуть ближе к краю поляны и лег ничком на снег.

Если все пойдет по плану, Бертон будет ждать в небольшом углублении на другой стороне поляны, неподалеку от лесочка, в котором они привязали Эйса к дереву. Они надеялись, что собачий лай и вой выманит похитителя Оливии из лачуги и приведет его на поляну, где Бертон сможет его застрелить. Коул оставил ему дробовик и патроны, а сам взял револьверы.

Предполагалось, что в тот момент, когда Коул услышит выстрел Бертона, он добежит до лачуги и попытается войти внутрь, чтобы спасти Оливию.

План был так себе. Но других вариантов у них не было. У Коула над верхней губой выступили капельки пота, каждый мускул в его теле был напряжен в ожидании сигнального выстрела.

Шли секунды. Тихо падал снег. Он таял на лице Коула, капал в глаза. Прошло еще немного времени. И еще. В душу Коула вполз страх. Выстрела он так и не услышал.

Снова завыл пес. У Коула встали дыбом волосы на затылке. Что-то пошло не так.

* * *

Опираясь на здоровую руку, чтобы не упасть, Оливия встала на колени и проползла столько, сколько ей позволила веревка на шее. И все же, натянув свою привязь, она сумела дотянуться до крошечной дырочки в стене. Оливия посмотрела в нее. Тень Юджина медленно двигалась по направлению к воющей собаке. Голос собаки был похож на голос ее Эйса. Но это было невозможно. Или возможно? Как он мог оказаться тут?

Оливия прищурилась, чтобы следить за тенью Юджина, исчезающей в тихой круговерти снежинок.

Он скрылся из виду.

Стало совсем тихо. Только снег и ничего, кроме снега.

Время тянулось.

Оливия попыталась сглотнуть, задрожала, обнаженная кожа покрылась мурашками. Убийца скоро вернется. Ей надо найти какое-то оружие до его возвращения.

Взгляд заметался по комнате и остановился на помповом ружье, стоявшем возле двери. Правой рукой она с досадой дернула за веревку, которая тянулась от ее шеи к железной перекладине в углу комнаты. Завязано крепко. *Проклятье*, ей никогда не добраться до ружья на такой привязи. Тяжело дыша, Оливия на четвереньках вернулась в свой угол. Она схватилась за перекладину и начала дергать, надеясь, что та вылетит из стены, но железка была надежно закреплена в бетонном блоке. Оливия порезала руку и только тут заметила, до какой степени перекладина проржавела по краям. Она схватила веревку и принялась перетирать ее об острый край.

Очень медленно веревка начала поддаваться, лохматиться. В ночи раздался выстрел. Оливия застыла с сильно бьющимся сердцем. С потолка посыпалась труха.

Она поспешила вернуться к дырке в стене, выглянула на улицу, пытаясь увидеть, что случилось. Он застрелил собаку или волка? Оливия не увидела ничего, кроме мягкого, кружащегося снега.

Каждой клеточкой своего существа она понимала: если он не убьет ее этим вечером, то на рассвете он устроит на нее охоту. Ни на

что другое у него не хватит времени, он вышел из собственной зоны комфорта.

Оливия отползла в свой угол, схватила веревку и начала изо всех сил тереть ее о ржавое железо. Пальцы саднило, из пореза на ладони на веревку текла кровь. Между обнаженными грудями струился пот.

Лопнули еще несколько волокон. Пот заливал Оливии глаза. Дыхание царапало горло. Юджин приближался, она слышала скрип его сапог по сухому снегу, хруст опавших листьев. Оливия удвоила усилия. Она терла все быстрее и быстрее. Боль в теле была оглушающей. Тяжело дыша, Оливия заработала еще яростнее, шум на улице становился все ближе. Почти свободна. Она потянула веревку, но та все еще держалась. *Черт.* Почти ослепнув от паники, Оливия снова начала перетирать веревку, и та наконец лопнула.

Опираясь на колени и одну руку, таща за собой веревку, Оливия добралась до ружья, стоявшего у двери.

Она схватила оружие, подползла к приоткрытой двери и выглянула на улицу. *Он почти дошел до лачуги.*

Оливия оперлась левым боком со сломанной рукой на косяк двери, чтобы не упасть. Приложила приклад к плечу, прижалась к нему щекой и согнула палец на спусковом крючке. *«Теперь осторожно. У тебя только один выстрел и только одна здоровая рука».* Оливия боялась того, что он не умрет, даже если она попадет в него, не остановится и будет продолжать идти, словно монстр из фильма ужасов.

Не сводя глаз с черного силуэта Юджина, на выдохе, она прицелилась и осторожно нажала на спусковой крючок.

Клик.

Сердце упало.

Ружье не было заряжено.

В отчаянии она снова и снова нажимала на спусковой крючок.

Ничего.

В животе костром запылала паника. Понятно, почему он оставил ружье.

Если она попытается выскочить из двери прямо перед его носом и побежать к лесу, он выстрелит. Если он промахнется, ей удастся убежать, так как он ранен. Но с такого расстояния он никогда не промахнется. Он опытный охотник с верным глазом. И у него заряды

двенадцатого калибра. Ими можно остановить нападающего гризли. Она не сделает и пары шагов, когда получит дыру в легких.

На мгновение паника почти полностью затуманила мозг, начала наваливаться чернота. Оливия почувствовала, что теряет сознание.

«Нет. Думай о Тори. Ты не можешь ее предать. Только не сейчас...»

Она заставила себя сосредоточиться и медленно поднялась на ноги, когда его фигура появилась в мерцающем золотом свете, падающем из приоткрытой двери. Оливия прижалась спиной к стене и встала за дверь.

Обеими руками, здоровой и сломанной, сцепив зубы от боли, она подняла ружье высоко над головой и ждала. Ее трясло, во рту пересохло.

* * *

У Коула отлегло от сердца, когда он услышал выстрел. Он вскочил и побежал через поляну к задней стене лачуги с заколоченным окном.

Коул пригнулся у стены, сердце громко стучало в груди, когда он попытался заглянуть в щелку. Ему нужно было убедиться в том, что Гейдж действительно застрелил похитителя и того нет в лачуге. Но под таким углом он видел только маленький огонь в середине комнаты. Потом Коул услышал какой-то шум. Какой-то скрежет.

Коул собрался было двигаться дальше, когда услышал еще какой-то звук в пелене снегопада. Слабый кашель. Коул застыл, прислушался, дыхание клубилось вокруг его лица. Послышался новый приступ кашля. Коулу показалось, что звук шел со стороны фасада.

Потом до него донеслось похрустывание листьев под тонким покрывалом снега.

Шаги. У Коула свело желудок.

Бертон?

Но внезапно появилось плохое предчувствие.

Коул с револьвером наготове тихонько прокрался вдоль задней стены лачуги и обогнул угол.

* * *

Тело Юджина мгновенно напряглось, как только он заметил, что Оливии нет в углу. Но стоило ему войти в лачугу, она опустила ружье ему на голову.

Удар отозвался в ее руках, плечах, шее, зубах. Даже сломанный нос отреагировал на него.

Юджин замер на месте, как будто от удара электрическим током, потом медленно повернулся лицом к ней.

Оливия затаила дыхание, когда встретилась взглядом с его светло-янтарными глазами.

Все происходило словно при замедленной съемке. В мерцающем свете огня она различала каждую деталь, каждый нюанс в лице Юджина, а убийца смотрел ей в глаза. Оливия как будто застряла во времени, которое раскручивалось в обратную сторону, унося ее в сарай в долине Беа-Кло, где он держал ее и насиловал двенадцать лет назад.

В груди нарастало тихое отчаяние.

Все кончено. Все потеряно.

Юджин открыл рот, улыбнулся, но внезапно покачнулся. В этот момент Оливия перехватила ружье, как бейсбольную биту. Со всей оставшейся силой, охваченная желанием жить, она размахнулась и ударила его сбоку по скуле. Оливия услышала, почувствовала, как хрустнула кость.

Она ощутила горечь желчи во рту, когда Юджин дернулся, в его глазах застыло удивление, и он упал назад. Он с громким стуком рухнул на пол. Он пытался нашарить хоть что-то, чтобы ухватиться. Но рука попала в огонь.

Из его груди вырвался вопль боли. Юджин вскочил на ноги и ринулся на Оливию. Он всем телом припечатал ее к стене. Боль пронзила ее голову, ребра. Его крупные руки, словно тиски, сжались вокруг ее шеи, отрывая Оливию от пола. Она не могла дышать. Глаза выкатились. Первым ее порывом было схватить его за пальцы и попытаться разжать их, не дать сломать шею. Но Оливия заставила себя сосредоточиться и попробовала выхватить нож, который, как она помнила, висел в чехле у него на бедре.

Юджин прижался к ней всем телом и сильнее сдавил шею. Перед глазами появилась красная пелена. Сознание ускользало, но Оливия ощутила, что его пенис стал твердым и толкался между ее бедрами в том месте, где была расстегнута «молния» на джинсах. И Оливия сразу вспомнила ощущение его потного голого тела на своем теле, когда его член проникал в нее все глубже. От ярости у нее просветлело в голове. Пальцы коснулись знакомой рукоятки ножа у него на бедре. Оливия вырвала нож из чехла и вонзила его глубоко в бок Юджина, на этот раз направляя нож вверх, к печени. Он застыл, его пальцы слегка разжались. К ней вернулась четкость зрения. Она вытащила лезвие и снова вонзила его. И еще раз. И еще.

Он охнул. Руки повисли вдоль тела. Он сделал шаг назад, взгляд его хищных глаз не отрывался от нее, черты лица исказились от изумления.

Когда Юджин приложил руки к ране на боку, из которой хлестала кровь, Оливия бросилась на него с ножом, крепко зажав его в кулаке. Ее охватило безумное желание выжить любой ценой, навсегда избавиться от него, и она вонзила нож ему в грудь.

Сталь зацепила ребро, рука завибрировала. Оливия вытащила нож из его тела, лезвие блестело от крови. Он рухнул на пол, ударившись головой о камни очага. Пламя коснулось его головы, и комната наполнилась запахом горящих человеческих волос. Оливия рухнула на него и, рыча, ничего не соображая, принялась наносить удары ножом в грудь, в шею, в живот, в лицо. Она смутно понимала, что вокруг кровь. Много крови, горячей и скользкой, на ее руках, лице, обнаженной груди, в ее волосах. Она чувствовала во рту вкус его крови.

Его светло-янтарные глаза смотрели на нее, но уже ничего не видели. Тело обмякло, голова дергалась при каждом новом свирепом ударе ее ножа. Как будто в тумане она услышала свое имя.

«Оливия! Оливия! Прекрати!»

Она почувствовала крупные руки на своих плечах, кто-то схватил ее за запястье той руки, в которой был нож. Кто-то пытался остановить ее, оторвать от этого ублюдка.

Оливия отбивалась. Раздался выстрел.

Она застыла, вся дрожа.

И какое-то время не могла понять, что она видит, что она только что сделала. Оливия повернулась и подняла глаза.

Глава 26

Коул смотрел на сцену, разворачивающуюся перед ним. Эпизод из фильма ужасов.

Оливия, обнаженная до пояса, с расстегнутой «молнией» на джинсах оседлала окровавленного мертвого мужчину, лежавшего на полу. Его влажные волосы тлели в угасающем пламени. Она была забрызгана кровью, глаза были дикими, она не узнавала Коула, крепко сжимая в кулаке огромный охотничий нож.

– Лив, – прошептал Коул, глядя ей в глаза, нагибаясь и засовывая револьвер, из которого он только что стрелял, за пояс джинсов. Запах крови и горелых волос ударил ему в нос. Было и кое-что похуже. Внутренности. Оливия распоролла кишки этому чудовищу, и зловоние было невыносимым. Коул заглянул ей в глаза и осторожно взял за плечи.

– Хватит, достаточно, – негромко сказал он. – Посмотри на меня. Сосредоточься. Он мертв. Умер. Давно умер.

Она смотрела на него пустыми глазами, тяжело дыша открытым ртом.

У Коула защемило сердце.

– Успокойся, Лив, иди ко мне.

Он поднял Оливию с тела убийцы и обнял ее мокрое окровавленное тело. Он крепко прижал ее к себе и слегка покачивал, глядя по спутанным волосам.

– Все в порядке, – пробормотал он, уткнувшись в ее волосы. – Все кончено. Ты справилась. Ты убила его.

Он взял ее лицо в ладони, заглянул в глаза.

– Ты слышишь меня, Лив?

Рот у нее был открыт, но она не могла произнести ни слова, крупная дрожь сотрясала все тело. Ухо было надорвано, из него текла кровь. Нос явно сломан. Лицо порезано и опухло. Коул быстро стянул с себя пуховик и начал натягивать на Оливию.

Но она задохнулась от боли, когда он попытался сунуть ее руку в рукав. От боли Оливия немного пришла в себя.

– Где больно?

– Рука, – прошептала Оливия. – Сломана, я думаю.

Коул снова попытался одеть ее, на этот раз осторожнее обращаясь с левой рукой. Ему удалось натянуть рукав на сломанную руку, правую руку она просунула сама.

Коул застегнул «молнию» на куртке. Взгляд Оливии упал на искромсанное тело на полу.

– Я... я... убила его.

Он взял в ладони ее лицо, заставляя смотреть на него, а не на кровавое месиво возле очага.

– Да, – спокойно подтвердил Коул. – Больше не думай об этом. Не смотри на него. Он в прошлом. Иди сюда.

Он увел ее от тела в угол комнаты, помог ей сесть. Оливия прислонилась к стене и обмякла. Силы закончились.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, какие у тебя травмы.

Она посмотрела на него, явно не понимая.

– Твоя рука сломана, – подсказал Коул. – Нос тоже сломан.

Он осторожно дотронулся до него, Оливия поморщилась. Он сунул руку в карман за отцовским носовым платком. Легкими касаниями он вытер кровь с ее лица. По большей части это была кровь похитителя, если не считать засохшей крови вокруг надорванного уха и ссадины на скуле. Сердце заболело от жалости к ней. Коул нежно улыбнулся, его переполняли облегчение и любовь.

– С тобой все будет в порядке, Лив, – пообещал он. – Все будет замечательно. Ты слышишь меня?

Оливия кивнула, сглотнула.

Потом заморгала.

– Как... как ты нашел меня? – Она нахмурилась, вспоминая. – Тот самолет... Это был ты?

Он кивнул.

Оливия внезапно вцепилась ему в руку, ее глаза наполнились слезами.

– Эйс? Это был Эйс? Я слышала выстрел. Он застрелил Эйса?

Она опять побелела как полотно, ее снова затрясло.

– Нет, – ответил Коул, хотя не знал этого наверняка. Пока не знал. Но намеревался выяснить это как можно скорее, потому что в этот момент Оливии больше всего на свете был нужен ее пес. Коул тревожился и о Бертоне. Он бросил взгляд на труп, потом осмотрел всю комнату. В углу увидел старый полусгнивший брезент.

– Подожди здесь.

Коул поднялся на ноги, взял брезент. Из складок посыпалась труха, полетела пыль, когда он набросил его на труп. Ухватив тело за ноги, Коул оттащил его от очага и поспешил подбросить в огонь несколько деревяшек, пока угли не погасли.

Потом вернулся к Оливии.

– Я пойду и посмотрю, что там снаружи, ладно? Ты побудешь немного одна?

Она сглотнула, встретилась с ним взглядом. Коул знал, что Оливия думала об Эйсе. От тревоги у него так свело желудок, что Коул даже дышать не мог. Он взял ее холодные руки в свои.

– Я вернусь через минуту. Просто не смотри на него, ладно? Даже не думай об этом.

Оливия кивнула.

Коул вышел из лачуги. По-прежнему валил густой снег. Испытывая беспокойство, он пошел по поляне к той канаве, в которой Бертон должен был лежать в засаде, поджидая убийцу. Когда Коул подошел ближе и его глаза привыкли к полумраку, он увидел примерно в двадцати метрах от себя черный силуэт, лежавший на снегу. Коул похолодел и рванулся вперед.

– Бертон?

Фигура не шевельнулась. На нее ложился снег. Не раздалось ни звука.

Коул взял Гейджа за плечо и перевернул на спину. Сердце у Коула упало, когда голова Бертона откинулась назад. Из уголка рта текла кровь. И из огромной дыры в груди.

Коул пощупал пульс, понимая, что это бессмысленно. Гейдж был мертв. Похититель Оливии сумел догадаться об их плане. Собака хоть и выманила его из дома, но, должно быть, вызвала подозрение у опытного охотника. Ожидая засады, он, вероятно, подошел к Бертону со спины.

Дерьмо.

Коул провел рукой по мокрым от снега волосам. И вдруг испугался. А что с Эйсом?

Коул схватил дробовик, лежавший рядом с Бертоном, и побежал к тому месту, где они привязали собаку.

– Эйс! Приятель! Ты в порядке? – крикнул Коул.

Тишина.

Но, оказавшись под деревьями, он услышал коротенький визг и едва не упал от облегчения.

Старый пес снова хрипло залаял, на этот раз громче, и натянул поводок, чтобы оказаться рядом с Коулом.

Тот рухнул перед ним на колени. Ероша шерсть, Коул отстегнул шлейку.

– Кое-кому ты сейчас очень нужен, парень. Больше, чем когда бы то ни было. Вперед! Ищи Оливию!

Эйс пулей вылетел из леса, пробежал по склону и помчался по заснеженному полю. Коул бежал следом с поводком в одной руке и дробовиком в другой. Вскоре они добрались до лачуги.

Эйс просочился в полуоткрытую дверь и бросился к Оливии.

Она судорожно всхлипнула и обхватила пса руками, зарылась лицом в его шерсть, чуть покачиваясь и обнимая его. Коул вошел в домик и остановился у порога, наблюдая за Оливией и ее собакой. На глаза навернулись слезы.

Он дал им побыть вдвоем. Эйс повизгивал, лизал ей лицо. Когда Оливия подняла взгляд, ее глаза показались Коулу огромными на белом как мел лице, покрытом запекшейся кровью, синяками и порезами.

Он не стал сразу говорить ей о Гейдже Бертоне. Это могло подождать.

Коул присел на корточки рядом с Оливией и убрал спутанные волосы с ее лица.

– А теперь позволь мне осмотреть твои раны.

Она не отвела глаз, прижалась к нему и положила голову ему на грудь. Сердце Коула едва не разорвалось. Оливия не шевелилась, как будто черпая силы в его присутствии. Медленно, осторожно он обнял ее. Сама Оливия обеими руками обнимала Эйса.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо, что пришел за мной, что нашел меня, что сумел выманить его. Я... я бы иначе не справилась. Он... увез меня...

– Все закончилось, Лив. – Коул легко поглаживал ее по волосам.

Она кивнула, не поднимая голову с его груди.

– Мой спутниковый телефон, – спохватилась Оливия. – Он в кармане его куртки. Он отобрал его у меня и положил себе в карман.

– Через минуту, – пообещал Коул. – Я возьму его через минуту.

Он закрыл глаза, прижимая ее к себе, и мысленно благодарил Вселенную за то, что эта женщина – *его* женщина – осталась в живых. Что он появился вовремя. Что, может быть, у них будет второй шанс. Теперь для них обоих.

Глава 27

При свете небольшого огня, который поддерживал в очаге, Коул выслушал рассказ Оливии, пока, как мог, обрабатывал ее раны и накладывал повязки с помощью того, что нашлось в аптечке первой помощи. Он уже позвонил по ее спутниковому телефону, который вытащил из кармана куртки Юджина.

– Я слышал о проблемах подчинения и власти между близнецами, – сказал Коул. – Но в данном случае они приобрели извращенную форму. Получается, что источником этих проблем была мать. Судя по тому, что он тебе сказал, это она вбила такую мысль ему в голову.

Он снял упаковку со стягивающего пластыря и наложил его на разрыв под ухом Оливии, аккуратно соединив края раны. Она поморщилась, на глазах выступили слезы.

– Определенно, именно этим объясняется результат теста ДНК, который помог обвинить Себастьяна. И поэтому ты указала на него в полиции во время процедуры опознания.

– Где Тори? – спросила Оливия после долгого молчания.

– С моим папой.

– Как тебе удалось выбраться из Броукен-Бар в такой буран?

Коул печально улыбнулся.

– Думаю, нам помогли. Не спрашивай.

Он помолчал, выпрямился, осмотрел повязки, потом перевязь, которую соорудил для ее сломанной руки.

– Иногда, – негромко продолжил он, – я задумываюсь о том, не существует ли более масштабный план, не случается ли только то, что должно случиться. И не должен ли я был вернуться в Броукен-Бар только для того, чтобы встретить тебя.

Ее грустные глаза посмотрели на него. Здоровая рука все еще лежала на спине Эйса.

– Об этом я когда-то спросила Мелоди Вандербильт. Она была женой Гейджа, журналисткой, которая приходила ко мне в больницу и сидела со мной. Я спросила ее, как она думает, можем ли мы точно указать момент, когда наша жизнь сталкивается с жизнью другого человека... – Взгляд Оливии стал острым, как только она осознала

сказанное Коулом. – Если Тори с Майроном, то где тогда Гейдж? Он же не прилетел с тобой?

– Оливия...

– О боже, нет... Тот выстрел...

– Он бы этого хотел, Лив. Бертон умирал, конец был уже близок. И ему надо было довести до конца это дело. Все эти двенадцать лет он был убежден в том, что настоящий убийца остался на свободе. И доказал это. Бертон нашел его. Коп нашел убийцу, которого искал.

Оливия покосилась на труп под брезентом, и по ее телу пробежала дрожь.

– А еще Бертон познакомил тебя и Тори.

– Она потеряла *обоих* родителей, – прошептала Оливия. – Как... как девочка с этим справится?

– У нее есть ты.

Коул выдержал ее взгляд.

– Мы справимся, Лив. Вместе.

Она смотрела на Коула, по ее лицу пробегали разные эмоции, пока она осознала подтекст его слов. Наконец в глазах заблестели слезы. И когда Коул увидел их, у него сдавило сердце. Она возвращалась. Они с этим справятся.

– Я хочу увидеть Гейджа.

Он подумал немного, вздохнул и медленно кивнул.

– Думаешь, ты сможешь идти?

– Да, – негромко ответила она.

* * *

Коул взял Оливию под руку и повел ее на улицу. Занималась заря, и ночь стала лишь на один тон светлее.

Оливия моргнула. У нее было такое ощущение, будто она перешла из одной реальности в другую. Она посмотрела на Коула. Глаза у него потемнели, он смотрел пристально, взгляд был полон вопросов и тревоги. В его прикосновении она чувствовала сострадание, любовь. И в этот момент, в этом ответном взгляде, когда Коул держал ее под руку, а она на него опиралась, Оливия поверила, что сможет полюбить его в

ответ. Возможно, настанет день, когда она снова научится доверять другому человеку.

– Что? – спросил Коул.

– Я... нет, ничего.

Он выдержал ее взгляд еще несколько секунд, потом спокойно кивнул. Как будто прочел ее мысли. Как будто по ее лицу понял, о чем она думает. Но он не собирался давить на нее. Оливия поняла, что Коул Макдона никогда не будет ее торопить. Несмотря на все то, через что ей пришлось пройти за последние несколько часов, в груди появилось теплое чувство. Это ощущение Оливия не могла бы выразить. Да и не хотела. Пока не хотела.

Коул уводил ее прочь от заброшенной лачуги. От тела Юджина. Эйс шел за ними по пятам. Тяжелые облака висели низко, туман был густым. Выпало уже несколько футов снега, и снегопад все еще продолжался.

Когда они подошли к сугробу, Оливия услышала слабый гул вертолетов над облаками. Сердце пропустило удар. Она посмотрела вверх, на рваные полотнища тумана. Пилот ни за что не посадит машину в таких условиях. И все же хорошо, что они прилетели. На этот раз она больше не была одна.

Коул присел на корточки, слегка смахнул снег с тела Бертона.

– Смахни снег с его лица, – попросила Оливия.

Коул выполнил ее просьбу. Широко открытые, замерзшие глаза взглянули на них.

Оливия долго смотрела на тело. Наконец она негромко сказала:

– Я не могу поверить в то, как переплелись наши жизни. Гейджа, Тори, Мелоди. Моя. Юджина. Все эти годы они были связаны между собой, а я об этом не знала.

Коул сжал ее пальцы. Она отпустила его руку и осторожно присела на корточки. Эйс уселся рядом с ней.

– Я позабочусь о ней, о нашей девочке, – прошептала Оливия. – Обещаю. – Она протянула руку и аккуратно закрыла голубые глаза сержанта Гейджа Бертона. – Я сделаю все, чтобы она гордилась вами.

Голос Оливии прервался.

Между заснеженными елями вздыхал ветер, в воздухе кружились снежинки.

Она встала, замялась, потом все же решилась:

– Я не знаю, что на меня нашло там, в лачуге.

Оливия посмотрела на свои руки, все еще запятнанные кровью Юджина.

– Я даже не помню, как била его ножом.

– Ты хотела жить. Это была самозащита.

– Это выход за пределы необходимой самообороны. У меня будут из-за этого проблемы.

– Сомневаюсь в этом, Лив.

Оливия посмотрела Коулу в глаза.

– Что бы ни случилось, – он не отвел взгляда, – ты не одна. Я с тобой.

Когда до них донесся грохот снегоходов в чаще леса, Коул обнял Оливию.

– Готова?

Она кивнула.

Коул зарядил сигнальную ракету из набора для оказания первой помощи и выстрелил в облака. Розовый огонь вспыхнул в тумане, превратился в яркий зонтик, повис между деревьями.

С хребта спустилась целая армия полицейских, парамедиков, волонтеров-спасателей на снегоходах.

Коул крепче прижал к себе Оливию.

– Пора возвращаться домой, – сказал он.

Они стояли в свете фар под розовым облаком сигнальной ракеты, когда коп с первого снегохода оставил свою машину, снял шлем и быстрым шагом направился к ним. А с ним шел еще один полицейский. Два парамедика тоже оставили свой снегоход и побежали к ним.

Коул выступил вперед, чтобы приветствовать офицера.

– Я – Коул Макдона. Это Оливия Уэст. Она нуждается в немедленной медицинской помощи.

Коп пожал ему руку, но взгляд метнулся в сторону.

– Сержант Якима, отдел по расследованию убийств, – представился он, когда парамедики окружили Оливию. – Это констебль Мартинелло.

Он мотнул головой в сторону второго полицейского, который снимал шлем. Они увидели белокурые волосы, собранные в «конский хвост». Лицо женщины порозовело от холода.

Женщина-полицейский кивнула Коулу и сразу подошла к Оливии, присоединившись к парамедикам. Остальные полицейские занялись осмотром места преступления.

* * *

Тори держала старика за руку. Он лежал в постели, и ему было очень больно. Узловатые пальцы крепко вцепились в руку девочки, как будто это был спасательный трос. Тори сглотнула, ее охватило чувство огромной ответственности. На мгновение ей показалось, что она – мост, соединяющий два берега. И если она сможет продержаться достаточно долго, то старик дождетса возвращения ее папы, Оливии и Коула.

Полицейские были в библиотеке этажом ниже, но один – приятный на вид, молодой – оставался с ней в комнате. Он сидел в кресле в углу, возле обогревателя. Его телефон зажужжал.

Офицер ответил, негромко что-то сказал, потом посмотрел на Тори и объяснил:

- Они его взяли.
- Оливия жива?
- Да. Она в безопасности. С Коулом.

Тори встала со своего кресла, продолжая держать руку Майрона.

– А мой отец?

Офицер ответил не сразу. Он встал, подошел, положил руку ей на плечо. В его глазах появилось странное выражение. Он как будто готовился к тому, чтобы сообщить ужасную новость. И Тори поняла. Она сразу все поняла.

- Твой папа знал, что это самое тяжелое в работе копа...
- Он умер?
- Мне жаль, Тори.

Сердце у нее упало. Она крепче вцепилась в руку Майрона и подошла ближе к кровати.

– Что... случилось?

– Твой отец погиб как герой, Тори Бертон, – сказал молодой полицейский, его голос дрогнул, глаза заблестели. – Он настоящий

герой. Он нашел убийцу. После всех этих лет, когда ему никто не верил, он нашел убийцу из Уотт-Лейк.

Тори сжала губы. Внутри у нее все дрожало.

Она почувствовала, что Майрон сжимает ее пальцы, и посмотрела на него. Глаза у него были открыты. Старик смотрел на нее, прямо ей в душу. От эмоций у Тори заложило нос и горло. Она не знала, как поступить, что сказать.

– Как это случилось? – снова спросила Тори.

– Во время спасения Оливии Уэст он получил смертельное ранение в сердце.

Она отвернулась. За окном светало. День был холодным, зимним. Новый день. И весь мир изменился. Она больше не была ребенком. Тори даже не знала, кто она теперь.

– Тори, – прошептал старик, – он... герой. Он сделал это ради тебя.

Она посмотрела на него, потом на копа.

– Принести тебе что-нибудь? – спросил офицер.

Она покачала головой и снова медленно опустилась в кресло у кровати Майрона, не выпуская его руку из своей. Прошло много времени, и коп ненадолго вышел, чтобы ответить еще на один звонок.

Тори почувствовала, что старик как-то иначе сжимает ее пальцы. Воздух в комнате внезапно стал холодным. Она подняла глаза, ощутив чье-то присутствие.

Как будто порыв ветра оказался рядом с Майроном. На долю секунды Тори увидела силуэт женщины, похожей на ту, которую она видела на фотографии у постели старика, но потом фигура исчезла. И тогда Тори увидела другое лицо. Это было лицо ее матери – лицо Мелоди. Она улыбнулась и протянула Тори руку. Сердце девочки наполнилось теплом. И лицо растворилось в воздухе.

Тори посмотрела на старика.

– Майрон? – шепотом позвала она, вскакивая на ноги. Он не шевелился. Она осторожно дотронулась кончиками пальцев до его щеки. Кожа у старика была ледяной.

Но его губы улыбались.

День благодарения. Вечер.

Полиция на снегоходе привезла из Клинтона психолога, чтобы она осталась с Тори и поговорила с ней.

И теперь женщина в кухне готовила ужин для них обеих.

Тори оставалась в библиотеке. Это была самая теплая комната в большом доме, потому что в камине разожгли сильный огонь. Пустое инвалидное кресло Майрона стояло у камина. Тори смотрела в окно, чувствуя внутри пустоту и неуверенность. В синеватом вечернем свете снег лежал плотным ковром. Было тихо. Это было «око» бурана, и весь мир казался неподвижным и застывшим. Психолог сказала, что следующий фронт ожидается к полуночи.

Тори услышала гул. Это был звук вертолета. Она насторожилась, выглянула в окно и увидела вертолет. Двигатель громко стучал. Деревья согнулись, и снег закружился, когда вертолет начал спуск.

Тори развернулась, побежала вниз по лестнице, выскочила на крыльцо и резко остановилась. Она вдруг испугалась.

Вертолет приземлился недалеко от большого дома, где не было телефонных проводов и линий электропередачи.

Лопастей замедлили вращение, открылась дверца. Из кабины выскочил мужчина. Коул. Он помог выйти другому человеку. Оливия. Рука у нее была на перевязи. За ними выпрыгнул Эйс. Коул обнял Оливию за плечи, и, пригнувшись, они пробежали под винтами. Как только они оказались в безопасной зоне, Коул поднял вверх два больших пальца, и лопасти вертолета снова набрали обороты. Вертолет оторвался от земли и исчез в облаке.

Тори медленно приблизилась к краю крыльца.

Коул и Оливия направились к большому дому, Коул по-прежнему обнимал ее за плечи. У Тори сжалось сердце, к глазам подступили слезы. Она сбежала по ступенькам и по снегу помчалась к ним. Оливия опустила на корточки. На ее лице был пластырь. Тори остановилась. Их глаза встретились.

Они обе замерли в нерешительности, все невысказанные вопросы о будущем множились между ними в леденящей тишине.

Оливия отвела в сторону здоровую руку и позвала девочку:

– Тори, иди ко мне.

По щекам Тори потекли слезы.

Оливия крепко обняла ее здоровой рукой. Так крепко, что девочка едва могла дышать. Оливия не хотела отпускать дочь, она уткнулась лицом в ее волосы, впитывая ее запах.

– Тори, – повторила она, – социальный работник сказала мне, что ты знаешь, кто я.

У Тори все внутри замерло, она кивнула.

Оливия отодвинулась от нее, по-прежнему сидя на корточках в снегу. Их глаза встретились, и Тори вдруг поняла, что они одинакового цвета. В сердце что-то дрогнуло. Это была ее мать, ее биологическая мать. Тори действительно была частью этой храброй женщины, о которой она прочла в маминой книге. И ее охватила гордость. Оливия смогла выжить. Она была крутой.

– Моя мама, Мелоди, любила тебя, – тихонько произнесла Тори.

Оливия сжала губы, она как будто потеряла способность говорить.

– Она написала книгу, чтобы я прочла ее, когда буду готова, – продолжала Тори. – Я... – Ее голос дрогнул, у нее перехватило горло. – Я... не знаю, что теперь делать.

Оливия взяла ее за руку.

– Мы позвонили тете Луизе, – мягко ответила она. – Твоя тетя летит сюда, чтобы увидеться с тобой. Она будет здесь завтра утром. Если погода окончательно испортится, Коул встретит ее на снегоходе.

– Тетя Лу на снегоходе?

Оливия кивнула.

– Она сама настояла на этом. Она приедет обязательно, ее ничто не остановит.

– Мой папа... он бы решил, что это забавно. Тетя Лу на снегоходе. Она довольно толстая. И любит командовать.

Оливия улыбнулась, ее глаза заблестели от слез.

– Я не хочу ехать в Онтарио, – продолжала Тори. – Я... я не хочу жить с тетей Лу.

Горячие слезы снова подступили к ее глазам, и она постаралась сдержать их.

– Мы это уладим. – Оливия посмотрела на Коула. – Шаг за шагом. Это будет только твой выбор, Тори, но я хочу, чтобы ты знала: мое сердце, мой дом, это место – все это твое. Если бы ты захотела остаться... – Оливия помолчала, пытаясь справиться с эмоциями. – Мне бы очень хотелось, чтобы ты осталась. И Коул этого хотел бы.

Майрону бы тоже понравилось, если бы на этом ранчо, в этом старом доме жила семья.

В ушах Тори зазвучал какой-то шепот, она слышала его всем своим сердцем, всем телом, всей душой. И внезапно она поняла, что это голос матери, доносящийся до нее как будто из другого мира: *«С тобой все будет в порядке, Тори. Ты найдешь новый дом. Здесь, с этими двумя людьми. Я тоже этого хочу. Мы присматривали за тобой и ждали, когда ты и твоя мама будете готовы к этой встрече, а твой отец убедится в том, что вы обе в безопасности...»*

Тори порывисто обняла Оливию.

Оливия всхлипнула, вытерла нос рукавом. Она не могла говорить, но Тори все увидела в ее глазах. Любовь. Откровенную, цельную, поглощающую, безраздельную любовь матери к своему ребенку.

Тори посмотрела вверх, на Коула. Глаза у него потемнели, лицо напряженно застыло.

– Майрон умер, – негромко сказала Тори.

Он кивнул, положил большую теплую руку ей на плечо.

– Я держала Майрона за руку, – продолжала Тори. – Он пытался дождаться тебя. Держался до последнего.

В глазах Коула заблестели слезы.

– Он улыбался, – совсем тихо добавила она.

У него задрожали губы, и он обнял Тори за плечи.

– Идем, – сказал он низким голосом, – на улице становится холодно.

Они втроем пошли к дому в сопровождении Эйса. Одной рукой Коул обнимал за плечи Оливию, другой – Тори. Это была семья, созданная судьбой. Они шли к старому большому дому на ранчо Броукен-Бар. Теплый золотистый свет лился из его окон в холодные снежные сумерки.

Слова благодарности

По крайней мере, один раз за лето мы с моим мужем Полом загружаем вещи в дом на колесах и направляемся на север вместе с нашим псом, черным лабрадором. Мы едем в Карибу, где проводим дни, а иногда и недели на озере Биг-Бар. Это настоящий кусочек рая.

Время от времени мы останавливаемся в кемпинге на дальнем конце аквамаринового озера с белыми мергельными отмелями. Там мы ловим радужную форель. Но чаще мы останавливаемся на особом участке земли, которым с нами любезно делятся Том и Дженнифер Коул. Именно там, под просторным небом, в окружении бесконечных лесов, с горами Мраморного хребта вдалеке, пугающим лаем койотов, который эхом отзывается в сумерках, родилась история об Оливии и Коуле. Я благодарна вдохновившим меня Тому и Джен, которые познакомили нас с этим местом. Я благодарна своему мужу Полу, который научил меня ловить форель на приманку и приобщил к эзотерическому искусству вязания мушек и волшебству наблюдения за природой, чтобы понять, на какую наживку клюнет рыба.

Я благодарна Деборе Немет за помощь в редакции. Спасибо вам, ДжоВон Сотак, за то, что этой книгой занималось агентство Montlake; Келли Мартин – за финишную отделку моего романа; и всей команде издательства Amazon Publishing, благодаря которой книга увидела свет. Огромная благодарность Джоанне Уайт за замечательные материалы для рекламы. И, как всегда, я благодарна моему товарищу по писательскому цеху Мике Стоун, которая всегда дает мне пинка или подбадривает подзатыльником в тот момент, когда я сильнее всего в этом нуждаюсь!

notes

Примечания

1

Программа для часто путешествующих и надежных граждан США и Канады (*прим. переводчика*).

2

Брак, супружество (*греч.*).

3

Российский размер 44 (*прим. переводчика*).

4

Интегрированная группа по расследованию убийств (*англ.* IHit, Integrated Homicide Investigation Team).

5

1 дюйм = 2,54 см.

6

Поселенцы на не занятой или государственной земле (*прим. переводчика*).

7

1 фунт = 453,6 грамма.

8

Высококачественный инструмент для профессионалов, давно ставший легендой, известной фирмы Leatherman. Основой являются пассатижи с полыми ручками, в которые можно спрятать любые инструменты (*прим. переводчика*).

Table of Contents

[Лорет Энн Уайт Приманка для моего убийцы](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Слова благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

5
6
7
8

